

ПУТЬ РОССИИ

АЛЕКСАНДР ДУГИН

ПРОЕКТ «ЕВРАЗИЯ»

ЯУЗА

АЛЕКСАНДР
ДУГИН

ПРОЕКТ

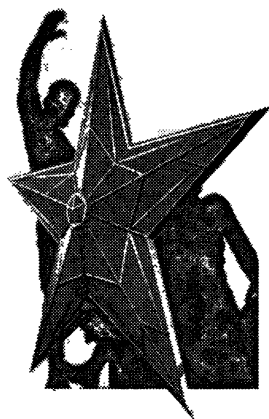
География —
наша
судьба

«ЕВРАЗИЯ»




ПУТЬ РОССИИ

ПУТЬ РОССИИ



 **АЛЕКСАНДР
ДУГИН**

**ПРОЕКТ
«ЕВРАЗИЯ»**

Москва «Яуза»
2004 

ББК 66.3(2Рос)3
Д 80

Оформление художника *А. Мусина*

Д 80 **Дугин А. Г.**
Проект «Евразия». — М.: Эксмо, Язуз, 2004. — 512 с.
ISBN 5-699-05613-0

Что нужно сделать для того, чтобы Россия исполнила свое историческое предназначение, стала действительно великой мировой державой, центром Евразийской Империи, призванной победить атлантистскую империю США? Как противостоять влиянию Цивилизации Моря? Эти и другие вопросы рассматривает в своей книге известный геополитик, лидер Движения «Евразия» А. Г. Дугин.

ББК 66.3(2Рос)3

ISBN 5-699-05613-0

© А. Г. Дугин, 2004
© ООО «Издательство «Язуз», 2004
© ООО «Издательство «Эксмо», 2004

Русь-Евразия

ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ РУСИ

Модели осмысления русской истории: отступление о методе

История — это дисциплина, отражающая мировоззренческие установки того общества, в котором ее изучают. В зависимости от этих установок варьируются не только нюансы оценок или моральные знаки, поставленные перед теми или иными событиями и персонажами, но и сама *методология*. В зависимости от того, кем и в каких исторических условиях написана история народа (государства), в зависимости от национальности, конфессиональной и идеологической, а также классовой принадлежности автора (группы авторов, целой исторической школы) мы заведомо будем иметь *разные* результаты. История не может быть «строгой наукой», это типичная гуманитарная область, в которой отражается структура человеческого духа, всегда осуществляющего (сознательно или бессознательно) цепочки сложнейших выборов.

Русская история во всех ее версиях также является *продуктом мировоззрения*. Поскольку Россия всегда выдвигала довольно амбициозные исторические проекты с отчетливо выраженными «универсализмом» и «мессианством», то ее соседи и тем более соседи с Запада, обладающие своими собственными, весьма отличными от русских, «универсализмом» и «мессианством», выработали довольно критическую «концепцию русской истории». Естественно, эта «внешняя версия» русской истории была чрезвычайно пристрастна, хотя в совершенно ином ключе и с совершенно иным семан-

тическим рисунком, нежели разновидности русской истории, написанные русскими. Это замечание чрезвычайно важно для нас. Когда мы имеем дело с описаниями и исследованиями русской истории, предпринятыми *западными* авторами, мы должны постоянно иметь в виду, что они, прямо или косвенно, сознательно или по инерции воспроизводя глубинные культурные клише, на парадигмальном уровне движимы подспудным стремлением либо «разоблачить» претензию на «универсальность», отличную от их собственной, либо «доказать ее несостоятельность», либо подчеркнуть те издержки, которые она несет в себе, либо высмеять ее. Западный человек, хочет он того или нет, всегда бдительно стоит на страже своего цивилизационного кода, а следовательно, все предлагаемые им версии русской истории скрывают под собой невысказанную, но вполне ощутимую «геополитическую цель». Это обстоятельство гораздо древнее идеологических коллизий времен «холодной войны» и противостояния двух мировых систем. Запад формировал отрицательное отношение к православному Востоку (Византии) начиная с IX века, а в XI веке отнесение Православия к «восточной ереси» (к разряду «схизматиков») стало религиозной (и цивилизационной) нормой западного христианства.

По мере секуляризации западного сознания религиозно-догматические претензии уходили на задний план, но сама тенденция не исчезала, приобретая иные выражения, более свойственные светскому мышлению. Русские из «еретиков, не признающих власть папы» превратились в «варваров», носителей «средневекового духа», «абсолютистского мракобесия». После Октябрьской революции все это перенесли на режим Советов.

В настоящее время наиболее расхожие аргументы Запада в пользу «ненормальности» России — это «несоблюдение прав человека» и «криминальный характер экономики».

С IX века (применительно к православной Византии) до XXI века (применительно к «демократической» России) мы видим со стороны Запада приблизительно одно и то же *устойчиво негативное* отношение, которое оформляется в зависимости от мировоззренческих клише, свойственных каждой эпохе.

Конечно, эта геополитическая пристрастность иностранцев при рассмотрении русской истории не является достаточным аргументом, чтобы вовсе пренебречь их трудами, которые подчас дают много полезных сведений и содержат интересные выводы и заключения. Однако при изучении таких трудов мы просто обязаны делать постоянные поправки, связанные с «культурным фоном» западных авторов, тщательно отделять слой «русофобских презумпций» от действительно ценных элементов. Иными словами, изучение иностранных версий русской истории должно быть делом *зрелых людей*, обладающих ясным национальным самосознанием и способных к совершению довольно тонких операций с парадигмальными основами мышления. Такие пособия ни в коем случае не должны использоваться в практике обучения незрелого юношества¹.

К великому сожалению, на практике дело обстоит иначе. Взгляд на национальную историю «извне» не просто активно тиражируется в России, но и некритично усваивается даже вполне авторитетными учеными, а это, в свою очередь, порождает обманчивое впечатление, что в национальном контексте возможен произвольный выбор взгляда на свою собственную национальную историю — можно смотреть на нее «изнутри», а можно «извне», и те, и другие примеры подтверждаются ссылками на авторитетных авторов с рус-

¹ Вопиющим нарушением этого, казалось бы, само собой разумеющегося правила является попытка навязать в качестве учебных пособий для российских школьников серию учебников по отечественной истории, выпускаемых фондом Сороса и написанных иностранными авторами, не скрывающими своей враждебности к любым проявлениям российской самобытности.

скими именами. В силу определенных исторических причин взгляд некоторых россиян на Россию и ее историю формировался в контексте своего рода «экстерриториальности». Форма высказывания «эта страна» по отношению к Родине, печальная традиция «русофобии» со стороны самих русских имеет, увы, историю гораздо более длительную, нежели смутное время новейших либеральных реформ¹.

Поэтому сегодня как никогда важно навести в этом вопросе порядок, выяснить основные параметры *русской идентичности*, развитие формулы Национальной Идеи на разных этапах истории.

Предмет такого рода исследований во многом зависит от точки зрения. Но в любом случае начинать следует с того, чтобы поставить определенный *интеллектуальный фильтр* перед парадигмальными влияниями западного подхода («западного» в широком смысле — то есть включая взгляды на Россию собственно западных историков и тех россиян, которые находятся под западным влиянием).

Однако и этого недостаточно. Необходимо внимательно исследовать парадигмальные основания различных этапов национальной исторической школы — от летописца Нестора и авторов «Слова о полку Игореве» до наших современников. Эти парадигмальные основания, безусловно, столь сильно влияют на конечный результат, что без их учета мы рискуем получить совершенно дисгармоничную картину прошлого.

Среди наиболее внушительных парадигм в русской исторической мысли можно выделить следующие семейства:

¹ Современным образцом «экстерриториального» взгляда являются книги историка А. Янова, эмигранта из СССР, получившего американское гражданство и создавшего «образцовую» версию русофобского взгляда на историю России. Янов не задумываясь отождествляет любые формы самобытности России с «фашизмом» и для пущего впечатления вместо понятия «самобытность» употребляет без перевода немецкий термин из нацистского лексикона «Sonderweg».

- *национал-консервативная школа* (С. С. Уваров, К. П. Победоносцев, Д. И. Иловайский и т. д.);
- *революционно-демократическая школа*, позже развившаяся в марксистско-советскую (от А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, П. Л. Лаврова, Г. В. Плеханова, М. Н. Покровского и т. д. до советских историков-марксистов);
- *либерально-этанитарная*¹ западническая школа (от Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского до Б. Н. Чичерина, К. Д. Кавелина, П. Н. Миллюкова и П. Б. Струве);
- *славянофильско-евразийская школа* (А. С. Хомяков, И. В. Кириевский, братья А. С. и К. С. Аксаковы, К. Н. Леонтьев, Н. Я. Данилевский, кн. Н. С. Трубецкой, Г. В. Флоровский, Г. В. Вернадский, П. Н. Савицкий, Н. В. Устрялов²).

Эти школы, доминировавшие на определенных этапах, описывали и расценивали эволюцию Национальной Идеи совершенно по-разному. По-разному определяли они и сущностную *идентичность* России как

¹ Мы используем термин «либерал-этанитарная школа» для характеристики исторических воззрений русских западников, которые, с одной стороны, придерживались умеренно либеральных взглядов на общественные и классовые проблемы, а с другой — были сторонниками «государства-нации» в классическом для их времени европейском понимании.

² Основатели русской исторической науки В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, Ф. И. Миллер, Г. З. Байер, А. Л. Шлецер и т. д. едва ли могут быть точно отнесены к какой-то из четырех перечисленных категорий. Можно сказать лишь, что Татищев и Ломоносов повлияли впоследствии на славянофилов и евразийцев, а обрусевшие немцы Миллер, Байер, Шлецер — на западников. Позиции основных выделенных нами исторических школ можно условно соотнести с «правым центром» (национал-консервативная позиция), с «левым центром» (либерал-этанитаризм), с «крайне левыми» (революционные демократы) и «крайне правыми» (славянофилы-евразийцы). Показательно, что в феномене народничества (позже эсеров) крайне правые и крайне левые сходятся, а центристы совпадают в том, что можно назвать полюсом романовской политической системы или собственно режимом.

главного объекта исторического исследования. В одном случае субъектом истории выступало преимущественно *Государство* (национал-консервативная и либерал-этатистская школы), в другом — *народ* (революционно-демократическая школа), в третьем — *классы* (марксистская школа), в четвертом — *хозяйство* (либеральная и социалистическая школы), в пятом — *геополитическая общность, цивилизация* (славянофилы, евразийцы).

Поскольку в зависимости от той или иной школы меняется основополагающее выделение *самого предмета исследования*, простым механическим соединением этих позиций объективного описания Национальной Идеи получить невозможно, а сильное влияние пристрастной западной парадигмы (особенно заметной в либерал-этатистском и национал-консервативном подходах, но также повлиявшей на революционно-демократический и марксистский классовый метод) еще более усугубляет дело.

И не случайно, когда в современной России возникла потребность в Национальной Идеи, любые попытки формулировать эту идею давали хаотичные и несостоятельные результаты. Предварительной и кропотливой работой по выяснению сложного переплетения парадигм заниматься никто не захотел. А если добавить к этому окончательно путающий карты остроумный «исторический нигилизм» творцов «новой хронологии» и нарождающуюся диктатуру «либерального западничества» в сфере истории, то даже приближение к выяснению сущности Национальной Идеи становится более чем проблематичным.

Но сложность задачи не должна нас останавливать. Не имея здесь возможности должным образом останавливаться на описании основных парадигм, продемонстрируем лишь в самых общих чертах то, как видит Национальную Идею и ее эволюцию парадигма *славянофильско-евразийская*, наиболее близкая автору этих

строк. Вместе с тем представляется весьма желательным, чтобы историки с иными мировоззренческими наклонностями проделали нечто аналогичное в области остальных парадигм. Результат сопоставления этих моделей мог бы существенно помочь нам в поиске самоидентификации.

Московское Царство как квинтэссенция (средостение) национальной истории

Славянофильско-евразийская парадигма исходит из предпосылки, что *высшим моментом русской национальной истории был 200-летний период Московского Царства*. Именно здесь следует искать *контуры русской идентичности*. Все предшествующее в таком случае можно рассматривать как прелюдию к Московскому Царству, все последующее — как развитие (с искажениями) заложенных в нем импульсов.

В Московском Царстве мы видим формирование:

- *единого народа;*
- *единого государства;*
- *единой религиозной (сотериологической) миссии;*
- *единого политического организма;*
- *единого геополитического вектора развития.*

В этот период Русь выступает как *ядро самостоятельной православной цивилизации*, обладающей ясно осознанной сотериологической (эсхатологической) функцией «последнего Рима» и ориентированной на противостояние с европейскими (католико-протестантскими) соседями и на интеграцию евразийских просторов («наследие Чингисхана»). Русь в этот период активна и созидательна, энергична и собранна. Волевой державостроительный импульс сопряжен с глубоким историческим драматизмом.

Образ Руси в киевский период

Киевский период русской государственности делится на два логических отрезка — до и после принятия христианства. Строго говоря, дохристианская государственность древних россов представляет собой белое пятно. Зачатки этой государственности апостериори осмыслены в русских летописях (Нестор), но следует подчеркнуть, что трактовка отмечена интеллектуальными клише более позднего христианского периода. В довлдимирской Руси мы видим ряд восточнославянских племен, перемешанных с угрофиннами, организуемых в некоторое подобие государства княжеской знатю частично норманнского (Рюриковичи), частично автохтонно славянского происхождения (к примеру, посадник Новгородских словен Гостомысл, древлянский князь Мал). Баланс между княжеской властью, народным вече и институтами жречества (волхвы) существенно варьируется в зависимости от конкретных областей (этот момент в политической истории Древней Руси сохранится вплоть до Московских времен), и о наличии единой модели государственности в полном смысле этого слова говорить затруднительно. Как зачаток будущей Руси, как пролог к грядущему объединению этот период был осмыслен лишь много позже. А если учитывать наслоение исторических идеологий, существенно менявших образ Древности в зависимости от формы идентификации русскими самих себя и своего Государства, то картина становится совсем смутной. Есть историки, которые отрицают сам факт существования у россов государственности до св. Владимира, предпочитая рассуждать о мозаике родо-племенных анклавов и городов-государств, не имеющих между собой никакой политической связи и не объединенных никакой организацией. Другие говорят о доминировании норманнской аристократии со своей (ксенохтонной для славян и угров) культово-религиоз-

ной моделью (в этой гипотезе соблазнительны параллели с историей политического объединения галлов, иберийцев и самих германских племен под эгидой германской знати на всех секторах Древней Европы, как входивших в периферию римского владычества, так и лежащих за ее чертой). Третьи предполагают наличие у древних славян культурно-политического единства, которое к концу первого тысячелетия переживало период упадка и разложения. Гумилев видит в истоках Киевской Руси смешение групп восточнославянских племен с кочевыми иранскими племенами (роксоланы). Как бы то ни было, этот период русской государственности *не имеет какой бы то ни было ясной политической идентификации*, а следовательно, говорить об «образе Руси» этого периода мы с определенностью не можем.

Концептуализацию Руси как политического целого следует, безусловно, относить к периоду св. равноапостольного князя Владимира (Красное Солнышко) и к принятию русскими Православия. Трудно сказать, в каких терминах осознавали крещение Руси его современники. Проблематично и само существование Киевской Руси как законченного политического единства. Но в отличие от предшествующего периода после св. князя Владимира мы впервые можем говорить об «образе Руси», хотя законченную формулу этот образ обрел много позже, в монгольский период.

Киевская Русь после крещения представляет собой великое княжество, расположенное на самом севере православной эйкумены. Заметим, что к X веку Византия уже отчетливо осознает свое отличие от западнохристианских политических образований под контролем Рима. Трения с римской кафедрой и франкскими монархами, незаконно узурпировавшими, пользуясь внутривизантийской усобицей, в IX веке императорские функции, нарастают. Геополитически Византия придает всем народам, принявшим Православие, осо-

бое измерение — не только узкоконфессиональное, но и культурно-политическое, *цивилизационное*. Чтобы понять особенности русской истории, этот момент следует подчеркнуть особенно. Вхождение народов и политических образований, принимавших Православие, в сферу византизма означало признание не только *конфессионального* верховенства патриарха Константинопольского и принадлежность к его канонической территории, но и *политико-социальной* модели Восточно-Римской империи, в основе которой лежало совершенно иное, нежели на Западе, соотношение между императорской властью василевса и духовным владычеством Церкви, с одной стороны, и между императором и князьями зависимых (целиком или частично) от Византии политических образований — с другой. Кроме того, византийское право имело *общинную ориентацию*, искусственно сдерживало развитие феодальных отношений, что также отразилось на социальном и хозяйственном укладе¹.

Византизм выработал свое решение основополагающих моментов политико-социального устройства, что в значительной степени повлияло на идентичность

¹ «На Востоке (т. е. в Византии. — А. Д.) крестьянская община была предохранена от разрушения. Задержав социальную эволюцию на первой, т. е. на экономической стадии, византийские цари, несомненно, предупредили тем развитие того порядка вещей, который последовал на Западе; в Византии не могло развиться сеньоратных и вассальных отношений, не могло образоваться феодальной системы. Византийская община не только пережила экономический кризис, но была поставлена в такое положение законодательными памятниками X в., что ее будущность была вполне обеспечена, и никакие разрушительные силы не могли сломить ее до турецкого завоевания. Сельская община служила государству, удовлетворяя его расходы и защищая его против внешних врагов. Приведенные факты общественного развития, будучи сведены к конечным результатам, дают для Запада крупное землевладение и сословные притязания поместной и служилой аристократии, для Востока же — господство свободного мелкого землевладения и подчинение государственному принципу интересов поместного и служилого сословия». (*Успенский Ф.* История Византийской Империи VI—IX вв. М., 1996. С. 29.)

всех народов, попавших под его влияние. Иногда эту модель именуют «цезаре-папизмом», в отличие от латинского «папо-цезаризма». Роль и функции императоров в Византии имели в себе ярко выраженный *сакральный* и сотериологический характер, что резко контрастировало с десакрализацией светского начала в католичестве, доведенной папской партией до окончательной формулы в ходе гвельфско-гибеллинского конфликта. Но и попытки Каролингов, а позже Штауфенов применить «цезаре-папизм» к германским императорам не снимали трений с Константинополем, так как греки видели в этом лишь нелегитимную узурпацию. Кроме того, догматически вселенская власть пап никогда не ставилась под сомнение даже самыми ярыми гибеллинами.

Став частью православного мира, Древняя Русь получила оттиск своеобразного религиозного, культурного и социально-политического устройства, который — на фоне слабой идентичности предшествующей социально-политической традиции (либо деградировавшей, либо вообще не существовавшей) — лег в основу *всего дальнейшего исторического пути*. Это является довольно четким *идентификационным* признаком. Византизм предполагает приоритетную ориентацию на греческие модели, ясное концептуальное осознание православной Русью своего отличия как от западных, католических, так и от восточных — шире, степных — нехристианских соседей.

По другим параметрам Киевская Русь остается довольно типичным *восточноевропейским государством*, имеющим много сходных черт как с православными странами (Болгария, Сербия, Румыния, Грузия и т. д.), так и с неправославными (Польша, Литва, Чехия, Моравия, германские княжества и т. д.). В то же время уже на этом этапе Русь гораздо более, нежели европейские народы, открыта к *этнокультурным влияниям Степи*: с тюркскими кочевниками (особенно с половцами)

существуют очень тесные контакты. А кроме того, большое значение (особенно на северо-востоке) имеют этнические связи россов с угрофинскими автохтонами, гораздо более многочисленными, чем в остальной Европе. Восток в виде туранского элемента (тюрки, угрофинны) постоянно и интенсивно влияет на Русь на южном, собственно восточном (волжские татары, башкиры, чуваша) и северо-восточном направлениях. Кроме того, угрофинский элемент пропитывает славян северо-восточных и центральных районов изнутри. Суммируя эти моменты, мы можем вскрыть наличие собственно *евразийского начала* уже в этот период.

Итак, после крещения Киевская Русь представляет собой геополитически слабо *централизованное восточноевропейское государство с православно-византийской идеологией и сильным евразийским элементом*.

В этом образовании не было пока еще ничего экстраординарного, предвещающего особую историческую миссию, уникальную геополитическую роль. Единственно, что принципиально отличает Русь от иных политических образований, принадлежащих к периферии Византии, греческой эйкумене, это ее *крайне северо-восточное месторасположение*. Эти земли в «сакральной географии» греков считались зоной, находящейся *за пределом* цивилизации, своего рода «анэйкуменной», «необжитыми» территориями. Этнографические сведения о автохтонах этих пространств скудны, экстравагантны и приблизительны. Для греков северо-восточная граница цивилизации проходила по Балканам, Македонии, Фракии, северному побережью Понта Эвксинского. Выше начинался мифологический мир, «не поддающийся окультуриванию». Показательно, что в своих легендарных походах Александр Великий не смог преодолеть символического порога «Каспийских ворот», остановленный ордами «варваров» — туранских кочевников (предположительно скифов или сарматов). Позже эти туранские автохтоны, древние

евразийцы, были отождествлены с библейскими «ордами гогов и магогов», а их родина, «Великая Скифия», — с «проклятыми землями Тубалкаина» (о них же речь идет и в Коране, повествующем о столкновениях Зу-ль-Карнайна с демоническими ордами «яджуд-ва-маджуд»). Эта же страна в библейской географии отождествлялась со страной «Роша, Мешеха и Фувала», местом рождения зловещего «северного царя». Для средиземноморского цивилизационного самосознания территории Древней Руси находились *за пределом сакральной черты*, отделяющей «обитаемые» пространства от «необитаемых». Тот факт, что Русь принимает Православие и входит в культурно-цивилизационный ареал византизма, означает серьезное изменение *сакрально-географических представлений, свойственных средиземноморской эйкумене*. Показательно, что эти «антиевразийские» сакрально-географические представления вспыхнут с новой силой на католическом Западе в отношении всех «восточных схизматиков» в целом и в отношении русских в частности.

Крещение Руси означает *прорыв запретной границы*, включение в пространство «цивилизации» (в ее средиземноморском понимании) новых земель.

На этом этапе следует выделить определенное различие между *западными* полюсами Руси (Волынь, Галиция, собственно Киев) и *восточными* (Суздаль, Владимир, Чернигов, Рязань). Новгород и Псков представляют собой особый случай. Мы видим, что между западом и востоком складывается модель *качественного* различия. На западе культурно-социальная сфера более напоминает типичный уклад Центральной или Юго-Восточной Европы, тяготеет к европейскому образцу. На востоке же, напротив, сильно влияние *евразийских черт*, отчетливей проступают узоры тюркского и угрофинского элемента. Конечно, до определенной исторической эпохи эта линия разлома неочевидна и будет проведена политически лишь при монголах, но

определенные ее признаки можно встретить уже в Киевский период.

При Ярославе Мудром возникают первые теории об особой *избранности Руси*, о специальном предназначении русского народа и русского государства. У митрополита Илариона, первого славянского автохтона на Киевской кафедре (возведен в 1051 г.), мы встречаем толкование евангельского выражения о том, что «последние станут первыми», применительно к русским¹. Митрополит Иларион интерпретирует это место в том смысле, что русские среди близлежащих народов последними приняли крещение, но в будущем им суждено стать первыми по благочестию и чистоте Христовой веры. В этом еще нет эсхатологической ясности, и мы можем отнести это место к простой метафоре, к риторической фигуре морального наставления, но тем не менее сам факт такого высказывания первого русского архипастыря негреческого происхождения показателен, а еще более показательно то, как внимательно к этой идее отнеслись последующие поколения русских людей.

Здесь можно усмотреть первые подходы к тому, что называется «*translatio imperii*» — «переносом империи». Это явление было характерно в разные эпохи для целого ряда православных держав, которые видели себя продолжателями идеи Рима — династическими, цивилизационными, геополитическими. Это имело место и в древней Болгарии, и в Сербии династии Неманиней. В случае митр. Илариона, конечно, до «*translatio imperii*» еще далеко, но *предварительную интуицию* в его предсказании распознать уже можно.

Впоследствии образ киевской государственности — особенно в период правления Ярослава Мудрого, Мстислава Великого и т. д. — приобретает в национальном сознании символический смысл как «золотой век»

¹ Митр. Иларион Киевский. Слово о законе и благодати, 1043 г.

Древней Руси. И хотя многие легенды Киевского цикла были созданы намного позднее, в частности при монголах, в них отразилось представление об этом периоде как о *первом* (во многом мифологизированном) этапе русской государственности, когда Русь стала осознавать свою историческую и *цивилизационную субъектность* и свое предназначение.

Едва ли можно точно утверждать, до какой степени эта субъектность ясно воспринималась народом Киевской Руси, какова была глубина и широта распространения этого зародышевого мессианства. Есть основания предполагать, что в большей степени это результат духовного труда русских на следующих исторических этапах. Нельзя исключить и того, что такой образ возник в период усобиц и разложения XIII века, накануне нашествия монголов, как своего рода национальный миф «об истоках», о «потерянном рае» государственности. Но не подлежит сомнению, что этот идеал Киевской Руси как «благословенной эпохи» играл впоследствии значительную роль в самоидентификации русских. В период же Московского Царства этот образ, насыщенный мессианским содержанием, достигнет максимального расцвета.

Русь Монгольская

Большинство историков отчетливо фиксируют XIII век как конец Киевской Руси, распад единства, эпоху усобиц, культурной и социально-политической деградации, резкого сужения геополитического самосознания русских, утрату идентичности. В рязанском «Плаче о гибели русской земли» мы видим *скорбь о распаде*. Показательно, что Восток и Степь осознаются русскими этой эпохи с позиций средиземноморской эйкумены, а монголы видятся как «орды гогов и магогов» в сакральной географии евреев, греков и арабских мусульман.

Монгольское нашествие расшифровывается как «расплата за грехи», как «бич Божий». На национальном уровне «грехом» представляется *утрата единства*, утрата солидарности князей между собой, отступление от социально-политической миссии. Эта концепция «платы за грехи» очень важна, так как отмечает существенный этап эволюции национального самосознания. В политической мифологии возникает важный диалектический фрагмент: «золотой век» киевской государственности (осознанный в православном ключе как результат крещения русского народа, Руси) уходит в прошлое, происходит своего рода «политическая апостасия» («отступничество»), выражающаяся в децентрализации, усобицах, утрате цельности, — и, как следствие, приход монголов («гогов и магогов») лишает Русь самостоятельности, ставит на колени.

Эта национальная диалектика учит русских людей *позитивно оценивать единую государственность, солидарность, централизм*. При этом не столь важно, существовали ли эти реальности на самом деле: они постулируются историческим самосознанием, упорно утверждаются в качестве *инструмента идентификации*. Русские, в конце концов, хотят, чтобы их история осознавалась в этом ключе, и, следовательно, размышления об исторической логике прошлого, о связи и соподчиненности событий выковывают проект будущего, ложатся в основу формулировки Национальной Идеи как завета последующим поколениям.

В период XIII—XV веков грань между западными областями Руси, подпавшими под контроль европейских государств (Польша, Литва, Венгрия), и восточными, ставшими частью империи Чингисхана, постепенно приобретает ярко выраженный *геополитический и цивилизационный характер*. Евразийские монголы, следуя «Ясе» Чингисхана, практикуют полную веротерпимость (один из законов «Ясы» строжайшим образом запрещает направлять насилие против жреческой

касты завоеванных народов), настаивая лишь на военно-политическом и хозяйственном (дань) подчинении русских. Оценка этого *монголо-русского симбиоза* различается в зависимости от исторических школ и мировоззренческих предпочтений. Безусловным остается лишь тот факт, что этот симбиоз был значительным и глубинным, и обмен культурными, административными, геополитическими, хозяйственными навыками, а также этническое смешение были весьма масштабными и постепенно привели к появлению *новой этнической единицы*, объединившей «восточных русских», после Куликова поля осознавших себя «великороссами».

Великороссы укрепили свою религиозную идентичность, впитали евразийские геополитические импульсы, усвоили динамизм и жестокость монгольского войска, оперативность ямской связи, рационализацию сбора дани, навыки жесткого административного централизма, строгой иерархии. Постепенно в теле Золотой Орды стал вызревать *политический субъект нового типа* — Московское княжество. Здесь евразийские черты проявляются в полном объеме: традиционный уклад, воинская этика, религиозная самобытность, осознание важности единства и дисциплины, подчинения и *централистской организации*, столь явно наличествовавшей у монголов и осознанной как *историко-политическая ценность* (небрежению которой русские были обязаны историческим проигрышем XIII века).

Завоевание монголами восточных территорий Руси привело к осознанию русскими очевидной *политической несвободы* (как платы за раздробленность и разобщенность) и укреплению *религиозной идентичности*.

Постепенно изменилась и геополитическая самоидентификация великороссов. На многое они стали смотреть «монгольскими глазами». Туранский элемент, осознававшийся до определенной поры через призму «средиземноморской эйкумены», перестал быть чем-то внешним и чуждым, непознанным. Тюркско-монголь-

ская Евразия для русских XIII—XV веков стала «своей». Именно этот существенный поворот в геополитической самоидентификации сделал возможным всю дальнейшую историю Руси, открыл беспрепятственный путь к освоению Востока. Уже при Хубилай-хане русские отряды участвовали в корейском и индокитайском походах последнего.

Совсем иная картина складывалась на западных землях. Галиция, Малороссия, Беларусь подпали под власть совершенно иной культурной, социально-политической и цивилизационной модели. Этой части бывшей Киевской Руси был придан совершенно *иной* оттиск. Европа была настойчива в навязывании католической парадигмы, и там, где этого не удавалось добиться напрямую и «окатоличить» местное население, культурный тип навязывался *косвенно* — через политическое, административное и хозяйственное давление. Православные россы в этом европейском контексте ставились в положение «религиозного меньшинства», рассматривались как «схизматики», а если их вероисповедание и культурный тип терпели, то все равно в качестве чего-то «второсортного» и «второстепенного». В европейском контексте православные россы подвергались религиозной дискриминации, а значит, на национальную идентичность оказывалось гораздо более прицельное и настойчивое давление, нежели в случае россов, подпавших под контроль Орды. Этнические контакты приводили здесь к размыванию русской идентичности в сторону общеевропейского образца. Вместе с европеизацией терялся важнейший компонент идентичности. Нечто аналогичное произошло двумя веками позже с сербами: подпавшие под турецкое иго православные сербы в значительной мере сохранили свою этноконфессиональную славянско-православную идентичность, несмотря на прямой геноцид, тогда как оказавшиеся под католическим влиянием

хорваты и словенцы славянскую самобытность в значительной степени утратили.

На западе Руси постепенно формируются иные этнические группы — малороссы и белорусы. Их национальное самосознание складывается по иным канонам, нежели у жителей Московской Руси. Они разрознены, входят в различные культурные слои. Самосохранение в довольно активной и «этнически некомплиментарной» (по выражению Льва Гумилева) среде отнимает все силы. Конечно, и среди западных россов живет предание о «золотом веке» Киева, но эта идея *не превращается в проект*, не обретает животворящего импульса извне: на западе лежит густонаселенная, прозелитически активная Европа, которая стремится перемолоть «схизматиков», на востоке — Орда. Долгие века будут ждать западные россы чаемого освобождения и национального возрождения, а в это время Москва будет подниматься и отвоевывать все новые исторические горизонты. Вместе с тем и в западных землях будут сохраняться очаги православного «византийского» сопротивления, героически отстаивающие чистоту веры под тяжелым духовным игом Европы. Они дадут таких подвижников, как Афанасий Брестский, Захарий Копыстенский, Исаяя Копинский и т. д.

Московское Царство

Окончательный распад ордынского цикла приходится на XV век. Это уникальная дата русской истории. За двести лет владычества монголов поднимается Москва и начинает собирать восточные земли — по совершенно новой логике. Постепенно нарождается новый образ Руси, новое видение Национальной Идеи. Отныне это *Московская Идея*, так как выпестована она восточным полюсом россов, пропитанным *евразийскими энергиями*.

Здесь следует обратить внимание на исключительно важное совпадение двух символических событий XV века: *безвозвратное ослабление Золотой Орды и падение Константинополя*. Причем падение Царьграда, Нового Рима, последовало за подписанием греками Флорентийской унии с католиками. Для русских наступает решительный поворотный момент. Открывается уникальная перспектива для реализации мессианских чаяний и в *религиозном* (Православие), и в *социально-политическом* (независимость) аспектах. Московская Русь представляет собой *радикально новый исторический субъект*: сбываются интуиции митрополита Илариона о *эсхатологическом предназначении* русского народа и русского Государства.

Падение Царьграда в социально-политическом контексте Православия означало сгущение эсхатологических сумерек: византийский василевс отождествлялся в этом контексте с «удерживающим теперь» из 2-го послания ап. Павла к Фессалоникийцам, то есть с фигурой, препятствующей приходу в мир «сына погибели», «антихриста»¹. Победа турок связалась русскими с отступлением Константинополя от чистоты веры и с решением «пойти на поклон к папешникам», многовековое противостояние с которыми к тому времени стало *неотъемлемой стороной православной идентичности*, что особенно остро осознавалось именно русскими, оказавшимися под орудьями. В Москве в темницу был

¹ 2-е послание святого апостола Павла к Фессалоникийцам (гл. 2):
«3 Да не оболстит вас никто никак: ибо день тот не придет, пока не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели,

4 противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святыней, так что в храме Божьем сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога.

5 Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это?

6 И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время.

7 Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь.

заклучен митрополит Исидор, приехавший из Флоренции обращать русских в унию: москвичи с негодованием отвергли это предложение как отступничество. Несколько позже они узнали о падении Византии. И все это на фоне подъема независимости и усиления мощи Московского Царства... В этот момент русские перестали быть просто периферией православной цивилизации. *Они остались в истории одни* перед лицом чуждого им мира. Отныне их идентичность была целиком и полностью вверена им самим, и византийское наследие транслировалось на новое северное царство в полном объеме. Так в кругах святителя Геннадия Новгородского, преподобного Иосифа Волоцкого стала зарождаться идея «богоизбранности» Руси, окончательно оформленная московским старцем Филофеем в знаменитой теории «Москвы — Третьего Рима».

Теперь Русь становится *новой Византией*, а московский Великий Князь (с XVI века царь) начинает выполнять функцию «катехона», «удерживающего теперь». Это стало возможным только на фоне социально-политического упадка Византии. Русь не узурпировала миссию (как когда-то Карл Великий на Западе), она подобрала брошенный венец, царский и мученический одновременно.

В этой ситуации распад Орды и начало самостоятельного политического периода Московской Руси были восприняты не только как хронологическое совпадение, но как логически связанные события, как подтвержде-

8 И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего.

9 Того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякой силой и знамениями и чудесами ложными,

10 и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения.

11 И за это пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи,

12 да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду».

ние того, что Русь вступила на новый и принципиально отличающийся от прежнего этап и эта роль одобрена Промыслом.

Важно понять, что обретение политической полноценности именно *на фоне утраты независимости греками* имело для русских колоссальный историософский и метафизический смысл. Они созерцали в этом знамение, проявление Божественной воли, призыв к исполнению новой миссии, так как православное учение связывает наличие полноценной православной государственности — православного царства — с определенным смыслом, то есть с периодом временного *откладывания окончательного воцарения апокалиптического зверя*.

В этот период и возникает идея о русских как о «богоносном народе», а о Руси — как о «Святой Руси». Апостериори эта святость распространялась и на мифический «золотой век» киевской государственности, но историософское подтверждение было получено, актуализовано только в *московский период*. С этого момента сугубо сакрализируется не столько даже Русская Церковь, сколько *Русское Государство и русский народ*. И уже вторично это качество переносится на русский обряд с его спецификой. «Два Рима падоша», — пишет Филофей. Это очень важная формула. «Новый Рим», «Второй Рим» тоже пал, и пал как воплощение православного царства, сотериологического полюса духовно-политической целостности. Эта целостность заново обнаружилась отныне на севере, в евразийских просторах континента. «Третий Рим стоит». Стоит *новый субъект* христиански понятой Священной истории.

Но православная циклология подчеркивает, что это возвышение не есть нечто абсолютное и долговременное. Все события разворачиваются накануне неминуемого «конца света». Русь избрана перед этим концом, чтобы служить последней преградой антихристу, но антихрист *близок* и со всех сторон обступает Святую

Русь. Отсюда зловещий оттенок доктрины Филофея: «Четвертому Риму не бывать».

Обнаружив собственную миссию, Москва активно принялась за использование ордынских навыков. Государство отстраивается по законам строжайшей централизации, вечевые элементы отступают на второй план. Огромные территории, великие задачи, выход глубинных накопленных сил — все это требует организации и этики, подобной монголо-татарской. Этот момент подкрепляется осознанием той национальной диалектики, о которой мы говорили выше: отступление от политического единства привело к распаду Киевского организма, и как наказание за это последовало нашествие монголов. Политический грех разобщенности достаточно осознан и искуплен. «Бич Божий» выполнил свою задачу в полной мере. Отныне императив единства, целостности, централизма осознан и признан в полной мере. Подкрепляясь и административными навыками, почерпнутыми от евразийских завоевателей, и вновь обнаружившейся миссией, и опытом тяжелых рефлексий относительно предшествующей эпохи упадка, новая Национальная Идея приобрела отчетливые черты *«сакрального государства»*, призванного совершить на фоне *драматической апокалиптической реальности великие подвиги*.

Высшего напряжения эта линия достигает в период царствования Ивана IV. Здесь соединено все: идея «тяглового государства», *translatio imperii*, теория «Третьего Рима», освящение русского обряда на Стоглавом соборе, предания о «белом клобуке», чудом попавшем на Русь, драма централизма, за который платят любую цену, темные нагнетенные эсхатологические предчувствия, пронзительно ощущающаяся близость Грозного Ангела, канон которому слагает царь, всполохи «конца времен», проглядывающие в ужасе, припадках гнева и безумия. Святость Руси оплачена дорогой ценой. Это не пастораль, не официоз, не пропаганда — это кровавая

и прекрасная драма, пронизанная *высшим присутствием*, сосредоточенным на страдающей и прекрасной, занесенной снегами, разворачивающейся во весь свой бескрайний простор стране. Оптимизм и пессимизм формулы Третьего Рима *нераздельно слиты*, глубоко переплетены.

Московское Царство формулирует Национальную Идею в ее максималистской версии. Русские теперь осознают себя *центральной субъектом мировой истории*, Новым Израилем. Им вверена особая миссия, трагичная и прекрасная, превосходящая все мыслимое доселе. Русские, великороссы, москвиты отныне призваны не больше не меньше как *спасти мир*. Они остаются последним оплотом «удерживающего теперь», его индивидуальным (русский царь) и массовым (русский народ) выражением.

Показательно, что в этот период различные сословия характеризуются не столько *качественным* различием быта, костюма, форм хозяйствования, сколько *количественным*. На этом делал акцент П. Н. Савицкий: структура жилища, наряда, внешний вид, нравственность и даже времяпрепровождение аристократии (вплоть до царя) и простых людей были сущностно и типологически *схожи*, различался лишь материал, из которого были созданы соответствующие предметы: у простолюдинов он был дешевый, у бояр — изысканный. Обязательные полунощницы и повечерницы, послеобеденный сон, длинная рубаха навыпуск, бороды и сапоги у мужчин, красный угол в светлице, полный икон, сарафаны, подвойники и платки женщин, пояски и лестовки — все то, что позже стало атрибутом староверов и простолюдей, — в московском периоде было в той же мере атрибутом национальной знати, неотъемлемыми элементами боярского быта. В этом наглядно проявлялся интуитивно осознаваемый всеми императив *единства, цельности*.

Татары и другие евразийские народы прекрасно

вписались в этот общерусский стиль. Причем до такой степени, что Стоглав был вынужден специально подчеркнуть запрет на хождение в православные храмы в татарских шапочках (сам уровень запрета намекает на степень распространения этого явления). Русские как бы поменялись с татарами местами. Евразийский импульс и контроль над континентальными пространствами взял на себя Белый царь. Сами тюрки часто рассматривали возвышение Москвы как продолжение дела Чингисхана. Их этническое смешение с россами привело к новому «пассионарному» (по Гумилеву) типу новых державостроителей.

Новый московский порядок имеет отныне следующие черты:

- осознание Руси как *единственной наследницы полноценного византизма* (что предполагает сочетание Православия и Царства, царя-катехона);
- *самостоятельность и независимость* мощной политической державы, занимающей обширные земли на северо-востоке континента;
- *геополитическое наследие* Чингисхана, задача «собрания» пространств Евразии;
- осознание Москвы как духовно-культурной, геополитической и, конкретно, православно-мессианской *антитезы* католической (и протестантской) Европе.

Теперь национальное мессианство уже не нечто «футурологическое» (как у митр. Илариона), но реализованное и конкретное, *запечатленное в плоти*.

Именно в этот период осознание национальной идентичности русских приобретает наиболее пронзительные черты. Самосознание и историческое самоощущение выливаются в доктрину, в своего рода историософский канон. Это — вершина, так как даже теоретически невозможно представить себе более возвышенной и радикальной формулировки Националь-

ной Идеи, нежели рассмотрение *народа как главного субъекта мировой истории*, которому вверена миссия спасения человечества перед надвигающимся концом света. ...Аналог этого можно встретить лишь в иудаистском национальном самосознании или в «мистическом расизме» древних иранцев, возводивших себя к роду «световых богов», Ахурамазды, а остальные народы — к «потомкам темных демонов», Ангро-майню.

Синтез Московского Царства выстаивает даже перед таким испытанием, как Смутное время: эпоха Лжедмитриев, нашествие польско-литовских и шведских войск (то есть европейского полюса). Окончательная катастрофа настанет лишь в середине XVII века вместе с книжной справой, реформами Никона и церковным *расколом*¹.

В этом сложном периоде для нас важно то, что здесь происходит *расслоение Национальной Идеи*, самого образа Руси на несколько составляющих. Расколу подвержена не только Церковь, но и многие другие аспекты древнерусского бытия и самосознания.

Староверы видят в реформах Никона повторение истории с Флорентийской унией. *Отказ от древнего русского обряда они распознают как отступничество от московской эсхатологической миссии, как лишение нации качества той уникальной субъектности*, о которой мы говорили выше. Следовательно, раскол не исчерпывается книжной справой или отказом от двуперстия, он затрагивает *формулу русской идентичности*. Сторонники Аввакума распознают за новинами Никона проникновение на Русь тех тенденций — в первую очередь западных, но и греческих (так как сами греки уже 200 лет как жили под турками и не могли рассматриваться как эталон Православия; напротив, Православная Русь была этим эталоном на этом этапе), — противление

¹ См.: Дугин А. Русская Вещь. М., 2001. Т. 1 «Яко не исполнилось число звериное...».

которым составляло важнейшую сторону национального субъектного самосознания. Это подозрение окончательно укрепляется после событий печально известного Собора 1666—1667 годов, когда подложные представители «восточных патриархов» низлагают самого Никона и окончательно перечеркивают историософскую формулу московского периода, осуждая как теорию Третьего Рима, так и Стоглав, а вместе с тем и древнерусский Студийский устав, пришедший (как и двуперстие) от греков, когда те сохраняли еще свое катехоническое измерение¹.

Старообрядцы видят в событиях того времени:

- наступление «конца света»;
- отступничество Руси от своей миссии (как эсхатологического синтеза Церкви, государственности и народности);
- «отход благодати» («десакрализацию»);
- победу неправославных (криптоуниатских) сил над носителями Православия;
- противопоставление аристократии и белого духовенства народным низам.

Отныне старообрядческие согласы становятся носителями драматической, пессимистической стороны московского порядка. Для них Третий Рим пал, и «четвертому не быти». «Рим» стал «Вавилоном». Русь уходит в бега и гари. Сакральность «съеживается». Национальная Идея приобретает трагический оттенок, на грани отчаяния. Уже не сама Русь является «удерживающим теперь», но только редкие и гонимые официальной властью старообрядческие толки. Для староверов национальная диалектика закончилась. Конец света практически наступил.

Нечто обратное мы встречаем в русском хлыстовст-

¹ См.: Дугин А. Русская Вещь. М., 2001. Т. 1 «Яко не исполнилось число звериное...».

ве, расцветшем на Руси приблизительно в то же время (Данила Филиппович был современником раскола). Здесь, напротив, упраздняется всякий пессимизм, наличие «живого духа» утверждается повсюду и в совершенно адогматических формах. Хлысты тем не менее наследуют в искаженной форме «*московскую радость*». Национальные ереси (хлысты, скопцы, ранние молокане) живут ожиданиями волшебного царства, «рая на земле». Ясность православного учения размывается, народный национал-мессианизм приобретает гротескные черты.

Официальная *Русь* в этот период *меняет свое имя*. Отныне это *Россия*. Совершенно *иная* страна, с совершенно иной формулой самоидентификации и Национальной Идеей. Как бы мы ни оценивали события XVII века, очевидно, что в эту эпоху цикл «Святой Руси» подходит к концу.

Показательно в этом смысле резко усиливающееся влияние западных россов, необходимостью возврата которых в лоно единого Государства Никон оправдывал смысл своих нововведений. Они становятся отныне *привилегированным инструментом* официальной церковной и отчасти светской политики, направленной на вымывание «старомосковского» начала. Мало того, что никоновская справа канонизирует малороссийский извод церковнославянского языка, уже при Петре мы не встречаем среди архипастырей и следа великороссов, малороссийский, прямо или косвенно «окатоличенный» элемент довлеет во всех церковных вопросах (отсюда берет свое начало чисто католическая практика «обливательного» крещения, строго отвергаемого ортодоксальным Православием), если только ему не противостоят протестантские влияния. Весь XVIII век церковная полемика в официальной российской Церкви разворачивается между партией «католиков» и партией «протестантов». Носители собственно Православия (как старoverы, так и сторонники восстановления патриаршества, «дашковцы») жестоко преследуются.

Романо-германское иго

Смена имени в официальном названии государства показательна. Славянское «Русь» меняется на латинское «*Rossia*». Россия со времен Алексея Михайловича смотрит *на себя* чужими глазами. Она более *не одинока* в окружающем мире, Петр I «прорубает окно». Но, утратив одиночество, страна теряет смысл своего существования. Европейский взгляд видит в *Rossia* карикатуру на нечто знакомое и привычное. Романовы начинают исправлять картину. Новый двухсотлетний период этого исправления евразийские авторы называли «романо-германским игом».

Если разложение Киевской Руси привело к расщеплению русских на западных и восточных, то конец Московского Царства разделил *народ* и *эли́ту*, пессимистическую и оптимистическую формулы национальной идентификации, старообрядцев и новообрядцев. В начале XVIII века постмосковский образ России получил символическое воплощение в новой столице — *Санкт-Петербурге*. Очевидно, что решение назвать русский город на немецкий (и католический одновременно) манер было элементом важнейшей программы преобразований, кратким резюме новой редакции Национальной Идеи. Официальная власть в России противопоставляла таким образом «старое» и «новое», «прошлое» и «будущее», «имеющееся» и «поставленное в качестве цели». «Старое», «прошлое» и отчасти «имеющееся» были синонимами Московского Царства. Его атрибуты — двуперстие, византизм, бороды, татарщина, общинность — были осмеяны и попораны.

Россия, в отличие от Руси, как бы снимала с себя бремя «единственного субъекта Священной истории на фоне апокалиптических ожиданий и во враждебном окружении». Петр провозгласил курс на Запад. Очевидно, что глубинным изменениям подверглась сама сущность власти, религии, общественных институтов.

Россия начинает осознавать себя как *атипичный фрагмент Европы*. Причем в XVIII веке это проявляется резче и гротескнее, нежели в XIX. Санкт-Петербург выстраивается как наглядная *антитеза* Москвы; вместо естественной, долго и трудно вызревавшей евразийской столицы — стремительная новостройка по амстердамским и венецианским лекалам.

Отныне между властью и массами лежит бездна. Аристократия осознает себя в роли «колонизаторов» диких земель, а русский народ предстает в роли «экзотичных туземцев». Меняются язык, календарь, стиль одежды, каноны иконописи (отныне это светская живопись по мотивам христианских сюжетов), обряды, внешний вид, нравственные устои. Консервативные народные массы вовлекаются в реформы опосредованно, по инерции сопротивляясь им. Московский порядок уходит на нижние этажи жизни, в область бессознательного, ностальгии. На поверхности царит европейский вектор.

Меняется отношение к освоению евразийских пространств. Теперь речь идет не столько о возрождении наследия Чингисхана, сколько о «насаждении цивилизации и привитии ее плодов аборигенам», отчетливо заметен «колонизаторский» подтекст.

Национальная Идея раздваивается: официальная версия — «романовщина» и неофициальная версия — «немая ностальгия масс» (обретающая концептуальный язык лишь в старообрядческих средах). *Народ остается в Москве, элита уходит в Санкт-Петербург.*

Российская империя — государство десакрализованное, светское, прагматичное, ориентированное на Европу, стремящееся стать мощной европейской державой путем имитации европейского опыта и жесткого выбивания из автохтонного населения «старых привычек». Это — издание Национальной Идеи *для верхов*. Практически в течение всего XVIII века у монархов не возникает сомнений относительно безукоризненности

такой постановки вопроса. Сопротивление народной среды расценивается как досадная *механическая реакция косной материи*.

Однако это сопротивление оказывается гораздо более глубоким, нежели думали Петр или Бирон. Народ отвечает казаками и Разиным, саботажем и иронией, бегунами и нетовцами. Несмотря на скудость самовыражения и жесткость официальной пропаганды (вплоть до практики насильственного причащения староверов в никонианских церквях!), народ продолжает свою рефлексию, пестует иную редакцию Национальной Идеи. Этот параллельный образ живет в легендах и преданиях, в сектах и обрядах, в сказках и песнях. Параллельная Русь, сказочная и светлая, райская, московская, цельная, не расколота, живет в просторах национального бессознательного. Она влияет исподволь, изнутри, косноязычно и обрывочно. Но внимательный взор легко различает присутствие *тайной линии*. Эта параллельная идея сочетает укорененность в прошлом, в сакральных (цельных) моделях понимания веры, государства, народной общинной жизни, образ «утраченной Руси», «потерянной Родины» и жаркие эсхатологические предчувствия наступления «конца времен», «царства Божия на земле».

Такой настрой масс приводит к постоянному перетолковыванию официального языка российской элиты на свой манер, к «двуязычию», к вездесущей амбивалентности. В чем-то это можно уподобить «шизофрению» в этимологическом смысле — «расколотости сознания». Смысловые поля элит и масс различны, образы дwoятся, разговор об одном и том же скрывает полное различие контекста. «Смысловые диалекты» Москвы и Санкт-Петербурга некомплементарны. Сплошь и рядом народная формула выражается не в прямом протесте, а в ироничном рассмотрении явно десакрализованных начинаний элиты в «сакральном» ключе. Русские находят способы растворить вполне рациональные на-

чинания в стихии автохтонного абсурда. «Город Глупов» — сознательная конструкция, своего рода семиотический редут, призванный защитить параллельную идентичность. Этот город представляет собой *«альтернативную версию рациональности»*.

Стихия народного сопротивления явно начинает учитываться в последние годы правления Екатерины Великой, особенно после того, как царицу напугала Французская революция. Русская аристократия в этот период делает очень важный выбор, который предопределит судьбу XIX века. Она решает в чем-то *уступить* той инерциальной национальной стихии, с которой боролась весь XVIII век. Восстанавливается харизматический институт старчества, в церкви возвращается традиционный восьмиконечный крест, еще недавно называвшийся «брынским» и «раскольничьим», возникает некоторая настороженность к полному и буквальному копированию европейских образцов; от этого не отказываются, но появляется избирательность. Отныне европеизм элит приобретает отчетливо *консервативный* характер, который по своей структуре предполагает некоторый учет национальной самобытности. Эта самобытность *частично реабилитируется*.

Павел и Александр I символизируют существенный поворот русской аристократии в западно-консервативную сторону. Сугубо национальные элементы в этот консервативный комплекс впервые стали вводить первые славянофилы. Они развивают свои идеи в идеологическом пространстве между западным консерватизмом и зачаточным «евразийством». Особенно важно влияние на них немецких романтиков и идеалистов, которые сами по себе могут быть отнесены к «европейскому евразийству» (воспевание древности, Средневековья, Востока, мифологии, экзотических обрядов и культов). Славянофилы XIX века вырабатывают еще один образ Руси, еще одну формулу Национальной Идеи. Она существенно отличается от формулы XVIII

века. Отныне Россия осмысляется как оплот «европейского консерватизма», *могучая и своеобразная восточнохристианская держава, сохранившая систему фундаментальных ценностей, значительно растроченных «прогрессистским», «просвещенческим» Западом.* Знаменитая формула Уварова «Православие, самодержавие, народность» подытожила славянофильскую мысль применительно к национал-государственной позиции.

Очень важно отметить, что в этом образе России все еще наличествует много европейских черт. Запад остается эталоном, но только в своей консервативной составляющей — латинская схоластика, протестантский спиритуализм, прусская дисциплина, английский национализм. Славянофилы занимают здесь *пограничную позицию*, выходя в отдельных моментах своей философии за пределы романовской «политкорректности», а в других вопросах сближаясь с позицией Романовых. Их критика Петра, апология Московской Руси, восхищение народными обычаями не вписываются в систему официоза. Отсюда постоянно сопровождавшее славянофилов подозрение в диссидентстве и негласный надзор полиции. Даже лозунг «Православие, самодержавие, народность» как продукт исторической рефлексии славянофилов и как фасад царизма качественно различаются. В первом случае эти три понятия понимаются в московском духе (Православие — как самостоятельное церковно-социальное, цивилизационное начало, самодержавие — как суверенность царя-катехона, народность — богоизбранность эсхатологической нации, призванной к исполнению вселенской миссии), во втором случае — в духе Санкт-Петербургского периода (синодальное Православие — как социал-моральный институт, «духовный департамент» правительства, самодержавие — как абсолютистская власть правящей этнически немецкой династии и франкофонной элиты, народность — как бессодержательный

декор, дань европейскому либерализму). Особенно показательны поздние славянофилы (К. Н. Леонтьев, Н. Я. Данилевский), сформулировавшие крайне консервативную («евразийскую») программу, доходящую до революционности (термин «революционный консерватизм» впервые применил Ю. Ф. Самарин, а проницательный К. Н. Леонтьев вообще писал о желательности сочетания монархии и социализма).

Консервативное западничество романовского официоза справа граничит со славянофилами, а слева — с западниками умеренно либеральной ориентации. Эти либеральные западники тяготеют к тому, чтобы восстановить в общих чертах пропорции XVIII века и вернуть Россию под европейский манер, следуя за «прогрессом» и «реформами».

Западники составляют устойчивый сектор правящего класса, противоположный славянофилам. Россия представляется им архаической, безнадежно отсталой страной, требующей всесторонней модернизации в европейском «просвещенном» ключе. Самобытность России видится как совершенно негативное явление, как *совокупность цивилизационных дефектов*. Это — либерал-реформаторское крыло элиты, фактически рассматривающее российскую действительность, историю и будущее в оптике среднего европейца.

Слева от либерал-реформаторов и, что самое главное, справа (!) от славянофилов размещается в XIX веке *зреющая рефлексия безгласных народных масс* (проступающая в лице разночинцев). Этот пласт является продолжением московского начала, загнанного в XVIII веке в глубокое подполье. Нагляднее всего это воплощено в течении «революционных демократов», которое, с одной стороны, оказывается еще более радикальным, нежели либерал-реформаторы, в подражании европейской прогрессистской мысли и критике режима, а с другой, выступает от лица архаичных масс. Революционные демократы вдохновляются не существующей

консервативной Европой, но футурологическим проектом Европы, который имеет в то время довольно смутные очертания. В этот смутный образ будущего поколения русских революционеров (от декабристов до эсеров) вносят самобытные национальные черты. Сами того не подозревая, они оказываются в определенном смысле гораздо консервативнее консерваторов, хотя занимают крайне левый политический сектор.

Особенно отчетливо это проявляется в нарождающемся народническом движении. Народники вбирают в себя *обе* неполиткорректные для Санкт-Петербургской романовщины тенденции — и крайне правую, «славянофильскую», и крайне левую, «революционно-демократическую». Показательны в этом отношении планы Герцена и Кельсиева по организации бунта староверов-бегунов, агитации среди некрасовцев, проекты по вовлечению «австрийского согласия» старообрядцев в революционную деятельность¹. Народники выступают от лица московской линии, но не только и не столько в ее «пассеистском» аспекте, сколько в футурологическом, мессианском, эсхатологическом проекте, высказанном подчас на заимствованном с Запада языке «социальной революции». Это удивительное сочетание старообрядческого пессимизма и хлыстовского энтузиазма, хилиастических чаяний и апокалиптических предчувствий, глубинно народного иррационального импульса и «прогрессивистской», «позитивистской» вербальности рационалистов. *Ключ к советскому периоду следующего столетия следует искать именно в этом феномене.*

Итак, формула Национальной Идеи в XIX веке подвергается существенным изменениям в сравнении с веком XVIII. Молчаливый протест народных масс против западничества элит нарастает и постепенно обрета-

¹ См.: Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1986.

ет выражение. Сами элиты также начинают все больше учитывать это давление низов, за которым мы распознаем *тайный голос Москвы*.

В начале XX века эти противоречия обостряются. Эсеры (прямые наследники народников) и социал-демократы превращаются в самостоятельный политический революционный фактор.

Революция 1917 года завершает романовский санкт-петербургский период. Образ старой России (а точнее, весь спектр этих образов, все разновидности национальной диалектики) рушится. Впредь Национальная Идея будет выражаться в радикально ином контексте.

Советский период

Советский период следует понимать *как исторический реванш народной, массовой составляющей романовской эпохи над аристократией*. В некотором смысле можно сказать, что это была победа московского начала над санкт-петербургским, «евразийского» над «атлантистским». Факт переноса столицы в Москву сразу же после победы большевиков является в высшей степени показательным. Наследники славянофилов на новом этапе — евразийцы (кн. Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий) и «сменовеховцы» (Н. В. Устрялов)¹ — дали развернутую панораму национального, «консервативного» толкования советского строя. Заимствованная с Запада «прогрессистская» риторика марксизма, обращение к Просвещению, вульгарный механицизм философии Ленина, атеистические эксцессы, то есть форма саморефлексии большевиков не должны вводить нас в заблуждение относительно их реальной миссии. *Это было миллениаристское, хилиастическое, апокалиптическое*

¹ Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1986.

движение, взывшее в народной среде, в сектантских и старообрядческих кругах, но оформленное с помощью радикально революционной марксистской доктрины, заимствованной с Запада.

Национальная Идея в СССР, образ Советской России, не сводится к «советскому патриотизму». СССР мыслится как *мессианская реальность*, часть мира, где отменены законы капиталистической энтропии, где на практике реализованы условия «земного рая», «агнец возлегает рядом с волком». *Советский народ занимает место народа-богоносца*. Он призван нести человечеству весть о «социальном спасении». Противоречия с Западом, идеологически приравненным к источнику буржуазного зла, приобретают радикальный характер. В новых терминах возрождаются давние геополитические противоречия. Москва и красные вожди выступают в роли «нового катехона», «коммунистического удерживающего теперь»¹. Столица Третьего Интернационала перенимает (восстанавливает) эстафету Третьего Рима. *Советскую Идею следует квалифицировать как универсализацию, обобщение Московской Идеи, социально-политическое экстремальное пароксистическое воплощение того образа Руси, который предшествовал санкт-петербургскому периоду, а в течение этого периода находился в подавленном состоянии*. Республика Советов стала новым этапом «византийско-монгольского» геополитического утверждения.

Новый цикл национальной диалектики совершенно закономерен и замечательно вписывается в нашу историософскую модель. Как Московское Царство вышло в монгольский период, так и Советский Проект в основных чертах оформился в период романо-германского ига. Все парадоксы советского строя, все отступления от догматического марксизма, его политические

¹ См.: Дугин А. Указ. соч. Т. 1, раздел «Национальная Идея».

и культурные несуразности объясняются тем, что коммунистическая элита *не знала, не смогла или не успела создать адекватного языка для самоосознания и самовыражения*¹.

Показательно, что в этот период с альтернативной линией большевики поступили радикально: реализуя классовую установку на уничтожение эксплуататоров, они фактически подвергли геноциду романовскую западную элиту.

Крах советского цикла был связан с размыванием четких контуров образа Советской Руси. Абсолютизация марксистской вербалистики, догматизация официальной доктрины партии поставили непреодолимые преграды для органичного и «прозрачного» взаимодействия между глубинными народными энергиями, которые изначально оживляли советизм, создали его, и уровнем исторической рефлексии коммунистической элиты. В критический момент, когда внешние и внутренние вызовы социалистической системе достигли максимального напряжения, народная, «национал-большевистская» стихия — к тому же всерьез пострадавшая от концептуального насилия советских элит — не смогла прийти на помощь распадающейся советской империи, поддержать Национальную Идею новыми спасительными (геополитическими, цивилизационными и мессианскими) аргументами, невозможными в рамках официальной догматики. К тому же к 70—80-м годам XX века постепенно иссякли социал-мессианские ожидания, государственный аппарат в значительной мере прошел стадию отчуждения от масс, воспроизводя худшие образцы романовской бюрократии.

¹ Интуиции А. Платонова, А. Блока и Н. Клюева подошли к выработке этого языка ближе, чем тонны трудов по историческому материализму официальной советской науки.

Демократическая Россия?

На фоне упадка Советской Идеи снова возродились западнические настроения, последовательно отторгавшиеся национальной историей на предыдущих этапах, — на сей раз в либерал-реформаторской (либерал-демократической) форме.

Распад СССР, крах Советской Идеи в качестве национальной оставил вакуум.

Образ новой «демократической» России пока остается довольно смутным.

Последнее десятилетие новейшей российской истории показывает, что прочно утвердившиеся у власти западнические элиты даже в такой короткий срок значительно эволюционировали. Первые радикальные либерал-демократические идеи постепенно стали уступать место западническому консерватизму. В течение 90-х мы прожили в резюмированной (почти пародийной) форме XVIII век и вступили в XIX. Прямая русофобия младореформаторов на глазах уступает место «просвещенному консерватизму» и «умеренному европеизму».

Власть в современной России в поисках Национальной Идеи пока остается в рамках западничества (от либерализма до консерватизма). Но из этого обстоятельства нельзя делать выводы, что такая ситуация стабильна и предопределит образ России в достаточно долгой исторической перспективе. Состояние общественного сознания таково, что большинство россиян мировоззренчески безусловно ориентированы на совершенно иную модель — на модель *евразийского типа*. И если возрождение коммунистической догматической ортодоксии исключено, то внутренняя содержательная «московская» составляющая советизма, отражающая гораздо более глубокие архетипические установки, нежели результат марксистской индоктринации, впол-

не устойчива и только ожидает адекватного мировоззренческого выражения.

Евразийство представляет для выработки альтернативного образа России-Руси широкие возможности¹.

Будущее открыто, и каким бы трудным ни был настоящий этап, борьба за Национальную Идею, за ее формулирование и ее воплощение в жизнь далеко не закончена.

¹ См.: Наш Путь. М., 1998; Евразийский Взгляд. М., 2002.

Евразийская теория

ЕВРАЗИЙСКИЙ ПУТЬ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Любой народ, любое Государство имеют Национальную Идею. Есть она и у России. Но трагизм современной ситуации состоит в том, что эта Идея пребывает *в переходной стадии смены форм*. То, как мы вплоть до последнего времени ее формулировали — через советско-марксистский идейный комплекс, — более не соответствует новым реальностям. Привычная система объяснений, моделей, критериев, методов, основанных на марксизме, разрушена. Новая система, которая отвечала бы новым условиям, пока не создана. Отсюда все трудности, все проблемы.

В этой промежуточной стадии вдруг стало активно внедряться представление о том, что Россия отныне сможет обходиться вовсе без Национальной Идеи. В более мягкой форме этот же нигилистический по отношению к Государству и народу тезис выражается в том, что якобы стоит только России применить к себе основы миропонимания западного мира, перенять его технологии, экономические механизмы, скопировать культурные, политические и юридические институты, и мы получим некую «Национальную Идею», на деле — не что иное, как некритическую адаптацию западных либерал-капиталистических ценностей. Такой западнический подход по сути ничем не отличается от позиции тех, кто считает, что России вообще не нужна никакой Национальной Идеи. И в том и в другом случае полностью, радикально, в некотором смысле экстремистски отрицается вся самобытность российской истории,

все духовное, социальное и хозяйственное содержание нашего пути. Историческое бытие народа и Государства выступает как сплошная череда недоразумений, ошибок, преступлений, заблуждений, варварства, коварства, отсталости и жестокости. И, следовательно, самобытность России предстает как нечто однозначно *отрицательное*. Именно так, в общих чертах, и видит Россию западный мир. Признать его позицию правомерной, согласиться с ней равнозначно тому, чтобы встать на антинациональную, нигилистическую точку зрения (как, увы, сплошь и рядом происходит в некоторых секторах нашего общества).

Нигилизм в отношении Национальной Идеи, широко распространившийся в ситуации, когда советская система ценностей и критериев рухнула и на месте национального мировоззрения образовался временный вакуум, сводится к тому, чтобы перечеркнуть русскую историю, осудить ее и начать активно встраиваться в западный мир, перенимая его критерии, следуя его рекомендациям, осуществляя его предписания, подчиняясь его указаниям. И будущее России в таком случае ставится целиком и полностью в зависимость от того, как быстро, эффективно и точно мы сможем усвоить основы западного либерал-капиталистического мировоззрения, применить его методологию на практике и перестроить наши экономические, финансовые, социальные, политические и юридические институты по западным выкройкам. Иными словами, такой подход предполагает, что Россия должна перестать быть той, какой она была, и превратиться в нечто, не имеющее аналогов в прошлом, более того, в нечто, отвергающее собственную историческую идентичность, осуждающее свое самобытное качество.

Эта западническая позиция выдвигает свою модель оценки всего происходящего и измеряет успешность или провал реформ исходя из того, насколько это соот-

ветствует западным образцам и отвечает ожиданиям стратегических институтов Запада.

Такое отрицательное отношение к историческому бытию России постепенно вызывает всевозрастающее отторжение и неприятие широких слоев населения. По этой причине нигилисты неуклонно теряют позиции, обретенные на том этапе реформ, когда разрушение старой конструкции затмевало собой проблему *нового проекта* — того, ради которого жертвовали старым.

Постепенно ситуация меняется, и потребность определения Национальной Идеи становится все более насущной. Слишком много противоречий, неприемлемых, унижительных выводов, разрушительных последствий несут в себе прозападные течения. Экономика стремительно падает. Территория Государства сокращается. Социальная защита населения сходит на нет. Спад производства и ВВП убыстряется. И все эти негативные тенденции не только не компенсируются какой-то мобилизационной, созидательной ориентацией, обращенной в будущее, но, напротив, сопровождаются ядовитой, брезгливой дискредитацией прошлого и язвительным пессимизмом в отношении перспектив общества.

Сегодня потребность в Национальной Идее ощущают практически все, кроме самых упорных западников. Но этой потребности, даже ясно осознанной (что уже немало), все же недостаточно для того, чтобы Национальная Идея появилась сама собой.

Едва ли есть в России силы и группы, способные заявить, что им досконально известны новые формулировки Национальной Идеи, отвечающей потребностям времени. Этого просто не может быть, поскольку столь масштабные проекты вырабатываются исторически постепенно, через соучастие многих людей, групп, слоев населения. И все же любые усилия, предпринятые в этом направлении, сегодня крайне важны. Из них рано или поздно суждено сложиться, развиваться, возникнуть

новому мировоззрению, которое станет путеводной звездой России, шире — Евразии, в следующем тысячелетии.

«Евразийский путь как Национальная Идея» представляет собой шаг к определению Национальной Идеи России. Этот труд учитывает разработки многих аналитических центров, исторических школ, политологических концепций, геополитических моделей, экономических теорий, стратегических доктрин, культурологических методологий. За каждым тезисом, предложением, употребленным термином стоят горы материалов, ссылки на которые составили бы отдельный увесистый том. Тем не менее это только первые шаги, общий обзор той невероятно сложной реальности, которую представляет собой Россия в контексте современного мира.

«Евразийский путь как Национальная Идея» — это тезисное изложение основных направлений объемной научно-практической работы, которая в настоящий момент проводится Международным «Евразийским движением». По ходу дела подключаются новые интеллектуальные, научные силы, представители самых разных исторических, экономических, философских школ, политических партий, властных институтов, административных инстанций. Живой интерес, проявляемый к нашей деятельности с разных сторон, — верный признак того, что потребность давно назрела и движение вызывает живой интерес во всех слоях нашего общества: от простых граждан до представителей крупного бизнеса, от политических лидеров до научных кругов, от военных и дипломатических академий до деятелей культуры, СМИ и т. д. Мы надеемся, что рано или поздно наша инициатива станет поистине всенародным делом. Когда это произойдет и в обсуждение судьбы России, нашего исторического «я» включится весь народ, мы и подойдем к определению того, что является нашей общей Национальной Идеей. А следовательно

но, снова пробудимся к истории, осознаем наше место в ней, снова восстановим систему оценок, критериев и приоритетов, которая позволит нам понять нас самих и окружающий нас мир.

Однако наивно полагать, что это произойдет безболезненно и само собой. Драматизм нашей ситуации в том; что победители в «холодной войне», страны Запада, блок НАТО не намерены спокойно наблюдать, *как Россия обретает свою Национальную Идею*, как заново осознает свою историческую миссию, как собирается с силами, чтобы утвердить суверенным могущественным жестом свой цивилизационный идеал. Запад гораздо более устроило бы, если бы Россия продолжала оставаться растерянной, сбитой с толку, конфликтующей сама с собой, противоречивой, ослабленной, демобилизованной, поглощенной изматывающей стихией самоосуждения и самоотрицания и при этом послушной, исполнительной, покорной цивилизационной указке Запада. Но в данном случае мы стоим перед выбором — *либо отстоять верность своему историческому пути, своему «я», своему государственному и национальному бытию, либо бесконфликтно и пассивно следовать воле западной цивилизации*, претендующей на то, чтобы стать единоличным арбитром всего мира во главе пресловутого «нового мирового порядка». Поэтому вопрос о Национальной Идее, ее формулировка, ее осознание обретает дополнительное значение — значение духовной, концептуальной борьбы за судьбу нашего народа и Государства, за наше будущее, за нашу победу.

Работа «Евразийский путь как Национальная Идея» представлена в виде тезисов, разбитых на три равных блока.

Первая часть — это исторический ракурс, определение того, *чем исторически является Россия*, в чем состоит ее особенность; каковы очертания ее самобытности; где следует искать истоки ее цивилизационной

миссии. При этом Россия рассматривается как *полноправный, законченный цивилизационный исторический субъект*. Путь развития национального субъекта во времени и пространстве показывает глубину тенденции в его развитии. Как всякая тенденция («тренд» — в новейшей социальной и экономической терминологии), она имеет вероятностное продолжение в будущем. Если можно выделить некую общую ось, вокруг которой осуществляется волнообразное движение, то, несмотря на естественные отклонения в будущем, легко определить общее направление процесса. Так и в истории: поняв, в каком направлении, несмотря на все трагические колебания, развивалась Россия, к чему она исторически тянулась и что утверждала, мы приблизимся к пониманию ее сущности, а также сможем определить, как ей следует проектировать собственное будущее. Никто не может дать однозначный ответ на вопрос «Что такое Россия?» Но все же есть общий набор признаков, приблизительная система критериев, которые позволяют наметить общие контуры того, что мы понимаем под этим.

В первой части книги мы представили сведенные воедино самые убедительные, самые достоверные, объективные и взвешенные определения идентичности России, сформулированные на основании сотен предварительно проработанных оригинальных или общеизвестных источников.

Россия — это историческая константа. Постоянно меняясь, развиваясь, трансформируясь, в каком-то глубинном измерении она остается одной и той же, хранит свою идентичность неприкосновенной, тщательно блюдет свое национальное, социальное, государственное, этническое, хозяйственное бытие.

Кризис советской идеологии позволил взглянуть на эту проблему широко и свободно, без догматических шор. И открывшаяся картина обнаружила завуалированное диалектическое единство там, где ранее пред-

полагались лишь вражда и противоречия. И белая и красная, и автократическая и демократическая, и национальная и интернациональная составляющие русской истории открылись как некое *единство*, как разные аспекты единой сущности, общей идентичности.

Многоплановой формулировке этой идентичности посвящена первая часть работы. Здесь излагается, в чем состоит историческая ось национального бытия.

Во второй части книги представлен тот социальный, цивилизационный контекст, который скорее всего будет доминировать в начале наступившего тысячелетия. Дан обзор тенденций, существующих в настоящем мире и, скорее всего, продолжающих свое развитие в мире будущем. Это сжатое изложение картины «нового мирового порядка», который стремится утвердить в планетарном масштабе западная цивилизация, или так называемый атлантистский, или глобалистский, проект, верстка «Единого Мира» по образцу тех моделей, которые вытекают из идентичности истории и культуры Запада как логическое следствие.

«Новый мировой порядок» концептуально основан на *универсализации западной системы ценностей в ее современном американском варианте. Утверждение такой системы ценностей предполагает отрицание альтернативных вариантов, связанных с культурно-историческими и цивилизационными приоритетами других, незападных, народов и государств. В будущем «новом мировом порядке», строящемся на наших глазах, нет места России как носительницы особой самобытной идентичности, России как цивилизации, как уникального религиозного, культурного и социального образования.*

Между первой и второй частями книги существует диалектическое соответствие. То, чем исторически является Россия, в чем заключается ее глубинная идентичность, последовательно *отрицается* в той системе мира, которая вытекает из существующего положения

дел в мировом масштабе, продленного в неопределенное будущее с сохранением векторов развития основных цивилизационных тенденций. Складывающийся «новый мировой порядок», основанный на укреплении и развитии основополагающих тенденций (трендов) западного мира, не оставляет России *ни малейшего шанса* следовать своим суверенным путем, предполагает ее уход с исторической сцены, превращение в «черную дыру» (термин атлантистского стратега Збигнева Бжезинского применительно к России будущего).

«Новый мировой порядок» представляет собой отрицание исторической, геополитической и цивилизационной миссии России. Это должно быть предельно ясно из той панорамы тенденций, векторов развития, концепций и обобщений, которая представлена во второй части проекта. Ретроспективно вскрытая содержательная сторона миссии России входит в прямое противоречие с вероятностным футурологическим описанием глобалистского будущего, что порождает серьезный конфликт уже на базовом, концептуальном уровне. Идентичность России — *тезис*. «Новый мировой порядок — *антитезис* (или, если угодно, наоборот).

В третьей части книги представлен анализ основных векторов развития России, приоритеты, ценностные установки, критерии и методологии, которые призваны утвердить самобытность России в условиях «нового мирового порядка», создать этому «порядку» масштабную, планетарную альтернативу, в которой Россия не только отстояла бы свою цивилизационную суверенность и право на собственный путь, но и предоставила бы это право другим народам планеты. В третьей части самым общим образом излагаются те рекомендации и ориентиры, следуя которым Россия в будущем может сохраниться и утвердить свою идентичность, а «новый мировой порядок» не состоится.

Этот третий, *синтетический*, уровень диалектического рассмотрения предмета нашего исследования есть

не более чем общий и самый приблизительный обзор сложнейшей исторической и футурологической проблематики. Однако его дальнейшее развитие, детализация и уточнение позволит сформулировать концептуальные основания для принятия более конкретных мер и шагов для составления программ и проведения реформ, призванных осуществить на практике основные идеи, заложенные в проекте.

Третья часть книги есть, по сути, описание того, *как не дать тенденциям, описанным во второй части, реализоваться*. Хотя мы описываем тенденции установления «нового мирового порядка» как наиболее вероятные, их осуществление в значительной (если не в решающей!) степени зависит от того, *столкнутся ли его архитекторы с серьезной цивилизационной альтернативой, исходящей из России, или Россия безропотно сойдет со сцены мировой истории* и предоставит основным западоцентричным течениям развиваться свободно и беспрепятственно.

Судьба России в XXI веке напрямую связана с тем, удастся ли ей вместе со всеми остальными народами, идущими собственными историческими путями, предотвратить *установление американоцентричного «нового мирового порядка»*. Если удастся, то тренды, описанные во второй части книги, захлебнутся, остановятся или видоизменятся. И тогда перспективы, намеченные в третьей части, станут *наиболее вероятными*. И, наоборот, если «новый мировой порядок» утвердится как безальтернативная модель мироустройства, России не будет в нем места и ни о каком самобытном пути, ни о какой исторической миссии, ни о какой Национальной Идее больше не будет и речи.

Мы находимся на перекрестке времен и эпох. Старые формы стремительно уходят, новые еще не проявили себя. В такой ситуации многое, очень многое зависит от нашей воли, нашего ума, нашей решительности, нашей пронизательности.

Многое может сделать личность, осознавшая суть исторического момента и решившаяся участвовать в истории. Для этого всегда найдутся возможности.

Еще больше сможет сделать коллектив, объединяющий таких решительных людей.

А если нерв истории осознает народ, он способен сделать все.

Что такое Россия? Истоки национальной идентичности

Преамбула

На грани тысячелетий. Россия подошла к важной исторической черте. Необходимо окинуть взором пройденный путь, осознать свое место в настоящем мире, наметить будущие стези.

Россия стоит перед множеством *новых исторических вызовов*. Сегодня, как никогда ранее, необходимо *в новой форме утвердить* приоритеты, цели, константы исторического пути России и *соотнести* их с контурами того нового мира, в котором нам предстоит жить в наступившем тысячелетии.

Традиции. Основные направления развития России как государства, народа, общества. Обращаясь к будущему, мы должны дать взвешенную оценку *нашему прошлому*. В русской истории это прошлое не раз переписывалось в угоду той или иной правящей идеологической группе. Сегодня, когда мы вышли из *эпохи идеологий*, мы обязаны суммировать вехи нашего исторического пути по возможности объективно и беспристрастно, по ту сторону идеологических предпочтений, выделяя главное и оставляя в стороне детали. Для этого сегодня есть все предпосылки, все условия. Эта свобода от неприкосновенных догм и общеобязатель-

ных клише, быть может, является *наиболее позитивным* завоеванием молодой российской демократии.

У России есть только евразийское будущее. Нет сомнения, что у России — свой собственный путь. Внешние формы его постоянно меняются, подчас драматически, на прямо противоположные. Но во все эпохи прослеживается общая линия — *евразийская направленность, евразийская сущность русской истории*. Многое может быть поставлено под вопрос в рассмотрении нашего прошлого, будущего и настоящего, но *Евразийская Идея не подлежит сомнению. Россия есть Евразия*, и это предопределяет её географическое, культурное, цивилизационное, стратегическое и хозяйственное бытие.

Наше будущее должно планироваться и строиться в соответствии с общими вехами нашей истории. Попытки свернуть с этой дороги, отказаться от предназначения чреваты *прекращением нашего исторического бытия*. У России есть *либо евразийское будущее, либо нет никакого*.

Отстаивание особой цивилизационной миссии. *Евразийская идентичность России составляет сущность нашей исторической миссии*. У России есть свое представление о логике истории, о Правде мира. Поиск этой Правды и утверждение ее есть содержание национального исторического бытия. Эту Правду, верность ей отстаивали наши предки, многие поколения русских людей, россиян, клавших жизнь на алтарь Отечества. Отстаивать эту миссию мы обязаны и в дальнейшем. Это наш исторический завет.

Особый мир, особое геополитическое образование. Как историческая общность (народ), как уникальный хозяйственный и социальный организм, как особое геополитическое образование мы представляем собой *законченную самостоятельную систему*, вписанную в общий планетарный баланс цивилизаций, культур, на-

родов, религий и государств. *Утвердить и сохранить наше многомерное своеобразие — наша главная задача.*

Преимственность цивилизационной политики. Преимственность политики и стратегии отличает мудрые народы от неразумных, зрелые государства от авантюрных. Самые различные классификации исторических периодов русской истории сходятся в том, что русский народ (будучи молодым относительно большинства европейских этносов) все же выходит из юношеского возраста, а это характеризуется большим вниманием к своей судьбе, более зрелой, взвешенной оценкой своего положения в мире. Мудрое государство думает о своем историческом предназначении, о сочетании традиций и новаторских путей больше и лучше, чем государства временные и преходящие. Россия явно подошла к необходимости нового глубинного осознания своего «я».

Россия и ее вожди не всегда были на высоте геополитической мудрости. Это стоило нам огромных жертв. К великому сожалению, мы не получили в наследство законченной, ясно сформулированной *национальной доктрины*. Не так просто различить ее черты, всматриваясь в виражи русской истории. Подчас вожди России, мыслители, идеологи, религиозные деятели, философы, люди культуры выражали свои интуиции относительно нашей судьбы в туманной и противоречивой форме. Сама русская история полна драм и конфликтов, кровавых репрессий и междоусобиц, смутных времен и неожиданных поворотов. Но такова история любого *великого народа* — она драматична и загадочна, часто парадоксальна. Много раз пытались элиты России *уклониться с евразийской стези*, но всякий раз логика исторического предназначения снова возвращала страну и народ на круги своя.

Мы просто обязаны не повторять кровавых ошибок наших предков, взяв в новое тысячелетие все лучшее из нашей национальной истории.

В новых условиях лимит на грубые ошибки и резкие отступления от нашей судьбы исчерпан. Фатальность определенных ошибок, неоднократно совершавшихся нашими предками, стала очевидна. Наша задача в том, чтобы более не повторять самых грубых из них. Нам остается *принять нашу долю, осознать ее и триумфально утвердить над миром Русскую Евразийскую правду.*

Понятие «народ»

Народ как субъект истории. Разные исторические и философские школы спорят о том, кто является, в конечном счете, субъектом истории. Этот вопрос остается открытым. Но когда мы говорим о стране, об исторической общности, о культуре, о форме специфической цивилизации, мы подразумеваем, что *субъектом истории, который мы рассматриваем, является народ.*

Типы государственности, хозяйственные механизмы, культурные модели, идеологические надстройки меняются, сменяют друг друга и поколения. Но нечто остается постоянным сквозь все эти трансформации. Эта *постоянная величина*, живая в течение долгих веков и на обширных пространствах, и есть *народ.*

Говоря и думая о России, мы думаем не столько о государстве, сколько о той внутренней жизни Государства, которая и есть народ. *Государство — лишь форма, народ — содержание.*

Геополитическая идентификация

Евразия как судьба. *Геополитически Россия является Евразией, «сердцевинной землей», «географической осью истории».* Само месторасположение («месторазвитие») делает Россию цитаделью континентального стратегического пространства. В геополитических терминах это означает, что Россия олицетворяет собой цивилизацию Суши.

Цивилизация Суши. Цивилизация Суши отличается от цивилизации Моря целым рядом признаков и характерных черт. В истории цивилизации Суши имели место различные формы — от Спарты и Рима до Константинополя и Третьего Рима, Москвы. По мере исторического развития *цивилизации Суши тяготели к тому, чтобы приблизиться к географическим очертаниям евразийского материка.* (Параллельно тому, как цивилизация Моря постепенно отождествлялась с англосаксонским миром, а в последние десятилетия — с США.) Россия самой географией поставлена в центр континентального массива и не имеет иной перспективы, *кроме как служить осью консолидации всех держав, цивилизаций и культур, имеющих континентальный, сухопутный, евразийский характер.*

Геополитическая наука противопоставляет цивилизации Суши иную, оппозиционную цивилизацию — цивилизацию Моря, ведущую свою историю от Карфагена, Венеции, Голландии, Великобритании к США и современному Северо-Атлантическому альянсу. Географическая предопределенность привела к тому, что оплотом цивилизации Моря стал Мировой Остров, США, увенчавший своим «морским могуществом» англосаксонскую миссию Великобритании, чью эстафету США постепенно перехватили.

Тождественность России и континентальной цивилизации Суши в геополитической модели мира заведомо обрекает ее на цивилизационное противостояние с геополитическим лагерем морского могущества. Это геополитическое противостояние фрагментарно прослеживается с самых ранних периодов русской истории и достигает своего апогея в романовской России, жесткой соперницы Англии в позиционной борьбе за проливы и Азию, и особенно в «холодной войне» между СССР и США.

География, геополитика предопределяют русскую историю. География — судьба России.

Континентальная специфика России. Евразийский характер России предопределяет ее центральное место в континентальном ансамбле. В стратегическом смысле *России суждено быть ядром континентального евразийского блока*, системы государств, объединенных структурой безопасности.

Свой континентальный масштаб Россия реализовывала постепенно, расширяя на разных этапах своей истории масштабность подконтрольных центру евразийских территорий. И имперский, и советский периоды характеризовались неуклонным ростом пространственного объема русских земель, тяготеющих к достижению границ самого евразийского континента. За каждым отступлением от этого правила следовал новый пространственный рывок, сопровождавшийся новым, более универсальным осознанием народом своей миссии. Континентальное объединение, складывание вокруг России континентального блока проходило в разные времена под разными знаменами: как присоединение земель к Российскому Государству, как завоевания смежных территорий, как колонизация неосвоенных пространств, как добровольное объединение с дружественными державами, как стратегический союз соседних государств, как общность режимов со сходной идеологической ориентацией. Но геополитическое содержание оставалось одним и тем же — *Россия неуклонно шла к организации континентального блока.*

Государственная идентичность

Иероглиф исторического бытия. Русский народ прошел в своей истории огромный путь: от группы славянских племен — к государству Киевской Руси, от княжеской раздробленности — к унитарному централизованному Московскому Царству.

Далее: от Московской Руси к Российской империи Романовых, когда область русского влияния расшири-

лась на всю северо-восточную Евразию, на Среднюю Азию и значительную часть Восточной Европы.

И, наконец, при советском строе в зону русского влияния (в особой специфической форме) была вовлечена *треть мирового пространства*.

На разных этапах истории Национальная Идея русского народа *становится все более и более универсальной, всеобъемлющей, масштабной*, восходит от племенного уровня к осознанию себя мировой державой с особой планетарной миссией.

Союз племен и призванный царь. Фундамент русской государственности заложен объединением восточнославянских (и нескольких угрофинских) племен под началом князя Рюрика. С описания призвания на царство начинаются известные нам древнерусские хроники. Это первый этап образования русской государственности: добровольный (федеративный) альянс нескольких этнических групп, принявших решение о необходимости социальной консолидации и введения монархического (княжеского) единоначалия для регламентации и упорядочивания племенного бытия. Показательно, что первый аккорд политической истории русских как нации уже демонстрирует осознание необходимости интеграции и политическую волю к ней, выраженную в эпохальном послании к Рюрику. Как бы ни относиться к редакции рассказанного в летописи события, показательно, что этот сюжет является архетипическим для государственнического сознания русских: *интеграция и консолидация племен плюс единоначалие* воспринимаются как порядкообразующий, глубоко положительный акт политической истории, как закладывание основ всего последующего развития нации. Фактически это и есть политическое рождение русских как нации.

Киевское «государство-нация» (до святого Владимира). Политическое объединение восточных славян вокруг Рюрика на следующем этапе приводит к созданию

первой версии русского централизованного «государства-нации» — Киевской Руси. На этом этапе происходит формирование централистской системы, экономического и фискального контроля, складываются подобию классов (знати, купцов и простолюдинов). Киевская Русь в дохристианский период принципиально незначительно отличается от современных ей государственных образований Восточной Европы. Крупные города имеют существенную независимость. Но наряду с практическим полицентризмом намечаются тенденции к сосредоточению у киевского правителя нитей власти, распространяющейся на все Государство.

Первые признаки национального мессианства и раздробленность. Принятие Православия святым князем Владимиром усиливает русскую государственность наличием конфессионального единства, сменившего расплывчатую многообразную языческую модель (дифференцированную не только по линии норманских культов знати и более архаических культов славян-простолюдинов, но и на горизонтальном уровне в зависимости от племенного контекста). Русские начинают осознавать себя как Православное Царство, как Церковь и как Народ. Высокий образец исторического осознания национальной и религиозной оригинальности русских встречаем у митрополита Киевского Илариона. В этот период — от святого Владимира до татарского нашествия — Киевская Русь активно впитывает в себя византизм как в религиозном, так и в политическом смысле. Параллельно закладываются первые основания учения об особом мессианском предназначении русских и Русского Государства как «последних», кто принял святое крещение, и которым по этой причине суждено стать «первыми» в деле спасения мира.

Постепенно киевский централизм расшатывается княжескими усобицами, феодальным распадом государственности. Налицо кризис государственной идентичности.

Монголо-татарское завоевание. Раздробленное поздниекиевское Государство не способно выдержать столкновения с лавинообразно нарождающейся сухопутной строго евразийской кочевой империей Чингисхана и его потомков. Монголо-татарское нашествие разоряет Киевскую Русь, включает ее отдельные разрозненные фрагменты в свою имперскую систему. Сами русские осознают катастрофу как *плату за утрату национального единства*. За годы тесного контакта с татарами русские перенимают от них *централистскую административную модель*, агрессивную территориальную интеграционистскую динамику, геополитическую миссию объединения земель Евразии. Народное самосознание делает из многовековой трагедии самый серьезный вывод.

Московский период — евразийская Византия. Ослабление и внутренний распад татарской империи позволяет русским восстановить свою независимость. Начинается новый этап русской государственности — Московская Русь. Параллельно отвоевыванию независимости происходит падение Константинополя, и православная Русь остается *последним православным царством*, сохранившим от византийской реальности Церковь и Веру и обладающим политической самостоятельностью и мощной царской властью. Московское Царство основано на жестком административном централизме, сочетающем византийские политические механизмы с татарской организацией, на имперском принципе включения в свою орбиту всевозрастающего числа территорий на новом витке осознания русскими уникальной миссии Государства и народа, которые становятся носителями *исторического предназначения*. Царьград падает. Москва стоит и укрепляется. Рождается концепция Москвы — Третьего Рима. Государственность и царская власть в сочетании с избранничеством благочестивого народа, преданного древней непорченной Вере, придают *русской мессианской идее* за-

конченную форму. Предшествующие периоды истории осознаются как преддверие Московского Царства. Последующие этапы будут восприниматься как развитие (или искажение) самого триумфального периода, когда складывается представление о *Святой Руси* — особой *богоизбранной стране* и о русском народе как о *богоносце*.

Романовская Россия. После драматических событий раскола мировоззренческий синтез Московской Руси, пик расцвета национальной государственной идеологии русских во всем ее богословском и эсхатологическом объеме сменяется секуляризированной светской моделью. Государственная идея меняет свое оформление от Святой Московской Руси к светской Санкт-Петербургской России. Но основной импульс государственности в целом сохраняется, проникновение в глубь Евразии идет полным ходом. Россия в обратном направлении проделывает путь Чингисхана и интегрирует под своим началом гигантские территориальные ансамбли. Единовластие и централизм поддерживают в нации политическое единство, хотя официальное самосознание русских отныне формулируется в европейских терминах, утрачивая специфичность московского духовно-политического синтеза.

Революция и СССР. Ослабление и внутренний идеологический кризис романовского режима требуют новой формулировки государственной и национальной идеи. Этим занимаются *русские марксисты*, которые совместно с другими социалистическими и народническими партиями свергают монархию и постепенно устанавливают однопартийную диктатуру. Несмотря на то что марксизм в теории отвергает государство, религию и нацию, большевики (путем колоссальных жертв) превращают Россию в огромное мощное Государство, утверждающее свой идеологический и политический суверенитет перед лицом враждебного западного противника. Универсализм московского государства религиозного Спасения трансформируется через романов-

скую светскую державу в Советский Союз — государство нового типа, формально основанное на марксистских догматах, а на практике на новом этапе реализующее, пусть с исключениями и эксцессами, изначальную русскую мечту о Государстве Правды, спасительном единстве, универсальной миссии народа.

Актуальный кризис государственной идеи. Период советской государственности закончился приблизительно так же, как и другие циклы русской истории: отчуждение, чрезмерная бюрократизация, утрата жизненного стимула и идеологической энергии привели к распаду, разложению исторической воли. Содержательная мобилизационная сторона советской государственности перестала быть очевидной. Старые формулировки перестали действовать. Настоящий кризис государственности усугубляется еще и тем, что альтернативные западные цивилизационные структуры предчувствуют свой, кажущийся близким, окончательный триумф и оказывают на современную растерянную Россию серьезное давление, стремясь максимально использовать кризис государственной идентичности для того, чтобы навсегда упразднить геополитические предпосылки для грядущего возрождения страны на новом, качественно более высоком уровне, что предопределено самой исторической логикой циклического развития государственного самосознания.

Логика нового витка. Рассмотрение развития русской государственной идеи в чередующихся циклах (каждый из которых заканчивается катастрофой, чтобы очистить место для нового, еще более универсального витка) убеждает, что всякий раз, когда Россия преодолевает кризис национального и государственного самосознания, новая формулировка ее государственной идеи становится еще более универсальной и масштабной, нежели предыдущая. Вероятно, та же закономерность повторится и в будущем, когда народ преодолеет кризисный период, связанный с распадом советской госу-

дарственности. Это наблюдение прекрасно гармонирует с геополитическим подходом, утверждающим *неизбежность нового евразийского великоконтинентального этапа русской истории*, когда традиционное для русских расширение масштабов исторической миссии своего государства дойдет до самых последних пределов. Иными словами, следующий по логике вещей этап государственного утверждения России должен стать эпохой *создания геополитического Евразийского Государства планетарного объема*.

Но такой исход не гарантирован. Несмотря на то что он предполагается узором исторических циклов, его реализация зависит от воли, мужества и ума тех, кому вверена судьба России в столь сложный для нее переломный момент.

Политологическая идентификация российских партий

Динамика российской политологии в последнее столетие. Политическая карта России отличается от европейских стандартов тем, что партийное разнообразие в нормальном случае исходит из признания общей платформы — *евразийского пути*, который является *общим знаменателем* самых разных мировоззренческих вариантов. Евразийство является идеологической константой России, своего рода *абсолютным центром*, вокруг которого происходит формирование флангов и нюансированных мировоззренческих вариантов. В этом существенное отличие российской политики от западных моделей, где роль абсолютного центра играет *атлантистская идеология*, вокруг которой, в свою очередь, формируются партийные и политические фланги.

В России и белые (правые), и красные (левые) исторически *действовали в одном и том же геополитическом ключе*, по-разному реализуя основные постулаты евразийства — *универсализм, расширение континенталь-*

ного влияния, создание стратегически единой и культурно дифференцированной интеграционной модели.

На примере эволюции левой, прогрессистской, антигосударственной идеологии марксизма на русской почве наглядно заметно действие этого политологического закона. Формально западная, антинациональная, атеистическая идеология большевиков на практике усиливает русскую государственность, пусть временно, но добивается беспрецедентной территориальной экспансии и огромного планетарного влияния.

Евразийская природа русской политики предполагает ограничение регистра возможных политических позиций. Этот регистр меняется от патриотического либерализма (правые) до патриотического социализма (левые). При этом те фланги, где идеологическая инерция уводит за грани евразийского контекста в сторону атлантистских формул, крайне неустойчивы и исторически лишь провоцируют катастрофические явления *революционного порядка*, которые, как правило, заканчиваются установлением более последовательной мировоззренческой евразийской модели.

В самом общем смысле, политической идентификацией русских является *евразийство*, понятие не как политическая или идеологическая платформа, но как общий исторический знаменатель, свойственный всем устойчивым политическим конструкциям.

Такая поправка на евразийство при характеристике политического спектра России легко объясняет те парадоксы, которые в противном случае остаются неразрешимыми загадками.

Запаздывание в сфере политологической рефлексии. Особенностью русского политического и политологического сознания является внутреннее противоречие между *самобытностью русского пути*, специфичностью национальных установок и задач и тем *категориальным аппаратом*, почерпнутым преимущественно из *западных* источников, с помощью которого этот путь

осмыслялся и формулировался. Это особенно ярко проявилось после окончания московского периода русской истории, когда догматические обоснования русской государственной, церковной и национальной самобытности были отставлены на второй план. С этого времени политическая мысль всех секторов общества — и политических элит, и народной оппозиции — вынужденно оперировала с политологическими системами и методологиями Запада. Такая неадекватность приводила к катастрофическим последствиям, к расколу в национальном самосознании, к утверждению неснимаемых противоречий и гражданским войнам там, где речь шла всего лишь о некорректных политических формулировках, заимствованных из совершенно чуждой социально-исторической среды с качественно иной политической историей.

Евразийская специфика осевой линии русской политики на протяжении долгих веков была скрыта под оппозицией противоположных, но одинаково некорректных заимствованных политических формулировок, с помощью которых пытались утвердить свои позиции различные силы российского общества. Реальная политологическая рефлексия, отдающая себе отчет в неадекватности манипулирования европейским политологическим аппаратом, либо запаздывала, либо оставалась на периферии политического внимания. По этой причине царские реформы, направленные в народном национальном ключе, никогда не доводились до конца, а в советский период проницательная и адекватная историческая политология евразийцев не смогла привить советскому руководству понятийный аппарат, который избавил бы его от концептуальных противоречий между государственной, патриотической, евразийской геополитической ориентацией и отвлеченной догматикой марксизма, предполагающей отмирание государств и чисто количественный интернационализм.

Этот момент запаздывания политологической реф-

лекции относительно того, что является базовой, векторной составляющей специфической политической истории России, — то есть *сочетание левой экономики с правой политикой*, — должен быть преодолен, так как невнимание к этому вопросу чревато новыми социальными и политическими катастрофами.

Кратополитическая идентификация русских

Кратополитика и Россия. Кратополитическим анализом в политологии называется оценка *общего силового потенциала державы* и соотнесение этого потенциала с политической, юридической, социологической, культурной и религиозной сторонами внутренней и внешней политики. Важность кратополитического, силового фактора Россия понимала всегда, так как с самого начала своей национальной истории Государство сталкивалось со множеством внешних военных вызовов, исходящих из соседних держав, что почти всегда сопровождалось навязыванием внешних идеологий, систем ценностей, культурных приоритетов. В кратополитическом смысле прямое военное вторжение и проникновение чуждых мировоззренческих комплексов рассматриваются как две стороны одного и того же процесса, поскольку ведут к одному результату — *ослаблению суверенности Государства*, утрате исторической инициативы, подпаданию под режим «внешнего управления» со стороны отчужденной мировоззренческой системы.

По этой причине на всем протяжении своей истории Россия уделяла особое внимание развитию *военного, стратегического потенциала*, опора на который и давала возможность русским триумфально шествовать по истории к высокой цивилизационной цели создания гигантского континентального Государства.

Государствообразующее значение армии в русской истории. Русское государство изначально организовыв-

валось *вокруг военных княжеских дружин*, которые вместе с князьями и были гарантом ранней государственности, залогом национального суверенитета. И Государство, и нация имели эти военные образования в качестве *станового хребта*. В период освобождения от монголо-татарского ига русское воинство снова сыграло историческую роль, обеспечив Руси государственный суверенитет на новом этапе, заложив основу Московского Царства. Кратополитический военно-стратегический фактор ясно осознавался русскими не просто как необходимый атрибут государственности, но как ее основа. Отсюда традиционное для русских уважение к военному сословию, представление о нем как об избранном, элитарном слое населения.

Советская государственность также знала культ Вооруженных Сил, и победа в Великой Отечественной войне и позднейшая разработка ядерного оружия были событиями силового триумфа русского оружия, обеспечившего на определенных этапах новейшей истории само существование русского народа, его свободу в выборе мировоззренческих и политических ориентиров.

Русские как историческая и политическая общность сформировались вокруг силового военного фактора и на протяжении всей истории напрямую зависели от него.

Такая особенность дает основание для продолжения этой тенденции и в дальнейшем, так как кризис кратополитического сознания, децентрализация военных в сфере политических и мировоззренческих решений настолько противоречит основной логике развития России, что не может быть долговременным, устойчивым явлением.

Стратегический вектор. На разных этапах своего развития русский народ давал различные ответы на стратегический вызов. Общим вектором национальной стратегии было укрепление и расширение территорий,

находящихся под стратегическим контролем центра, приращение союзных и дружественных пространств из числа непосредственных соседей. Морская политика России традиционно была довольно скромной, акцент делался на *сухопутные войска*. Вместе с тем постепенная реализация евразийских стратегических планов по приближению к физическим границам Евразийского материка в последнее столетие заставила Москву ориентироваться на «континентальный блок», стратегический союз с береговыми государствами Евразии и, соответственно, на развитие военно-морского флота.

По мере осознания своей стратегической планетарной миссии русские все больше внимания уделяли вопросам *планетарной стратегии*.

Стратегическое развитие системы вооружений Российского Государства показывает неуклонное тяготение к развитию тех секторов вооружений, которые призваны решать все более глобальные задачи по мере того, как пропорционально возрастал сам геополитический статус России, а ее евразийское качество приобретало законченную и явную форму в рельефе границ.

Ракетные войска, стратегическая авиация, ядерные подводные лодки и авианосцы в последние десятилетия в некоторой степени компенсировали стратегический изъян России, заключающийся в отсутствии свободного выхода к «теплым морям» и, соответственно, не позволявший ранее проводить полноценную планетарную политику. Важным сдерживающим фактором, замедляющим активное стратегическое развитие вооружений, была большая протяженность сухопутных границ и их континентальный рельеф. Строительство военно-морского флота являлось в истории стратегического развития России важнейшим этапом, отмечающим переход к активной планетарной политике.

Идентичность России на военном уровне проявляется в приоритетном развитии стратегических (насту-

пательных и оборонительных) видов вооружений, наращивании военно-морского потенциала, стратегической авиации, ядерного оружия, ПРО, оружия нового поколения.

Промышленная идентификация России

Консервативная психология как фактор. Промышленное развитие России имеет драматическую историю, связанную с *идеалистической созерцательной ориентацией* русского народа. Промышленные рывки исторически осуществлялись принудительно, путем жесткой мобилизации и в основном под воздействием соображений конкуренции с индустриально развивающимся Западом. Промышленное развитие России имело изначально «ответный» характер, было обусловлено цивилизационным трением с западным соседом. По этой причине оно не связывается в национальной психологии с самодостаточной ценностью, как на Западе.

Такое «принудительное» отношение к техническому прогрессу не распространяется на стихию труда, который, напротив, является национальной этической ценностью. Представление о труде как самостоятельном и духовном процессе, превосходящем соображения материального вознаграждения или иного результата, характеризует трудовую психологию русских.

Эти национальные особенности необходимо учитывать самым серьезным образом, и в проекты промышленного развития необходимо заведомо закладывать механизмы, которые компенсируют вытекающие из этого противоречия, трения и психологическое сопротивление.

Отставание и развал национальной промышленности на пороге нового тысячелетия. Современная российская промышленность создавалась в условиях социалистического способа хозяйствования, путем предельной мобилизации и колоссальных жертв. Жесткость этого

процесса во многом обуславливалась догматическим характером марксистской идеологии, но во многом — и национальной психологией русских. Индустриальный рывок был заложен в 30-е годы, и все последующее развитие в целом сохраняло траекторию этого жесткого толчка. Этот процесс поддерживался традиционной для России конфронтацией с внешним противником (в данном случае — «капиталистическим Западом»).

Кризис развития российской (советской) промышленности совпал с *угасанием импульса сталинской индустриализации и ослаблением конфронтационного сознания* на рубеже 70 — 80-х годов.

В настоящий момент состояние российской промышленности проблематично. Такое положение является не причиной ослабления геополитической мощи Государства, но следствием утраты цивилизационного, геополитического осознания собственного пути. Динамика развития национальной промышленности есть производная от ясно сформулированного геополитического и цивилизационного курса (а не наоборот).

Сложности оценки современного состояния российской промышленности. Показатели промышленного развития в настоящий момент находятся в состоянии динамического изменения. Это обусловлено тем, что в мировом масштабе и особенно в странах Запада протекает процесс перехода от индустриального общества, где промышленные показатели (ВВП и т. д.) играли главенствующую роль в определении экономического статуса Государства, к постиндустриальному обществу, где основные показатели смещаются в чисто финансовую сферу (фондовые рынки, электронные биржи) и в область высоких технологий информационного типа. В такой ситуации чрезвычайно трудно выработать шкалу, в соответствии с которой следует определять индексы промышленного развития России в настоящее

время. Одни критерии устарели, другие еще не оформились окончательно.

Сокращение реального сектора производства в общенациональном масштабе не обязательно является сугубо *отрицательным* явлением и показателем промышленной деградации. Точно так же не является таким критерием и количественный показатель ВВП. Эти оценки соответствуют индустриальной стадии, которая стремительно отходит в прошлое. Развитие высоких технологий и адекватная финансово-кредитная политика могут в значительной мере компенсировать деградацию реального сектора экономики, особенно если учесть, что целый ряд производств представляет собой анахроничное явление и не имеет места в новых технологических циклах.

Евразийское производство и промышленная модернизация. Индустриализация была для России исторически *вынужденной мерой*, ее процесс осуществлялся ценой невероятных жертв. Развитие промышленного производства в России является лишь эпизодом ее социально-экономического развития. В общем контексте национальной истории это не осознается народом как основная линия развития, предмет особой гордости. По этой же причине России будет легче вступить в постиндустриальную эпоху, где инновационные технологии, информатизация, экологические проекты и поиски новых видов энергии будут играть центральную роль.

Евразийское общество плюрально во всех смыслах, и на уровне промышленного развития целесообразно отказаться от унификации и запоздалой индустриализации, а также от поддержки малоэффективных промышленных предприятий в целях решения социальных проблем. Это контрпродуктивный подход. Имеет смысл, напротив, приоритетно поощрять традиционные виды хозяйственной деятельности — аграрный сектор, ремесла и т. д., с одной стороны, а с другой —

сделать акцент на информатизации и развитии стратегических областей производства и внедрении там высоких технологий при целевой поддержке Государства.

Вопрос о приоритетах и специализированной поддержке промышленного сектора должен решаться не на основании производственной эффективности или коммерческой прибыльности данного предприятия (так как этот метод крайне ненадежен и относителен) и не исходя из намерения любой ценой сохранить существующие промышленные единицы (это приведет к перерасходам бюджетных средств), но на основе объективно взвешенной оценки *стратегической роли данного производства в системе евразийской промышленности*. Такой подход заведомо ориентирован на приоритетную государственную поддержку предприятий ВПК и других отраслей, от которых напрямую зависит *геополитический суверенитет России*. В остальных же сферах должны применяться более гибкие критерии.

В любом случае технологические методики и системы патентов в постиндустриальном обществе играют настолько важную роль, что от адекватного развития высоких технологий уровень промышленного производства зависит намного больше, нежели от сохранения и поддержки индустриальных циклов предыдущего поколения.

Модернизация без вестернизации. Технологическое материальное развитие России отставало от Запада. Причиной этого была общая созерцательность народа, обращенность к духовным, религиозным ориентирам. Когда же возникала острая необходимость сделать качественный технологический рывок (при Петре I, при большевиках), русские давали целые плеяды гениев и первооткрывателей, хотя, как правило, для того, чтобы заставить народ развиваться в этом довольно прикладном и материальном направлении, приходилось прибегать к *насильственным* средствам. Такое отношение к технике свойственно народам Востока, хотя уникаль-

ная одаренность к техническому творчеству и новаторству русских — черта в целом европейская.

Даже в тех случаях, когда русские осуществляли технологические прорывы, они *адаптировали новые методики к национальному контексту*, используя заимствованные модели для усиления собственной национальной идентичности. Периодически черпая в Европе техническое вдохновение, Россия использовала технологии инструментально, отрывая их (по мере возможности) от культурного контекста. Этот принцип принято называть «модернизацией без вестернизации». Это устойчивая черта национального отношения к технологиям.

Экономическая идентичность России

Поиск общинного уклада. В сфере экономики Россия имеет ярко выраженную специфику. Последовательно проходя фазы экономических формаций, русский народ интуитивно тяготел к *разнообразным формам общинного хозяйствования* и, напротив, всячески противился «экономическому индивидуализму», «торговой этике», свойственным большинству европейских и особенно протестантских государств.

Общинность (в разных формах) была характерна и для киевского периода, и для Московской Руси, и для советского строя. То, что при социализме воспринималось как чисто экономическая модель коллективистского устройства общества и организации труда и распределения, на иных этапах связывалось либо с рудиментами племенного хозяйствования (Киевская Русь), либо с концепцией «тяглового государства» (Московская Русь). Даже в периоды отклонения от общинной этики народные массы тяготели (часто в форме параллельной идеологии) к общине и коллективному ведению хозяйства.

Общинность следует признать отличительной чертой русского народа в его экономическом аспекте.

Этика труда. В русском народе в течение веков развилась самостоятельная *этика труда*, рассматривающая сам *трудовой процесс как духовное, социальное, нравственное подвижничество*, осознанное как самоцель. Не материальная необходимость, не извлечение прибыли и сверхприбыли лежит в основе такого национального отношения к труду, но исполнение нравственного долга, созидательное усилие, оправданное самим фактом своего наличия. Этика труда в народном сознании *противостоит принципу эксплуатации, наживы, личного процветания в ущерб остальным членам общества*. Отсюда превосходство производительного сектора над торговым, сакрализация трудового процесса и десакрализация прибыли, процента и т. д.

Византийский «аграрный социализм». Хозяйственные практики русского народа во многом *наследуют аграрный строй византийской экономической модели*, где общинное владение землей на законодательном уровне поощрялось и поддерживалось в ущерб частному владению ею аристократией и чиновничеством, ленному принципу и системе земельной ренты. Этот византийский «аграрный социализм» был заменен классическим феодальным отношением к земле только после завоевания Константинополя крестоносцами и распространения в Византии западного влияния как в политической, так и в хозяйственной сферах. На Руси та же модель сохранялась гораздо дольше и была отменена лишь в период западных реформ Петра. В народной среде принцип аграрного общинного хозяйства сохранялся вплоть до XX века как дань многовековой хозяйственной традиции, как психологическая и этическая константа. Искаженная версия этой древней тенденции проявилась в процессе коллективизации деревни в 30-е годы XX столетия.

Соотношение аграрного и промышленного секторов.

Тот факт, что на протяжении многих столетий Россия была *аграрной страной*, наложил неизгладимый отпечаток на трудовую психологию русских. С крестьянским трудом связано представление о «благородном труде», о прямом соучастии в общенародном литургическом делании, где экономический, чисто *хозяйственный и материальный аспект* (производство продуктов питания) сочетался с исполнением *социальной миссии* (тягловое государство) и *духовным подвижничеством* (*религиозный аспект*). *Крестьянский труд сформировал национальную психологию русских и в огромной мере предопределил специфику русского пролетариата, который, в отличие от обществ Запада, так и не сложился в самостоятельный социальный класс, полностью оторванный от культурных корней и отчужденный от национальных традиций. Даже насильственная индустриализация советского периода не смогла вытравить в народе, в рабочем классе основы крестьянской психологии.* Вне догматического марксистского контекста, который вынужден был фальсифицировать положение дел ради формального совпадения реальности с абстрактными теоретическими доктринами, такая традиционность и устойчивость психологического типа российских тружеников не несет в себе ничего специфически отрицательного.

Ориентация советского государства на приоритетное развитие именно промышленного производства и рабочего класса в ущерб крестьянству жестко противостояла основной исторической тенденции русского хозяйственного уклада, и хотя это было отчасти обусловлено сложной геополитической ситуацией СССР, в целом оказалось губительно для общества и хозяйства. Деградация деревни, люмпенизация сельских жителей и отрыв масс, задействованных в промышленном производстве и сосредоточенных в промзонах и мегаполисах, от традиционной культурной среды породили отрицательные социальные мутации, нарушили органич-

ные вековые модели трудовых циклов, естественной смены поколений и эволюционного развития хозяйственной системы России.

Наиболее продуктивной в этой ситуации была бы планомерная аграрная политика, восстанавливающая в исторических правах сельскохозяйственный сектор, отдающая дань парадигматической для русской экономической истории фигуре Крестьянина, Труженика, Кормильца. При этом стирание различий между городом и деревней должно проходить в смысле психологического возврата российского пролетариата к его крестьянским корням, а не наоборот — не в смысле окончательной пролетаризации последних остатков крестьянского населения.

Социальная идентичность русского общества

Общество разных скоростей. В социальной истории русского народа выделяется то обстоятельство, что его общественные составляющие развиваются *в неодинаковом ритме*. Так как геополитическое развитие России исторически предполагает *все большее и большее расширение*, включение в себя разных культурных, этнических и религиозных общностей, то естественным образом возникает разнородная, разноскоростная социальная картина. Определенные секторы общества живут в одной культурно-хозяйственной фазе, другие — в другой и т. д. Попытка всеобщей унификации социального уровня при СССР, несмотря на радикальность предпринятых мер, не достигла результата. Многообразие социальной организации различных секторов России является ее специфической чертой, продиктованной ориентацией ее пространственного развития.

Социальные группы и национальные сверхзадачи. На протяжении всей русской истории основными социальными группами были *крестьяне, городские и сельские ремесленники* (позже развившиеся в пролетариат),

управленческий и военный классы (знать, чиновничество) и *клир*. В наиболее гармоничные периоды русской истории эти группы осознавали свою органическую связь, *соучастие в общем национальном Проекте*, имеющем производительное, административное, государственное и церковное измерения. Неизбежные социальные коллизии и противоречия уравнивались острым сознанием органического единства всех слоев общества перед лицом религиозно-государственной общенародной сверхзадачи. На разных этапах истории эта сверхзадача формулировалась по-разному, но ее неизменное наличие (в той или иной форме) служило общим знаменателем для достижения социального согласия и национальной солидарности.

В киевский период речь шла об общности государственного толка. В московский период к ней добавилась мессианская идея мирового спасения (Москва — Третий Рим). После Петра лояльность обеспечивалась обращением к «светской империи». В советский период сверхидея формулировалась как отождествление Москвы с колыбелью мировой революции, а социалистического общества — с самой справедливой политической и экономической системой.

Именно этот идеал служил общим знаменателем в деле социальной стабильности, выступал в критические моменты как последний аргумент, мобилирующий все социальные слои населения на солидарные действия по государственному созиданию и сопротивлению внешней опасности.

Эти социальные типы или их более современные аналоги — крестьяне, рабочие, управленцы и клир (в советский период на его месте находились партийные теоретики и политкомиссары) — сохранились и сегодня. Их гармонизация, непротиворечивое солидарное сотрудничество, как и на предыдущих этапах национальной истории, может быть достигнуто лишь путем *сформулированной заново исторической сверхзадачи*.

Новые социальные пласты. В последние столетия в социальной картине России произошли стремительные изменения, и баланс традиционных социальных групп резко изменился. К основным группам (*крестьяне, рабочие, управленцы, клирики/партийцы* в советское время) добавились новые типы: научная и культурная *интеллигенция* (в последнее время внутри нее в самостоятельную систему выделилась *медиакратическая прослойка*), *молодежь* как самостоятельный социальный ансамбль, не относящийся ни к одной традиционной социальной категории; *этносоциальные образования*, чья специфика настолько акцентирована, что не поддается кодификации в рамках обычных социальных моделей. Кроме того, есть определенная тенденция по возвращению на первые роли в обществе тех типов, которые были либо маргинализированы, либо вытеснены на предыдущих этапах истории, — *это крупные частные предприниматели и священство*. Эти две последние категории тяготеют к вхождению в социальную группу *управленцев*, но с сохранением своей специфики.

Интеллигенция, молодежь и некоторые этносоциальные ансамбли представляют собой крайне подвижные и нефиксированные социальные пласты, способные к автономной социальной стратегии, к навязыванию другим, более традиционным общественным пластам новаторских доктрин. Эта среда является питательной для различных *революционных проектов*, экстравагантных или экстремистских замыслов и стратегий. Здесь сосредоточен наибольший процент пассионарных активных личностей, свободных от строгих социальных рамок традиционного образца.

Основные общественные потрясения созревают, вынашиваются в этой среде. Это не значит, что интеллигенция, молодежь и некоторые этнические образования представляют собой «революционный класс». Это значит лишь, что здесь мы имеем дело с наименее устойчивой и предсказуемой, но при этом наиболее дея-

тельной и влиятельной частью российского общества. Это питательная среда для *контрэлиты* и социальная матрица, в которой зреют наиболее смелые (созидательные или разрушительные) социальные проекты. Во всех революционных событиях в России эта подвижная социальная прослойка играла едва ли не *решающую* роль.

Баланс и динамика элит. В российском обществе, как и в любом другом, происходит периодическая (циклическая) *смена правящих элит*. Так как любая элитная правящая группа заинтересована в укреплении своего положения, в передаче властной эстафеты определенным близким кланам и кругам, рано или поздно в обществе складывается ситуация, когда сохранение старой элиты у власти катастрофически тормозит основные социальные и политические процессы. В таких условиях на периферии общества (или в некоторых второстепенных эшелонах власти, настроенных оппозиционно к существующим лидерам) формируется *контрэлита*, стремящаяся под эгидой новых моделей и новых лозунгов сменить правящую группировку.

В русской истории это происходило через систему дворцовых переворотов, религиозных потрясений, народных бунтов, наконец, политических революций. Консервативная и в целом крайне стабильная, традиционалистская психология русского народа препятствовала тому, чтобы ротация элит проходила часто и агрессивно, и массовой поддержки контрэлиты, как правило, не получали. Но на уровне верхушечных переворотов, цареубийств и тираноцида тем не менее ротация элит осуществлялась регулярно.

В Октябрьскую революцию ротация элит произошла самым жестким и тотальным образом, и замена правящего слоя осуществилась в беспрецедентном масштабе.

Ротацией элит объясняются и многие события социальной истории советского государства, так назы-

ваемые сталинские чистки, а также новейшие реформы постсоветского периода. Сам процесс ротации элит, их динамического циркулирования не несет в себе идеологического, мировоззренческого компонента. Идеология контрэлиты, как правило, формируется на основании идейных комплексов, альтернативных по отношению к доминирующей системе ценностей.

Социальный состав контрэлиты (пассионариев, отлученных в силу различных причин от власти) бывает различным и неоднородным, но мировоззренческие системы, под знаком которых они выступают против старых элит, в последние века неизменно вырабатываются в социальной прослойке интеллигенции.

Процесс ротации элит не может быть декретным образом отменен, и его следует признать исторической константой социального устройства. В России эта общая социальная тенденция проявлялась очень наглядно и драматически.

Этническая идентичность русских

Русские как синтетический этнос. Относительно происхождения русских существует много гипотез. Несомненно одно — *это преимущественно славянский индоевропейский народ со значительным элементом тюркских и угрофинских этнических и культурных черт.* Русские — и особенно великороссы — изначально формировались именно как *евразийский этнос*, универсально объединяющий в себе черты различных племен, населявших северо-восточную Евразию. Сочетание *оседлых* (собственно славянских) и *кочевых* (преимущественно тюркских) черт составило уникальный национальный тип, в котором сложным образом *перемешались динамичность и созерцательность, консерватизм и подвижность, почитание власти и стремление к воле.* Этот обобщающий, вселенский идеал является ключом к пониманию особой национальной психологии рус-

ских. Русские — своего рода «евразийские римляне», осевой имперский государствообразующий, шире, цивилизационный народ, а не просто локальный этнос.

Синтез белой (славяно-индоевропейской) и желтой (тюркско-угорской) рас. Русские являются народом, сформировавшимся на основе не только *этнического*, но и расового смешения. Славяне и турки принадлежат к различным расовым и языковым группам. Условно — к белой и к желтой расам. Этот фактор усиливает интегрирующий потенциал великороссов, подчеркивает и усугубляет их объединяющую, имперскую, евразийскую психологию.

Религиозная идентичность России

Православие. Последние 1000 лет русские исповедуют православную веру. Наш народ сформировался духовно именно в лоне Православной Церкви, воспринял миссию христианской веры. Вначале, с X века по XV век, Русь была частью византийской эйкумены, входила в состав восточнохристианского мира с центром в Константинополе (Царьграде). После отказа от признания Флорентийской унии, заключенной греками с Ватиканом, и последовавшего вскоре за этим падения Царьграда *Русь сама стала центром всемирного Православия, взяв на себя роль главной Православной державы, Православного царства.* Так продолжалось весь московский период, в середине которого на Руси было установлено патриаршество. Никоновские реформы, печальные события церковного Собора 1666—1667 годов и последующий раскол пошатнули стройное здание Русской Церкви. Но и в дальнейшие эпохи (даже во времена открытых гонений на Церковь в советский период) русские оставались *глубоко православным народом.*

Православная вера глубоко проникла в националь-

ную психологию русских, сформировала особый культурный тип, который пережил и периоды охлаждения и формализации Церкви в века романовского правления, и даже атеистические гонения. Устойчивость и постоянство «православной психологии», не исчезнувшей за период скрытой или явной секуляризации, облегчили возврат в Церковь на современном этапе. В этом состоит залог общероссийского возрождения в лоне Православия и в грядущие периоды.

Православная идентичность русских затрагивает не только конфессиональную область, но и более широкий культурный тип византизма, который привился на Руси параллельно ее воцерковлению. Сам стиль русского религиозного сознания до сих пор сохраняет в себе черты *византизма*, во многом утраченные и греками, и православными балканскими народами, много веков пребывавшими под турецким мусульманским владычеством.

Ислам, буддизм, иудаизм, межконфессиональные отношения. Многие народы России исповедуют иные религии. Чаще всего это ислам, широко распространенный на Кавказе, а также в Поволжье среди татар и башкир. Несмотря на определенные исторические коллизии, носившие более политический и территориальный, нежели конфессиональный характер, между Православием и исламом в северо-восточной Евразии *серьезных конфликтов никогда не было*. Не существовало даже намека на религиозные войны, которые были характерны для Европы. В межконфессиональных отношениях православных с представителями иных религий традиционно установились гармония и взаимное уважение. То же самое касается и буддизма.

Специфика евразийской «религиозности». Православная Русь отличалась значительной веротерпимостью. Представители Православия как официального вероисповедания России мирно уживались с мусульманами, иудеями и буддистами. Более того, правомочно

говорить об общем *едином типе восточной евразийской религиозности*, который сближает представителей конфессий России, при том что догматически существенные различия сохраняются. Отсутствие религиозных войн в случае России объясняется не столько «прохладой веры» (напротив, мы сплошь и рядом встречаем в русской истории чудеса подвижничества и святости), сколько созерцательной ориентацией евразийской религиозности, сосредоточенной на идеалистических реальностях, а не на земном социальном благоустройстве.

Культурная идентификация России

Русский путь, правдоискательство. Во все времена русский народ неизменно вдохновлялся высоким *духовным идеалом*, поиском Правды и Справедливости. Именно во имя этих возвышенных понятий терпел он многие тяготы и страдания, оправдывал скорби и притеснения. Материальный фактор всегда был для русских вторичным. *Именно поиск Вселенской Правды, а не выгоды, эффективного развития или самообогащения лежит в основе русской Национальной Идеи.* Бытовые, утилитарные ценности были для русских второстепенными. Этим определяется и православный, глубоко христианский этап национального пути и даже эксцессы советского эксперимента. *Правдоискательство — судьба России.*

Онтологическое и метафизическое содержание русской истории. Сквозь многообразие русской культуры, русской мысли проглядывает особая *национальная философия*. В сердцевине этой философии лежит идея об истинном бытии, воплощенном в некоей «параллельной Родине», в «райской потаенной Руси», «Руси Китежа», «Святой Руси». Это учение о тайной национальной святости, о богоносности русского народа и русского мира. *Эта «световая природа» национального*

*бытия есть не данность, но задание, то, что следует отыскать, пробудить, распознать, воскресить, освободить. Внешне эта «тайная реальность» сокрыта, замаскирована видимостью грубости, несправедливости, порока, греха, насилия, страдания. Эти две стороны национального бытия причудливо накладываются друг на друга, поэтому неистовая любовь к Родине, своего рода «мистический патриотизм», соседствует у русских с раздражением, нигилизмом, даже ненавистью к себе, к своим соплеменникам, к своей культуре, своему Государству. Такой парадоксальный комплекс отношений к своему народу и своему Государству уникален. Он присущ исключительно нашему народу. Каким бы парадоксальным ни казалось такое отношение к своему национальному «я» со стороны — в нем загадка русского человека. Более того, в глубине души русские убеждены, что только такое *сложное, надрывное отношение к себе и к миру и является истинным и спасительным*. Открыть миру эту Правду призван русский народ своим предназначением.*

Культура правды, идеализм. Культурные формы народного бытия с веками менялись, но всегда сохранялась постоянная идея *общества Справедливости и Добра*. Культурной особенностью русских традиционно является стремление к высокому идеалу и некоторое пренебрежение сферой материальных благ. Повышенное чувство идеализма и вселенского масштаба отличают самые разные этапы русской истории. Идеал жертвенности осмысливается вначале в христианских терминах — как особая ответственность русских за вверенную им Христианскую Традицию. В советский период тот же русский идеализм осмысливается секуляризованно, как этика героического служения принципу социальной справедливости и всеобщего равенства. Характерно, что основные коллизии русской истории проходили не между сторонниками идеалистических систем и прагматиками, но почти исключительно *меж-*

ду двумя идеалистическими лагерями, по-разному и с разной степенью интенсивности защищавшими *идеалистические*, иногда даже утопические модели, многообразно выраженные и сформулированные.

Культурная открытость и национальная специфика.

Культурный стиль русских на всем протяжении истории характеризуется динамичным *переосмыслением в национальном ключе* эстетических и стилевых элементов, заимствованных в иных культурных контекстах, их творческой и оригинальной переработкой, искусной инкрустацией в особый специфически русский контекст. Свобода творческой адаптации и ассимиляции заимствованных ценностных рядов, учений и символов обнаруживает открытость русских к окружающему их этническому многообразию. Верность собственному национальному началу, стилизующему любое заимствование в уникальное характерно русское произведение, напротив, показывает *постоянство культурного типа*, его национальную специфику и устойчивость.

Цивилизационная идентичность России

Евразийская модель цивилизации как альтернатива атлантизму. Русская история представляет собой движение народа к выработке принципов особой *цивилизации* со всеми характерными признаками. Разные эпохи подсказывали разные формы для выражения этой цивилизационной миссии. Самым общим названием можно считать термины *«евразийская цивилизация»*, *«Россия-Евразия»*. Евразийская цивилизация представляет собой *антитезу* цивилизации атлантистской, суммирующей в своих основах логику сложного исторического ансамбля, который ранее отождествлялся с Европой.

Россия есть воплощенный поиск исторической альтернативы атлантизму. В этом ее мировая миссия.

Поиск русского пути. Россия имеет собственный исторический путь. Он характеризуется постоянным (хотя и нелинейным, синусоидальным) *ростом осознания своей миссии*. От племенного и этнического — к государственному, национальному, имперскому, цивилизационному.

Процесс осмысления русским народом этапов своего пути сложен и драматичен. В периоды кризисов и смутных времен у русских возникает соблазн отказаться от высоких мессианских горизонтов, замкнуться в национальном контексте, ясность геополитического и цивилизационного императива замутняется. Но после периодов сомнения глобальная цивилизационная миссия осознается всякий раз еще более *рельефно, отчетливо, триумфально, универсально и наступательно*. История показывает, что после некоторых колебаний осознание цивилизационной миссии русскими всякий раз происходит на более высоком и масштабном уровне.

Предназначение России

Россия представляет собой самобытный цивилизационный комплекс, имеющий ряд отличительных, характерных черт, остающихся постоянными на всех этапах ее истории. Этот *сложный комплекс составляет идентичность России* как государства, русских как народа. Все этапы развития национальной общности обнаруживают наличие единой направленности, четкий вектор, вдоль которого ориентировано историческое бытие русских. Вполне правомочно говорить о наличии определенной *исторической миссии* России, об осознанном или неосознанном предопределении русского народа. Эта миссия и это предопределение выражаются сложным ансамблем понятий и ориентаций, совокупность которых точнее всего определяется как *Евразия*.

зийский Проект. В цивилизационной, геополитической, культурной, религиозной, территориальной, государственной, этнической, хозяйственной, социальной, стратегической областях русский народ силится познать и утвердить какую-то глобальную, универсальную Истину, полную грандиозного значения не только для своей нации, но и для всех народов земли.

На разных уровнях эта русская Истина формулируется по-разному, но в каких бы терминах она ни определялась, ее наличие не подлежит сомнению.

Миссия России не сводится к уже осуществленным историческим деяниям и не может быть отождествлена с какой-то имеющейся идеологической формой. Она шире и объемнее того, что уже совершилось, и того, что нашло свое окончательное концептуальное выражение. Проявляясь и в Киевской Руси, и в Руси Московской, и в романовской России, и в народных бунтах, и в белой идее монархии, и в красной идее большевизма, и в авторитаризме (и тоталитаризме), и в демократии, миссия Россия, внешне противоречивая и парадоксальная, превосходила и превосходит все ограниченные модели и формулировки. Кореньясь в великом прошлом, она обращена к еще более великому будущему, где в апогее национального Возрождения и Преображения откроется истинное содержание нашего трагического, скорбного и прекрасного пути.

Сегодня Россия как никогда растеряна и смущена, дезориентирована и потрясена серией катастрофических событий, с ней случившихся. Но беспристрастно обратясь к своим глубинам, к своему историческому «я», к своей явной, проступающей сквозь все этапы истории идентичности, она, без сомнения, сможет преодолеть все трудности.

Заново утверждать свое «я» России приходится в совершенно новом мире, который постоянно меняется и бросает ей сложные, беспрецедентные вызовы. По-

нять этот «новый мир», «новый мировой порядок», выделить его основные тенденции, спрогнозировать его фундаментальные тренды и риски Россия обязана. Только после этого она сможет выработать последовательную и продуманную стратегию своего Евразийского ответа на вызов «нового мирового порядка».

«Новый мировой порядок». Атлантистский образ мира в XXI веке

Преамбула

Чтобы адекватно представить себе линию развития России в новом веке и новом тысячелетии, необходимо окинуть взором панораму этого нового мира, выяснить очертания той картины, которая складывается на горизонте будущего.

Будущее неопределенно. Никто не может с уверенностью сказать, что точно знает, и что случится, и что произойдет. И тем не менее внимательное рассмотрение магистральных направлений позволяет приблизительно наметить определенные тенденции, которые, скорее всего, в той или иной форме реализуются в дальнейшем.

Нет сомнений, что начало нового тысячелетия предлагает нам принципиальную новую карту становящейся реальности, где действует созвездие сложных ансамблей сил, трендов, тенденций, векторов. Все они представляют систему вызовов для России. На все эти вызовы Россия должна дать определенный ответ.

И по мере формулировки самых приблизительных и общих ответов прояснятся основные черты той магистральной стратегии, которой должны следовать и наша страна, и наш народ в будущем, продолжая двигаться по высоким путям своего исторического предназначения.

Главные геополитические тренды XXI века

Атлантизм (монополярный мир). Геополитическая картина, складывающаяся в начале третьего тысячелетия, является для России довольно *удручающей и не предвещает ничего хорошего*. Этот зловещий компонент надвигающегося геополитического будущего нельзя игнорировать.

Геополитическое содержание мировой истории представляет собой дуэль двух типов цивилизации — цивилизации Суши и цивилизации Моря. Цивилизация Моря (атлантизм) исторически нашла свое наиболее совершенное выражение в структуре современного Запада, группирующегося вокруг США и стран НАТО. Цивилизация Суши постепенно отождествилась с Россией-Евразией, с континентальными пространствами «сердцевинной земли».

Последний по времени этап этой дуэли протекал в форме противостояния Восточного блока со странами Западного блока, двух сверхдержав — СССР и США. СССР выполнял роль евразийского полюса, США — атлантистского.

Поражение СССР в этом противостоянии тождественно геополитическому поражению всей цивилизации Суши. Россия, наш народ, наша историческая миссия понесли колоссальный урон. Никакой иной геополитической оценки данного явления просто не может быть.

Мир, который складывается после этого проигрыша, — *однополярный и американоцентричный*. Это мир, в котором победу одержали атлантизм, цивилизация Моря. И, соответственно, архитектура планетарной реальности, создающейся в таких обстоятельствах, «новый мировой порядок» по логике вещей будет строиться (если ему ничто не сможет помешать) на принципах, диктуемых Западом и США. Стратеги атлантизма прекрасно отдадут себе в этом отчет, будучи уверен-

ными, что следующее столетие будет «американским веком».

США остались единственной мировой сверхдержавой, и они сделают все возможное, чтобы закрепить за собой роль единоличного мирового арбитра, бдительно надзирающего за тем, чтобы исключить возможность появления любой *цивилизационной альтернативы* (евразийской альтернативы). К этому, собственно, сводится содержание стратегических и геополитических проектов американского руководства применительно к XXI веку.

В будущем намечается *однополярный мир*, основанный на господстве США и недопущении возрождения самостоятельной Евразии. Иными словами, Россия как могучая самостоятельная держава, следующая по пути своего исторического предназначения, заведомо исключается из будущего. По меньшей мере так обстоит дело в стратегических планах и проектах атлантистских идеологов, имеющих на своей стороне реальную политическую, военную и экономическую мощь.

Глобализация (универсализация под эгидой Запада). Другой важнейшей тенденцией надвигающейся геополитической картины мира является стремление мира к *унификации, глобализации, к размыванию границ между государствами, народами, культурами*.

Процесс глобализации при сохранении основных геополитических тенденций (доминирование атлантизма) будет не нейтральным и спонтанным, но спонсируемым, курируемым и организуемым единственной *гипердержавой*. Иными словами, глобализация будет содержательно являться *универсализацией атлантистской модели*, перенесением основных черт западной цивилизации Моря на остальной мир. Этот Единый Мир будет увеличенной проекцией Соединенных Штатов Америки с соответствующим набором основных социально-экономических ценностей, лишь частично адаптированных к локальным условиям.

«Богатый Север» против «бедного Юга». Следующей важнейшей геополитической тенденцией является развивающаяся дифференциация между странами «богатого Севера» (полюс атлантизма) и странами «бедного Юга» (периферия атлантизма). Это соотношение многообразно, но сущность его сводится к обратным пропорциям баланса между благами атлантистской организации мира и ее издержками. Баланс «богатого Севера» положителен в смысле благ и отрицателен в смысле издержек, баланс «бедного Юга», соответственно, наоборот. Демографические, экологические, социальные, финансовые, политические и культурные издержки цивилизации Моря ложатся на страны «периферии».

Такое соотношение породит противоречия нового типа, которые во многом будут определять картину планетарной реальности. Можно констатировать, что на смену национальным и классовым противоречиям, предопределившим логику XX века, приходит эпоха *противоречий геополитических и геоэкономических*.

Виртуализация пространства. Еще одной тенденцией геополитики XXI века является *изменение качества планетарного пространства*, которое параллельно развитию средств транспорта и особенно телекоммуникаций из привычных форм переходит к новому модусу существования. Реальное географическое и геополитическое пространство мира как бы *дублируется* на уровне виртуальном, на уровне информационных систем и сетей. Это порождает особое измерение геополитической картины мира, где основные тенденции финансового процесса, культурного и цивилизационного кода, политических баталий и эволюции переводятся в сферу *виртуального мира глобальной компьютерной сети*.

Эта виртуальная реальность представляет собой очень важный параметр нового геополитического устройства мира, так как закономерности ее структуры и

функционирования, присущие ей новые качества самым серьезным образом повлияют на все основные параметры человеческого существования.

Политические тренды XXI века

Глобализация либерал-демократического уклада. Политическим оформлением процесса структурного объединения мира под эгидой Запада служит *либерал-демократическая идеология*, сочетающая в себе *правую* рыночную политику с *левой* гуманистической риторикой. В политике государств, добровольно или не совсем добровольно входящих в единое экономическое пространство, либеральные взгляды становятся определяющими для центристского образца. При этом в либерально-демократическом комплексе делается упор на рыночную (правую) составляющую, которая является общеобязательным компонентом, тогда как левая гуманитарная составляющая («права человека» и т. д.) де-факто рассматривается как второстепенная. В политическом аспекте именно эта либерал-демократическая тенденция является доминирующей и магистральной.

Отход от демократии. В определенный момент своей экспансии либерал-демократический уклад столкнется с проблемой реакции обществ и социально-политических механизмов прежней формации на навязываемую унификационную модель. В такой ситуации демократическая составляющая позволит закрепить и легитимизировать цивилизационную альтернативу в политическом аспекте. *Либерализм на этой стадии войдет в определенный концептуальный антагонизм с демократией.* Логика мондиализации, спонсируемой Западом, ведет к постепенному сокращению элементов демократии, особенно в отношении социальных и культурных регионов, медленно осваивающих либеральные нормативы или вовсе отчаянно сопротивляющихся им. Этот феномен чреват так называемой диф-

ференцированной, избирательной демократией, а в пределе — полным отказом от нее. В такой ситуации рано или поздно встанет вопрос о своего рода либеральной диктатуре.

«Мировое правительство». Универсализация либерально-демократической политической системы (становящейся все более либеральной и все менее демократической) должна привести к сосредоточению политической власти в новом наднациональном органе, условно именуемом *«мировым правительством»*. На создание такой планетарной структуры направлены усилия стратегов западной цивилизации. Этот процесс постепенно должен привести к отчуждению политических полномочий от традиционных администраций суверенных государств и их политических систем в пользу новых *сверхнациональных* инстанций.

Социал-демократия как эволюционная (мягкая) альтернатива. Наиболее близкой к либерально-демократической модели политического устройства новой реальности является умеренная (правая) *социал-демократическая модель*. Правая (или центристская, в иной терминологии) социал-демократия в целом разделяет либерально-демократический комплекс, но сильнее акцентирует гуманистическую составляющую и пытается предложить проекты, призванные скорректировать отрицательные социальные последствия жестко рыночного подхода к экономике.

Социал-демократия может рассматриваться как «эволюционная» альтернатива либеральной демократии, не предполагающая резкого разрыва с основополагающей системой либеральных ценностей.

Жесткие альтернативы. Все остальные политические проекты — как сохранившиеся по инерции с иных эпох политической истории (социализм, доктринальный национализм и т. д.), так и имеющие неореволюционный характер (фундаментализм, этнизм, экологизм и т. д.) — занимают в вырисовывающемся устрой-

стве мира периферийное, маргинальное положение. В некоторых геополитических зонах их влияние может быть очень сильно, но в отношении доминирующей либерально-демократической тенденции они остаются неприемлемыми и подлежащими либо ликвидации, либо трансформации в ключе общих либерал-демократических норм. *Созвездие политических и идеологических моделей, альтернативных либерализму, вероятно, постепенно спрессуется в новую идеологическую конструкцию, которая станет общей платформой для революционной оппозиции «новому мировому порядку» в планетарном масштабе.*

Основные кратополитические тренды XXI века

Сохранение кратополитического подхода. Контуры грядущего мира будут определяться балансом силовых факторов. Силовой (кратополитический) подход будет еще долгое время оставаться решающим и доминирующим. (Это вытекает из обособленности технического развития человечества от нравственного прогресса.)

Глобальная либеральная диктатура. Геополитический атлантизм, *стратегическое доминирование Запада* в вопросе определения структуры нового мира будет главным действующим силовым фактором, на котором будет основываться успех или неуспех либерального вектора развития. Все остальные тенденции нового облика цивилизации, наметившиеся в качестве основных, будут в основном зависеть от того, *удастся ли атлантистскому геополитическому полюсу сохранить свое планетарное доминирование.* Атлантистский альянс Запада будет главной опорой той картины мира, которую спонсируют либеральные тренды в цивилизации. Возможно, что для поддержания режима прохождения некоторых цивилизационных процессов в глобальном масштабе атлантистский блок вынужден будет прибег-

нуть к методам, представляющим собой *планетарную диктатуру или либеральный колониализм нового типа*.

Американизм. Государственной и цивилизационной базой атлантизма на протяжении неопределенно долгого периода будут оставаться *США*. В стратегическом смысле американизм практически тождествен атлантизму, и стратегическая мощь США должна быть приравнена к кратополитическому потенциалу глобальной стратегии Запада в цивилизационном смысле и планетарном масштабе.

Силовые стратегии «богатого Севера». «Богатый Север» в кратополитическом смысле фактически тождествен *американизму и атлантизму*, хотя отдельные его регионы — в частности, Европа или Япония — играют в кратополитическом ансамбле вспомогательную роль атлантизма, не представляя собой *самостоятельного силового полюса*. В случае дифференциации в рамках «богатого Севера» (что сопряжено с расслоением атлантистского альянса и утратой стратегического единства под эгидой однозначного американизма) силовые стратегии Европы и Японии, а также других экономически развитых стран Тихоокеанского региона могут быть сформулированы в иной плоскости.

Военные аспекты «нового мирового порядка». Главной военной силой, на которой будет основываться «новый мировой порядок», является *военно-промышленный комплекс США*, стратегическое *ядерное оружие и оружие нового поколения* (в том числе космическое оружие). Военная мощь США и других стран НАТО призвана силовым образом обеспечить установление тотального контроля Запада на планетарном уровне, повсеместно утвердить атлантистскую модель мироустройства и миропорядка. Уже в ближайшие годы военный потенциал Запада начнет играть решающую *самостоятельную* роль в мировой политике, отодвигая на второй план юридические формальности существующих моделей международного права, которое, в свою очередь, будет вскоре трансформировано. Тот факт,

что в современном мире осталась *одна-единственная сверхдержава*, означает, что вопрос о подлинной суверенности отдельных государств более не стоит на повестке дня, так как эта суверенность целиком и полностью зависит от хозяев однополярного мира и зависимость подкрепляется военной мощью, не имеющей аналогов и сдерживающих противовесов. «Новый мировой порядок» будет основан на ядерном потенциале и новейших вооружениях США. Военная мощь Запада станет главным арбитром в решении всех международных вопросов.

Роль разведсообщества в установлении «нового мирового порядка». Реализация некоторых аспектов «нового мирового порядка» может происходить только с применением разведывательных технологий и через усилия разведок западных стран и в первую очередь США. Масштабность цели и небывалая задача установления «мирового правительства» требуют новых уровней разведывательной деятельности, вербовки агентуры и т. д. Цивилизационный проект атлантизма требует наличия *наднациональных спецслужб*, действующих поверх голов традиционных разведывательных структур и выполняющих *геополитическую, цивилизационную* цель, часто не совпадающую с национальными интересами государства. Этот новый высший уровень разведывательной деятельности порождает:

1) *новый планетарный тип спецслужбы*, объединяющий представителей всех стран, соучаствующих (активно или пассивно) в деле установления «нового мирового порядка»;

2) *вербовку геополитической агентуры влияния* во всех государствах, режимах и социальных структурах нейтральных стран и государствах Евразии; такая *геополитическая агентура влияния* ангажируется и действует на основании совершенно иных моделей, нежели традиционные шпионы, и, следовательно, деятельность такой агентуры труднее поддается выявлению, пресечению и юридической квалификации.

Роль разведывательных структур нового геополитического типа будет постоянно возрастать, и масштаб их деятельности расширяться.

Планетарный терроризм. Стратегическая глобализация под контролем США вызовет к жизни *повсеместное стихийное противостояние*, опирающееся на террористические методы. Повстанческие акции достигнут особого накала после того, как глобализация пройдет стадию подавления тех крупных социальных образований, которые будут резко противиться растворению в стихии новой, спонсируемой Западом цивилизации.

Силовая функция финансов и медиакратии. Финансовый и медиакратический факторы постепенно приобретут *решающее кратополитическое значение*, так как общая виртуализация предполагает передачу эстафеты от инструментов грубого физического воздействия к более тонким техникам экономического и психологического воздействия. Финансовые и информационные технологии вполне могут стать *«оружием будущего»*, постепенно вытеснив традиционные виды вооружений.

Хаотические процессы. Унификация планеты под либеральной эгидой при отсутствии созидательного «инновационного» проекта будет сопровождаться нарастающими локальными хаотическими феноменами. Возрастание объема и интенсивности кратополитического хаоса будет способствовать созданию ситуации, благоприятствующей развитию альтернативных цивилизационных процессов.

Основные промышленные и технологические тренды XXI века

Информатизация промышленности. В области промышленности центральными тенденциями являются *технологизация нового уровня и новая модель международного разделения труда*.

Повышение роли информационных высоких технологий относительно остальных секторов производства растет в геометрической прогрессии, делая традиционные отрасли промышленности все более относительно небольшими сравнительно с удельным весом информатики. *Сфера развития информатики однозначно становится самостоятельной и приоритетной областью производства*, причем задающей основные параметры остальным отраслям. Параллельно ускоренному росту автономизации финансовой сферы относительно развития реальных секторов экономики происходит аналогичный процесс с информационной сферой в промышленности. Информационные высокие технологии позволяют в кратчайшие сроки достичь таких технологических результатов в развитии промышленного производства, на которые ранее уходили десятилетия.

Планетарное разделение труда. *Международное разделение труда все более тяготеет к локализации по контурам геоэкономических зон.* Страны «богатого Севера» (США и Европа) являются планетарной территорией развития *финансово-информационного сектора*. Общая тенденция сводится к тому, чтобы максимально освободить *страны Запада* от энергоемких и экологически опасных производств и приоритетно развивать в этой зоне новые *высокие технологии*, *мировые финансовые институты и центры стратегического решения*.

Реальные секторы производства постепенно смещаются в *страны Тихоокеанского бассейна*, которые по большинству показателей становятся лидерами мирового производства. При этом в области финансово-кредитной системы, новейших информационных технологий, ресурсов и политико-стратегических проектов эти страны зависят от «богатого Севера». Тихоокеанская «единая промышленная зона» приобретает черты специализированного индустриального региона.

Остальные менее динамичные регионы, располагающиеся на периферии трех геоэкономических кру-

гов, в таком распределении труда выступают как поставщики природных ресурсов и места для хранения экологических отходов более развитых секторов мира.

Можно предположить, что эти периферийные регионы (в число которых стратеги Запада включают и будущую Россию) на следующем этапе сами станут, в свою очередь, индустриальными зонами по мере того, как будет «эмансипироваться» от ресурсозатратного и трудоемкого реального сектора экономики Тихоокеанская зона.

Ускорение научно-технического прогресса и его пространственная дифференциация. Ускорение научно-технического прогресса (причем сегодня очевидно, что этот процесс не сопровождается аналогичной тенденцией в моральной или интеллектуальной сферах) скорее всего будет проходить в режиме «оптимизации», а не «инновации», но от этого темпы его будут возрастать, а направленность — определяться исключительно соображениями краткосрочной практической выгоды. В такой ситуации технологическое развитие будет осуществляться практически в спонтанном режиме, по мере возникновения и соответственного решения конкретных задач, при отсутствии заведомо составленных и установленных проектов (как в случае «инновационного» процесса).

Сам научно-технический прогресс становится инструментом стратегического влияния наиболее развитых сегментов цивилизации. По этой причине наиболее интенсивно он будет протекать в геоэкономических зонах «богатого Севера». Оптимизационный подход к научно-техническому развитию предполагает его утилитарно-прикладной и избирательный характер, что превращает научно-технический прогресс в дополнительный силовой фактор геополитических и геоэкономических полюсов.

Основные тренды в сфере ресурсов XXI века

Ограниченность ресурсного запаса человечества. Эта проблема ставит человечество перед необходимостью либо искусственно регулировать численность народонаселения и демографические процессы, либо открывать инновационные методы замены традиционных ресурсов (новые виды энергии и т. д.).

В будущем, если проблема ресурсного дефицита не будет решена новым образом, а демографические процессы будут продолжать развиваться в том же темпе, что и теперь, факт ограниченности ресурсов придаст геополитической борьбе за контроль над наиболее богатыми областями драматический характер.

Неравномерное зональное распределение ресурсов. Месторасположение стратегических ресурсов, как правило, максимально в странах, развивающихся в технической сфере средними или замедленными темпами, и минимально в индустриально развитых странах.

Большая часть мировых ресурсов находится на периферии трех наиболее развитых геоэкономических зон — в странах «бедного Юга» и Евразии.

Установление контроля над распределением ресурсов в мировом масштабе в интересах «богатого Севера» является одной из главных целей «нового мирового порядка». Карта природных ресурсов является базовым ориентиром для формулировки основных направлений геополитики и геоэкономики атлантизма, которые ориентированы на установление прямого контроля над территориями, богатыми полезными ископаемыми, независимо от того, в каком регионе мира они находятся.

Основные юридические тренды XXI века

Глобализация либерального права. Общие цивилизационные закономерности смещаются в сторону придания *юридическим основам либерализма глобальных пол-*

номочий. Либеральная система права, основанная на фиксации индивидуального уровня, соотнесенного со все более развоплощенной глобальной, абстрактной инстанцией, будет иметь основным инструментом концепцию «прав человека».

«Права человека». Концепция «прав человека» представляет собой *применение принципов индивидуалистической философии к правовой системе*. Неявно она противостоит иным юридическим моделям, акцент в которых падает на государственные инстанции, социальные, национальные и религиозные коллективы. Абсолютизация правовых систем, основанных на теории «прав человека», будет с необходимостью сопровождать глобализацию либерального миропорядка и мондиализацию мира под эгидой атлантизма.

Роль международных правовых институтов. Система международного права, сложившаяся в ходе XX века («Ялтинский мир»), в самое ближайшее время подлежит трансформации или слому, поскольку она фиксирует международную и юридическую реальность, стремительно уходящую в прошлое. По мере глобализации мондиалистской модели на первый план выйдут международные институты нового типа, более компактные и эффективные, но менее демократичные. Прообразом этих новых систем служат закрытые клубы мировой элиты — такие, как «Трехсторонняя комиссия», «Бильдербергский клуб», CFR (в США) и т. д. Фактически это означает постепенный переход к модели «мирового правительства», заменяющего собой многообразие правовых систем, в той или иной степени представленных ООН, ОБСЕ и другими международными организациями, существующими сегодня.

Назревающий конфликт между правовой и кратополитической сферами. Геополитические и стратегические тенденции, связанные с глобализацией либеральной атлантистской модели, не смогут адекватно развиваться при сохранении той правовой системы, которая

по инерции доминирует сегодня в мире. Цивилизационные спонсоры новой международной системы (глобализация западной либеральной модели) на определенном этапе войдут в конфликт с правовыми институтами (государственного и надгосударственного уровней). Лишь после цепи столкновений между кратополитическими и юридическими системами будет выстраиваться модель *нового планетарного права*.

Грядущее планетарное право (тоталитаризм нового типа). Новое планетарное право будет весьма специфическим и, развиваясь из либерального корня, очевидно, в какой-то момент приобретет черты тоталитаризма нового типа в планетарном масштабе. Сочетая нормативы «прав человека» (предпосылку об «индивидууме как мере вещей») с потребностями управления гигантскими человеческими массивами довольно ограниченной кратополитической элитой (мировым правительством), новое право будет представлять собой довольно противоречивую тоталитарную модель, своего рода «глобальную либеральную диктатуру».

Основные геоэкономические тренды XXI века

Три геоэкономические зоны. Геоэкономическая *дифференциация* планеты является реакцией на *гомогенизацию* единственной общепринятой парадигмы хозяйствования — рыночной системы. Естественное различие социальных, исторических и национальных ландшафтов проявляет себя в *эпоху глобальной либерализации экономики* через создание нескольких пространственных зон, чье экономическое устройство в целом одинаково, но экономические интересы конфликтны. На новом этапе через геоэкономiku проявляются снятые в явном виде геополитические закономерности.

Три главные геоэкономические зоны — Американская, Европейская, Тихоокеанская. Это три геоэкономических ансамбля, имеющих различные интересы,

приоритеты и особенности. Они солидарны друг с другом в том, что касается противостояния некапиталистическим формам хозяйствования (стратегии этих трех геоэкономических зон в 70-е годы XX века образовали направленный против СССР союз — «Трехстороннюю комиссию»), но в рамках мирового рынка их стратегические экономические интересы *конфликтны*.

Картина мировой экономики в XXI веке будет складываться из динамики развития, соотношения трех геоэкономических зон.

Три зоны сопоставимы между собой по одним параметрам (чисто экономическим) и несопоставимы по другим — стратегическим, демографическим и т. д. Особенно важен тот факт, что Американская зона (объединяющая большинство государств обеих Америк) является мировым лидером и единственной сверхдержавой в стратегическом плане. Этот фактор существенно влияет на распределение сил в трех геоэкономических зонах и переводит собственно экономические проблемы в плоскость политики и геополитики.

При опоре на свой силовой потенциал Американская зона (и конкретно США) *доминирует* в этом тройственном геоэкономическом ансамбле, придавая ему особую стратегическую направленность.

Борьба за четвертую зону. Евразийский континент, бывший оплотом иной хозяйственной системы на всем протяжении XX века, *исключен из геоэкономической картины мира*, так как эта картина формировалась в период противостояния систем и фактически была сориентирована *против евразийского полюса*. Вместе с завершением «холодной войны» и началом реформ единственной геоэкономической перспективой России в рамках традиционной картины мира является дробление некогда единого евразийского экономического пространства и вовлечение «продуктов распада» в периферию трех вышеназванных геоэкономических зон. Этот процесс уже осуществился на двух уровнях —

отрыв от Москвы стран Восточной Европы и их постепенная интеграция в европейскую экономическую систему, распад Советского Союза и интеграция его бывших частей в Европейское и Азиатское геоэкономические пространства. Общая логика развития геоэкономических процессов (без жесткого изменения ориентации) приведет к третьему этапу и к экономическому расчленению отдельных российских регионов с перспективой их включения в иные геоэкономические зоны.

Создание четвертой геоэкономической зоны — Евразийской — не произойдет само собой, так как вся система экономического мироустройства, доминирующая сегодня, структурирована таким образом, чтобы этого не допустить. Стратегическая доктрина развития США в XXI веке главным моментом выделяет пункт о недопустимости такого развития событий, то есть недопустимости появления «четвертой экономической зоны» в пространстве Евразии.

Основные экономические тренды XXI века

Либерализм. Экономическое устройство мира, вырисовывающегося на грани тысячелетий, сопряжено с глобальными геополитическими и цивилизационными процессами. Так как магистральная линия заключается в победе *цивилизации Моря*, то в экономической сфере это проявляется в *торжестве либеральной экономической модели*. Либеральная рыночная модель является осевой для цивилизации Моря в ее актуальной фазе развития, ее прямым воплощением. На протяжении XX века эта хозяйственная модель противостояла своим альтернативам (в первую очередь социалистической модели) и в результате смогла утвердиться на Земле практически повсеместно.

В той мере, в какой будет сохраняться и развиваться однополярный атлантистский мир, либеральная ры-

ночная модель хозяйствования будет внедряться, поддерживаться и насаждаться во всех регионах мира.

По мере глобализации либеральной модели будут все более обнаруживаться *глубинные недостатки*, в ней содержащиеся, обнажатся заключенные *противоречия и отрицательные стороны*, которые были завуалированы и казались второстепенными на предыдущих этапах активного противостояния с альтернативными экономическими системами.

Следовательно, общая тенденция к либерализму будет сопровождаться нарастающей контртенденцией — поиском новой альтернативы. При этом важно, что эта альтернатива будет нащупываться исходя из того состояния, в котором пребывает экономика мира после глобальной победы либерально-рыночной системы, после слома тех конкурирующих систем, которые выступали по отношению к либерализму как соперники извне.

Глобализация либеральной экономики и плюралистический, авангардно-футуристический поиск альтернативы — вот две основные экономические тенденции, предопределяющие основные вехи хозяйственного развития в грядущие столетия.

Реальное доминирование капитала. Развитие либерально-капиталистической модели хозяйствования привело современный мир к ситуации, существенно отличающейся от тех тенденций, которые были проанализированы классиками социально-экономической науки (как марксистами, так и либералами). Современный капитализм обладает целым рядом основополагающих черт, отсутствовавших на ранних стадиях развития рыночной экономики. В мировом масштабе при этом прививается не модель естественного развития рыночной системы, как это было в Европе (шире — на индустриально развитом Западе), но именно та форма, которой либерализм достиг *на последнем этапе* своего развития.

У молодого Маркса есть концепция *реального доминирования капитала*, не получившая, однако, широкого развития в его собственных трудах и среди его последователей. Тем не менее именно эта концепция точнее всего соответствует данной фазе развития капитализма.

Реальное доминирование капитала фактически преодолевает противостояние *труда и капитала*, которым характеризуются все предшествующие периоды экономической истории. Отныне *капитал* приобретает автономное бытие, отрываясь от своей производственной подоплеки, переходит к виртуальному состоянию в форме «развоплощенных финансов». В такой ситуации соотношение между реальным сектором производства, товарообмена и торговли, с одной стороны, и финансовыми спекулятивными движениями капитала, с другой стороны, резко меняется в пользу последних. При этом дисбаланс нарастает в геометрической прогрессии.

В конечном итоге реальное доминирование капитала должно привести к повсеместному установлению информационного (или постиндустриального) общества, где главной реальностью становится информационный менеджмент, полностью подчинивший сферу традиционной «реальной экономики», в том числе и рыночной.

Виртуализация финансов. Реальное доминирование капитала предполагает *качественное изменение* экономической функции финансов как *главного инструмента рынка*. Финансовая реальность отрывается от рыночной инфраструктуры и приобретает автономное значение. Основной закон рынка о производном значении рыночной стоимости от баланса спроса и предложения преодолевается. Новая система виртуальных финансов возводит биржевую спекуляцию (ранее понимаемую лишь как игру с колебаниями спроса-предложения) к качественно иному уровню, делая рыночную стоимость *независимой* от хозрасчетной инфра-

структуры (так называемый фундамент) и производной от ценовых трендов, определяющихся совокупностью параметров, присущих реальности виртуальных финансов.

Абсолютизация рынка. Новая стадия развития рынка, его абсолютизация и виртуализация требуют нового интеллектуального и доктринального усилия экономической мысли, так как серьезность мутации мировой макроэкономической системы показывает, что традиционные модели нуждаются в кардинальном пересмотре. Победившие в мировом масштабе либерализм и рынок именно за счет масштабности своей победы меняют свое качество, переходят к *новой форме существования*.

Абсолютизированный рынок утрачивает некоторые основополагающие черты рыночной системы на предыдущих стадиях развития и приобретает новые черты, не присущие рыночной системе ранее.

XXI век потребует колоссального пересмотра экономической науки, и многие нормативы традиционного анализа рыночной экономики окажутся неадекватными.

Как это ни парадоксально, но абсолютизация рыночного, экономического фактора в масштабе цивилизации порождает ситуации, когда открываются новые горизонты для активности нерыночных, пострыночных факторов.

Экономическая гомогенизация мира. Либеральная модель по мере своей универсализации стремится привести экономическую картину мира к хозяйственному единообразию. В этом состоит основополагающий вектор экономического процесса в информационном постиндустриальном обществе. Единая мировая рыночная система является необходимым условием существования той новейшей социально-политической формации, которая явно обозначилась на заре нового века.

Однако экономическая гомогенизация будет сопровождаться иными, противоположными тенденциями:

1) возрастанием и автономизацией постэкономического фактора;

2) обострением геоэкономических коллизий.

Экономика «нового мирового порядка». В экономической сфере, как и во всех остальных, доминирование западного полюса цивилизации (атлантизма) основывается на универсализации того хозяйственного уклада, который исторически сложился в западных странах, и на безальтернативном навязывании его постулатов и критериев всем остальным народам и государствам. В планетарном масштабе утверждаются не только экономические модели и структуры, но и система оценок и критериев, в соответствии с которыми производится квалификация экономических показателей. Многообразии экономической истории различных народов и цивилизаций, фундаментальная самобытность их хозяйственных культур при этом полностью игнорируются.

«Новый мировой порядок» в экономике проявляется в нивелировании экономик различных стран по шаблону западной либеральной модели, что в силу исторических и геополитических обстоятельств заведомо ставит страны Запада в привилегированное положение и дает им возможность курировать и контролировать процесс экономических реформ во всем мире в свою пользу. Такие международные финансовые организации, как Международный валютный фонд и Мировой банк, выполняют в такой ситуации роль экономических и финансовых правителей в мировом масштабе, так как их деятельность направлена на то, чтобы окончательно лишить национальные государства экономической суверенности, сделав национальные модели экономик различных государств целиком и полностью зависимыми от экономической структуры «богатого Севера» и функционирующими в режиме внешнего управления.

Основные научные тренды XXI века

Синтез наук. На протяжении Нового времени развитие науки шло преимущественно по пути *дифференциации отдельных дисциплин*, выделения все более и более специализированных областей науки. В настоящее время этот процесс дошел до критической черты, и налицо противоположные тенденции: *слияние различных научных дисциплин* в новые междисциплинарные комплексы, скрещивание научных подходов не только в рамках естественно-научных и гуманитарных областей по отдельности, но и попытки объединить *точные и гуманитарные науки*. Современная фундаментальная физика, к примеру, оперирует понятиями, заимствованными из арсенала философии, и без этого философского инструментария ее законы и утверждения теряют свой смысл (чего не было на более ранних этапах развития физики). Точно так же дело обстоит и с другими дисциплинами. Складывается ситуация, отчасти напоминающая эпоху средневековой учености или дух Возрождения, когда между философией, теологией, с одной стороны, и математикой, физикой, астрономией — с другой, существовала прямая взаимосвязь, запечатленная в универсалистском мышлении ученых и богословов той эпохи.

Современный междисциплинарный подход в науке в дальнейшем будет развиваться, а объявленный некоторыми современными философами науки «конец науки», вероятно, выльется в появление некоей новой синтетической *всеобъемлющей дисциплины*, организованной на базе новейших информационных технологий, позволяющих компактно обобщить на уровне пользовательских программ методологические и информационные ресурсы традиционных научных дисциплин, сделав эти комплексы модульными элементами обобщающей системы.

Новейшие информационные и геномные технологии. Развитие некоторых научных технологий, особенно в

сфере информатики и генной инженерии, бросает новые вызовы самому представлению о человеке и человечестве, поскольку компьютерное моделирование «искусственного интеллекта» и опыты по клонированию человеческих особей радикально меняют взгляды на качество и место человека в мире, коль скоро возможным становится его искусственное воспроизведение или создание мутантов-аналогов. В данном случае логика технологического, аналитического развития входит в противоречие с *этическими* системами ценностей применительно ко всей сфере антропологии — науки о человеке. Создание *биологических дублей* методами генной инженерии и *рациональных дублей* с помощью компьютерных моделей искусственного интеллекта делают из современной науки как вспомогательного инструмента человеческого общества нечто большее, ставя под угрозу сам статус человека в обществах будущего.

Показательно, что эти авангардные направления приоритетно развиваются в атлантистских обществах и в первую очередь в научном сообществе США, где традиционно развито технологическое, инструментальное отношение к миру и природе. Вероятно, результаты развития этих тревожных направлений науки станут специфическим признаком «нового мирового порядка».

Основные экологические тренды XXI века

Угроза экологической катастрофы. Резкое ухудшение среды обитания на Земле и всевозрастающая опасность экологической катастрофы заставляют наряду с самыми существенными геополитическими и экономическими тенденциями учитывать *экологический* фактор. Развитие современного производства, рост совокупного народонаселения Земли, военная индустрия, истощение природных ресурсов, изменение атмосферы и динамика расширения озоновых дыр (и появление новых) — все эти процессы постепенно ставят фи-

зическое существование человечества и живой природы под угрозу уничтожения. Кризис требует формирования особого *экологического сознания*, которое должно стать неотъемлемым и главнейшим параметром при создании и осуществлении любого стратегического цивилизационного проекта.

Экологическая проблема в постиндустриальных обществах. Информационное (постиндустриальное) общество за счет развития высоких технологий нового поколения отчасти снижает остроту проблемы в сфере производства, а в дальнейшем, возможно, будет снята и проблема дефицита ресурсов через открытие новых видов энергии. При этом стратегические, военные и демографические проблемы, а также вопросы неравномерного распределения экологических зон в зависимости от геоэкономической спецификации регионов Земли будут только нарастать.

Оптимизационная ориентация нового мироустройства по своей внутренней логике не может сделать экологический фактор приоритетным. По этой причине экологические тенденции в определенный момент, вероятно, войдут в жесткое противоречие с доминирующими в условиях «нового мирового порядка» геополитическими и стратегическими трендами.

Экология как самостоятельная цивилизационная тенденция. Вынесение экологической проблематики в самостоятельную область перед лицом реального общепланетарного риска не только для человечества, но и для всей живой и неживой природы, вероятно, станет базой для целого спектра новых тенденций, альтернативных по отношению к общей модели вырисовывающегося мира будущего.

Основные демографические тренды XXI века

Проблемы демографического роста. Народонаселение Земли имеет тенденцию к росту в геометрической прогрессии параллельно с крайне неравномерным про-

странственным распределением этого процесса. Демографический рост порождает проблему перенаселения, возрастающего дефицита ресурсов, жизненного пространства, экологии и т. д. Эта проблема в ближайшем будущем приобретет катастрофический характер.

Дифференциация демографических процессов. В странах, входящих в состав «богатого Севера», и в некоторых других (преимущественно европейских) секторах Евразии рост населения — либо нулевой, либо отрицательный. В странах Тихоокеанского бассейна и «бедного Юга», напротив, происходит демографический взрыв.

Такое неравновесное состояние ставит серьезные проблемы, так как количественный показатель народонаселения стран и регионов оказывается в обратной пропорции с технологическим развитием, геополитическим могуществом и экономико-технологическим потенциалом.

Помимо всего прочего, это обстоятельство обостряет территориальные проблемы — плотность населения Земли крайне неравномерна. В некоторых (преимущественно азиатских) странах происходит очевидное перенаселение, при том что огромные регионы, особенно пространства северо-восточной Евразии, остаются малозаселенными или не заселенными вовсе.

Основные культурные тренды XXI века

Глобализация американизма как эрзац-культуры. Нивелирование экономической и политической модели в планетарном масштабе предполагает установление *единого культурного стереотипа*. Моделированием такого стереотипа, по логике вещей, должны заниматься те силы, которые являются спонсорами и кураторами всего процесса глобализации.

Американский образ жизни, штампы американизированной эрзац-культуры, транслируемые через гло-

бальные массмедиа, будут постепенно вытеснять локальные культурные проекты, подстраивая историческое многообразие под одномерные заведомо заданные образцы.

При этом отсутствие у американского культурного проекта какой бы то ни было «высшей» задачи, кроме укрепления силового, стратегического влияния Запада во всем мире, наряду с тотальным распространением эрзац-культуры сделает реальным существование «варварских», «диких» нравов и обычаев.

Вместе с тем следует ожидать и обратного феномена — консолидации региональных национальных и религиозных анклавов *для сопротивления культурной экспансии атлантизма*. Этот культурный отпор, вероятно, породит новые культурные формы и методы, придаст самому явлению культуры дополнительное измерение и новый геополитический смысл.

Феномен постмодерна. Общая тенденция изменения качества цивилизации, возникновение новых факторов человеческого бытия и существенное видоизменение привычных форм жизни, связанные с серьезностью исторических трансформаций, проявляются в организации *нового типа культуры* или общего знаменателя в развитии культуры. Это явление принято называть *постмодерном*. Речь здесь идет не о конкретном художественном стиле, но об общей тенденции, которая затронет в будущем все культурные направления.

При этом окончательный вектор постмодерна в культуре *пока не определен*. Это явление может претерпеть серьезную эволюцию и, скорее всего, будет развиваться по сложной траектории. В постмодерне заведомо можно различить *унификационный* аспект, сопряженный с глобализацией цивилизационных штампов под эгидой Запада, и *дифференциалистский* аспект, связанный с реакцией геоэкономических зон, национальных и религиозных культур на вызов глобализма.

Альтернативные культурные проекты. В рамках поиска альтернативы глобализации американской эрзац-культуры можно различить контуры иных, противоположных по основной ориентации культурных проектов. Можно выделить:

- *фундаменталистский проект*, связанный с сознательным и волевым возвратом к культурным, религиозным и национальным корням;
- *просвещенно-консервативный проект*, настаивающий на приверженности классическому наследию модерна и противодействующий унифицирующей экспансии;
- *экологический проект*, связанный с приоритетом природного и биологического начала вопреки доминированию технотронной цивилизации.

Роль медиакратии. Роль СМИ и новых информационных технологий (сеть Интернет или аналогичные проекты интерактивного виртуального типа) в культурном процессе будет геометрически *возрастать*. Зрелищная сторона станет вытеснять смысловую. Постепенно информационная функция СМИ расширится до культуруобразующей.

Модель «общества зрелища», утвердившаяся в странах Запада, будет переноситься на остальные регионы. При этом вероятно формирование альтернативного *революционного полюса* в области информационных (скорее всего интерактивных) технологий. Цивилизация «общества зрелища» в определенный момент породит *ответную информационную инициативу*, направленную против ее тотального доминирования.

Основные медиакратические тренды XXI века

Медиакратия как основное оружие будущего. В постиндустриальном обществе медиакратия становится *самостоятельным стратегическим фактором*, обладающим

центральным значением. Из подсобной социальной инфраструктуры информационная система и СМИ превращаются в осевой силовой инструмент с постоянно возрастающим потенциалом. В постиндустриальном обществе информация становится не только *главным товаром*, но и *главным оружием*.

Глобализация СМИ (средство и цель). Создание единой и однородной системы СМИ в планетарном масштабе является *методом* и одновременно целью глобализации. Со стратегической точки зрения, либеральным спонсорам «богатого Севера» жизненно необходимо тщательно контролировать этот процесс до деталей, чтобы структурирование медиакратической среды отражало основные параметры либеральной модели. Контроль над информационными каналами начиная с определенного момента будет фактически равнозначен прямому стратегическому, военному и экономическому контролю.

Интерактивные сети (возможность альтернативы либеральной глобализации). Информационное общество предполагает постепенную интеграцию в информационную сферу всего населения планеты и соответствующую широкую демократизацию. Такое вовлечение может быть пассивным (развитие централизованных электронных СМИ) и интерактивным, по модели сети Интернет, где каждый пользователь является не только потребителем информации, но и ее производителем. Такая демократизация, проявляющаяся в интерактивности, чревата возможностью формирования альтернативного цивилизационного, культурного или информационного проекта, ускользающего из-под контроля стратегического центра глобализации. В определенный момент в этой области возможен конфликт между двумя ветвями информационного общества — традиционной и интерактивной. Возможно, это приведет к введению централизованного контроля над интерактивной сферой и ограничению свободы ее использования.

Основные социальные тренды XXI века

Фрагментация существующих (традиционных) социальных ансамблей, десоциализация, индивидуализм. Важнейшей тенденцией нового мира в социальной сфере станет разложение привычных социальных групп: и обширных — как нации и государства, и ограниченных — как профессиональные, классовые, религиозные и другие образования. Этот процесс *фрагментации социальных ансамблей* проявится в любом случае и в магистрально утверждаемой либеральной модели (догматически предписывающей дробление социальных организмов вплоть до индивидуального уровня с отмиранием всех типов общественных субъектов), и в возможных альтернативных проектах, в рамках которых придется не просто сохранять существующие социальные ансамбли, но утверждать новые или заново воссоздавать старые.

Новая социальность. Альтернативный социальный проект по отношению к социальной фрагментации будет формироваться вокруг предложения моделей новой социальности. Заведомо можно выделить несколько тенденций:

- *неоэтнические тенденции* (новое утверждение этнических общностей);
- *неорелигиозные течения* (искусственное возрождение традиционных религий и неспиритуалистических сект);
- *неоэкологические проекты*;
- *модернизированные формы искусственной социализации* (создание общин нового типа, отправляясь от интернетовских проектов, так называемый виртуальный трибализм и т. д.)

Основные религиозные тренды XXI века

Практический атеизм, религиозный индифферентизм. При доминировании философии индивидуализма и прогрессирующей десоциализации в условиях «нового

мирового порядка» *традиционные религиозные институты* обречены на отмирание. Вероисповедание, становясь исключительно индивидуальным вопросом, теряет свою мобилизующую природу, открывает двери экстравагантным культам. Гедонизм и практический материализм возобладают окончательно.

Редуцированные религии. Низведение религиозного фактора до индивидуального уровня повлечет за собой возрастающую *редукцию религий*. Вероятно возникновение «культов», исповедуемых одним-единственным человеком, или суррогатных интернет-религий. Дух культуры *постмодерна* вполне способен переварить и включить в себя элементы расщепленных религиозных ансамблей.

Религии как социальные фасады современных обществ. Некоторое время религиозные фасады еще будут сохраняться в обществах нового мира, но их смысловая и мобилизующая, социально-культурная сторона будет постоянно ослабляться, превращаясь в музейный или исторический казус.

Фундаментализм. Новый религиозный фундаментализм и интегризм будут представлять собой *альтернативу* расслаблению религиозных институтов, искусственный процесс, направленный против основополагающих тенденций, заложенных в стартовом импульсе либеральной глобализации.

Новая самоидентификация. В определенных ситуациях религиозный фактор сможет стать символом и общим знаменателем для *новой социальной самоидентификации* (новой социализации). В некоторых случаях этот процесс может быть отличен как от фундаменталистской модели, так и от функции религии как «социального фасада». Но и здесь речь идет об альтернативном варианте, идущем вразрез с либерал-глобалистским вектором.

Основные этнические тренды XXI века

Этническое смешение. Универсализация либеральной модели предполагает декомпозиции этносов (как и иных типов социальности) до уровня *автономного индивидуума*. На практике это должно привести к всеобщему смешению народов и рас, к появлению нового *космополитического человека*, чье этническое содержание совпадает с его видовым признаком и индивидуальностью. Принцип: «Сколько людей, столько и этносов» или: «Все люди — одного этноса». Модель американского общества берется здесь за норму, подлежащую копированию. В перспективе смешение народов и исчезновение этнических ансамблей предполагается как нечто тотальное.

Универсализация, преодоление этносов. Путем к достижению модели «единого человечества» является универсализация и стандартизация индивидуального бытия, выделение индивидуума из этнического контекста как самозаконченного и самостоятельного объекта. Нивелировка этносов в процессе глобализации должна проходить не на основе унификации этносов и приведения их ко всеобщему знаменателю (это предполагало бы особый цивилизационный проект и «инновационный» подход), но через разложение этнических конгломератов на атомарные индивидуальности в соответствии с общей схемой.

Неоэтнизм как фактор новой самоидентификации. Противостояние этому нивелирующему процессу может происходить в форме *неоэтнизма*, новой и во многой искусственной переоценки значимости этнического фактора в его оппозиции магистральным либеральным тенденциям.

Будущему необходима альтернатива

«Новый мировой порядок» как главная угроза России, всем государствам и народам мира. Основные тренды, определяющие образ грядущего мира, являются в выс-

шей степени тревожными. Этот мир представляет собой «новый мировой порядок», в котором будет безраздельно главенствовать западная система ценностей, воплощенная тотально — на всех стратегических, политических, экономических и социальных уровнях и на всем пространстве планеты. Такой «новый мировой порядок», управляемый «мировым правительством», в котором главную роль будут играть олигархические, финансовые и аналитические элиты Запада, а также проводники их влияния в других регионах мира, исходит из экстремистской по своей сути предпосылки о *радикальном превосходстве цивилизации современного Запада над всеми иными путями и моделями исторического развития*, подлежащими постепенной ликвидации. «Новый мировой порядок» предполагает нивелировку народов, государств, культур и обществ по американской атлантистской либерально-демократической модели с универсализацией философских, юридических, культурных и экономических предпосылок, на которых эта модель основана.

При этом особое опасение внушает то, что очертания мира будущего, складывающиеся из естественного развития тех основных тенденций и трендов, которые являются центральными, доминирующими уже в настоящем, по мере их дальнейшей реализации приведут к *катастрофическим* результатам. Аспекты западного мира, которые пока не обнаруживают своей губительной ориентации и представляются нейтральными или позитивными, в будущем, по мере радикализации и естественного развития, приобретут *фатальные* черты.

В том случае, если главенствующей сегодня тенденции глобализма и атлантизма не будет противопоставлено масштабной планетарной альтернативы, мир будущего представляет собой зловещую антиутопию либерального тоталитаризма, «brave new world» с циничной двойной моралью, предельным отчуждением, полной утратой людьми, культурами и социальными

ансамблями творческого, созидательного достоинства, справедливости, солидарности, активного волевого и свободного соучастия в ходе истории.

«Конец истории». Как признают сами атлантистские футурологи, установление «нового мирового порядка» означает «конец истории», отмену и преодоление всех основных форм существования, которые составляли содержание исторического бытия человечества, в том числе и исторического бытия самого Запада, пока он не перешел к окончательной, постисторической фазе своего существования.

«Новый мировой порядок», «новый мир», явно вырисовывающийся на рубеже тысячелетия, является продуктом цивилизации Запада, плодом зрелого и доведенного до своих логических пределов атлантизма. Для самих народов Запада закономерность и позитивность такого результата вполне может быть оспорена, поставлена под сомнение. Но этот вопрос может решаться по-разному. Не подлежит никакому сомнению другое: для всех остальных народов и цивилизаций Земли, развивавшихся по иным путям и иной логике, силовое тоталитарное навязывание результатов западного, атлантистского пути является абсолютно несправедливым, неприемлемым, порочным, катастрофическим, аморальным. «Новый мировой порядок» представится в такой ситуации как катастрофа и диктатура, как новая форма колониального владычества, закабаления, эксплуатации, доминирования.

Планетарная альтернатива. Историческим императивом всех незападных культур и цивилизаций планеты, в том числе и сил самого Запада, отвергающих существующие тренды, является солидарная выработка цивилизационной, исторической альтернативы «новому мировому порядку», радикально иного сценария, нежели тот, который естественным образом вытекает из существующего положения вещей и предопределяет основные грани вероятного мира будущего.

Россия в своей истории вела с соседними цивилизациями сложный, многоуровневый, драматический диалог. В разные ее периоды он складывался по-разному. Но при всех обстоятельствах Россия отстаивала свое *право на цивилизационную особенность, самостоятельность*, обусловленную ее религиозной, географической, социальной, геополитической, этнической, культурной спецификой. Русская цивилизация, несущая в себе соцветия ценностей, отчасти схожих как с мировоззренческими системами Европы, так с идеологиями Востока, представляла своеобразный и не имеющий аналогов синтез, который и лежит в основе нашего национального бытия.

В условиях «нового мирового порядка», в моделях надвигающегося мира эта самобытность, эта цивилизационная идентичность подлежит *ликвидации и стиранию*. Не случайно атлантистские стратеги и геополитики называют будущую Евразию «черной дырой» (Збигнев Бжезинский). У России как уникального исторического образования, у русского народа как полноценного субъекта мировой истории в «новом мире» победившей глобализации нет никакого будущего. И если основные тренды «нового мирового порядка» возобладают, то *Россия исчезнет* — как политическое, культурное, цивилизационное, экономическое, материальное и духовное явление.

Точно такая же незавидная судьба ожидает и иные традиционные цивилизации — такие крупные, как исламская, индийская, китайская, и такие локальные, как африканские, тихоокеанские и латиноамериканские культурные ансамбли. В конечном счете утратят свою самобытность и *западные культуры*, породившие в экстремальных проявлениях своего исторического развития те левиафанические формы, которые их самих и поглотят.

Мир, который надвигается на нас, не должен стать реальностью. То будущее, которое подступает, не долж-

но свершиться. В этом состоит драматический нерв переломного момента мировой истории.

Россия сможет сохранить себя только в том случае, если сумеет выдвинуть глобальную альтернативу «новому мировому порядку». Но такая *альтернатива*, по определению, не может быть делом только *одной страны*, одного народа. Универсальный атлантистский вызов планетарного масштаба обращен ко всем народам мира, поэтому в разработке и дальнейшей реализации *альтернативы* должны участвовать *все мировые цивилизации*. Но по целому ряду исторических обстоятельств именно Россия традиционно стояла в авангарде выработки цивилизационных стратегий, противоположных Западу. Мы, русские — во многом западный народ и в целом адекватно понимаем его цивилизационные системы. Гораздо лучше и яснее, нежели многие народы Востока «третьего мира», укорененные в своих локальных культурах и имеющие с цивилизацией Запада довольно поверхностные отношения. Однако *понимание не означает принятия*. Россия *глубже* других *понимает* Запад и поэтому радикальнее других его *отвергает*, выдвигает против него наиболее общие и масштабные цивилизационные контрпроекты.

Альтернативу может сформулировать и утвердить только Россия. Историческая миссия разработки и реализации основной модели *альтернативы* «новому мировому порядку» лежит именно на России. И только Россия в будущем может стать главным *полюсом*, очагом планетарного сопротивления, точкой притяжения всех мировых сил, отстаивающих свой собственный путь, свое собственное культурное, национальное, государственное и историческое «я».

Выработка такой глобальной альтернативы является главным содержанием будущего развития России, основой нашей глобальной стратегии, нашего цивилизационного исторического пути.

Большой Евразийский Проект. Точнее всего назвать долгосрочный стратегический Русский Проект *Евра-*

зийским Проектом, поскольку Евразийская Идея соединяет в себе сразу два понятия — специфику самобытной русской цивилизации и большой проект творческого утверждения целого веера цивилизационных тенденций народов Евразии (шире — всего мира), стремящихся отстоять собственную судьбу перед лицом нивелирующего глобалистского наступления.

Евразийство, Евразийский Проект в полной мере отражают сущностную ориентацию России как государства, русских как народа. В то же время это означает и наднациональный, стратегический союз стран и культур, объединенных исторической миссией, призванных вступить в драматическое столкновение с надвигающимся на планету «мировым порядком» под эгидой Запада. В новом евразийстве воплощается извечная русская воля к универсальному идеалу, к осуществлению высокой спасительной миссии по утверждению идеалов Добра и Справедливости.

Национальные интересы России имеют планетарный исторический масштаб. Это составляет специфику русской истории. Так было в прошлом, так должно быть в будущем. Но чтобы добиться этого, России необходимо, не жалея сил, отстоять в грозном зловещем «новом мире» свое место и свое право на жизнь, на стратегическую, экономическую и политическую суверенность.

Евразийский путь — альтернатива «новому мировому порядку». Спектр национальных интересов России в новом мире

Отправная точка проекта

Стратегия России в наступившем веке должна исходить из следующего фундаментального принципа: *верность историческим константам национального пути*,

отстаивание исторической уникальности России и русских как государства и народа, как особой культуры и особой цивилизации, с одной стороны, и эффективное и своевременное участие в *динамике новой мировой реальности*, адекватная реакция на основные тренды мирового развития (на всех уровнях), с тем чтобы сознательно и планомерно усваивать и развивать одни направления, переориентировать в своих интересах другие и разумно, качественно и успешно противостоять третьим, — с другой.

Россия не может смотреть только в прошлое, тем более что это прошлое крайне противоречиво и само нуждается в новом резюмирующем осмыслении. Но она не может и игнорировать свой собственный путь, пренебрегать его вехами, отказываться от наследия (не всегда положительного), завещанного предыдущими поколениями.

Россия не может не критически воспринимать все параметры новой картины мира, надвигающейся вместе с новым тысячелетием. Ее реакция на новые условия человеческого существования в рамках глобализирующейся цивилизации *не должна быть сведена к простой адаптации*. Тем более что по множеству параметров эта нарождающаяся цивилизация основывается на отрицании того, в чем заключалась историческая миссия России и русских. Пассивная позиция России в новом мире, покорность и имитация означали бы не просто снижение градуса исторических амбиций, но фактически полное *самоуничтожение*, окончательный и бесповоротный уход с арены мировой истории. Теряя свою историческую сущность, отказываясь от исполнения своего цивилизационного предназначения, *Россия просто перестанет существовать*. И следующий век пройдет мимо нее и без нее, чего, естественно, допустить нельзя ни в коем случае.

Геополитический уровень: евразийская стратегия

Утверждение евразийской цивилизации как глобальная альтернатива атлантизму. Ответом на глобализацию атлантистской модели, на создание «единого мира» под эгидой Запада должно быть выдвижение Россией *Евразийского Проекта*. Евразийский Проект сводится к последовательному утверждению следующей геополитической истины: сведение разнообразия культур и цивилизаций к унифицирующей модели противостоит естественно. Каждая культура, каждый народ имеют основания и право следовать собственными историческими путями. Поэтому гармоничным миром без войн и агрессий может быть только многополярный мир, в котором силовые центры геополитики находятся в состоянии динамического баланса. *Унификация мира под эгидой атлантизма*, современной цивилизации Запада (и особенно США) — то, что принято называть глобализмом, — *никогда не приведет к реальной многополярности, и цивилизация всегда будет жестко централизована* (по меньшей мере в мировоззренческом, экономическом и культурном смыслах).

Единственным способом избежать тоталитаризма Запада является создание новой системы стратегического баланса, отталкиваясь от которой следует двигаться к *реальной многополярности*.

У Евразии есть историческое предназначение: уравновешивать атлантистский вектор, создавая тем самым геополитическое пространство для свободы выбора странам «третьего мира».

Главным геополитическим приоритетом России в наступившем столетии (тысячелетии) является создание *евразийского стратегического блока* — с гибким и дифференцированным мировоззрением и многоуровневым членством — *в противовес* атлантистским и глобалистским тенденциям.

В отличие от предыдущих эпох осью такого блока

должно быть не мировоззрение и не специфика экономической системы или политического устройства, но *геополитические и стратегические принципы, цивилизационные императивы*.

Россия должна до конца осознать себя как *«географическая ось истории»*, как *ядро Евразии* и с полной ответственностью утвердить на новом этапе и в новых терминах глобальный масштаб своего исторического и цивилизационного предназначения (с учетом ошибок и заблуждений предшествующих исторических периодов).

Многополярный мир. В далекой перспективе необходимо ориентироваться на создание подлинного свободного и справедливого *многополярного мира*, органически складывающегося вокруг многообразных культурных, цивилизационных, социальных и исторических центров. Богатство человечества напрямую связано с *многообразием цивилизаций*, которое должно быть не только сохранено, но и заново утверждено. Сама Евразия в лучшие периоды своей истории отличалась именно этим «вселенским» многообразием: стратегическое и геополитическое единство сочеталось с созвездием органичных и культурно автономных частей. Евразийский полюс изначально должен складываться как оплот цивилизационного освобождения, чтобы грядущая многополярность стала естественным и желательным для Евразии результатом.

Следовательно, сама структура нового евразийского блока должна изначально нести в себе зародыши культурного *плюрализма, дифференциализма, многообразия, «цветущей сложности»*. В таком случае грядущее становление подлинно многополярного мира будет *органическим продолжением евразийской линии*, противодействующей унифицирующей одномерной логике атлантизма.

Ложная и истинная многополюсность. В XX веке все три глобальные силы, претендовавшие на универсали-

зацию своей модели в планетарном масштабе (либеральный мир, советский лагерь и национал-социалистские проекты Гитлера), предлагали одномерные решения с централистской идеологией и жесткой унификацией. Современный Запад вышел из геополитического противостояния победителем и стремится к тому, чтобы реализовать собственный вариант глобализма. Атлантистский проект менее откровенен, нежели коммунистические или нацистские планы, и подчас скрывает свою унитарную природу под видимостью «плюрализма». Чаще всего аргументом служит сохранение геоэкономических зон и наличие некоторых архаических черт азиатских обществ, вполне освоивших (на первый взгляд) политико-экономические механизмы западной системы.

Такая многополярность является *фиктивной*, так как она отрицает самодостаточную историческую ценность культур, цивилизаций, религий, социальных и политических организмов (отличающихся от вектора развития Запада) и жестко пресекает всякие попытки спроецировать эту специфику на серьезные стратегические проекты. Специфике обществ отводится *маргинальная*, чисто номинальная роль экзотического колорита, полностью оторванного от основных силовых линий социально-политического бытия, где должны доминировать узкие и одномерные *либеральные атлантистские схемы*. По мере развития информационного общества по образцу Запада всякая историческая специфика цивилизаций будет окончательно стерта. Это, кстати, затронет и сами народы Запада, особенно Европы, которые обречены на окончательную утрату своего исторического лица.

Истинно многополюсный мир возможен только вопреки *атлантизму*, через его сдерживание и, в перспективе, через его преодоление. Либеральный проект — последнее наследие XX века, в котором доминировал *тоталитарный принцип*. Скрытой формой такого

тоталитаризма и является *глобализм*. Истинная многополярность возможна только *при отказе от универсалистского подхода к человеческому и цивилизационному факторам*.

Следовательно, истинная многополярность — позволяющая народам, государствам и обществам идти своей дорогой в политике, экономике, культуре, религии, общественном устройстве, промышленном развитии и т. д. без оглядки на «универсального единого арбитра» — может сложиться только *через образование альтернативного атлантизму полюса, через постепенное увеличение масштаба его стратегической мощи и локализацию атлантистских проектов в естественных границах того региона, где эта модель исторически сформировалась*.

Евразийские стратегические союзы. Реализация Евразийского Проекта предполагает серию шагов, направленных на повышение стратегической значимости и самостоятельного веса России. Никакое другое государство по геополитическим причинам не способно стать осью *евразийского блока*. Россия занимает географически *центральное* место в Евразии, обладает стратегическим потенциалом, достаточным для обеспечения успешного старта интеграционных процессов на первом этапе.

Для России жизненно необходимо руководствоваться во внешней и внутренней политике единственным императивом, которому должно быть подчинено все остальное, — *императивом* создания Евразийского Союза.

Минимальный проект: постсоветская интеграция. Минимальным проектом евразийской интеграции или ее первым этапом должно стать стратегическое воссоединение стран СНГ (бывших советских республик) в стратегическую конструкцию, *объединенную сознанием единства геополитических интересов и общностью стратегической и цивилизационной судьбы*. Интеграция

стран СНГ в новое, более сплоченное стратегически образование должна основываться на глобальных геополитических задачах, а не на сиюминутных социально-экономических интересах и раскладе сил в политических элитах. Судьбоносное значение Евразийского Проекта настолько масштабно, что несравнимо превосходит баланс практических плюсов и минусов, возникающих при такой интеграции, заведомо выше политических и психологических портретов лидеров и партий, находящихся в данный момент у власти.

Геополитическое объединение СНГ должно осознаваться как исполнение евразийского предназначения, а не произвол какой-то одной политической или идеологической группировки. По этой причине *геополитические цели* должны объединять между собой и *правлящие режимы*, и *оппозицию*, и *элиты* истеблишмента, и революционные *контрэлиты*.

От реальной интеграции СНГ зависит история человечества, возможность установления многополюсного мира. Следовательно, перед грандиозностью этого проекта узкополитические разногласия должны отступать на второй план, а политико-социальные коллизии — объективно неизбежные в любом обществе — ни в коем случае *не должны распространяться на общий стратегический курс*, который ни при каких обстоятельствах не может ставиться в зависимость от перипетий межпартийной борьбы или социальных трений.

Именно так строится геополитическая преемственность атлантистских элит США, которые, оспаривая — подчас весьма бурно — тактические вопросы, политические проблемы, конкретные методы и решения, никогда при этом не ставят под вопрос то, что в Америке называют «Manifest Destiny», то есть «явственное предназначение».

Евразия по всем параметрам имеет аналогичное призвание и предназначение, столь же глобальное, но противоположное по знаку.

И исполнение этого евразийского предназначения должно сплотить элиты СНГ на первом поворотном этапе нового утверждения евразийского блока.

Континентальный блок. Следующий этап Евразийского Проекта, который может реализовываться параллельно стратегической интеграции СНГ, заключается в создании *единого стратегического союза с евразийскими государствами*, жизненно заинтересованными в создании альтернативы единоличному планетарному господству США и стран атлантистского Запада. Такими странами являются: Иран, Индия, Китай, некоторые арабские государства Ближнего Востока и Северной Африки, дальневосточные страны, входящие в Тихоокеанскую зону.

Эти страны обладают древней культурой, развитыми религиозными системами, сложной специфической социально-политической структурой. Их экономический уклад представляет собой своеобразное соцветие формаций и систем. Большинство этих стран имеют свой собственный исторический проект, выражающийся в терминах цивилизации, культуры, политики, социального и национального своеобразия. Не всегда этот проект гармонично соответствует проектам соседних держав и цивилизаций, но *они едины в противостоянии атлантистскому универсализму, в отрицании либерального глобалистского нивелирования, в отвержении единоличного господства США*. На основании принципа *общего отрицания* все эти элементы могут быть вовлечены в *масштабный континентальный блок*.

В дальнейшем из этой широко дифференцированной многообразной картины будет создаваться многополярная реальность на базе общего Евразийского Пути.

Европа и Япония. Интеграция в рамках СНГ, создание Евразийского стратегического блока представляют собой *предварительные* шаги к активной планетарной стратегии Евразии, без которых стратегическая цивили-

лизационная альтернатива не будет обладать достаточным наполнением.

Следующим этапом (который также может в основных чертах подготовляться безотлагательно и параллельно двум другим) является *активная геополитическая линия в Европе и Японии*. Европа и Япония представляют собой важнейшие стратегические «береговые зоны», контроль над которыми обеспечивает атлантизму (США) *устойчивое превосходство* над потенциальной евразийской цивилизацией.

По этой причине окончательная судьба Евразии будет зависеть от успешной *нейтрализации* Европы и Японии, от их вывода из-под *стратегического контроля США* и их *последующего включения в Общеевразийский Проект*.

Только в таком объеме — включая Европу и весь Тихоокеанский регион вместе с Японией — Евразийский Проект будет вполне закончен и сможет оказывать на общепланетарные процессы решающее влияние.

Цель: цивилизационное спонсирование новой многополярной планетарной реальности. Глобальная геополитическая задача России состоит в создании *многополярного мира*, в стратегическом спонсировании такого мира. Переход к нему как к многообразной альтернативе одномерному атлантистскому глобализму будет возможен лишь в ходе реализации всех трех этапов Евразийского Проекта.

Многополярный свободный мир с «цветущей сложностью» культур и цивилизаций — высший *геополитический идеал* России, ее призвание, ее предназначение.

Кратополитический уровень: примат геополитических интересов Евразии над всеми остальными параметрами, евразийский геополитический ценз

Цивилизационные приоритеты должны быть поставлены над национальными, государственными, конфессиональными. *Евразийский Проект для России предполагает*

постановку геополитического и цивилизационного критерия над всеми остальными. Вступив в XXI век, Россия вошла в решающую фазу цивилизационного противостояния, в которой определится — победит ли окончательно и бесповоротно атлантистская модель мироустройства со всей совокупностью тревожных религиозных, культурных, экономических, экологических и политических тенденций, которые она с собой несет, или *Евразия сумеет утвердить в планетарном масштабе глобальную альтернативу*, доказав собственную историческую правоту, оправдав свое евразийское, великоконтинентальное предназначение? По этой причине сверхцель, сверхзадача самого исторического существования России приобретает отчетливые формы и сводится к исполнению ясно сформулированной *геополитической миссии*. Геополитическое и цивилизационное измерение должно быть *мерилом и критерием* всех остальных сфер развития России — экономической, социальной, культурной, политической и т. д. Если в ближайшее время удастся отстоять эту миссию, заложить основы глобальной евразийской альтернативы «новому мировому порядку», все остальные уровни будут постепенно развиваться, нормализовываться, приводиться к оптимальным условиям. Но на первых этапах все должно быть подчинено исключительно центральной геополитической задаче. При этом следует учитывать, что даже относительно эффективное развитие экономического, социального, культурного или политического сектора России *в отрыве от реализации главного геополитического цивилизационного Проекта* (или в ущерб ему) в средней и далекой перспективе не принесет никаких положительных результатов и только отложит на небольшой срок финальную катастрофу, которую с неизбежностью несет России установление «нового мирового порядка».

Структура евразийских Вооруженных Сил. Евразийский Проект может быть реализован исключительно в

том случае, если России удастся сохранить и упрочить свой ядерный и стратегический потенциал, сделать ряд прорывов в области разработки и внедрения оружия нового поколения. Осуществить евразийскую альтернативу эволюционным путем, без вовлечения человечества в планетарную диктатуру, экологическую катастрофу и тотальную гражданскую войну мирового масштаба можно лишь до тех пор, пока *баланс вооружений стран НАТО и России* (включая ее военных союзников — Беларусь и т. д.) *остаётся сопоставимым* и угроза применения стратегических видов вооружения против стран НАТО может эффективно сдерживать неокOLONиальные планы атлантизма. Ядерное оружие, система российской ПРО, новейшие технологические разработки российского ВПК являются *главной предпосылкой* самой возможности исполнения Россией ее *исторической миссии*. В силу этого обстоятельства главной задачей России будет укрепление преимущественно *стратегического сектора* Вооруженных Сил, активизация разработок в сфере высоких технологий производства вооружений нового типа, поддержание боеспособности Вооруженных Сил, укрепление их структуры, модернизация системы управления и т. д. Российская армия и российский ВПК, их структурная реформа, активное упрочение и развитие должны быть главным приоритетом евразийского курса. *Судьба России, Евразии как цивилизации зависит напрямую от качества Вооруженных Сил.*

Военные союзы. Осевое значение российских Вооруженных Сил (и особенно их стратегического сектора) должно повлечь создание серии *военных союзов*, которые призваны обеспечить закрепление Евразийского блока на стратегически важных рубежах. Важнейшим из этих союзов является *российско-иранский военный альянс*, который впервые в истории смог бы открыть России выход к «теплым морям», позволил бы разместить российское стратегическое оружие на юж-

ных берегах Евразии. Поскольку Иран стратегически ориентирован против доминирования Запада и руководствуется в своей международной политике евразийскими приоритетами, объективные предпосылки для такого военного союза налицо. В среднесрочной перспективе именно *военная ось Москва — Тегеран* способна организовать стратегическое пространство силового противодействия Западу на Ближнем Востоке, Кавказе и в Средней Азии.

Среди арабских стран военные союзы следует заключить с *Ираком, Сирией и Ливией*, что позволит Евразии получить важнейший рычаг контроля над средиземноморским пространством.

В Восточной Европе важен военный союз с православной Сербией, а также желательно нейтрализовать (еще лучше привлечь на свою сторону) православные страны (Болгария, Румыния, Греция, Македония и т. д.), способствуя их отдалению от НАТО.

Другим важнейшим союзом является *военный альянс Москвы с Индией и Китаем* (хотя надеяться на прочные геополитические отношения с Китаем вряд ли можно, так как у Москвы и Пекина слишком много стратегических и демографических противоречий).

Параллельно заключению военных пактов в рамках Евразии необходимо активно *содействовать расколу единства в странах НАТО*, способствовать стратегической нейтрализации Среднеевропейского (шире — всей Европы) и Тихоокеанского регионов.

При заключении этих стратегических союзов очень важно продемонстрировать, что речь идет не о религиозном, идеологическом, политическом сходстве участников Евразийского блока, но о единственной общей цели — *противодействии атлантической гегемонии*, единоличному установлению «нового мирового порядка» США и олигархическому «мировому правительству». Следовательно, данный военный альянс преследует *оборонительную* и, самое главное, *освободительную*

цель, обеспечивая *геополитическое условие суверенности всех государств и народов* перед лицом планетарного наступления глобализации, которая предполагает *лишить их этой суверенности*.

Евразийское разведсообщество нового типа. Для реализации эффективной евразийской политики Россия нуждается в глубоком *реформировании системы силовых ведомств и особенно разведывательных и контрразведывательных служб*. Необходимо учредить *разведывательную структуру нового типа*, аналогичную геополитической разведке атлантизма, которая действовала бы также на надгосударственном и наднациональном уровне, руководствуясь не просто интересами России как Государства, но *геополитическими и цивилизационными приоритетами создания обширного Евразийского блока*. Основными направлениями деятельности такой геополитической разведслужбы должно стать:

1) создание (или воссоздание) евразийского геополитического лобби в зарубежных странах и на самом Западе (с задействованием всех социальных, политических, культурных, религиозных и идеологических сил, которые по той или иной причине не согласны с установлением «нового мирового порядка», с тоталитарным главенством «либеральной идеологии» и т. д.);

2) организация постоянного проевразийского, интеграционного тренда в среде политической, культурной и экономической элиты стран, являющихся потенциальными союзниками России в Евразийском блоке;

3) оперативное определение, идентификация, изоляция и устранение групп атлантистского геополитического влияния, которые действуют в России, других дружественных нам евразийских державах.

Манипулирование хаотическими процессами. Вероятность будущих хаотических процессов в мировом масштабе, связанных с социальными, экологическими, техническими, психологическими катастрофами, оценивается атлантистскими экспертами как спектр «но-

вых вызовов» американскому доминированию и устойчивости «нового мирового порядка». Хаотический фактор, таким образом, становится важным инструментом для осуществления евразийской стратегии. Искусственное *манипулирование* этим фактором, контролируемое и ограниченное его использование в стратегических целях представляет собой важнейшее направление стратегических разработок Евразийского Проекта в его кратополитической (силовой) части.

Политический уровень: органическая демократия, евразийский федерализм

Демократия как альтернатива либерализму. Демократические формы правления представляются для грядущей России оптимальными. Важно разделять западную либерал-демократическую систему, основанную на индивидуализме и чисто количественном подходе, и *иные формы демократии*, более свойственные евразийским обществам. Некоторые социологические школы, чтобы подчеркнуть различие, описывая такие политические системы, которых основаны на *качественном* подходе, говорят о «*демотии*» или «*органической демократии*». Либеральная демократия тяготеет к тому, чтобы отождествиться с либерализмом и *упразднить всякое представление о «народе» («демосе»)* как о *едином целом*.

«Органическая демократия», напротив, ставит акцент *именно на этом целом*, осознанном как историческое единство, объединенное общей географией, общей историей, общей культурой, общим цивилизационным проектом, общей судьбой.

Именно такая *общность народа как исторического организма и должна быть основой политической власти в России*. Либеральному дроблению народов на атомарные единицы с чисто количественным принципом «демократического голосования» Евразийский Проект противопоставляет концепцию *качественной демокра-*

тии, при которой во главе угла стоит *принцип суверенности народа как единого целого*, подчиняющий себе все остальные политические аспекты.

Соучастие. Либеральная демократия постепенно ведет к отчуждению граждан от сферы политики, которая становится делом особого социального класса профессиональных менеджеров. Мало-помалу сама область политики, выборов, референдумов превращается в «зрелище» сродни обычным рекламным кампаниям товаров и услуг. Формально сохраняя принцип свободного политического волеизъявления граждан, либеральная система практически сводится на нет через использование социальных и информационных технологий, подменяющих искусным внушением *реальную политическую свободу*.

Евразийская политическая модель должна быть, напротив, основана на императиве участия всего общества в принятии основополагающих исторических решений, на подлинном народовластии.

Соучастие народа в своей собственной судьбе — так определяется подлинная демократия. Это соучастие может реализовываться различными способами. Так как Россия представляет собой масштабное стратегическое образование, управление ее стратегическим потенциалом должно быть сосредоточено в руках небольшой группы или отдельного лица, как бы он ни назывался — президент, монарх, Высший Совет, вождь и т. д. Такая *персонификация власти* не противоречит принципу органической демократии в том случае, если общий вектор деятельности высшего лица (группы лиц) Государства соответствует основному направлению исторического развития, *основывается на константах национального бытия*. При этом критерием оценки адекватности (или неадекватности) главы Государства должна быть не просто эффективность реализации его функций и должностных обязанностей, но в первую

очередь *лояльность «большому проекту» народа*, служение исторической миссии Государства.

На базовом уровне «органическая демократия» предполагает широкую и гибкую систему автономного самоуправления, соотносенную с культурными, религиозными и профессиональными традициями конкретных коллективов. В некотором смысле можно соотнести эту модель с Советами. Здесь должны действовать принципы «прямой демократии», механизмы коллективной выработки решений, имеющих локальное политическое значение и вписанных в конкретику региона.

Между стратегическим унитарным принципом верховной власти и дифференцированным плюрализмом автономных групп на низовом уровне должна существовать гибкая система *политической координации* в лице органов исполнительной и законодательной власти промежуточного уровня, осуществляющих *координацию волеизъявления общин со стратегической линией центрального руководства*.

Соучастие будет максимально эффективным в том случае, если высшие инстанции в Государстве будут контролировать только те аспекты политической жизни, которые имеют стратегическое значение, как-то:

- *сохранение территориальной целостности Государства;*
- *обеспечение его суверенности и независимости;*
- *планирование развития стратегических секторов промышленности и экономики;*
- *обеспечение правовых норм граждан;*
- *отстаивание интересов России в мировом масштабе*
и т. д.

В остальных нестратегических вопросах разнообразным общественным низовым образованиям будет предоставлена *максимальная автономия*, самостоятельность, право самим определять параметры политического бытия на локальном уровне.

Евразийский центризм. Политологическая идентичность России предопределяет тот мировоззренческий политический вектор, который должен быть принят за *ось политического Центра*. Этот вектор предполагает сочетание принципа *социальной справедливости и социальной экономики с ценностным консерватизмом и культурным традиционализмом* в чисто политической ориентированности Государства. Это сочетание «левых» и «правых» элементов в определении российской идеи политического Центра обратно тому, как аналогичные элементы сочетаются в либеральной политике Запада, где политический Центр основан на сочетании «*свободного рынка*» (правая экономика, либерал-капитализм) с *модернизмом, новаторством и антитрадиционализмом в политической сфере*, а также на уровне этики, культуры, религии (левая политика, прогрессизм).

Вокруг основополагающей линии евразийского политического Центра могут динамично развиваться политические фланги — правый и левый, то есть партийные, фракционные и иные политические образования, отклоняющиеся от центристской линии в том или ином направлении. При этом они будут ограничены *лояльностью общему историческому проекту России*, наиболее полно отраженному в *позиции Центра*. Переход определенной черты в сторону альтернативной политологической модели будет равнозначен *политической маргинализации*. При этом терпимость Центра в отношении даже самых крайних, экстремистских или экстравагантных проектов (приближенных к либеральной политологической модели) будет *напрямую зависеть от напряженности геополитической конфронтации с атлантизмом*. Если ситуация в международной жизни будет благоприятной для России, политическая терпимость к либеральным и экстремистским политическим образованиям будет возрастать. В сложные периоды активной конфронтации эта терпимость, напротив, должна становиться минимальной.

«Третий путь». Сочетание умеренно социалистических элементов в экономике и консервативных государственных традиционалистских тенденций в политике принято называть моделью «третьего пути», чтобы отличать как от обычного социализма (марксистского толка, где наличествует сочетание левой экономики с левой политикой), так и от правых диктаторских режимов (где политический консерватизм сочетается с рыночными механизмами и всевластием финансовой олигархии). «Третий путь» в той или иной его интерпретации наиболее точно соответствует политической истории России. Более того, внимательный анализ смены правых и левых режимов в российской истории обнаруживает, что эти революционные процессы протекали вокруг общей оси, то удаляясь от нее, то сближаясь с ней. Эта ось и представляет собой *абсолютный политический Центр*, чья политологическая конфигурация тождественна модели «третьего пути». Следовательно, выбор политической системы «третьего пути» как основополагающей будет осознанным и ответственным, судьбоносным шагом по окончательному принятию Россией своей мировоззренческой эстафеты в области политики в ее наиболее общем, универсальном и всеобъемлющем варианте. И если такой переход к теории «третьего пути» осуществится, будут ликвидированы основные предпосылки драматического, революционного противостояния, жестоких разрушительных переворотов и экстремистских пертурбаций, окрашивающих русскую политическую историю в кровавые тона. «Третий путь» является единственной гарантией от грядущих революций, гражданских войн и восстаний, которые снова могут разделить Россию на враждующие лагеря в том случае, если такого выбора не произойдет.

Осознанное и явное принятие в качестве основополагающей тенденции политического Центра той модели, которая была скрытым ядром российской полити-

ческой истории, будет означать *реальное политическое согласие, долгосрочную стабильность и внутривнутриполитический мир.*

Евразийский федерализм. Масштабность исторической миссии России, призванной воспрепятствовать становлению «нового мирового порядка» и выдвинуть ему глобальную альтернативу, предполагает создание такого политического устройства в ней самой, которое было бы максимально *открыто* для вовлечения в Евразийский блок других народов и государств с иной культурной, цивилизационной, политической, религиозной и хозяйственной историей. Для этого общеполитическая структура в самой России должна быть *максимально приближенной к модели грядущего евразийского континентального образования.* Это означает выстраивание системы «евразийского федерализма», основной характеристикой которого должно быть сочетание стратегического унитаризма в управлении и широкого разнообразия политической, социальной, правовой и хозяйственной организации составных частей.

Евразийский федерализм предполагает политическое и административное устройство, *радикально отличное от модели «государства-нации».* В «государстве-нации» существует строгий политический централизм, языковая и культурная однородность, всеобщая обязательность единой правовой, конституционной, политической и экономической системы. Предполагается, что «государство-нация» представляет собой единый *монокультурный* блок, состоящий из *атомарных* граждан, обладающих *равным* гражданским статусом перед лицом унитарной государственной системы.

Евразийский федерализм основан на совершенно иной предпосылке. В нем четко разделяются два понятия — *стратегический унитаризм* и *широкий этнокультурный региональный плюрализм.* Политически государство является *единым* в смысле осуществления уникаль-

ной исторической миссии, общего геополитического «большого проекта». Но это единство не обычной страны, не целой цивилизации, не рядового государственного образования, но освободительной «демократической империи» нового типа. Поэтому солидарность на уровне планетарной судьбы сопровождается широчайшей дифференциацией на уровне составных частей, развитой культурной и религиозной автономией. Россия даже в сегодняшнем ее виде сохранила отчетливо *федеративные* черты, основные признаки «империи», состоящей из целого созвездия чрезвычайно разнородных в этническом, социальном, культурном и географическом смыслах регионов. Каждый регион представляет собой *самостоятельную систему* с целым рядом уникальных, неповторимых черт. Эта специфика этнической, социальной, правовой и общественной мозаичности должна отражаться и на политическом уровне как широкое федеративное объединение *коллективных субъектов* различного статуса и уровня. В основе определения единиц федерального пространства должен лежать не административно-территориальный признак (как в централистских «государствах-нациях»), но гибкая система критериев, учитывающая целый комплекс культурной, социальной, исторической, экономической, этнической идентичности. Причем федеральный субъект, играющий структурообразующую роль в формировании Государства, должен воспроизводить *федерально-демократическую* модель и на внутреннем уровне, то есть представлять собой не ограниченный аналог «государства-нации» в малом масштабе (как это имеет место в случае отделившихся от России новообразованных республик и национальных и территориально-административных образований, стремящихся сегодня к повышению своей политической автономии, вплоть до сепаратизма внутри России), но *мини-империю* с широчайшим спектром внутренних коллектив-

ных субъектов, структурообразующих, в свою очередь, для самого субъекта большой федерации. И так далее, вплоть до самоуправления рабочих коллективов, исполнительных органов местных общин и Советов.

Такое внутреннее федеративное устройство облегчит России стратегические союзы с иными державами — потенциальными участниками континентального Евразийского блока. В случае заключения таких союзов федеративный принцип будет сохраняться неприкосновенным, но конфигурация федеративного пространства расширяться (в том случае, если стратегическая интеграция будет очень тесной). Таким образом будут решены все спорные территориальные проблемы, сплошь и рядом препятствующие установлению тесных союзных взаимоотношений между соседними государствами. Если соседние страны и потенциальные участники Евразийского блока по примеру России пойдут на развитие федерализма внутри своих государств, то просторы Евразийского союза органично и естественно начнут разрастаться, поскольку наличие широких культурных и религиозных автономий будет не ослаблять традиционные государства, постоянно угрожая сепаратизмом и военными конфликтами, но, напротив, укреплять стратегический блок, в котором многие малые народы и культурные ансамбли получают долгожданную возможность воссоединения в *единое органическое целое* и тем самым станут связующим элементом, изменив свою сегодняшнюю (разрушительную) геополитическую миссию на прямо противоположную. Для многонациональной Евразии такой широкий федералистский подход был бы идеальным решением.

В еще более отдаленной перспективе евразийский федерализм смог бы стать привлекательной политической моделью в мировом масштабе, представляя собой политическую альтернативу глобалистской нивелировке «нового мирового порядка».

**Экономический уровень:
автаркия «больших пространств»**

Евразийский принцип экономического плюрализма.

Евразийская экономическая модель основана на принципе, *противоположном либеральному универсализму*, постулатам так называемой классической школы экономики. Каждая историческая общность имеет *собственную уникальную историю экономического развития*, особую структуру хозяйственного организма. Система критериев, согласно которым оценивается эффективность экономики, параметры ее достижений или недостатков, не может быть оторвана от *исторического, социального и культурного контекстов* данного общества. Классическая школа западной экономической мысли исходит из ошибочной предпосылки, что экономическое развитие всех народов и государств *движется в одном направлении и по одной и той же траектории*, только с *разными темпами*. На этом убеждении основывается представление «о несомненных преимуществах западной экономической модели как наиболее продвинутого этапа в реализации общей для всех народов экономической модели». Отталкиваясь от этого убеждения, Запад считает себя вправе выступать экономическим арбитром в мировом масштабе, навязывая всем остальным ту систему экономических критериев, которая отражает логику развития экономических систем западных стран.

Евразийская экономическая модель исходит из *противоположного принципа — невозможности оценки хозяйственных систем различных народов, отрываясь от общего, абстрактного критерия и в отрыве от исторической и культурной реальности*. В противовес экономическому монизму либеральной политэкономии евразийское мировоззрение выдвигает концепцию *экономического плюрализма*. На практике это означает, что мировая экономическая система состоит из отдельных

суверенных хозяйственных единиц, которые развиваются по своей внутренней логике и не могут быть оценены исходя из какой-то общей теории. Точно так же, как на основании абстрактных критериев невозможно доказать превосходство одной культуры над другой, истинность одной конфессии в сравнении с другой конфессией, преимущества одной расы над другой, *так же невозможно обосновать преимущество одной системы хозяйствования над другой*, поскольку это означало бы *перечеркивание самобытной экономической истории каждого конкретного народа и государства*.

Традиционные хозяйственные комплексы архаических племен столь же эффективны, сбалансированы и адекватны в рамках их исторического и культурного контекста, как и развитые промышленные технологические комплексы западного мира. *Хозяйственная, экономическая специфика отражает культурную особенность*. Задача евразийской экономики — гарантировать в рамках своего доминирования *суверенность, сохранение и органическое развитие* всех существующих экономических систем, отражающих культурно-исторический путь конкретных народов. Экономический плюрализм евразийской модели на хозяйственном уровне отражает *принцип многополярности*, на который ориентирована евразийская геополитика.

Создание развитой автаркичной экономической системы смешанного типа (многоукладность). *Экономический вектор развития России должен органично согласовываться с базовым геополитическим и стратегическим ориентиром ее развития, то есть с Евразийским Проектом*. Совершенно очевидно, что следование за абстрактными догмами чисто экономических идеологий — будь то марксизм или либерализм — *уводит Россию от ее судьбы* в лабиринты схоластики и гражданских конфликтов.

Более того, либерализм, как и марксизм, настаива-

ет на *экономической унификации*, нивелировке хозяйственных процессов. Естественное развитие хозяйства России в будущем должно осуществляться на базе комплексного подхода с учетом как *экономических*, так и *неэкономических* факторов.

Стратегический императив евразийской линии требует встраивания экономики в режим «расширенной автаркии» в перспективе континентального масштаба. Это некейнсианская модель «*экономической инсуляции*», или модернизированная версия «*таможенного союза*».

Эта экономическая модель предполагает *частичную открытость* экономики (в отношении стратегических союзников) и наличие *экономических барьеров* перед хозяйственными системами тех стран, которые входят в противостоящий стратегический блок.

Вторым императивом развития российской экономики является требование *обязательной многоукладности*, дифференцированного сочетания различных экономических систем — от государственного контроля (в стратегических областях) до свободного рынка (в мелком и среднем производстве, системе торговли, услуг) через разнообразные системы коллективного хозяйствования (кооперативы, акционированные предприятия и т. д.).

Кейнсианство для Евразии, «евразийская экономическая инсуляция». Экономическая модель, наиболее соответствующая современной Евразии с учетом основополагающего цивилизационного фактора, — это *модель кейнсианская*, которая ставит во главу угла соблюдение стратегических приоритетов евразийского ансамбля государств и наций. При определении ориентации экономических реформ акцент должен быть не просто на достижении максимальной экономической эффективности, но на общецивилизационном и социальном контекстах, в интересах которых и должны по

логике вещей осуществляться эти реформы. А поскольку эти контексты по своим основополагающим векторам не просто отличны, но *во многом противоположны* атлантистской либеральной системе, «новому мировому порядку», то главной задачей является создание «*Евразийского экономического острова*», обладающего относительной *автаркией*. Такая задача предполагает патерналистский вариант экономики, необходимый на протяжении всего экономического развития Евразии. При этом развитие базовых секторов промышленности, информационной системы, сельского хозяйства и особенно высоких технологий должно быть главной задачей *центральной власти*, ответственной за стратегические вопросы. *Рыночная стихия*, совершенно необходимая в ряде областей экономики — мелкое и среднее производство, сфера услуг и т. д., — должна комбинироваться с *государственным сектором*. Проблема занятости должна решаться на стратегически государственном, а не только на рыночном уровне. Паразитический класс рантье должен быть маргинализован перед лицом производительных социальных групп предпринимателей и работников, получающих заработную плату в частных и государственных предприятиях (так называемый *салиариат*).

Евразийские финансы. России необходимо встроить собственную валюту в *общий планетарный финансовый контекст*. Сделать это можно только двумя путями: либо *привязав ее к валютам других крупных геоэкономических регионов* (Европейскому или Тихоокеанскому), либо *создав собственную геофинансовую систему* в рамках обширного Евразийского таможенного союза, «евразийский рубль».

Вариант привязки российской валюты к доллару (де-факто являющемуся мировой резервной валютой) отпадает в силу стратегических причин, так как делает евразийскую экономику России зависимой от атлан-

тистского геополитического полюса. Оба варианта могут реализовываться параллельно с *приоритетом* выхода на перспективу «евразийского рубля». Обеспечением «евразийского рубля» могут быть не только промышленно-экономические структуры, но *вся совокупность геополитического, ресурсного и стратегического потенциала Евразии*, с особым акцентом на сферу российских ядерных вооружений и иных новейших военных технологий, оцененных в финансовом эквиваленте *по степени масштабности силового потенциала*. Именно по такой логике США в послевоенном мире добились доминирования в капиталистическом лагере, переведя свое силовое стратегическое превосходство в эквивалент финансового доминирования доллара как мировой резервной валюты, переоценив стратегическое силовое превосходство в финансовом эквиваленте и именно в результате такой операции обеспечив бурный экономический рост. Россия в рамках Евразийского стратегического блока вполне может повторить данную схему и привязать свою валюту, «евразийский рубль», к сохранению и развитию *военного стратегического потенциала, осознанного как гарантия свободы и независимости других евразийских держав от неокOLONиальной диктатуры «нового мирового порядка»*.

Модернизация. Перед Евразией стоит важнейшая задача перехода к новой *технологической и экономической инфраструктуре*, к радикальной модернизации сферы производства и финансовых технологий. Проблема модернизации должна решаться под знаком *творческой адаптации новейших высоких технологий* к потребностям российского Государства с соблюдением стратегических приоритетов. Частичная открытость в сфере обмена технологиями, необходимая для динамического развития хозяйства и конкурентной стимуляции отечественных разработок, а также для доступа к патентному рынку, должна строго контролироваться

централизованными органами, чтобы не допустить технологической зависимости от внешних инновационных и патентных систем. Инновационная сфера должна приоритетно поощряться на централизованном уровне, а импорт основанных на них высоких технологий и производств регулироваться специальными экспертными структурами. В этой сфере необходима «*модернизация без вестернизации*» — эффективное развитие высоких технологий и модернизация информационно-промышленной области без впадения в зависимость от атлантистского геополитического полюса.

Распределение труда в рамках континентального блока. Современное экономическое устройство достигает максимальной эффективности за счет *распределения труда в мировом масштабе*. Различные геоэкономические зоны, специализируясь на определенных областях, оптимизируют усилия и конечную отдачу. «Богатый Север» сосредоточен на развитии финансовых технологий и создании оригинальных ноу-хау, патентных образцов. Тихоокеанский регион постепенно становится зоной индустриального исполнения. Остальные зоны рассматриваются в атлантистском видении «нового мирового порядка» как экономически недоразвитые и поставщики ресурсов. Задача Евразии — создать *альтернативную модель планетарного распределения труда*, основанную на более справедливом и гармоничном принципе. Неизбежная профильная дифференциация не должна быть основана на логике эксплуатации и экономического доминирования одной из зон. Распределение труда в континентальном блоке должно исходить из требования *обеспечения автаркии как евразийского целого, так и его отдельных частей*. Планетарная модель «нового мирового порядка» с доминированием Запада должна быть воспроизведена на ограниченном евразийском пространстве с заменой принципа *оптимизационной эксплуатации* на принцип *солидарности*

развития. Неизбежное геоэтническое распределение труда в рамках Евразии должно быть ориентировано на грядущее освобождение народов Евразии *от гнета экономического императива.* На переходном этапе разумно обратиться к дифференциации евразийских зон по следующим параметрам: инновационная, высокотехнологическая зона и стратегический интеллектуальный потенциал — западные области Евразии, индустриальная зона — Средняя Евразия, ресурсные территории — Восток и Север. Такая геоэкономическая стратификация Евразии должна рассматриваться *как временная,* с дальней целью гармоничного распределения баланса через социальное *развитие северо-восточных областей,* поиск инновационных моделей энергообеспечения, которое сможет релятивизировать представление о природных ресурсах, а также через постепенное *расширение промышленной зоны в юго-восточном и северо-западном направлениях* Евразийского материка.

Интеграция разных скоростей. *Различные секторы евразийского пространства находятся на различных стадиях экономического развития.* Интенсивное участие этих секторов в общем Евразийском блоке предполагает выработку дифференцированной экономической модели интеграции. Сверхзадача евразийской экономики — *модернизировать* слаборазвитые экономические области, богатые ресурсами, и *равномерно распределить* промышленные зоны, а также *децентрализовать* инновационный потенциал. В условиях новейших информационных технологий это представляется вполне реальным. Отправляясь от экономической данности, представляющей собой явное экономическое неравенство фрагментов евразийского ансамбля, модель евразийской экономики должна устремиться к гомогенизации экономики на всем пространстве континента. Экономическая интеграция при этом с необходимостью должна реализовываться на разных скоростях — как промежу-

точный этап создания более однородной экономической среды.

Патерналистская модель. *Для осуществления Евразийского экономического Проекта необходимо активное содействие Государства.* Государство должно взять на себя всю полноту ответственности за исторический цивилизационный выбор. На практике это означает, что Россия как Государство должна осознать свои экономические проблемы и векторы развития в *контексте глобальной исторической миссии* и взять на себя ответственность за хозяйственную сферу в исторической перспективе. Это предполагает *солидарность политической и экономической элит* в реализации исторических задач Евразии. *Патернализм* как сугубая протекция государственных инстанций развитию национального предпринимательства, экономических областей, непосредственно сопряженных с уровнем геополитического статуса Государства, *должен стать нормой.* Налоговые, юридические, коммерческие и иные льготы стратегическим секторам национальной экономики, ориентированным на внутренние ресурсы, должны быть законодательно гарантированы. Те области хозяйства (производства, торговли, сферы услуг и т. д.), которые напрямую связаны с цивилизационными интересами Государства, должны быть поставлены в привилегированные условия, получить от Государства льготные ассигнования, кредиты, налоговые сетки, таможенные квоты и т. д.

**Геоэкономический уровень: четвертая зона,
прагматическое участие в мировой
виртуальной экономике**

Четвертая зона. Главной экономической задачей России является создание *собственной автаркичной сплошной экономической зоны в пределах Евразии.* Четвертая, Евразийская зона — наряду с тремя существующими

ющими: Американской, Европейской и Тихоокеанской — должна объединить в общее хозяйственное пространство территории стран СНГ, ряд восточноевропейских и азиатских стран, заинтересованных в стратегической самостоятельности перед лицом экономического диктата «богатого Севера». Потенциальными участниками *четвертой зоны* могут быть страны с различными системами хозяйства, что предполагает экономическую интеграцию данного региона и страны с разной скоростью в зависимости от специфики. *Четвертая экономическая зона* должна ориентироваться на приоритетное взаимодействие с соседними экономическими пространствами — Европейским и Тихоокеанским с дальней целью противодействия американской гегемонии в мировом масштабе и нормализации экономического баланса на территории всей планеты. Уже первые шаги по созданию четвертой зоны изменят экономический баланс между высокотехнологическими, промышленными и ресурсопоставляющими регионами, подорвут однозначное доминирование «богатого Севера» и колониальную эксплуатацию «бедного Юга».

Участие в планетарных геоэкономических процессах с целью придания им евразийское цивилизационное направление. Финансово-экономическая система России не может *игнорировать складывающуюся виртуальную экономику мирового уровня*, перевод экономического потенциала в сферу информационных технологий и электронных бирж. В далекой перспективе евразийский курс должен привести к релятивизации (а то и отмене) такой виртуальной финансовой системы и к возвращению к приоритетам реального сектора, долгосрочных инвестиций и конкретного производства материальных благ, к переходу от виртуального капитала к реальному, созидательному и организующему менеджменту. Но на переходном этапе Россия должна *участвовать в мировой виртуальной экономике* путем делегирования особых брокерских групп, находящихся

под строгим стратегическим контролем высших государственных инстанций, для освоения новейших технологий и, по возможности, придания глобальным трендам *направления, стратегически усиливающего позиции евразийской геоэкономики.*

Промышленный уровень: евразийская модернизация в рамках континентального «таможенного союза»

Информатизация. Создание *четвертой зоны* требует радикальной *модернизации* отечественной промышленности, масштабного и планомерного внедрения высоких технологий в ключевые сферы стратегического производства. В основе такой модернизации должна лежать система *информатизации, связи и транспорта*, которая составляет осевую реальность *постиндустриального этапа развития экономики.* Благодаря масштабной информатизации многочисленные проблемы организации производства, сбыта и распределения, а также процессы экономической интеграции и распределения труда в рамках Евразийской зоны будут успешно решены. За счет гибкости технологии информатизация может внедряться как в высокотехнологичные процессы, так и в некоторые традиционные сферы экономики, повсюду многократно повышая эффективность. Планомерная и всеобщая информатизация должна стать стратегическим приоритетом Государства. В вопросе создания солидарной системы Евразийского «таможенного союза» информатизация будет играть центральную роль, и успех такого союза будет в немалой степени зависеть именно от нее.

Регионализация. Интеграционные процессы в евразийской экономике должны сопровождаться повышением значения отдельных регионов, степени их *административной и хозяйственной самостоятельности.* Промышленные зоны должны интегрироваться в общее евразийское хозяйственное поле не декретным об-

разом, а *через органичные и естественные горизонтальные связи*, на экономическом уровне воспроизводящие систему федеративного устройства. Контроль из центра должен затрагивать исключительно стратегические сферы, задавать общие параметры экономики, а конкретные пути реализации общих задач по развитию промышленности должны определяться на низовом уровне.

Создание замкнутых промышленных циклов, привязанных к локальным пространствам. Распределение труда в рамках четвертой зоны не предполагает централизации управления производством. Промышленные массивы должны основываться на использовании локальных инфраструктур и ресурсных возможностей. Такая организация частично замкнутых промышленных циклов с привязкой к локальной системе необходима для повышения устойчивости общеевразийской хозяйственной модели и уровня промышленной безопасности. Промышленные комплексы в такой ситуации должны становиться ядром социальных ансамблей с учетом этнической, демографической, религиозной и культурной специфики населения.

Экологический ценз промышленных производств. Экологический фактор должен быть включен в экспертные оценки промышленных проектов на приоритетных началах, его учет также необходим в вопросах реструктуризации существующих производств. Вероятность экологической катастрофы в настоящих условиях возрастает, и в этой ситуации сохранение экосистем становится важнейшим элементом стратегической безопасности.

Юридический уровень: права народов

Переход к концепции прав народов. Евразийский Проект требует *масштабного пересмотра* основных юридических категорий, доминирующих в западном мире,

и в первую очередь осевой для атлантистской цивилизации концепции *прав человека*. Юридическая теория прав человека как основы всеобщего права является завершающим этапом утверждения на Западе *философии индивидуализма*. Концепция прав человека неотделима от остальных фундаментальных трендов «нового мирового порядка» и является его юридическим выражением. Евразийская альтернатива берет за основу радикально иную правовую концепцию — концепцию *прав народов*, или прав общин. *Понятие «народ» должно быть взято как основная юридическая категория*, как главный субъект международного и гражданского права. В такой модели возникает совершенно новая схема юридических взаимоотношений между гражданином и высшей законодательной инстанцией, традиционно связанной с Государством, но в условиях «нового мирового порядка» постепенно смещающейся к инстанции «мирового правительства». В центре евразийского права стоит народ как основной юридический субъект. Гражданин, индивидуум юридически ответствен перед своим народом и исторически выработанным этим народом правовым укладом, основанным на учете многих факторов — религиозных, этнических, культурных и т. д. Этническая, религиозная и культурная принадлежность ставит гражданина в тот или иной дифференцированный правовой контекст. Сами народы в лице своих полномочных элитных инстанций (определяемых также по дифференцированному методу, на основании традиций) юридически подотчетны высшему стратегическому руководству геополитического блока — верховному органу Евразийской федерации. Таким образом, юридическая модель евразийства представляет собой сочетание федеративного права, где полноправным субъектом Евразийской федерации является народ, и «стратегического права», регулирующего взаимоотношения между субъектами федерации, с одной

стороны, и между каждым из них и центральной инстанцией, с другой.

«Дифференцированная» юриспруденция. *Евразийская правовая модель основывается на дифференцированном подходе к правовому гражданскому и уголовному кодексу в зависимости от национального или регионального контекста.* Особое внимание уделяется восстановлению основ религиозной юридической модели, сближающей конфессиональные, социальные и нравственные нормативы и придающей законодательной области вероисповедальный и этический характер. Вариации юридических уложений в различных этнических, культурных и конфессиональных контекстах могут быть крайне широкими и разнообразными. Лишь незначительная часть статей юридических документов будет затрагивать стратегический уровень. В первую очередь категорический императив каждого гражданина, независимо от его конфессиональной и этнической принадлежности, состоит в том, чтобы оставаться *лояльным евразийскому Государству.*

Неоправовая система, специальные кодексы для поликонфессиональных агломератов и мегаполисов. Помимо этноконфессиональной диверсификации правовой системы, юридические вариации могут наличествовать и в законодательстве отдельных административных единиц, выделенных по региональному признаку. Кроме того, сложные многоэтнические и поликонфессиональные агломераты и мегаполисы, а также секторы с особыми социально-профессиональными характеристиками могут иметь в своих правовых кодексах существенные отличия, отражающие конкретную специфику.

Экоправовая система. Экологические факторы должны получить в евразийском праве важнейшее место, законодательным образом закрепив нормативы экологического подхода к окружающей среде.

Медиакратический уровень: евразийские СМИ

СМИ под контролем Евразии. Влияние средств массовой информации в современной реальности столь значительно, что эта область становится важнейшим *стратегическим* фактором. По этой причине Евразийский Проект в большой степени зависит от глубины контроля евразийского стратегического центра над системой российских СМИ и СМИ потенциальных участников Евразийского блока, а также от эффективности проведения евразийской линии в общем потоке информации. В условиях «нового мирового порядка» *именно медиакратии отводится центральная роль социального программирования народонаселения Земли для внедрения основополагающих цивилизационных установок глобализма.* При этом глобализация СМИ предшествует установлению «нового мирового порядка» на политическом уровне, предуготовляя его.

Евразийские СМИ должны выполнять *прямо противоположную функцию*, последовательно создавая психологическую базу для принятия альтернативного Евразийского Проекта, причем проецируя потоки информации как на внутреннюю аудиторию, так и вовне. Евразийские СМИ должны иметь планетарный масштаб вещания.

Преимущество интерактивных СМИ нового поколения. Развитие информационных систем в скором времени приведет к повсеместному распространению интерактивных средств связи типа сети Интернет. В интерактивной среде пользователь получает несравнимо большую свободу выбора источников информации, нежели в традиционных СМИ. Технологическое развитие интерактивных систем ведет к тому, что получатель информации по техническому потенциалу постепенно приближается к создателям и распространителям информации, что в условиях традиционных СМИ было исключено. Евразийский Проект должен учитывать этот технологический тренд, и наряду с эффективным

использованием традиционных СМИ необходимо целенаправленно *развивать евразийские сети интерактивной информации*, подготавливая логистическую платформу для создания «виртуальной Евразии» — системы интерактивных СМИ, консолидированно проводящих информационно-аналитическое, психологическое и культурное внедрение принципов евразийского сознания, альтернативных по отношению к клише «нового мирового порядка».

Три этапа развития евразийских СМИ. На уровне общей стратегии евразийских СМИ следует выделить три этапа, которые могут осуществляться параллельно друг другу:

1) *противодействие глобализации СМИ* по схемам атлантистского порядка (для этого можно эффективно использовать специфику регионального вещания и прессы, локализации, привязки к языковой среде, прямое противодействие универсалистским проектам типа CNN, BBC и т. д.);

2) *развитие национальных СМИ*, подконтрольных государственным инстанциям и связанных со стратегическим планированием;

3) *создание планетарной альтернативной системы СМИ*, которая проводила бы евразийскую линию в информационно-аналитическом освещении основных событий.

Социальный уровень: социально ориентированное общество, глубинная экология

Евразийский социализм. В противоположность абсолютизированной либеральной модели, заложенной в экономическом фундаменте «нового мирового порядка», Евразийский Проект предполагает обращение к широкому спектру социально ориентированных моделей общественного устройства, которые иногда совокупно называют «социализмом» или «социально ориентированным обществом». Социальная среда является

естественной средой обитания человека, и в основных своих параметрах человек определяется именно *принадлежностью к определенной общности*. В отличие от догматического марксизма эта общность может пониматься очень широко — и как культурный тип, и как общность коллективного бессознательного, и как этническая идентичность, и как религиозная конфессия, и как социально-историческая формация, и как классово-профессиональная принадлежность и т. д. Все эти социальные параметры могут быть учтены в общей сводной модели, которую условно можно назвать «евразийским социализмом», свободным от догматики, творческим, открытым, вбирающим в себя как традиционные формы социальной идентификации, так и новые социальные образования, складывающиеся в современных условиях. Евразийская социальность отнюдь не исключает ценности индивидуума и тем более не отрицает определенные элементы рыночного хозяйствования. Речь идет об *общем духе*, о приоритетной ориентации общественного устройства, где в экономической, социальной, научной и политической областях поощряются модели, основанные на принципе *обобщенного субъекта*, и базовой инстанцией является *органический коллектив* старого или нового типа.

Новое экологическое сознание. *Евразийское общество должно строиться на глубинном учете экологического фактора*. Свойственное эпохе модерна отношение к среде обитания как к пассивной, безжизненной декорации, которую активный человек волен верстать по собственной воле, привело человечество на грань *глобальной катастрофы*. Такой подход по инерции наследуют и архитекторы «нового мирового порядка». Евразийская социальность должна быть основана на прямо противоположной предпосылке: на *приоритетном учете фактора глубинной экологии*. Это подразумевает особое отношение к окружающей среде как к живой, содержательной, смыслообразующей реальности, в которой человеку отведено особое место и придана особая

ответственность за соблюдение тончайшего баланса между составляющими всего природного ансамбля. Евразийское общество должно строиться на основании внимательного осмысления природной среды, на гармонии с ней, на аккуратном встраивании в существующие экосистемы и крайне деликатном манипулировании с ними. *Экологическое сознание должно стать доминирующим типом сознания.*

Новое охранительство и «консервативная революция». *Евразийское общество должно основываться на охранительном, консервативном принципе.* Но это относится не к политическим институтам — и особенно к тем, которые несут на себе печать модерна, — а к глубинным культурным и психологическим установкам, предопределяющим идентичность народов, государств и общин. *Тщательному сохранению подлежат существенные глубинные установки этнической психологии, выступающие в разные периоды истории в разном, подчас внешне противоположном оформлении.* Такое *глубинное охранительство* нисколько не противоречит активной социальной динамике, так как объективный ход истории требует постоянной адаптации существенных идентификационных элементов к меняющимся условиям. Система самих собой возникающих новых вызовов требует активного социального творчества, но субъект этого творчества, меняясь и трансформируясь, должен сохранить *свою высшую идентичность.* Такое сочетание *охранительного* (консервативного) и *творческого* (революционного) начала определяется как «консервативная революция».

**Культурный уровень:
сохранение наследия, евразийский синтез**

Сохранение многообразия культурного наследия. На уровне культуры главной задачей Евразийского Проекта России является утверждение *многообразной, многоуровневой, дифференцированной модели, альтерна-*

тивной схематической одномерной унификации, предлагаемой сторонниками «глобализма под эгидой Запада». Однородное общество потребления, сверстанное по американскому образцу и основанное на индивидуализме, неизбежно приводит к искоренению культурного, социального, религиозного, этнического многообразия. Россия должна сформулировать свою миссию в мировом масштабе — гаранта «цветущей сложности», форпоста охранительного отношения к естественно-многообразию человеческих цивилизационных ансамблей. Утверждение и сохранение реального исторического многообразия культурного бытия народов и государств есть высшая цель Евразийского Проекта России на цивилизационном уровне.

Постмодерн Востока. Постмодерн вообще представляет сущностную характеристику развития человеческой цивилизации, и по этой причине волюнтаристический отказ от постмодерна невозможен, как невозможно было в свое время игнорировать вызов Нового времени (модерна), брошенный традиционным обществам. Особенно это касается стран и народов, претендующих на активное соучастие в определении исторического пути человечества (а Россия, безусловно, относится к числу таких «великих держав», которым далеко не безразлична судьба всего человечества). По этой причине Россия *должна освоить параметры постмодерна*, но использовать их в собственных исторических целях, переформулировав в постмодернистских терминах свою историческую миссию (подобно тому, как советский период был формулировкой той же миссии в терминах Нового времени, модерна). Это зарождающееся культурное направление, имеющее колоссальные перспективы, принято условно называть постмодерном Востока (или дифференцированным постмодерном) в отличие от постмодерна Запада (или универсалистского постмодерна). Если постмодерн Запада представляет собой «конец истории» и экстравагантное наложение обесмысленных, внутренне разнород-

ных этических массивов при отсутствии ценностного центра, то постмодерн Востока есть возврат к синтетическому, интегральному стилю, воссоздающему на новом историческом уровне цельность, свойственную традиционным обществам.

Новая евразийская культурология. Новая евразийская культурология должна быть основана на концептуальном освоении и развитии основных предпосылок постмодерна Востока как нового синтетического метода культурного анализа, признающего равноправность и *равноценность культур, принадлежащих к различным временным и географическим секторам*. Новая евразийская культурология отказывается от расистского деления культур на «развитые» и «неразвитые», «прогрессивные» и «архаические», «цивилизованные» и «нецивилизованные». Каждая культура должна оцениваться в системе координат, свойственных ей самой, а не какой-то абстрактной внешней модели, претендующей на истину в последней инстанции. Такая евразийская культурология должна стать *антитезой* завуалированному «культурному расизму», практикуемому атлантизмом.

Полилог культур как субъектов. *В евразийском мироустройстве основным историческим субъектом является не индивидуум, но общность, этнос, культура, социальное органическое образование.* Поэтому принципом культурного взаимодействия различных частей Евразии должен быть сложный, динамичный и открытый *полилог культур*, выступающих не как несовершенные образования, подлежащие абстрактному механическому усовершенствованию на основании абстрактной схемы, но как *последние и высшие инстанции*, образующие в своем общении многомерную ткань *разнообразного органического живого мира*.

Отказ от культурной нивелировки. Россия должна стать *центром и полюсом масштабной культурной революции*, представляющей собой альтернативу атлантистской культурной нивелировке в едином суррогатном

стиле, копирующем «американский образ жизни». Общечеловеческое значение культурной миссии России в Евразийском Проекте состоит в том, чтобы способствовать развитию дифференцированного, свободного и *культурно многополярного* мира. В этом смысле континентальный проект Евразии приобретает мировое значение как отправная черта глобальной культурной альтернативы «новому мировому порядку» и безраздельному доминированию атлантизма.

Широкий консервативный плюрализм. Сохранение и развитие культурной множественности как в рамках России, так и в более широком масштабе — в рамках Евразии и, в пределе, всего мира — есть специфика Евразийского Проекта, своего рода *консервативный плюрализм*. В таком культурном плюрализме речь идет о сохранении («консервации») основного фермента культуры, об обязательном *соотнесении динамического развития*, в котором воплощается жизненное начало общества, с основными глубинными параметрами его традиционного ядра: *В таком приоритетном отношении к традиции заключается главная особенность постмодерна Востока.*

Этнический уровень: сохранение этносов

Необходимость специальной политики по сохранению этносов как главной ценности истории. *Народы, этносы являются главной ценностью и субъектами человеческой истории.* Они живут в согласии с естественными органическими циклами, волнообразными мутациями и т. д. В одни моменты своей истории этносы могут смешиваться, в другие — жестко сохранять свои характеристики. Этот процесс крайне деликатен, и любое вмешательство в него — искусственное смешение, искусственная изоляция, плановое переселение народов и т. д. — ведет к непоправимым катастрофам. При этом предлагаемая глобализмом *модель всеобщего смешения*

народов и рас столь же опасна, как дискредитировавшая себя *националистическая теория «расовой чистоты»*. В обоих случаях такие грубые проекты ведут к этноциду. *Евразийское отношение к этносу является охранительным*, исходит из принципа необходимости защиты каждой этнической группы от перспективы исторического *исчезновения*. Это относится как к большим этносам, так и к народностям, насчитывающим всего несколько сотен представителей. Во *всех* случаях этносы подлежат *защите* как от догматиков *всеобщего смешения*, так и от агрессивных ксенофобских посягательств *националистов*. Евразийство как модель предполагает утверждение *этнического дифференциализма*, но при этом исключает «миксофобию» (неприязнь к смешению). В определенные моменты и в определенных ситуациях этническое смешение неизбежно и позитивно (сами великороссы возникли как нация в ходе смешения славян с тюрками и уграми). Но параметры и масштабы такого смешения должны определяться естественно и органично, с максимальной деликатностью.

Созидательный дифференциализм и демография. Евразийский этнический плюрализм должен быть *созидательным*. Должны реализовываться проекты, ориентированные на сохранение *положительного или нулевого* демографического баланса, чтобы предотвратить *исчезновение* этносов. Общая ответственность за континентальную судьбу Евразии у представителей различных этнических, религиозных, государственных и социальных элит должна проявляться в гибких соглашениях относительно этнической и демографической политики, с учетом всех факторов, традиционно влиятельных в каждом конкретном регионе и в рамках каждого конкретного этноса. Цель — совместные усилия по сохранению того этнического баланса в России и, шире, потенциальном Евразийском блоке, который существует *на настоящий день*, с экстренным исправлением неко-

торых катастрофических тенденций, угрожающих вырождением и исчезновением отдельных народов (особенно русского народа, осевого для всей евразийской конструкции).

Этническое смешение: открытость на уровне элит, ограничение на уровне масс. Гибкая модель *евразийского дифференциализма* самым общим образом может быть структурирована по следующему принципу: *терпимое отношение к этническому смешению на уровне элит и осторожное на уровне масс*, при том что выбор в индивидуальных случаях всегда остается открытым в соответствии с правами и свободами каждого отдельного гражданина. Именно такое отношение было характерно для этнического подхода в традиционных обществах, что во многом сформировало социальные модели поведения и современных народов. Такая модель является органичной и естественной. Помимо всего прочего, она будет способствовать универсализму и культурной широте взглядов управленческих элит Евразии, способных охватить этническое и культурное многообразие, но вместе с тем обеспечивать сохранение животворных этнических очагов, консервирующих свою традиционную идентичность и формирующих новые кадры для общевразийской элиты.

Религиозный уровень: консервация автохтонных религий

Обнаружение вселенской миссии Православной Церкви. На религиозном уровне Евразийский Проект России предполагает сохранение и «огласительное» развитие духа Традиции, новое обращение к религиозным истокам человечества. В таком «*возвращении к истокам*» заключается *расширительно понятая религиозная миссия России*.

Осевой формой Традиции в Евразийском Проекте является *Православие*, Русская Православная Церковь как носительница аутентичного христианского духа.

Миссия Православия не является узкоэтнической, ограниченной каким-то конкретным регионом или историческим периодом. Эта миссия является вселенской. Традиционно русские ясно отдавали себе отчет в мессианском характере своей Веры, осознанно или интуитивно следовали вселенской тяге ко всеобщему утверждению Спасения, Добра и Справедливости. Для православного сознания «новый мировой порядок» отождествляется с «приходом антихриста». По этой причине противодействие ему, утверждение глобальной религиозной, этической и мировоззренческой альтернативы представляется не просто социальным, но *религиозным* долгом христианина. Острота эсхатологической идентификации «нового мирового порядка» с «князем мира сего» делает Православие осевой реальностью глобального религиозного сопротивления в мировом масштабе.

Православие становится религиозным геополитическим полюсом Евразийского Проекта. Но такое центральное место ни в коем случае не означает умаления ценности других традиционных евразийских конфессий.

Союз традиционных религий. Евразийские конфессии, будучи догматически различными и не сводимыми к общей схеме, имеют *ряд черт*, их сближающих. Это касается не столько догматической стороны, сколько *психологического типа* восточной религиозности — более созерцательной, нежели деятельной, более *парадоксальной*, нежели рационалистической, более связанной с *вечным аспектом вещей*, нежели с историческим процессом. Эти общие психологические черты дают основания для *союза традиционных евразийских конфессий* без того, чтобы смешивать их вероисповедные принципы или миссионерски навязывать неприемлемые для других богословские тезисы. Союз традиционных религий Евразии должен представлять собой геополитическое культурное соглашение, основанное на со-

блюденнии суверенных прав конфессиональной свободы каждого народа и каждого человека.

Христианство, ислам, буддизм, индуизм, иудаизм, даосизм, архаические культы. В Евразии доминируют христианство (Православие), ислам, буддизм, индуизм, иудаизм, конфуцианство, даосизм и некоторые локальные архаические культы. Евразийский союз религий должен быть основан на:

- *культурной и геополитической координации* этих конфессий в вопросе проповеди;
- *совместном урегулировании* возможных *межконфессиональных конфликтов*;
- *развитии общего евразийского стиля религиозного традиционализма*, базирующегося на уважении прав других евразийских вероисповеданий.

Вырождению религиозного элемента на Западе до уровня практического материалистического атеизма, экстравагантным искусственным культам (часто тоталитарным) и «расистским» моделям вестернизаторского фундаментализма, основанного на открытой ненависти к евразийским религиям, Евразия должна противопоставить *новый традиционализм*, всеобщий солидарный возврат к религиозным корням.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ВЗГЛЯД. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ДОКТРИНАЛЬНОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ПЛАТФОРМЫ

Дыхание эпохи

Для каждой исторической эпохи характерна своя система координат: политическая, идеологическая, экономическая, культурная.

Например, XIX век в России прошел под знаком противоборства славянофилов и западников. В XX веке водораздел прошел между красными и белыми. XXI

век станет веком противостояния «атлантистов»¹ (сторонников «однополярного глобализма»²) и «евразийцев»³.

¹ *Атлантизм* — геополитический термин, указывающий:

* исторически и географически — на западный сектор мировой цивилизации;

* военно-стратегически — на страны — члены НАТО (в первую очередь США);

* культурно — на унифицированную информационную среду, создаваемую западными медиаимпериями;

* социально — на «рыночный строй», возведенный в абсолют и отрицающий многообразие иных форм организации экономической жизни.

Атлантисты — это стратеги западной цивилизации и их сознательные сторонники в других частях планеты, стремящиеся поставить под свой контроль весь мир, навязать характерные для западной цивилизации социальные, экономические и культурные стереотипы всему остальному человечеству. Атлантисты являются строителями «нового мирового порядка» — никогда не бывшего прежде устройства мира, выгодного абсолютному меньшинству населения планеты, так называемому золотому миллиарду.

² *Глобализм, глобализация* — процесс построения «нового мирового порядка», в центре которого стоят политико-финансовые олигархические группировки Запада. В жертву глобализации приносятся суверенные государства, национальные культуры, религиозные доктрины, хозяйственные традиции, представления о социальной справедливости, окружающая среда — все духовное, интеллектуальное и материальное многообразие планеты. Термин «глобализм» в обычной политической лексике означает именно «однополярный глобализм»: не слияние многообразных культур, социально-политических и экономических систем в нечто новое (это было бы «многополярным или евразийским глобализмом»), но навязывание человечеству западных стереотипов. Глобализм на практике представляет собой новую форму «колониализма» и «империализма».

³ *Евразийство* (в широком смысле) — базовый термин, указывающий:

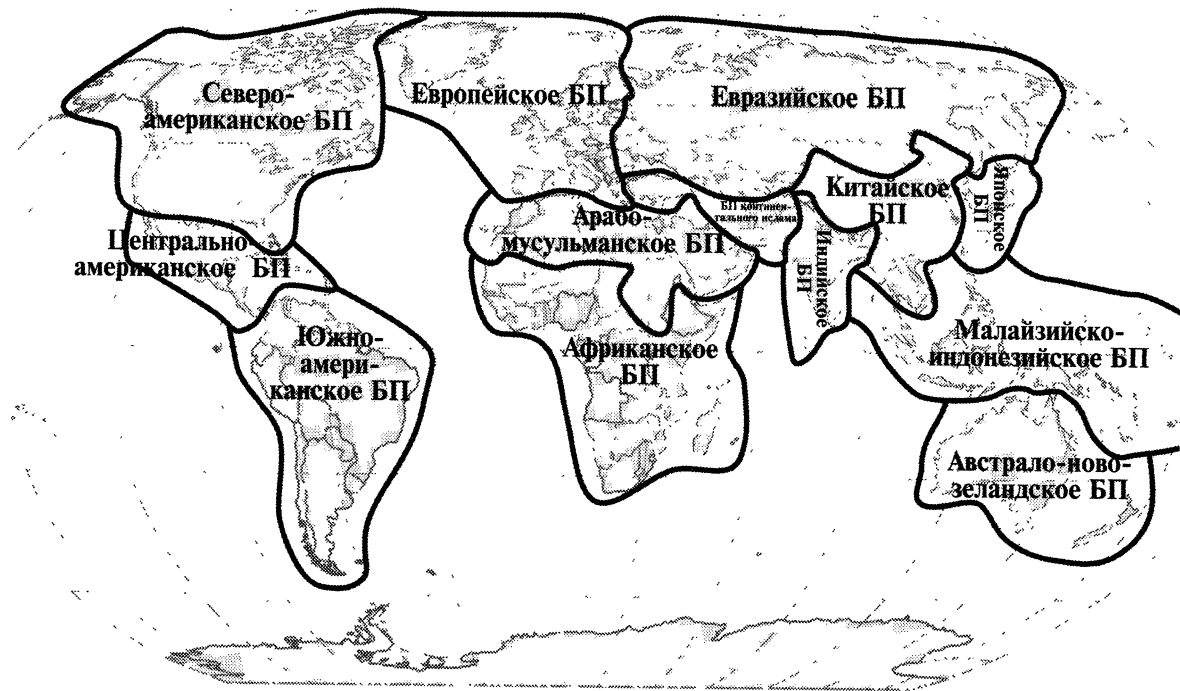
* исторически и географически — на весь мир, за исключением западного сектора мировой цивилизации;

* военно-стратегически — на страны, неодоительно относящиеся к экспансионистской политике США и их союзников по НАТО;

* культурно — на сохранение и развитие органичных национальных, этнических, религиозных и культурных традиций;

* социально — на многообразие форм хозяйствования и «общество социальной справедливости».

Евразийство (в узкоисторическом смысле) — философское направление, возникшее в 20-е годы XX века в среде русской эмиграции. Ос-



Евразийское видение «больших пространств»

Против установления *атлантистского* миропорядка и глобализации выступают сторонники многополярного мира — *евразийцы*. Евразийцы принципиально отстаивают необходимость сохранения самобытности каждого из народов Земли, многоцветий культур и религиозных традиций, неоспоримость права народов самостоятельно выбирать путь своего исторического развития. Евразийцы приветствуют общение культур и ценностных систем, открытый диалог народов и цивилизаций, органичное сочетание приверженности традициям с творческим новаторством в культуре.

Быть евразийцем — это сознательный выбор, сочетающий стремление сохранить традиционные формы бытия со стремлением к свободному творческому развитию (общественному и личному). Поэтому евразийцы — это не только представители народов, населяющих континент Евразия. Евразийцами являются все свободные творческие личности, признающие ценность традиции, в том числе и представители регионов, объективно являющихся базой атлантизма.

Евразийцы и атлантисты противоположны друг другу. Они отстаивают два разных, альтернативных *образа мира и его будущего*. Именно противостояние евразийцев и атлантистов определит исторический облик XXI века.

новые авторы — Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Н. Н. Алексеев, Г. В. Вернадский, В. Н. Ильин, П. П. Сувчинский, Э. Хара-Даван, Я. Бромберг и др. С 50-х по 80-е гг. это направление развивал и углублял Л. Н. Гумилев.

Неоевразийство — возникло в конце 80-х (основатель — философ А. Г. Дугин), расширило традиционное понятие евразийства, объединив его с новыми идейными и методологическими блоками — традиционализмом, геополитикой, метафизикой, элементами философии «новых правых», «новых левых», «третьего пути» в экономике, теорией «прав народов», «этнического федерализма», экологией, онтологической философией, эсхатологическим вектором, новым пониманием универсальной миссии русской истории, парадигматическим видением истории науки и т. д.

Евразийское видение будущего мира

Евразийцы последовательно отстаивают принцип *многополярности*, выступая против однополярной глобализации, навязываемой атлантистами.

В качестве полюсов этого нового мира будут выступать не традиционные государства, а новые интеграционные цивилизационные образования («большие пространства»), объединенные в геоэкономические пояса (геоэкономические зоны).

Исходя из принципа многополярности будущее мира представляется как равные доброжелательные партнерские отношения всех стран и народов, организованных по принципу географической, культурной, ценностной и цивилизационной близости в четыре геоэкономических пояса (каждый из геоэкономических поясов состоит, в свою очередь, из нескольких «больших пространств»):

- Евроафриканский пояс, включающий три «больших пространства» — Европейский Союз, исламско-арабская Африка, субтропическая («черная») Африка;
- Азиатско-Тихоокеанский пояс, включающий Японию, страны Юго-Восточной Азии и Индокитая, Австралию и Новую Зеландию;
- Евразийский континентальный пояс, включающий четыре «больших пространства» — «Евразийский Союз» (куда входят Россия, страны СНГ плюс некоторые страны Восточной Европы), страны континентального ислама, Индию, Китай;
- Американский пояс, включающий три «больших пространства» — Северную Америку, Центральную Америку и Южную Америку.

При такой организации мирового пространства маловероятны глобальные конфликты, кровопролитные войны, крайние формы конфронтации, угрожающие самому бытию человечества.

Россия и ее партнеры по Евразийскому континен-

тальному поясу установят гармоничные отношения не только с поясами-соседями (Евроафриканским и Тихоокеанским), но и с поясом-антиподом Американским, который также призван играть конструктивную роль в Западном полушарии в контексте многополярного устройства.

Такое видение будущего человечества противоположно глобалистским планам атлантистов по созданию однополярного стереотипного мира под контролем олигархических структур Запада с перспективой создания «мирового правительства».

Евразийское видение эволюции государства

Евразийцы считают «государства-нации» в их современном виде устаревшей формой организации пространств и народов, характерной для исторического периода XV—XX вв. На место «государств-наций» должны прийти новые политические образования, сочетающие в себе стратегическое объединение больших континентальных пространств со сложной, многомерной системой национальных, культурных и хозяйственных автономий внутри. Определенные черты такой организации пространств и народов можно увидеть как в великих империях прошлого (империи Александра Македонского, Римской империи и др.), так и в новейших политических структурах (Европейский Союз, СНГ).

Нынешние государства сегодня имеют перед собой следующие перспективы:

1) самоликвидация и интеграция в единое планетарное пространство с доминированием США (атлантизм, глобализация);

2) противостояние глобализации, попытка сохранить свои административные структуры (формальный суверенитет) вопреки глобализации;

3) вхождение в надгосударственные образования регионального типа («большие пространства») на ос-

новании исторической, цивилизационной и стратегической общности.

Третья перспектива — евразийская. С точки зрения евразийского анализа только такой путь развития способен сохранить все самое ценное и самобытное, что призвано защищать современные государства перед лицом глобализации. Чисто консервативное стремление сохранить государство любой ценой обречено. Сознательную ориентацию политического руководства государств на растворение в глобалистском проекте евразийцы расценивают как отказ от той относительной ценности, которой исторические государства обязаны своим существованием.

XXI век будет ареной судьбоносных решений политическими элитами нынешних государств этой задачи с тремя возможными исходами. Борьба за третий вариант развития лежит в основе новой широкой международной коалиции политических сил, резонирующих с евразийским мировоззрением.

Евразийцы видят в Российской Федерации и СНГ ядро будущего самостоятельного политического образования — Евразийского Союза и, далее, одного из основных четырех мировых геоэкономических поясов (Евразийский континентальный пояс).

В то же время евразийцы являются убежденными сторонниками развития многомерной системы автономий¹.

¹ *Автономия* (греч. самоуправление) — форма естественной организации коллектива людей, объединенных по какому-либо организационному признаку (национальному, религиозному, профессиональному, родовому и пр.). Для автономии характерна максимальная свобода в сферах, не касающихся стратегических интересов политических образований континентального масштаба.

Автономия противоположна *суверенитету* — способу организации народов и пространств, характерному для «государств-наций» в их современном виде. В случае суверенитета речь идет о приоритетном праве на свободное и независимое распоряжение территорией. Автономия подразумевает независимость в вопросе организации коллективного бытия людей в областях, не связанных с распоряжением территорией.

Принцип многомерных автономий рассматривается как оптимальная структура организации жизни народов, этносов, социокультурных групп как в РФ, так и в Евразийском Союзе, в Евразийском континентальном поясе, во всех остальных «больших пространствах» и геоэкономических поясах (зонах).

Все земли (территории) новых политико-стратегических образований («больших пространств») должны находиться в прямом ведении центра стратегического управления. В компетенции автономий должны находиться вопросы, сопряженные с нетерриториальными аспектами управления коллективами.

Евразийский принцип разделения властей

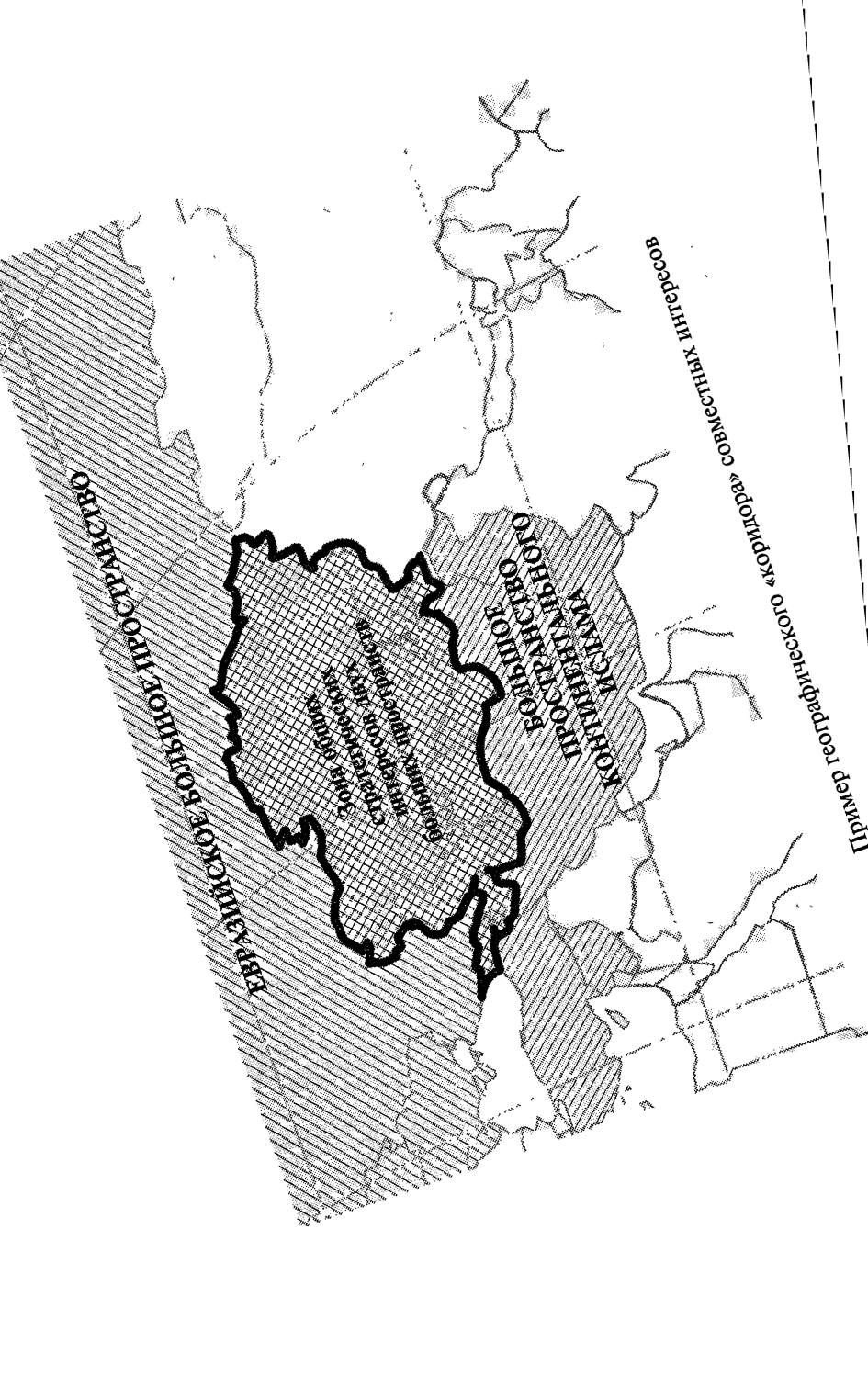
Евразийский принцип политического устройства подразумевает два различных уровня управления: местный и стратегический.

На местном уровне управление осуществляется автономиями — естественно сложившимися общинами различного типа (от многомиллионных народов до трудовых коллективов в несколько человек). Управление это осуществляется совершенно свободно и не регламентируется никакими высшими инстанциями. Модель каждого типа автономии выбирается исходя из традиций, предпочтений, прямого демократического волеизъявления органических коллективов — общин, групп, этносов, религиозных организаций.

В ведении автономий находятся:

- гражданские и административные вопросы;
- социальная сфера;
- образование и медицинское обслуживание;
- все сферы хозяйственной деятельности.

То есть все, кроме стратегических отраслей — вопросов, касающихся безопасности и территориальной целостности «большого пространства».



Уровень гражданских свобод при организации общества по евразийскому автономному принципу беспрецедентно высок. Человек получает невиданные в истории возможности для самореализации и творческого развития.

Вопросы стратегической безопасности, международная деятельность, осуществляемая за рамками единого континентального пространства, экономические проблемы макроуровня, контроль за стратегическими ресурсами и коммуникациями находятся в ведении *единого стратегического центра*¹.

Сферы компетенции властей стратегического и местного уровней строго разграничены. Любые попытки вмешательства автономий в вопросы, находящиеся в компетенции единого стратегического центра, должны пресекаться, и наоборот.

Таким образом, евразийские принципы управления органично сочетают в себе традиционное и религиозное право, национальные и местные традиции, учитывают богатство исторически сложившихся общественно-политических укладов, предоставляя при этом надежные гарантии стабильности, безопасности и неприкосновенности территорий.

Евразийское видение экономики

Атлантисты стремятся навязать всем народам мира единую модель экономического устройства, присвоить опыту хозяйственного развития западной части челове-

¹ *Единый стратегический центр* — условное название инстанции, которой делегирован контроль за стратегическими областями управления «большим пространством». Представляет собой строго иерархизированную структуру, сочетающую элементы военного, правового и административного ведомств. Полнос геополитического планирования и руководства «большим пространством». В его ведении находятся разрешение спорных вопросов между автономиями, установление границ компетенции, рассмотрение арбитражных споров.

ческой цивилизации в XIX—XX вв. статус эталона. Хозяйственным системам других народов и эпох атлантисты отказывают в праве на существование, отрывая таким образом область хозяйствования от конкретных исторических, национальных и социальных условий.

Евразийцы, напротив, убеждены в том, что экономический уклад является *производным* от исторических, культурных аспектов развития народов и обществ; следовательно, в экономической сфере *закономерны* многообразие, многоукладность, творческий поиск, свободное развитие.

Жестко контролироваться должны лишь масштабные стратегические области, связанные с обеспечением общей безопасности (ВПК, транспорт, ресурсы, энергоснабжение, коммуникации). Все остальные секторы экономики должны развиваться свободно и органично, в соответствии с условиями и традициями конкретных автономий, где непосредственно разворачивается хозяйственная деятельность.

Евразийство настаивает на том, что в области экономики не существует никаких абсолютных истин — рецепты либерализма¹ и марксизма² применимы только частично и в зависимости от конкретных условий. На практике необходимы разные формы сочетания свободного рыночного подхода с контролем над стратегическими областями и перераспределением прибыли в

¹ *Либерализм* — экономическое учение, утверждающее, что только максимальное освобождение рынка и приватизация всех хозяйственных инструментов создают оптимальные условия для экономического роста. Либерализм является догматическим экономическим учением атлантистов и глобалистов.

² *Марксизм* — экономическое учение, утверждающее, что только полный контроль над экономическими процессами со стороны общественных инстанций, логика общеобязательного планирования и равномерного перераспределения прибавочного продукта между всеми членами общества (коллективизм) способны быть экономической основой справедливого мира. Марксизм отрицает рынок и частную собственность.

зависимости от национальных и социальных задач общества в целом. Таким образом, в экономике евразийство придерживается модели «третьего пути»¹.

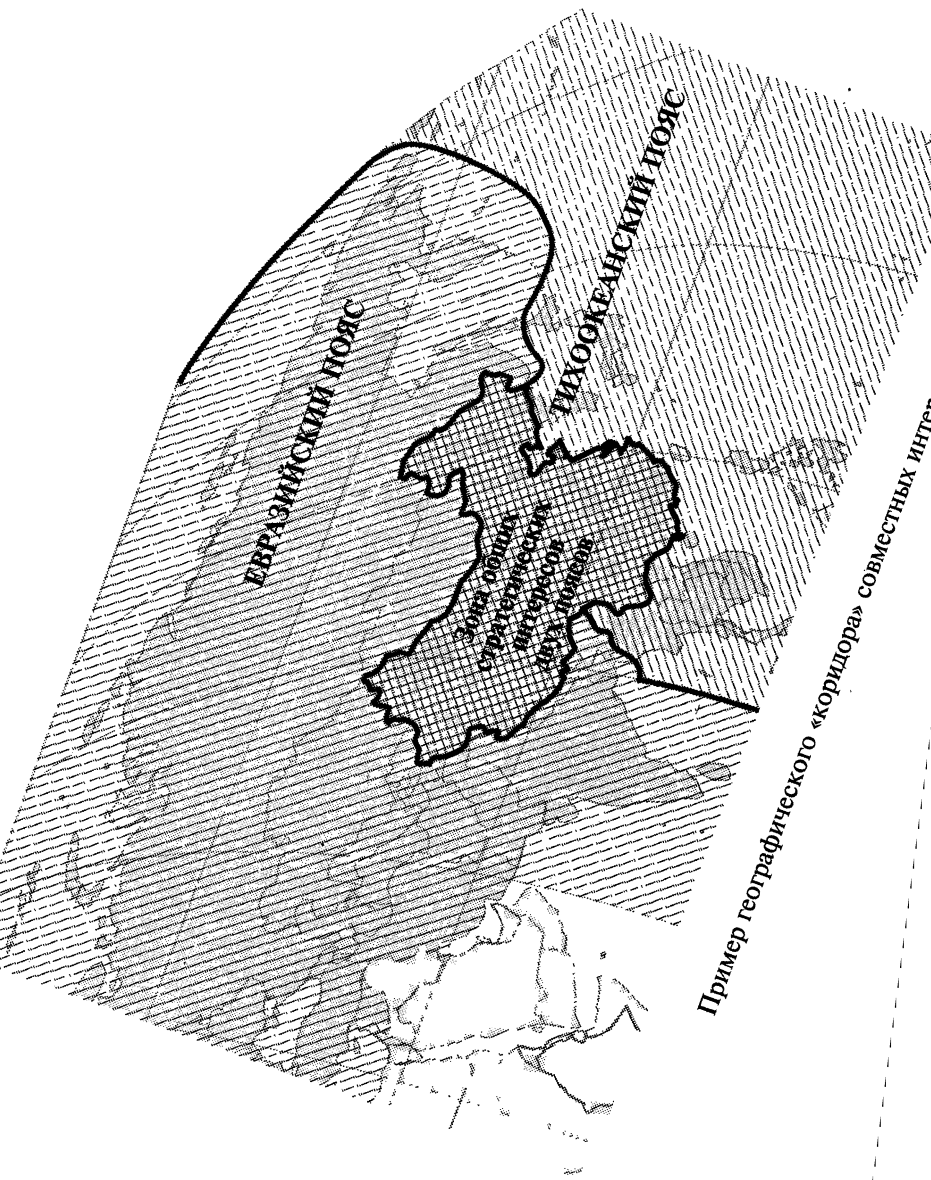
Экономика евразийства должна строиться на принципах:

- подчинения хозяйства высшей цивилизационной духовной цели;
- макроэкономической интеграции и разделения труда в масштабе «больших пространств» («таможенный союз»);
- создания единых финансовой, транспортной, энергетической, промышленной, информационной систем в пространстве Евразии;
- дифференцированных экономических границ с соседними «большими пространствами» и геоэкономическими зонами;
- стратегического контроля центра за системообразующими отраслями с параллельным максимальным освобождением хозяйственной деятельности на уровне среднего и мелкого бизнеса;
- органического сочетания форм хозяйствования (рыночных структур) с общественными, национальными и культурными традициями регионов, отсутствия единообразного экономического эталона в среднем и крупном предпринимательстве;
- максимального освобождения рынка товаров и услуг.

Евразийский взгляд на финансы

Для единого стратегического центра Евразийского Союза вопрос контроля за денежным обращением также должен быть признан стратегически важным. Ни

¹ Экономика «третьего пути» — совокупность экономических теорий, комбинирующих рыночный подход с определенной долей регулирования хозяйства на основе тех или иных надэкономических критериев и принципов.



Пример географического «коридора» СОВМЕСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ

одно платежное средство не должно претендовать на роль универсальной мировой резервной валюты. Необходимо создать собственную, имеющую хождение на всех территориях, входящих в Евразийский Союз, *евразийскую резервную валюту*. Никакие другие валюты в качестве резервных в Евразийском Союзе использоваться не должны.

С другой стороны, следует всячески поощрять создание местных платежных и обменных средств, имеющих хождение внутри одной или нескольких соседних автономий. Эта мера сделает неэффективной концентрацию капитала для спекулятивных целей, повысит его обращаемость. Кроме того, возрастут объемы вложений в реальный сектор экономики, причем средства будут вкладываться преимущественно там, где они были заработаны.

Сфера финансов в Евразийском Проекте рассматривается как инструмент реального производства и обмена, ориентированного на качественные стороны развития хозяйства. В отличие от атлантистского (глобалистского) проекта никакой автономии финансов (так называемого *финансизма*¹) быть не должно.

Зональное видение многополярного мира предполагает несколько уровней валют:

- валюта геоэкономическая (денежные средства и ценные бумаги, имеющие хождение в рамках отдельной геоэкономической зоны как инструмент фи-

¹ *Финансизм* — экономический строй капиталистического общества в его постиндустриальной фазе, логический результат безграничного развития либеральных принципов в экономике. Отличается тем, что реальный сектор экономики становится вторичным по отношению к виртуальным финансовым операциям (финансовые биржи, рынки ценных бумаг, портфельные инвестиции, работа с межгосударственной задолженностью, фьючерсные сделки, произвольно оценивающие финансовые тренды и т. д.). Финансизм делает упор на монетаристский подход, отрывая область денег (мировой резервной валюты, электронных денег) от производства.

- нансовых взаимоотношений между стратегически-ми центрами совокупности «больших пространств»);
- валюта «большого пространства» (денежные средства и ценные бумаги, имеющие хождение в рамках отдельного «большого пространства» — в частности, в Евразийском Союзе, — как инструмент финансовых взаимоотношений между автономиями);
 - валюта (иные формы менового эквивалента) уровня автономий.

В соответствии с этой схемой должны быть организованы эмиссионные и финансово-кредитные институты (банки) — зональные банки, банки «большого пространства», банки (и их аналоги) автономий.

Евразийское отношение к религии

В верности духовному наследию предков, в полноценной религиозной жизни евразийцы видят залог подлинного новаторства и гармоничного общественного развития.

Атлантист принципиально отказывается видеть все, кроме эфемерного сиюминутного настоящего. Для него, в сущности, нет ни прошлого, ни будущего.

Философия евразийства, напротив, сочетает глубокое и искреннее доверие к прошлому и открытость грядущему. Евразиец приветствует как верность истокам, так и свободный творческий поиск.

Духовное развитие является для евразийца главным жизненным приоритетом, отсутствие которого не могут компенсировать никакие экономические или социальные блага.

Каждая, даже самая незначительная локальная религиозная традиция или система верований, по мнению евразийцев, является достоянием всего человечества. Традиционные религии народов, связанное с ними духовное и культурное наследие заслуживают внима-

тельного, бережного отношения. Структуры, представляющие традиционные религии, должны пользоваться поддержкой стратегического центра. Раскольничьим группам, экстремистским религиозным сообществам, тоталитарным сектам, проповедникам нетрадиционных вероучений и религиозных доктрин, любым силам деструктивной направленности следует оказывать противодействие.

Евразийский взгляд на национальный вопрос

Евразийцы считают, что каждый народ Земли — от того, что создал великую цивилизацию, до самого малочисленного, бережно сохраняющего свои традиции, — *бесценен*. Ассимиляция, утрата языка, традиционного уклада, физическое вымирание любого из народов Земли — невосполнимая потеря для всего человечества.

Обилие народов, культур, традиций, называемое евразийцами «цветущей сложностью», — признак здорового, гармоничного развития человеческой цивилизации.

Великороссы в этом отношении представляют собой уникальный случай смешения трех этнических составляющих (славянской, тюркской и угрофинской) в единый народ с самобытными традициями и богатой культурой. В самом факте возникновения великороссов в результате синтеза трех этнических групп содержится *интеграционный потенциал исключительной ценности*. Именно поэтому Россия не раз становилась ядром для соединения множества разных народов и культур в единый цивилизационный узел. Евразийцы верят, что ту же роль России суждено сыграть и в XXI веке.

Евразийцы не являются изоляционистами, так же как не являются сторонниками ассимиляции любой ценой. Жизнь и судьба народов — это органический

процесс, не терпящий искусственного вмешательства. Межэтнические, межнациональные вопросы должны решаться исходя из их внутренней логики. Каждому народу Земли должна быть предоставлена свобода самостоятельно сделать свой исторический выбор. Никто не имеет права принуждать народы к отказу от своей уникальности в «общем плавильном котле», как того желают атлантисты.

Права народов для евразийцев значат не меньше, чем права человека.

Евразия как планета

Евразийство является мировоззрением, философией, геополитическим проектом, экономической теорией, духовным движением, ядром консолидации широкого спектра политических сил. Евразийству чужды догматизм, слепое следование за авторитетами и идеологиями прошлого. Евразийство — идейная платформа обитателей нового мира, для которого споры, войны, конфликты и мифы прошлого представляют лишь исторический интерес. Евразийство — принципиально новое мировоззрение для новых поколений нового тысячелетия. Евразийство черпает вдохновение в различных философских, политических и духовных учениях, которые подчас выступали в отношении друг друга как непримиримые и взаимоисключающие.

Вместе с тем евразийство имеет определенный набор основных идейных принципов, отступать от которых не следует ни при каких обстоятельствах. Одним из важнейших принципов евразийства является последовательное, деятельное и масштабное противодействие однополярному глобалистскому проекту. Это противодействие (в отличие от чистого отрицания или консерватизма) имеет созидательный характер. Мы понимаем неизбежность исторических процессов и стре-

мимся осознать их, участвовать в них, задавая то направление, которое соответствует нашим идеалам.

Можно сказать, что евразийство — *это философия многополярной глобализации, призванная объединить все общества и народы Земли в строительстве самобытного и оригинального мира, каждая составляющая которого органично проистекала бы из исторических традиций и местных культур.*

Исторически первые евразийские теории появились среди русских мыслителей в начале XX века. Но этим идеям были созвучны духовные и философские искания всех народов Земли — по меньшей мере тех, кто осознавал ограниченность и недостаточность банальных догматов, обреченность и тупиковость расхожих интеллектуальных клише (либеральных и коммунистических), потребность выйти за привычные рамки к новым горизонтам. Сегодня мы можем придать евразийству новый, глобальный смысл, осознать как наше евразийское наследие не только труды русской школы, чаще всего отождествляющейся с этим названием, но и огромный культурный, интеллектуальный пласт всех народов Земли, не попадающий строго в узкие рамки того, что совсем недавно (в XX веке) считалось «ортодоксией» (либеральной, марксистской или националистической).

В таком сверхшироком понимании евразийство приобретает новое небывалое значение. Теперь это не только форма национальной идеи для новой посткоммунистической России (какой она виделась отцам-основателям этого движения и современным неоевразийцам на первом этапе), но широкая программа планетарной общечеловеческой значимости, вышедшая далеко за пределы России — самого евразийского материка. *Подобно тому, как понятие «американизм» сегодня может быть применено к географическим областям, находящимся далеко за пределами самого Американского*

континента, евразийство означает особый цивилизационный, культурный, философский и стратегический выбор, который может быть сделан любым представителем человеческого рода, в какой бы точке планеты он ни находился и к какой бы национальной и духовной культуре ни принадлежал.

Чтобы придать такому пониманию евразийства реальное содержание, предстоит еще очень много сделать. И по мере того, как в данный проект будут включаться все новые и новые культурные, национальные, философские и религиозные пласты, само глобальное понятие евразийства будет расширяться, обогащаться, видоизменяться... Но такое смысловое развитие евразийской платформы не должно оставаться только вопросом теории — многие аспекты должны обнаружиться и осуществиться через конкретную политическую практику.

В евразийском синтезе слово немислимо без дела, а дело — без мысли. Поле духовной брани за смысл и ход истории — весь мир. Выбор своего стана — личное дело каждого. Остальное решит время. Рано или поздно, великой ценой больших свершений и драматических битв, но час Евразии пробьет.

Применение главных доктринальных положений евразийской платформы к российской ситуации на заре XXI века дает основные политические и идеологические принципы Евразийского движения.

Структура Евразийского движения

Структура общественно-политического Евразийского движения обусловлена глобальностью его целей и беспрецедентностью современных исторических условий.

Важнейшей стратегической задачей движения является объединение *всех евразийских сил в общий политико-социальный мировоззренческий фронт*. Это подразумевает координацию, консолидацию и интеграцию всех

движений, течений, политических и общественных объединений, институтов, центров, фондов и т. д., которые по тем или иным причинам являются сторонниками «многополярности», «цветущей сложности», противниками «однополярного глобализма» и критически относятся к экспансии атлантизма.

Такие потенциально *евразийские* (в самом широком смысле) *силы* могут представлять собой совершенно *разнопорядковые* явления — от мощнейших международных организаций (например, ООН, обреченной на отмирание и упразднение в мире прямой американской гегемонии), крупных государственных образований, парламентских политических партий до компактных объединений граждан по политическому, культурному, национальному, религиозному, профессиональному или какому-нибудь иному признаку. То обстоятельство, что в разряд *потенциально евразийских сил* подпадают столь разноплановые субъекты, требует от Евразийского движения совершенно новой организационной структуры, существенно отличающейся от привычных представлений о политическом движении, партии, интеллектуальном центре, государственном учреждении или экономическом консорциуме.

Построение многополярного мира — это глобальная задача, никогда прежде не стоявшая перед человечеством.

Новая международная ситуация, новые параметры существования человечества (глобальная система коммуникаций, развитие новых технологий, транспорта, социальных и экономических структур и т. д.) требуют от евразийцев новых неожиданных решений — в том числе и организационных. Для эффективного решения поставленных задач необходимо придать Евразийскому движению определенную *универсальность*. Например, в движении наряду с «народной дипломатией» и активной международной деятельностью должна осуществляться разработка концепции евразийского развития;

объединения по религиозному и мировоззренческому признаку должны соседствовать с чисто политическими структурами; центры евразийского экономического сотрудничества (и объединенные ими евразийские транснациональные корпорации) должны действовать в тесном контакте с военно-стратегическими структурами; информационные проекты должны увязываться с разработками в ресурсной и энергетической сферах и т. д.

Все стороны деятельности Евразийского движения должны быть тесно взаимосвязаны: экономика неразрывно связана с политикой, технологии — с экологией, информационные системы — с культурой, вопросы религиозных конфессий — с проблемами безопасности, структура военно-стратегического потенциала — с промышленным развитием и административным устройством, интеллектуальное развитие — с процессом формирования властных элит.

Именно такой подход — целостный, объединяющий самые разные сферы человеческой деятельности — является отличительным признаком Евразийского движения как *новой формы общественного бытия*.

В современных глобалистских и атлантистских структурах, «гуманитарных» фондах, интеллектуальных и аналитических центрах, в эффективных скоординированных действиях мировых СМИ (формирующих общественное мнение) мы видим *реальные инструменты противоположного нам мировоззренческого лагеря*, которые направлены на достижение единственной цели — построение «однополярного мира» при доминировании США и стран «золотого миллиарда». Противоположный евразийству по всем основным параметрам *атлантистский* (глобалистский) *проект* представляет собой не только «общее направление развития», спонтанный процесс» или «теоретический замысел», но включает в себя развитый, мощный и эффективный механизм реализации.

Атлантизм — это не просто совокупность философских и футурологических установок. Это мощный военно-стратегический блок НАТО, экономический потенциал развитых стран (в первую очередь США), подконтрольные СМИ, система разного рода фондов и интеллектуальных центров (осуществляющих идеологическое обеспечение), разнообразные группы «агентов влияния» (в международных организациях, политических партиях, религиозных конфессиях) и т. д. Весь этот развитый, отлаженный механизм подчинен одной задаче — построению и укреплению «однополярного мира».

Евразийство должно выстраивать *столь же масштабную и эффективную* централизованную (мировоззренчески и координационно) структуру, вбирающую в себя те направления, настроения, силы и группы людей, которые не приемлют глобализм, не видят для себя достойного места в «однополярном мире».

Важнейшая историческая задача евразийства — показать этим (пока разрозненным) силам *общую платформу борьбы* и постараться скоординировать основные усилия для создания иного (многополярного и справедливого) образа будущего.

Евразийские структуры должны эффективно противодействовать отлаженному механизму реализации атлантистского проекта «однополярной глобализации».

На современном этапе глобализм вышел за рамки не только США, но и всего западного мира: его представители, адепты, проводники и «агенты влияния» рекрутируются из разных народов, политических партий и религиозных конфессий. Можно говорить о существовании своего рода *«атлантистского (глобалистского) интернационала»*.

Задача евразийства — создать симметричную по основным параметрам структуру — *«евразийский интернационал»*. Именно такой целью обусловлены особен-

ности структуры Евразийского движения. В перспективе оно должно занять место координационного центра многополярности.

Роль Евразийского движения в реализации проекта «Евразийский континентальный пояс»

Евразийское движение рассматривает в качестве *стартовой базы и основного плацдарма современную Россию.*

Такой выбор не случаен. На протяжении всей истории, при любых формах общественного устройства Россия искала *альтернативный западному* путь развития. Здесь и конфликт между Православием («евразийская линия» в христианстве) и католичеством (позже — протестантизм), затем государственно-культурное и геополитическое противостояние в период от Средневековья до конца XIX века и, наконец, идеологическое единоборство двух социально-экономических систем в XX веке. Россия всегда упорно (подчас трагически) стремилась выработать и реализовать альтернативный этический идеал.

История России не окончена, народ ее сохраняет верность своей исторической миссии, и поэтому *Россия просто обречена на то, чтобы стать лидером новой планетарной (евразийской) альтернативы западной версии мироустройства («однополярному глобализму»).*

Будучи сущностно евразийской страной, сегодня Россия как никогда вольна осознать эту свою черту в полной мере — вне каких бы то ни было узких догматических или конфессиональных формул (советских или националистических). Осознать ее именно как вселенскую миссию.

Евразийство подразумевает не только свое видение развития России или стран СНГ. Оно предлагает общий проект *нового общественно-политического устройства для всех народов Земли.*

Процесс установления евразийского порядка может проходить одновременно в разных точках Земли — повсюду, где атлантистский процесс «однополярной глобализации» сталкивается со сколько-нибудь серьезным противодействием. Любой опыт противостояния «однополярному глобализму» жизненно важен для российской политики и евразийских процессов во всем мире. И, наоборот, опыт евразийских реформ в России, успех России в социальном развитии, укрепление ее стратегического, экономического и политического могущества, доведение до логического конца объединительных процессов в рамках СНГ, деятельность евразийских структур — все это имеет огромное значение для сторонников многополярности во всем мире.

В конкретной политической практике евразийское движение должно всемерно способствовать созданию *четырёх геоэкономических зон*.

Жизненно важным для России является создание «Евразийского континентального пояса» — четвертой геоэкономической зоны (наряду с тремя другими: Американской, Евроафриканской и Тихоокеанской). Атлантистская геоэкономика предполагает наличие трех зон — Американской, Европейской и Тихоокеанской. Евразия же, по мнению атлантистских стратегов, является своего рода «черной дырой» — разорванным пространством, фрагменты которого принадлежат окраинам трех остальных основных зон. Таким образом, образование особой, четвертой геоэкономической зоны на территории Евразии является важнейшим этапом в создании объективных структурных геополитических и геоэкономических предпосылок многополярности.

Таким образом, если три уже имеющиеся зоны предполагается *трансформировать, качественно развить и изменить в соответствии с принципами евразийской философии*, то четвертую зону (Евразийский континентальный пояс) необходимо *создать*.

Формирование Евразийского континентального

пояса является приоритетной геоэкономической задачей, которую ставит перед собой Евразийское движение.

Евразийский континентальный пояс предполагает *ускоренную экономическую и стратегическую интеграцию каждого из четырех «больших пространств»*, расположенных на основном массиве Евразийского континента. Это многофакторный и многомерный, сложный процесс.

В первую очередь речь идет о *политико-экономической консолидации* каждого из этих пространств, которые сейчас состоят из одного или нескольких национальных государств. Если в случае Китая и Индии границы «больших пространств» практически совпадают с границами соответствующих государств, то в случае России, стран СНГ и континентальных исламских стран (Иран, Пакистан, Афганистан, возможно, Турция, Ирак, Сирия) организация «больших пространств» представляет собой сложный процесс интеграции в политическом, экономическом, стратегическом, информационном и иных аспектах.

Создание этих «больших пространств» и в первую очередь Евразийского Союза (Россия, страны СНГ, возможно, некоторые восточноевропейские страны) является *приоритетной задачей движения «Евразия»*.

Вместе с тем между интеграцией «больших пространств» и выстраиванием Евразийского континентального пояса не существует логической или временной последовательности. Эти тенденции могут развиваться параллельно на различных уровнях. В этом случае успехи на одном из направлений будут стимулировать процессы на другом, что позволит легко варьировать уровни, не теряя при этом общего темпа евразийских преобразований.

Так как странами Евразии уже сегодня ведется совместная активная экономическая, стратегическая, политическая и дипломатическая деятельность, Евразий-

ский континентальный пояс как проект будущей единой геоэкономической зоны и стратегической системы общеконтинентальной безопасности может быть провозглашен *уже в наши дни*. Более того, все основные участники этой зоны давно являются последовательными приверженцами «многополярного мира». В недавнем прошлом они составляли костяк «социалистического лагеря» или «третьего мира» (Движение неприсоединения) — и в том, и в другом случае налицо стремление найти свой собственный путь, отличный от либерал-капиталистической, западной (атлантистской) модели.

Для того чтобы перейти от инерции сотрудничества в заданных пределах к осознанной и последовательной интеграционной политике — с упором на экономику (разделение труда), общую систему континентальной обороны и объединяющую установку на «многополярность», — требуется очень немного. Задача Евразийского движения — *ускорить этот процесс, снабдить его адекватным теоретическим обоснованием, способствовать созданию соответствующих политических, стратегических и дипломатических институтов, международных экономических структур, фондов и корпораций, выстроить непротиворечивую модель сотрудничества с учетом исторических, религиозных и этнических факторов.*

Евразийская модель политического объединения в «большие пространства» и постепенный переход от «государства-нации» к новым, более широким формам политического объединения (сочетание стратегической централизации с этнокультурной многополярностью и системой многоуровневых автономий) позволят обойти многие конфликты, создадут предпосылки для гармоничного сотрудничества.

Чтобы евразийский подход был убедителен и доказал свою оперативную ценность всем участникам создания «больших пространств» как в Евразии, так и во всем мире, евразийцы должны продемонстрировать его

применимость и эффективность в разрешении внутренних конфликтов в России (в первую очередь на Северном Кавказе) и на территории стран СНГ (Карабах, Киргизия, Таджикистан). Чем активнее евразийская модель будет внедряться в России и в СНГ, чем интенсивнее будет проходить становление Евразийского Союза, тем органичнее и оперативнее будет осуществляться организация других трех «больших пространств» и становление Евразийского континентального пояса.

Такой же принцип одновременности, параллельности различных уровней интеграции должен соблюдаться и *при протекании аналогичных процессов в других зонах*, хотя следует отметить, что аналогии в этой области будут весьма условными: в каждом конкретном случае речь идет о качественно разных процессах.

Американский пояс

В рамках Американского пояса неоспоримое доминирование «большого пространства» Северной Америки (США и Канада) должно сочетаться с интеграционными процессами в Латинской Америке (два «больших пространства» — Южная Америка и Центральная Америка), которые будут протекать с ярко выраженной культурно-исторической, экономической и политической спецификой, отражающей особенности латинской цивилизации (имеющей много существенных отличий от англосаксонского культурного типа).

Евразийский принцип применительно к Американскому поясу подразумевает предоставление латинским ареалам Южной и Центральной Америки (входящим в систему Меркасур) большей цивилизационной самостоятельности (что тем не менее не ставит под сомнение геоэкономическое лидерство Севера). В то же время только евразийская теория стратегической интеграции близких цивилизационно-культурных пространств в сочетании с многообразием этноконфессио-

нальных автономий способна дать народам Латинской Америки модель такого развития, которое обеспечило бы значительное повышение их геополитического статуса и гармоничное разрешение межнациональных, социальных, технологических, экологических, демографических и экономических проблем.

В отношении геоэкономического Американского пояса, который существует де-факто, евразийская позиция состоит в активной поддержке:

- на первом этапе *ограничения стратегических, политических и экономических интересов США пределами двух Америк* (в этом вопросе союзниками евразийцев становятся консервативные политические круги США — как изоляционисты, так и сторонники экспансионизма, ограниченного пределами «доктрины Монро»);
- эволюции американской системы в сторону *максимализации принципа автономий*, демократических, экологических, национально-культурных движений;
- *интеграции латиноамериканских стран в два «больших пространства»* и укрепления их цивилизационно-культурной самобытности.

Фактор американского влияния в данный момент представляет собой воплощение *наиболее негативной глобалистской тенденции*, новых форм колониализма и империализма, несущую конструкцию атлантизма, негативный образ будущего.

Такая оценка геополитической роли США правомерна только до той поры, пока США настаивают на «однополярной глобализации» и ведут себя как единственная высшая инстанция, как «мировой жандарм». И до тех пор, пока это так, Евразийский Проект направлен против американизации мира и, следовательно, в какой-то степени против США.

В евразийском видении будущего *этот негативный аспект снимается*.

Если США откажутся от активно навязываемой роли «эталона цивилизации», согласившись на роль великой региональной державы, полюса огромного «большого пространства» и лидера Американского пояса, негативность американского фактора снимется сама собой. В этом случае народы мира смогут объективно оценить плюсы и минусы американского образа жизни. При этом нельзя исключать, что определенные стороны этого образа жизни могут быть вполне позитивно восприняты даже теми, кто сегодня ориентирован на жесткое противостояние США. Таким образом, спокойным и достойным внутренним развитием США могут легко приобрести то влияние, которое сегодня пытаются завоевать силой, множа число своих принципиальных противников.

Одной из главных задач «Евразии» является выделение тех политических, экономических, культурных, социальных, религиозных, профессиональных и иных групп в США (шире — в Америке), которые могли бы стать проводниками евразийского влияния (прямого или косвенного).

Евроафриканский пояс

В лице Евросоюза мы имеем экономическую составляющую «большого пространства», активно развивающегося политически (хотя с некоторым отставанием) и планирующего (в еще более отдаленной перспективе) повышение своего стратегического и геополитического статуса (проекты создания «Еврокорпуса», Единой европейской системы безопасности и пр.).

Интеграционные процессы в Европе можно рассматривать как выражение евразийской логики. Исключением являются структуры органических автономий (на которых настаивают европейские круги демо-

кратической и традиционалистской ориентации — регионалисты). По крайней мере, Евразийский Проект для нынешней Европы заключается не в создании «большого пространства», но в его эволюционном и качественном изменении. В случае Евросоюза несколько важнейших для евразийства факторов предстают уже состоявшейся реальностью: отказ от «государств-наций», создание единой экономической и валютной системы (евро), постепенный выход из-под жесткого американского контроля к геополитической самостоятельности.

Если в странах материковой Азии налицо стратегическая воля к «многополярности» при относительно слабой развитости материальной (экономической, технологической и финансовой) инфраструктуры и множестве внутренних противоречий, то в Евросоюзе мы видим высокоразвитую интегрированную геоэкономическую структуру, при том что тезис о необходимости построения «многополярного мира» пока еще практически не озвучивался.

«Евразия» жизненно заинтересована в развитии интеграционных процессов в Европе, в расширении геополитического самосознания европейцев.

Вместе с тем важно настаивать на принципе естественных автономий и внутриевропейской органической многополярности. Такая многополярность должна заменить количественный, чисто индивидуалистический, «атомарный» подход, сохранившийся в современной Европе как рудимент «государств-наций». Европа должна заново обрести свои древние корни, заново утвердить многообразие и оригинальность своей великой культуры, размытой в последнее время примитивными клише американизма.

Евразийский Проект в отношении Европы состоит в *поддержке усиления ее регионального экономического, политического и стратегического статуса.*

Евросоюз обладает всеми предпосылками для того,



ТИХООКЕАНСКИЙ ПОЯС

ЕВРАЗИЙСКИЙ ПОЯС

ЕВРОАФРИКАНСКИЙ ПОЯС

АМЕРИКАНСКИЙ ПОЯС

чтобы быть геополитическим лидером всего Евроафриканского пояса, интегрирующим полюсом Евроафрики. Эта тема разделяется на две составляющие:

- европейско-исламские (преимущественно арабские) отношения;
- европейско-африканские (имеется в виду «черная», субтропическая Африка) отношения.

Только достижение геополитической самостоятельности в вопросе европейско-арабских и европейско-американских отношений позволит Европе играть роль самостоятельного мощного полюса в многополярном мире.

Стратегическая безопасность Европы с юга, нехватка природных ресурсов, энергозависимость — решение этих проблем напрямую зависит от построения самостоятельного Евроафриканского пояса. Здесь Евросоюзу придется вплотную столкнуться с американским гегемонизмом, так как недопущение расширения влияния Евросоюза на южном направлении является основной задачей энергостратегического контроля над ним со стороны США. Евроафриканский проект означает геополитическое деление атлантического сообщества по ту и другую сторону Атлантического океана. С точки зрения практической геополитики, именно этот дезинтеграционный процесс является главной задачей евразийской дипломатии на европейском направлении.

Сближение Европы с Африкой — в интересах евразийства, и Евразийское движение должна максимально содействовать этому процессу.

Вторым «большим пространством» Евроафриканского пояса является арабский мир, территория исламской Северной Африки от стран Магриба до Ближнего Востока.

Это очень сложный регион, объединенный исторической принадлежностью к Османской империи и оп-

ределенной расовой однородностью. Это арабское пространство должно быть стратегически объединено в цельный геополитический организм, экономически и политически связанный с Европой и «черной» Африкой. В данном пространстве объективно доминирует исламская традиция, которая может стать дополнительным интеграционным фактором. При этом следует отметить, что определенные формы «исламского радикализма» (претендующие на универсальность) противоречат базовым евразийским установкам на внутреннюю многополярность, систему внутренних автономий (евразийскую «цветущую сложность»). В этом отношении в арабском мире наиболее близки к евразийству те исламские круги, которые сочетают верность мусульманской религии с уважением к локальным местным традициям — суфийские тарикаты, шииты, этнические группы, имеющие собственные традиции, сторонники духовного и культурного многообразия. Другая опасность, исходящая от «исламского радикализма», состоит в стремлении некоторых групп расширить территорию арабского влияния на другие неарабские исламские регионы, главным образом на территорию Евразии — от Турции до Татарстана и Филиппин. Особенно это характерно для проатлантических режимов (например, Саудовской Аравии). Этой тенденции евразийцы должны противодействовать.

Важнейшей задачей евразийства является *стратегическое объединение «черной» Африки*, выделение ее в самостоятельное «большое пространство».

Границы нынешних государств Африки (как, впрочем, большинство границ в странах «третьего мира») носят отчетливо постколониальный характер. Они не соответствуют ни исторической, ни этнической, ни культурной, ни экономической специфике народов, проживающих на этих землях. Искусственная и фрагментарная государственность порождает криптоколониализм, множество межэтнических, межплеменных

проблем. По своему психологическому типу «черные» африканцы наиболее близки евразийскому типу, открыты к чувству цельности, органической взаимосвязи людей, истории, общества, природы. Реальное освобождение африканцев от колониальной истории возможно только через их интеграцию в единую стратегическую цивилизацию, дружественную арабскому миру и ориентированную стратегически и экономически на объединенную Европу — лидера Евроафриканского пояса.

Особое внимание в этой зоне следует уделить роли государства Израиль, которое играет важную стратегическую роль в атлантистской стратегии.

Евразийцам необходимо выработать новую модель урегулирования израильско-арабского конфликта, найти формулу позитивного участия Израиля в Евроафриканском поясе. Евразийцы приветствуют переориентацию Израиля на Европу, а в идейно-философском смысле — возврат значительной части израильтян к своим восточноевропейским (то есть собственно евразийским) корням.

Тихоокеанский пояс

Стратегическое, политическое и экономическое лидерство в Тихоокеанском ареале должно принадлежать Японии.

Это уникальное островное цивилизационное образование, не обладающее большой территорией, сложилось в не имеющий аналогов образец континентального «большого пространства», сконцентрированного, как бы спрессованного в малый объем. Япония обладает колоссальным экспансионистским потенциалом, огромной степенью национальной упорядоченности, гигантской внутренней энергией. Японский потенциал, сейчас искусственно сдерживаемый США или направляемый в узкоэкономические рамки, должен быть ос-

вобожден и использован для реорганизации всей Тихоокеанской зоны.

Япония является столь же объективным лидером в Тихом океане, как Европа в Евроафриканском поясе. *Выведение Японии из-под американского контроля, возврат ей геополитической, политической и военно-стратегической самостоятельности является важнейшим условием создания реальной многополярности.*

Как и Европа, Япония сегодня принадлежит к атлантической зоне влияния, но внутри нее созрела экономическая инфраструктура, которая, в сочетании с энергетическим потенциалом национальной психологии, сама по себе способна стать важнейшей несущей конструкцией.

Для этого Японии необходима *мощная евразийская поддержка* — в политической, стратегической и ресурсной сферах. Любое, даже самое незначительное усиление геоэкономической и геополитической самостоятельности Японии автоматически повышает общий потенциал евразийства.

Остальные потенциальные «большие пространства» Тихоокеанского пояса делятся на малайские и англосаксонские и, возможно, некоторые береговые страны, расположенные на территории Индокитая. Эти пространства представляют собой сложные сочетания промышленно-технологической развитости (за счет их включенности в экономику западного типа и мирового распределения труда в рамках мировой капиталистической системы) с многочисленными элементами традиционного общества.

Важно, чтобы такое объективно сложившееся сочетание было осознано политическими элитами этого региона как «потенциальное евразийство», поскольку евразийская философия основана именно на органичном сочетании верности корням с технологическим и социальным развитием.

В отношении Австралии и Новой Зеландии евра-

зийский подход заключается в поддержке вхождения их именно в азиатский цивилизационный и геоэкономический контекст. Следует поощрять их эволюцию из осколка колониализма (самосознание носителей «европейского порядка») в органическую составляющую Великой Азии.

В Австралии термин «евразийство» означает выстраивание новой модели взаимоотношений белых потомков англосаксов с постоянно возрастающим числом иммигрантов из Азии (китайцев, вьетнамцев, малайцев и т. д.).

К Евразийскому Союзу через евразийский процесс

Политическая практика и координационные структуры. Переход от модели «государства-нации» к «большому пространству» должен идти на разных уровнях. Основой этого перехода является процесс многомерной интеграции:

- экономической;
- геополитической;
- стратегической;
- политической;
- культурной;
- информационной;
- языковой.

Каждый из этих уровней предполагает свою модель практической деятельности движения «Евразия».

Особого внимания заслуживает процесс преобразования СНГ в Евразийский Союз.

СНГ — пример асимметричной группы «государств-наций», где одно «государство-нация» (РФ) имеет основания для претензий на частичный геополитический суверенитет, в то время как другие таких оснований не имеют.

«Большое пространство», которое должно возник-

нуть на базе этой группы, — это Евразийский Союз, евразийский аналог Евросоюза, то есть политическое образование с единой централизованной экономической и стратегической системой управления.

Создание Евразийского Союза — основная задача «Евразии». На пути к этому основными направлениями деятельности «Евразии» должны стать: инициирование, контроль и координация *евразийского процесса*.

Евразийский процесс — это многомерная эволюция государственных, экономических, политических, промышленных, информационных, транспортных, стратегических и культурных институтов каждого из независимых государств, входящих в СНГ, в новое политико-стратегическое образование. В евразийском процессе разные по качеству и скорости протекания изменения должны быть направлены к единой цели — созданию Евразийского Союза. Переход от СНГ к Евразийскому Союзу не может и не должен быть декларативным и одномоментным. Фактическому и юридическому закреплению Евразийского Союза должна предшествовать серьезная и длительная интеграционная работа. К моменту провозглашения Евразийского Союза самостоятельным субъектом международного права должна быть создана вся необходимая инфраструктура.

Этим путем шли страны Европы, этим путем следует идти и нам.

Модуль евразийского процесса состоит в создании гибких структур, отвечающих за ход интеграции.

Ядро этого модуля должна составлять межгосударственная инстанция, осуществляющая функцию координатора. Такая инстанция должна быть образована на базе движения «Евразия» и его представительств в странах СНГ или по меньшей мере при активном участии движения. Условно ее можно назвать «штабом евразийского процесса». Свою деятельность «штаб» должен осуществлять при тесном взаимодействии с основными государственными органами власти —

президентом, администрацией президента, правительством, парламентом.

Задачей такого «штаба» является разработка и реализация интеграционных проектов, которые не обязательно должны рассматриваться как формальная, юридически закрепленная инициатива государства. Возможно, было бы целесообразно использовать инициативу общественной организации (движения, фонда и т. д.), открыто декларирующей свои цели, прозрачной для органов государственного контроля и национальной безопасности каждого из государств, участвующих в евразийском процессе.

Смысл Евразийского Союза состоит в том, что он не будет простым объединением разных государств в новое государство (такого же типа), с обязательным роспуском существующих администраций, полным слиянием всех действующих институтов и упразднением центров власти. Не будет Евразийский Союз и расширенной версией современной России с ее системой правительственных, административных и политических институтов. Евразийский Союз предполагает качественно иную систему управления. Потребуется эволюция существующих структур — постепенное отмирание одних и создание новых, более эффективных. По этой причине ни одно из существующих в РФ или странах СНГ ведомств не сможет не только справиться, но даже адекватно сформулировать задачу евразийской интеграции (евразийского процесса).

Структура общественного Евразийского движения, включающего систему фондов, консорциумов, центров стратегических исследований и геополитических экспертиз, банковских и биржевых структур, медиахолдингов, научных и учебных заведений, культурных центров и т. д., является для этих целей наиболее подходящей.

Само движение, ответственное за координацию евразийского процесса, должно качественно отличаться

от обычных партий, гуманитарных и общественных объединений, межгосударственных комиссий, сугубо экономических сообществ и пр. Существующие элементы нынешней политико-экономической и административной системы могут активно сотрудничать с движением, реализовывать разнообразные проекты, но заменить его они не могут. Для решения принципиально новых задач необходим принципиально новый политический и организационный инструмент.

Процесс интеграции неизбежно потребует трансформации большинства существующих структурных элементов государства и общества.

«Штаб евразийского процесса» должен иметь следующие структурные подразделения:

- *«Евразийский общий дом»*. Структура, координирующая экономическую интеграцию. Конкретный смысл этой инстанции в рамках «Евразии» состоит в объединении усилий тех финансово-промышленных, транспортных, коммерческих структур, которые сознательно или по сложившейся традиции основывают свою деятельность на разделении труда и работе с рынками в рамках нескольких или всех стран СНГ. На практике в такую структуру должны входить государственные, монопольные и крупные частные хозяйственные единицы, жизненно заинтересованные в том, чтобы действовать в рамках единого экономического пространства.
- *«Евразийский центр геополитических экспертиз»*. Аналитическая структура, отвечающая за использование геополитической теории в интересах Евразии, осуществляющая экспертизу основных проектов.
- *«Евразийский комитет обороны»*. Структура, способствующая концептуальной, геополитической и стратегической координации генеральных штабов стран, входящих в СНГ.

- *Аппарат международного движения «Евразия»*. Структура, координирующая различные политические партии и общественные движения евразийской направленности. Состоит из общественно-политических движений в странах СНГ — аналогов Евразийского движения в РФ.
- *«Евразийский культурный центр»*. Структура, способствующая многостороннему, многоконфессиональному, многонациональному культурному обмену. Организует фестивали, гастроли, симпозиумы и иные проекты в пространстве СНГ. Способствует сближению народов будущего Евразийского Союза.
- *«Евразийский медиахолдинг»*. Информационно-коммуникационная система, призванная выработать единый алгоритм евразийского теле- и радиовещания, евразийской прессы и интернет-коммуникаций.
- *«Евразийский лингвистический центр»*. Организация, способствующая изучению языков Евразии, переводу на них основных материалов по евразийству, готовящая новое поколение евразийских дипломатов и менеджеров.

АВТОНОМИЯ КАК БАЗОВЫЙ ПРИНЦИП ЕВРАЗИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Суверенитет или автономия?

Современное государственное устройство Российской Федерации, базирующееся на принципе суверенитета ее субъектов, порочно. Проводимая в последнее десятилетие политика, направленная на предоставление субъектам максимального количества атрибутов государственности (знаменитое ельцинское «берите суверенитета, сколько сможете»), усугубила ситуацию. Она была воспринята местными элитами как приглашение к вседозволенности. Фактически такой подход

обрекал Россию на расчленение в ходе неизбежного «парада суверенитетов». Пример Чечни и, в более мягкой форме, Татарстана наглядно это показал.

Дело в том, что суверенитет по своей сути не может быть ограниченным — он всегда неуклонно стремится к полноте (независимости в международных делах, армии, собственной денежной единице и пр.). В классической политологии принято считать, что суверенитет подразумевает отчужденную территорию и полномочие на ней. В условиях Российской Федерации это фактически означает отказ от принципа единства и неделимости России (пусть несколько отложенный).

Федеративная модель вообще эффективна исключительно в гомогенных обществах. Для таких сложных, асимметричных, гетерогенных, неравномерно заселенных поликультурных общностей, как Россия, необходим совершенно другой принцип. Таким принципом должен стать принцип автономии.

Параметры автономий

Автономия не предполагает наличия суверенитета (и вообще любых атрибутов государственности). Автономия — это самоуправление. И только. Вопросы стратегии, международных отношений, стратегического планирования не находятся в ее компетенции. В то же время множество вопросов, в настоящий момент находящихся в компетенции федеральных органов власти, регулируемых федеральным законодательством (гражданское и административное право, судебная система, организация экономической и иной деятельности), могли бы быть делегированы автономиям.

Главным отличием автономии от субъектов Российской Федерации в их нынешнем виде является то, что в автономии субъектом выступает не территориальное квазигосударственное образование, а община людей, объединенных по какому-то признаку.

Автономии могут быть любых размеров (от нескольких семей до целых народов). В рамках крупных автономий могут заключаться автономии поменьше. В целом в основе организации общества должен лежать общинный принцип.

Типы автономий:

- *Национальная.* Возникает в рамках народа (нации), сложившегося в историческую общность, имеющего определенные традиции самоуправления и составляющего единый организм, не подверженный эрозии.
- *Этническая.* Характерна для народов, не обладающих признаками нации.
- *Теократическая.* Возникает у народов (наций) с высоким уровнем религиозного самосознания, у которых религиозные институты служат самоорганизации общества, отчасти представляя в рамках данного социума реальную власть (судебную, административную и пр.).
- *Религиозная (сакральная).* Характерна для общин, объединенных по религиозному признаку, в которых религия не участвует в самоорганизации общества.

(Указанные четыре типа автономий могут сочетаться, образуя национально-теократические, этнорелигиозные и другие типы автономий.)

- *Культурно-историческая.* Объединяет исторически сложившиеся общности людей, объединенных общей ментальностью и культурой. Например, казаки или поморы.
- *Социально-промышленная.* Наименее совершенная форма автономии, характерная для относительно недавно заселенных территорий, как правило, вокруг градообразующего предприятия или народнохозяйственного комплекса. В перспективе желательно возникновение на ее базе других, традиционных типов.

- *Экономическая.* Дополнительная автономия, гарантирующая уже имеющимся автономиям определенные особенности в сфере, регулируемой федеральным законодательством (выделение территорий с особым правовым режимом, налогообложением, таможенными льготами и пр.).
- *Языковая.* Дополнительная автономия, учитывающая лингвистическую общность представителей различных автономий. Может как делить, так и объединять автономии иных традиционных типов.
- *Общинная.* Автономия, не имеющая других обобщающих признаков, тем не менее объединяющая людей, которые проживают совместно на одной территории или (и) заняты в одной сфере. Например, традиционные родоплеменные образования или «экологические поселения» бывших горожан.

Ряд территорий, на которых не сложилось никаких общин (главным образом незаселенных или малозаселенных), может быть объявлен федеральными землями, то есть территориями, на которых соблюдается только федеральное законодательство (и федеральные подзаконные акты).

Автономии и федеральный центр

Автономии, в отличие от нынешних субъектов Российской Федерации, могут обладать значительно большими правами в культурной, бытовой, административной, правовой, хозяйственной сферах. Фактически автономиям могут быть делегированы функции судов, правоохранительных органов, управления, контроля. Федеральное законодательство должно регулировать лишь минимум вопросов, который един для всех автономий. Федеральные суды и федеральные правоохранительные органы должны заниматься исключительно конфликтными вопросами на межобщинном уровне. Все внутриобщинные вопросы должны регулироваться

самостоятельно, в соответствии с закрепленными в местных законах сложившимися традициями.

В то же время автономии делегируют федеральным органам власти право решать вопросы, связанные с национальной безопасностью, международными отношениями и стратегическим планированием. Все имеющиеся на местах рудименты суверенитета должны быть ликвидированы.

Новое, евразийское устройство государства, базирующееся на принципе автономий, подразумевает и определенную мутацию федеральных органов власти.

Органом, принимающим основные стратегические решения в государстве, должен стать *Собор автономий*, состоящий из лучших представителей наиболее значительных автономий страны. Из числа лидеров и наиболее уважаемых представителей автономий должны комплектоваться органы федеральной власти — евразийская администрация. Автономиями же делегируются кадры для службы в общей армии, федеральных правоохранительных органах. Ввиду того, что большинство вопросов будет успешно решаться на местах, бюрократический аппарат будет исключительно малочисленным.

Таким образом, западная система формальной выборной демократии (выродившаяся в России в криминальную систему обмана и подкупа электората) будет заменена органической демократией, подразумевающей деятельное участие в управлении страной лучших представителей общин. Демократия такого типа (демократия «граждан», а не «плебса») характерна для Древней Греции и современной Швейцарии.

Землепользование в автономиях

Принципиально важным представляется вопрос землепользования. Ни одна из автономий не должна иметь право на отчуждение территории. За основу дол-

жен быть взят принцип: собственником земли является Создатель (вообще, земля должна быть сакрализована, необходимо возродить своего рода *культ родной земли*). Вся земля находится в коллективном пользовании всего народа России, распоряжается ею руководство России. Автономиям предоставляются в безвозмездное пользование участки земли, занимаемые ими в данный момент. Само понятие о границах внутри Российского Государства (в перспективе — всего Евразийского пространства) должно быть заменено понятием «предел». «Предел» — это условная, не имеющая юридической силы линия, по которой территории, находящиеся в пользовании одной общины, соединены с землями, находящимися в пользовании другой общины. «Пределы» подвижны, не фиксируются. Границы разделяли, «пределы» призваны соединять.

Сам принцип автономии, в отличие от принципа суверенитета, подразумевает в качестве субъекта не территорию (с произвольно, зачастую конфликтно проведенными границами), а человека, обладающего четкой национально-религиозной самоидентификацией, являющегося полноправным членом коллектива.

Таким образом, замена принципа суверенитета принципом автономии делает невозможными сепаратизм и пограничные споры в рамках Российской Федерации (слово «федерация» тогда может быть упразднено). Государство приобретает устойчивость, а народы России — уникальные возможности для общественного развития.

Автономии и мегаполисы

Крупные города являются наиболее проблемными зонами для применения принципа автономии. Горожане в наименьшей степени связаны со своими национальными и религиозными традициями. Они не являются активными землепользователями. Они в боль-

шей степени охвачены процессами вестернизации и глобализации. Кроме того, само по себе возникновение больших городов (актуальное в Европе или Японии, где существует острый дефицит земли) выглядит в России (с ее избытком неосвоенных территорий) курьезно. Из всего этого следует, что крупные города постепенно должны быть расселены. Основные производства должны быть выведены из городов. В отношении жилых кварталов следует использовать принцип «слобод» — экологических поселений (отделенных от города санитарной лесополосой), в которых следует формировать общины по национальному, религиозному, историко-культурному или иному признаку (особого внимания здесь заслуживает опыт «землячеств»). Таким образом, на территории современных городов должны остаться органы управления, культурные сооружения и сфера обслуживания.

Уже сейчас в Москве можно встретить примеры реализации «слободского» принципа. Руководством Москвы поощряется самоуправление в рамках отдельного дома или квартала. Это позволяет эффективно решать многие проблемы, а главное, таким образом происходит начальная коммунализация мегаполиса — люди учатся быть частью определенной общности, действовать сообща. Впоследствии в «слободах» большинство вопросов будет решаться самостоятельно.

Автономии и «горячие точки»

Если на основной территории России переход от суверенности субъектов к принципу автономии еще может быть отложен или совершаться неспешно (что тем не менее крайне опасно), то в российских «горячих точках» (а также в «горячих точках» на территории СНГ) его следует применить немедленно.

Если проанализировать причины межнациональных конфликтов на территории России, приведших к кровопролитию (в Чечне, Пригородном районе Влади-

кавказ и др.), становится очевидным, что роковую роль здесь сыграл порочный принцип местного суверенитета.

Ареалы расселения народов соприкасаются настолько сложно, что между ними практически невозможно корректно провести границу. Принцип суверенитета же подталкивает местные элиты к присвоению себе все большего и большего числа атрибутов государственности (в том числе к упрочению границ). Все это приводит к конфликтным ситуациям, которые не могут быть разрешены в прежней парадигме. Необходима качественно иная, новая концепция.

Принцип автономии, отрицающий суверенитет и все его атрибуты, рассматривающий в качестве субъектов не территории (с их проблемными границами), а народы, представляет возможность уникального «выхода из тупика».

* * *

Россия — уникальное многонациональное, многоконфессиональное, поликультурное пространство с гигантскими незаселенными территориями, разнообразными ландшафтами, с множеством исторически сложившихся общностей, различающихся ментальностью и образом жизни. Применение к нему принципов, сформировавшихся в ином историческом контексте, не может быть безболезненным и эффективным. Реализация в России классической федеральной модели — это «мина замедленного действия», способная разорвать нашу страну на множество кровоточащих кусков. Необходимо найти модель, учитывающую уникальные особенности России, гарантирующую населяющим ее народам полноценное национальное и культурное развитие, религиозное возрождение, мир и благополучие.

Замена принципа суверенности принципом автономии в этом отношении представляется крайне своевременной и безальтернативной.

ПРАВА НАРОДОВ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

(Интервью А. Г. Дугина казахстанской газете «Навигатор», апрель 2002 г.)

«Навигатор»: Каково место Евразийского движения среди огромного множества других политических партий и движений?

Александр Дугин: Евразийское движение создается на мировоззренческой, идеологической основе. В этом его уникальность. Евразийство — сформированная идеология с четкими отличительными признаками. Она существенно отличается от привычных идеологических клише. Евразийство — идеология патриотическая и консервативная, традиционалистская. Оно основано на убежденности в самобытном пути российской цивилизации, не имеющей аналогов ни на Западе, ни на Востоке. Эта самобытность берется как высшая ценность, которую необходимо всячески укреплять и защищать. Мы утверждаем, что у России особый путь — это главный постулат. Согласитесь, что это заведомо иной подход, нежели у либералов из СПС, «Яблока»; наш подход отличается также от марксистского универсализма коммунистов. От узких националистов евразийцев отличает убежденность в полиэтнической и поликонфессиональной природе России. Евразийская цивилизация соткана из плодотворного культурного и этнического альянса славян и тюрков с большим участием других евразийских народов. Этот пункт евразийства существенно отличает нас от расистского шовинистического популизма ЛДПР, КРО и других более маргинальных националистических групп. Кроме того, мы убежденные сторонники интеграции стран СНГ в единый Евразийский Союз. *Евразийское движение — единственная политическая сила в России, которая ставит интеграцию во главу угла своей политической программы.*

От невразумительного центризма нас отличает, напротив, ясная идеологическая картина мира — и того, который объективно существует вокруг нас, и того, который мы собираемся строить — иногда вразрез с неевразийскими тенденциями. *Мы — движение радикального и последовательного антиглобализма.* При этом мы не просто отрицаем глобализм, но указываем иной, альтернативный путь развития, включающий открытый, достойный и равноправный диалог культур. Глобализм в его нынешнем виде — это не диалог культур, это «монолог цивилизации», западной цивилизации, узурпировавшей — на гребне успеха от выигрыша «холодной войны» — право диктовать всему миру свою волю и свою систему ценностей. *Мы считаем, что мир завтрашнего дня должен быть иным: каждый народ и каждая культура должны активно и полновесно участвовать в работе образа будущего, а не быть ранжированными по униженной шкале — дозрели они или еще нет до «общечеловеческих» ценностей, то есть рыночной экономики, «прав человека» и демократии. Глобализм — это новая форма расизма, только на сей раз этот расизм не биологический, но цивилизационный, экономический, моральный, ценностный.* Как видите, отличий очень много. Ничего подобного на российском политическом поле нет. Сами эти тенденции по отдельности можно встретить и там, и там, но нигде они не возведены в ранг доктрины, мировоззрения, оформленного, осмысленного, связного. Мы — движение Идеи. Евразийской Идеи.

— **Вы говорите об особой, евразийской, или органической, демократии, построенной на качественном подходе, в отличие от демократии западной, учитывающей количественный подход. Не могли бы вы подробнее раскрыть этот тезис — в чем все-таки конкретное отличие евразийской и западной демократий? И какие конкретно**

механизмы должны действовать в модели евразийской демократии?

— Давайте обратимся к самым основам. Если «демосы» («народы») качественно различны, каждый имеет свою историю, свой опыт, каждый развивается в особом ландшафте, в определенных условиях, то почему их «кратос» («власть») должен быть чем-то универсальным? Разные народы создают разные политические системы, разные модели власти. Являясь разными, они по-разному правят собой, создают разные системы. В этом многообразии мира, истории. Западная демократия воплощает в себе опыт западных этносов, обобщает их историко-политический и социальный опыт. Это замечательно, но откуда берется убежденность, что это есть универсальный критерий? Что это политический оптимум? Она берется только из расистских по сути предпосылок, отождествляющих только западный сектор человечества с собственно людьми, а остальные народы приравнивающих к дикарям, недочеловекам. Идея универсальности западной демократии — идея нацистская. И тем не менее она прочно вбита нам в головы — мы некритически впитали ее как нечто само собой разумеющееся. Так нацизм незаметно поражает нашу душу, подавляет волю к критической мысли...

Евразийские народы имеют собственную историю. Для них, то есть для нас, само понятие «народ» — это не механическое собрание граждан, атомарных индивидуумов, но нечто цельное, нечто единое, коллективная («соборная») личность. Для Евразии общее идет прежде частного, для Запада — наоборот: частное создает условное общее. Органическая (или евразийская) демократия — это идеальный политический строй, основанный на историческом опыте народов. Он предполагает придание народам Евразии статуса политической субъектности («евразийский федерализм»),

представительство во властных инстанциях должно основываться не на количественном, но на качественном принципе — не население, но народ и народы должны решать судьбу государства. Причем народы Евразии различны, и формы исторического авторитета в каждом из них также различны. Где-то акцент ставится на общинном, где-то на социальном, где-то на духовном авторитете. Эта дифференциация лежит в основе многоуровневого представительства. Органическая демократия может существенно различаться в разных точках Евразии, но общий принцип таков — общегосударственной конструкцией должны править наиболее авторитетные, инвестированные глубоким и органическом доверием народа и народов люди, а не паяцы и шоумены в стиле «западной демократии», которые на евразийской почве смотрятся как отталкивающее уродство.

При этом органическая демократия не противоречит принципу личной власти — в частности, для русского народа фигура царя, как своего рода вершины соборной личности, естественно вытекала из всей национальной, религиозной и духовной истории.

Что касается конкретных механизмов, то о них пока говорить преждевременно. Сейчас важно привнести сами принципы в нашу политическую жизнь, озвучить их, показать, что представление о «западной демократии» как о чем-то безальтернативном является ложью и формой «интеллектуальной оккупации». Необходимо пробудить в людях творческое отношение к политике... Сейчас же они воспринимают все это как грязный спектакль с predetermined исходом. Самое главное в органической демократии: свою судьбу должен решать народ — свободно и суверенно, по ту сторону политического и экономического давления элитных групп, являющихся проводниками западных влияний.

С Запада стоит что-то черпать, но не как догму, а как объект размышления и критического рассмотрения. Пока такая ситуация в российском обществе не сложится, вся политика будет по большому счету духовным насилием.

— Хотелось, чтобы вы подробнее рассказали о концепции прав народов, в отличие от западной концепции прав человека.

— Это связано с предыдущим вопросом. Права народов — это международная юридическая норма, которая в последнее время резко уступает концепции прав человека. Если хотите, права народов — это ось евразийской юриспруденции, тогда как права человека — «боевой клич» глобализма, атлантизма и вестернизации. Выше я уже говорил, почему. Для Запада «народ» состоит из людей (граждан, индивидуумов), и если люди перегруппируются, например, переедут в другую страну, сменят гражданство, то они образуют другой «народ», так как «народ» в таком понимании есть нечто искусственное, оторванное от качественной природы. Для евразийства «народ», напротив, первичен по отношению к «индивидууму», «человеку». «Народ» и есть то, что делает «человека» «человеком». «Человек» сам по себе есть клон, голем, биоробот, механизм, машина. Все богатство жизни заключено в этносах, в языке, в культуре, в специфическом, всякий раз разным отношении к пространству и времени, к вызовам природы и истории... Начиная с Нового времени Запад встал на путь механического уравнивания народов, а США есть великий эксперимент по организованному стиранию этнического начала, тот самый *melting-pot*. Это искусственная цивилизация искусственных людей. Отсюда «права человека».

Права народа подразумевают самое главное: что народ имеет право сохранять свою идентичность, оставаться уникальным и самобытным, идти собственным

путем, что он должен быть защищен от размывания в агрессивной глобалистской эрзац-культуре, что он должен любой ценой сохраниться в истории. Все это не означает, однако, сегрегацию и миксофобию — народы подчас смешиваются, участвуют в этногенезе, чтобы сформировать иные народы, и так далее... Органическое смешение с другим народом — тот же элемент прав народа. Но никто не имеет права никого принуждать к этому искусственно.

Я думаю, что тема прав народов в скором времени выйдет на первый план в самой Европе. Как иначе французам, немцам или итальянцам сохранить свою идентичность в Евросоюзе, где постепенно упраздняются границы «государств-наций», которые служили до последнего времени этой идентичности? И тут Европа столкнется с той же темой, что и Евразия сегодня. Евразийский принцип прав народов станет актуальным и там, и у нас. Кто такой француз в Евросоюзе? Гражданин Европы? Хорошо. Но как ему осознавать себя французом, когда Франции как государства больше нет? Это возможно, только если французы станут этнополитической категорией — с соответствующим правовым оформлением. Для Евразии — и в малом (российском), и в широком (СНГ) масштабе — это столь же актуально. Кто такие русские в Казахстане? Казахи в России? Только граждане? Гости? Иностранцы? Мигранты? Оккупанты? В рамках полиэтнических систем права человека не являются панацеей — они лишь откладывают проблему, отдаляют ее решение. Русские — этнос Евразии. Казахи — этнос Евразии. И как этносы они должны быть признаны за самостоятельную категорию — вплоть до определенных форм коллективной ответственности: русские отвечают за русских, казахи — за казахов, татары — за татар, армяне — за армян. И в рамках своих этнических систем народы должны политически организовываться само-

стоятельно и естественно — то есть снова по принципу органической демократии.

— Как евразийская идея соотносится с этноцентризмом? Каким должен быть этноцентризм, чтобы соответствовать евразийской идее? Бывает ли этноцентризм позитивным и негативным?

— Этноцентризм — термин, пожалуй, неудачный. Евразийская полифония (многоголосье) народов — это нечто иное. Этноцентризм предполагает заикленность на этносе, тогда как в Евразийском Проекте первоочередным является надэтнический, цивилизационный, геополитический масштаб. Этноты — это жизненные компоненты огромного цивилизационного целого, которое, собственно, и есть Евразия как сложное единство. Там, где мы подходим к геополитике, полномочия этноса и этнизма заканчиваются. Этнос делегирует своих лучших представителей, свою наиболее универсальную элитарную часть в более общую, сверхэтническую инстанцию — в центр геополитической власти, где вырабатывается и осуществляется глобальная евразийская цивилизационная стратегия. И эта геополитическая инстанция является в отношении этноса высшим полюсом. Однако фундаментальное отличие евразийства от привычных моделей «государства-нации» (которое также претендует на то, чтобы быть высшей надэтнической инстанцией) в том, что этнос рассматривается не как нечто временное и подлежащее ассимиляции в «гражданском обществе», а, напротив, этнос воспринимается как колонна, остов, живой организм, на котором стоит геополитическая конструкция. Эта конструкция вбирает из этносов самое главное — пассионарность, жизненность, органичность, цельность, но эта цельность уже иного уровня.

Совершенно очевидно, что организация этносов в геополитическую евразийскую суперструктуру — дело

тонкое и непростое. Оно будет вполне внятно элитам, но индифферентно массам. В этом и есть самое главное: этнический фактор может тяготеть к «солипсизму», к безразличию, а то и к агрессивности в отношении других этносов или надэтнических геополитических проектов. И это тоже органическое свойство этноса, которое должно управляться через работу с элитами.

Примером такого соотношения могут служить древние империи, сочетавшие этническую автономию своих частей со стратегической централизацией. И инструмент был тем же — вовлечение национальных элит в управление целым. Императоры каких только кровей не правили Римом, Византией, Российской империей...

— **Вопрос конкретно по Казахстану. По этническому составу Казахстан уникален. Государствообразующий этнос — казахи — в силу исторических обстоятельств густо перемешан с другими этносами, главным образом со славянскими. Разделить их сейчас практически невозможно. Каким образом можно соблюсти права народов так, чтобы сохранить языковую и культурную автономию каждого народа, не производя при этом территориальных перемещений отдельных народов? Может ли быть у этого конгломерата общая национальная идея?**

— Общая для всех казахстанцев национальная идея может быть и есть. Это — евразийство. Впрочем, президент Назарбаев давно провозглашает эту линию. Сейчас, насколько мне известно, в этом направлении работают многие видные казахские политики — в частности, Балташ Турсунбаев.

Национальный состав Казахстана — прямое следствие предшествующей исторической стадии, которую можно назвать «советским евразийством». «Советский народ» мыслился как евразийская общность нового типа. Однако в силу определенных марксистских предрассудков, целиком и полностью вытекающих из общезападного атомистского просвещенческого подхода,

качественной стороне этногенеза, а тем более его культурно-духовной стороне внимания не уделялось. Поэтому межэтнические проблемы в СССР были не решены, но отложены, что заложило основу позднейшего распада и посеяло опасные ростки национальной розни. Просто так с русским фактором в Казахстане не разобраться. Я полагаю, что единственным приемлемым решением было бы построение Евразийского Союза с элиминацией внутренних границ и соответствующим признанием русских и казахов полноправными евразийскими этносами — политическими субъектами единой Евразии.

Что же касается территорий — то это самый главный вопрос. Если закрепить за этносом территорию, мы приходим не к евразийству, а к классическому «государству-нации» (даже в миниатюре), со всеми вытекающими последствиями. А государственность — это совсем другая история. Более того, евразийство в качестве своей осевой идеи имеет как раз императив преодоления буржуазного «государства-нации» во всех его вариациях. Государство есть результат отчуждения этноса от его витальности и спонтанности в пользу механической конструкции. Даже если государство создается каким-то одним этносом, оно в дальнейшем обязательно начнет этот этнос разлагать, смешивая его с иными, дробя на «гражданские атомы», расчленяя на «автономных индивидуумов». И это будет всегда, даже если мы начнем имитировать государственность в полусуверенных образованиях — таких, как республики в составе РФ. Поэтому смысл евразийства в том, чтобы юридически отделить этнос от конкретной территории. Этнос может пребывать и распространяться там, где это естественным образом складывается. Но он подлежит юрисдикции как политический субъект независимо от того, на какой территории он находится — в местах компактного исторического проживания или вдали от них. В Евразийском Союзе вопрос о русских

и казахах будет немедленно снят. Административные границы утратят свое разделяющее значение, станут условностью, отвеченной от конкретного политического или этнического содержания.

Что же касается сохранения автономий и языковых культур, то это должно быть первоочередной заботой самого евразийского центра. Это должно быть основным содержанием Евразийского Союза, его отличительной политической характеристикой. Причем мы видим, что язык не всегда развивается и сохраняется в контексте его доминирования — часто малые общины, живущие вне этнического контекста, консервируют культуру и язык в чистом виде (как русские староверы, например). Культивировать этническую автономию следует на всей территории Евразии. Казахи, проживающие в Москве или Омске, должны иметь такую же возможность обучать своих детей родной речи, культурным обычаям, вере отцов, как и те, кто живет в Казахстане. И гарантировать это должна евразийская власть всей своей геополитической мощью. Это и есть права народов как фундамент евразийства. Точно так же дело обстоит и в случае русских — где бы они ни жили...

— Ваше движение определяет общие основы для консолидации нескольких конфессий. Если в отношении Православия, ислама и буддизма все ясно, то в отношении иудаизма возникают вопросы. Может ли религия, основанная на богоизбранности народа, ее исповедующего, найти что-то общее с религиями, построенными не на этническом факторе?

— Догматические противоречия между Православием, исламом, буддизмом и иудаизмом в равной степени неснимаемы. Попытка примирить их на этом уровне катастрофична для этих религий и невыполнима. Поэтому базой для межконфессионального диалога евразийство выбирает не догматику, которая и в случае иудаизма, и в случае других конфессий несводима к универсальной форме, но общность интересов всех традиций перед

угрозой глобальной секуляризации и отказа от религиозности вообще, ее растворения. У религий есть неснимаемые противоречия. Но есть и нечто общее — общий враг, секулярный глобализм западного, американоцентричного образца. Когда такого врага не было, межрелигиозные противоречия были в центре внимания (правда, не везде и не всегда). При наличии общего врага — отрицательного знаменателя — традиционные религии получают новую базу для сотрудничества и союзничества. В этом — смысл евразийства.

Каждая религия, не только иудаизм, претендует на монополию на истину и не может от этого отказаться. Но секулярный глобализм агрессивно (или мягко) распыляет все эти претензии. И иудаизм в его традиционалистской версии является жертвой этого процесса так же, как и Православие или ислам. Глобализация готова принять только «реформированные» версии религий, их эрзацы, искаженные в угоду нормам «прав человека», «толерантности», «политкорректности», «антисексизма» и т. д. Открытое общество глобализма отрицает саму возможность «догматики», утверждая, что истина есть переменчивый и относительный продукт коллективного договора. Это означает, что традиционные религии в глобализме обречены. Наиболее ответственные и последовательные представители традиционных конфессий это прекрасно осознают и сознательно примыкают к евразийству (или взаимодействуют с ним). Традиционный иудаизм здесь не исключение.

— Ваши евразийские идеи вызывают уважение, но они полностью понятны только весьма продвинутым гражданам. Как сделать понятными ваши идеи большинству населения? Планируете ли вы создать более простой уровень «понимания евразийства», доступный практически любому гражданину?

— Это очень важная тема. Известно, что самые доходчивые школьные учебники по физике написаны гигантами этой науки и нобелевскими лауреатами. Поэ-

тому, когда доктрина евразийства или, точнее, уже не-евразийства окончательно сложится в теоретическом плане, мы же сами и займемся ее адаптацией к широким массам. Это не может быть иначе, так как скоропалительное стремление быть доходчивыми погубит чистоту идеи, которая находится в стадии созревания. Это как с рождением ребенка — пока он не доношен, его смертельно опасно высвободить из утробы. Мирозозрение должно созреть, иначе будет очередной китч. Есть любители погреть себе руки на евразийстве, и наверняка будут еще. Но эта шелуха отпадет. Не стоит и недооценивать народ. Он изголодался по идеям и мыслям, он захлебывается тошнотворной тоталитарной агрессией рекламного шоу-идиотизма. Его воротит от бесконечного рециклирования одних и тех же бессмысленных личностей, бессвязных персонажей, от марки лака для ногтей Хакамады или очередного похождения Жириновского по стрип-барам. У нас далеко не все люмпены, и многие стойчески противятся интенсивному одурачиванию через СМИ. Сейчас мы, Евразийское движение, обращаемся к думающим людям. Их не мало. Совсем не мало... И вместе с ними шаг за шагом, тестируя готовность к усвоению идей и отработывая обратную связь, мы будем постепенно упрощать наши идеологические и политические установки.

— И последний вопрос на злобу дня. Как бы вы могли прокомментировать все последние события, случившиеся после 11 сентября, особо остановившись на Центрально-Азиатском регионе? Какие у вас прогнозы по центрально-азиатским республикам и, в частности, по Казахстану?

— Теракт ударил по американцам. Но ответили они в духе глобалистского колониализма — не столько по террористам, сколько по своим планетарным стратегическим антагонистам — то есть по нам, по Евразии. Мы не угоняли самолеты и не взрывали башни, а получили расширение пояса «анаконды» в Средней Азии, и сегодня стратегические силы США рвутся на Кавказ. Такое впечатление, что США цинично использовали

трагедию своих людей как повод для нового витка стратегического захвата Евразии под отвлекающей внимание риторикой «борьбы с международным терроризмом». Цепкий и практичный англосаксонский ум умеет использовать свои стратегические креатуры — бен Ладена, «Аль-Каиду», исламский фундаментализм — во всех позициях: атлантисты взрастили и экипировали эти структуры для борьбы с СССР в Афганистане и для противодействия просоветским режимам в арабском мире, а когда те стали утрачивать актуальность, воспользовались ими еще раз, но только выставив их как врагов. *США руководствуются не эмоциями и не гуманитарной риторикой — но строго и последовательно только геополитикой. Геополитика же основана на постулировании конфликта между Сушей и Морем, Евразией и Атлантикой.* И атлантисты всегда последовательны в этом — любую ситуацию они поворачивают к своей пользе. Евразийство же должно действовать симметрично: настаивать на сближении стран СНГ, на создании мощного Евразийского Союза. Геополитическая конъюнктура в Азии после 11 сентября 2001 года изменилась не в нашу пользу. Это следует признать. Это неприятно, но от США ничего другого и не следовало ожидать. Они верны себе. Мы тоже должны быть верны... но только не им, а Евразии.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ПРОГРАММА

Евразийство как мировоззрение и политическая философия

Евразийство — *политическое учение, утверждающее, что Россия представляет собой не просто одну из стран, но особую, не имеющую в мире аналогов цивилизацию, в которой нераздельно переплелись западные и восточные, европейские и азиатские черты. Евразийство подчерки-*

вает, что к паре Запад-Восток должна быть добавлена третья сила — Россия-Евразия.

Евразийство настаивает, что у России, ее народов особый исторический путь.

Самобытность России — русской истории, государственности, культуры, духовности — расценивается евразийством как высшая ценность.

Понятие «Евразия» не просто описывает географический факт, но указывает на особую уникальную разновидность цивилизации — подобно тому, как понятия «Европа», «Запад», «Азия», «Восток» означают не просто географические реалии, но особые исторические, духовные, социально-политические формации.

Под «Евразией» в зависимости от контекста можно понимать различные вещи.

Термин «Россия-Евразия» или «Россия (Евразия)» означает Россию (сегодняшнюю РФ), но понятию не как законченное «государство-нация», а как *ядро геополитической интеграции*. Это *геополитическое определение России*, учитывающее ее стратегический, цивилизационный и интеграционный потенциал.

«Евразийский Союз» — будущее объединение стран СНГ в единую геополитическую, стратегическую, экономическую и политическую структуру.

ЕвразЭС — страны СНГ, подписавшие (РФ, Казахстан, Беларусь, Таджикистан, Киргизия) или готовые подписать (Украина, Молдова, Армения) договор об образовании «Евроазиатского Экономического Содружества», страны СНГ, уже вставшие на путь более тесной евразийской интеграции.

Евразийство есть «научный патриотизм», ставящий своей главной задачей укрепление, возрождение, процветание, величие и благополучие России.

Евразийство не только охранительное учение, призывающее укрепить и отстоять самобытность цивилизации перед лицом вызова глобализации, давления как с Запада, так и с Востока. Евразийство настаивает на

том, что российская цивилизация обладает универсальной, вселенской миссией.

Вся диалектическая и драматическая судьба Евразии состоит в выковывывании этой универсальной вселенской формулы.

Евразийство имеет почти вековую историю. Его основатели (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, Н. Н. Алексеев, В. Н. Ильин, Я. Бромберг, Э. Хара-Даван, П. П. Сувчинский, Л. П. Карсавин и т. д.) первыми осознали и выразили в ясных терминах особость уникального пути России как *отдельной цивилизации*.

Евразийство сегодня:

- это возрождение планетарного величия России (перед лицом тех сил, которые стремятся любой ценой лишить нас его);
- это утверждение духовности в основании цивилизации и культуры (в противовес потребительству, цинизму, эгоизму и философии наживы);
- это государственное устройство, основанное на справедливости, чести, нравственности (перед лицом коррупции, стагнации, власти капитала и олигархических кланов);
- это возрождение народов и национальных культур (перед лицом космополитического глобализма);
- это восстановление единого Евразийского Союза на основе стран СНГ и ЕвразЭС (перед лицом отдаления братских народов и угрозой распада самой России по национальному и территориальному признакам);
- это укрепление и возрождение обширных земель России, развитие регионов и новая активная демографическая политика (перед лицом деградации и опасных тенденций неупорядоченных и деструктивных процессов бесконтрольной миграции);
- это восстановление оборонной мощи России (перед лицом упадка Вооруженных Сил и ВПК, бездумно-

го и самоубийственного разоружения, грозящего утратой основ национальной безопасности);

- это активная геополитическая инициатива по организации новых стратегических блоков и альянсов со странами Азии и Европы (перед лицом окончательной утраты советских внешнеполитических традиций и бесперспективного, губительного для страны безвольного курса в фарватере Запада);
- это жесткое противостояние процессу однополярной, американоцентричной глобализации (перед лицом ее расширения);
- это проект континентальной интеграции в единое стратегическое и экономическое пространство (перед лицом назревающих конфликтов с некоторыми соседями России на юге и на западе);
- это новый принцип формирования элит, основанный на отборе людей по принципу личных достоинств и качеств (перед лицом засилья коррумпированной бюрократии, криминализации и приватизации властного ресурса);
- это возврат в общенародное пользование природной ренты (перед лицом ее присвоения узкой группой социально и национально безответственных лиц);
- это межконфессиональная и межэтническая гармония на базе приоритета традиционных конфессий и «общеевразийского национализма» (перед лицом тлеющих и зреющих религиозных и этнических конфликтов и столкновений);
- это приоритетное развитие регионов с учетом социальной, промышленной, экологической, стратегической, этнической и культурной специфики каждого из них (перед лицом как местничества, так и безраздельной диктатуры федерального центра);
- это консолидация различных сил общества независимо от их политических и партийных предпочтений в критический для истории народа и Государства момент (перед лицом отчуждения и розни, разномыслия и конфликтов);

- это поддержка сильной вертикали власти (перед лицом падения ее авторитета и державоразрушительной коррупции);
- это возрождение этнических культур и традиций всех народов России и прежде всего русского народа, ставшего главной жертвой героических державостроительных усилий предыдущих эпох (перед лицом нравственного и культурного разложения, забвения и осмеяния собственных корней, нагнетаемого массовой псевдокультурой и глобалистски ориентированными СМИ);
- это экономика «третьего пути», модель, основанная на сочетании государственной, общественной и частной форм собственности, где все они ориентированы к общей цели — общенародному процветанию (перед лицом безысходной полемики между разрушительным догматическим либерализмом и исторически проигравшим и столь же догматическим марксизмом);
- это новый подход к промышленному развитию и научному прогрессу исходя из духа традиций и экологических принципов (перед лицом экологической катастрофы и перспективы человечества превратиться из хозяев техники в ее рабов);
- это постановка естественных ценностей жизни над искусственными продуктами механических рассудочных схем и технологий (перед лицом «виртуализации» и симуляции жизни в стилистике постмодерна, навязываемой Западом и глобализмом);
- это утверждение фундаментальных «прав народов» (перед лицом исключительного значения «прав человека» в либеральной идеологии и классового подхода марксистов — так как в обоих случаях отрицается политический статус этноса);
- это возрождение этики здорового и творческого труда (перед лицом фиктивного капитала, спекулятивного сектора и переразвития сферы услуг в ущерб производству);

- это путь в наше будущее при равнении на величие нашего прошлого, это восстановление эстафеты поколений (перед лицом пессимизма и забвения, череды потерянных поколений, растерянности и цинизма).

Сегодня евразийство является уже не только мировоззрением, философией, совокупностью пронзительных интуиций, наитием светлого вдохновения, но и полноценной политической платформой.

Евразийство и внутренняя политика

Укрепление вертикали власти в стратегической и правовой сферах

Евразийское движение предполагает во внутренней политике следующие ориентиры:

- возрождение обороноспособности страны;
- приоритет национальной безопасности над всеми остальными критериями;
- эволюционную трансформацию политической системы России от либерал-демократического типа к евразийской федерации.

Евразийская федерация — новое понятие, отличающееся от классического буржуазного «государствования», как отличаются от него древние империи или современный Евросоюз.

Евразийская федерация предполагает два уровня управления — *стратегический (геополитический)* и *этно-федеративный*.

На стратегическом уровне установлена жесткая надэтническая унифицированная *централистская система управления*, аналогичная модели управления силовыми министерствами и ведомствами. Этот уровень связан с управлением всем геополитическим механиз-

мом, включающим как собственно РФ, так и стратегические пространства, входящие в евразийскую зону, и комплектуется из федеральной элиты, образующей «геополитическую администрацию».

В ведении «геополитической администрации» находятся только те сферы жизни, которые напрямую затрагивают вопросы обороноспособности, безопасности, территориальной, экономической, транспортной, информационной интеграции, а также правовые вопросы, связанные с межэтническими отношениями.

Руководство «геополитической администрации» сосредоточено в руках Президента Евразии, Совбеза Евразии, Администрации и Госсовета Евразии.

Территориально-административное деление России (в дальнейшем — Евразийского Союза) основывается на *стратегических округах* (исторические аналоги — воеводства, губернии, современные федеральные округа). Конфигурация стратегических округов зависит от геополитической структуры и интересов национальной безопасности и никак не связана с этническими, конфессиональными и экономическими особенностями регионов.

На втором уровне *главным политическим субъектом является этнос* (или автономия).

Этнос (народ) должен быть признан *главным политическим субъектом*. Во всех вопросах, не затрагивающих стратегический и геополитический контекст, этносам (народам) должна быть предоставлена максимальная степень свободы в самоорганизации и самоуправлении.

Ни один народ не имеет права навязывать другому народу свои этические, культурные, правовые, конфессиональные, языковые, нравственные установки.

Этносы организуют систему самоуправления и правовые нормы в соответствии со своими историческими и культурными традициями — в этом вопросе допускается самая широкая свобода выбора. Этносы могут в

своих пределах создавать различные политические системы — как выборно-демократического, так и династически авторитарного или религиозно-харизматического толка.

Полномочные и авторитетные представители этносов (или их политические руководители) формируют представительную *Евразийскую Ассамблею* (Евразийский Собор). Это структура однопалатная, в чем-то аналогичная нынешнему Совету Федерации и Госсовету.

Этносы, образующие совокупность политических субъектов Евразии, не имеют юридических прав на распоряжение по своему усмотрению землей (территориями), управление которыми находится в единоличном ведении «геополитической администрации». Ни при каких обстоятельствах этносы не имеют права отчуждать территории (даже в областях компактного проживания) от общего пространства России (Евразии), в будущем — от пространства Евразийского Союза. Вместе с тем этносы имеют право проживать компактно или в рассеянии (компактное проживание считается приоритетным) на всей территории России (Евразии), но с иными принципами представительства, не по территориально-административному, а по этническому признаку, особенно там, где это освящено историческими традициями и складывается *естественным путем*.

Вмешиваться в вопросы расселения этносов «геополитическая администрация» может только тогда, когда это затрагивает вопросы стратегической безопасности.

Эволюция Государства в евразийском ключе

Строительство новой евразийской государственности является *основной целью и задачей евразийства во внутренней политике*.

Евразийство предполагает постепенную эволюцию Государства (как исторически обусловленной феодаль-

но-буржуазной формы политической организации людей) в направлении иной модели — которую условно можно назвать «*демократическая империя*», «сверхгосударство», «государство-мир» (*impregium*), «эйкумена».

Государство исторически было продуктом политического отчуждения этносов (народов) от их жизненной исторической и органической основы. Созидательная энергия народов создавала Государства, потом застывала и остывала в них, а потом механическая природа Государства, в свою очередь, нивелировала и угашала народ и народы, его породившие.

В высшей своей части Государство выполняло позитивные функции — обеспечения стратегического и геополитического единства, создания силового каркаса, позволявшего народу и народам защищаться от внешних угроз и регулировать внутренние межплеменные и социальные раздоры. В этой своей функции Государство тяготеет к постоянному расширению, что обуславливает переход от городов-государств к государствам-территориям и, далее, к государствам-континентам. Евразийский Союз ставит перед собой задачу построить именно такое «государство-континент».

Военно-стратегический, унитарный характер силовой оборонной функции Государства неизменно переходил свои законные и оправданные границы, распространя бюрократический, абстрактный характер на все общество. Если принцип индивидуальной ответственности и дисциплины необходим для военно-административной организации и там оправдан, в живых органических этнических коллективах он, напротив, *губителен и разрушителен*, так как разлагает общинное, коллективное чувство солидарности и неповторимый дух *коллективного соборного организма*.

Любое Государство всегда шире, чем этнос, всегда включает в себя группы меньшинств, а следовательно, несет в себе принцип насилия и подавления. Причем насилию и подавлению подвергаются не только мень-

шинства, но и этническое большинство, которое постепенно (подчас незаметно) становится *жертвой отчужденной государственной бюрократии*, при этом сплошь и рядом этнический или конфессиональный состав этой бюрократии серьезно отличается от основной массы населения.

Евразийство решает эту политическую теорему через *разведение этноса и геополитики*. Государство-континент, «государство-мир», «демократическая империя» признается позитивной моделью стратегической интеграции. Но этот централистский уровень четко отделяется от этнической стихии, и геополитическое государство вместо «государства-нации» становится *Государством Наций (Народов)*.

Евразийство включает в себя оба понятия — *геополитическую интеграцию* («государство-мир») и *этническую дифференциацию* («политический этнизм»), причем эти реальности не противопоставляются, но гармонично дополняют друг друга. Это решение позволяет сочетать *позитивные* стороны и государства, и этноса (стратегические функции и органическую жизненную энергию) и отказаться от *негативных* аспектов (бюрократическое отчуждение, механистичность принципа «гражданской индивидуальности» и беззащитность этноса перед лицом внешних угроз).

Постепенное упразднение политических партий

Евразийство исходит из того, что *партийная форма демократии*, свойственная определенным историческим этапам буржуазной государственности, *не отвечает ни вызовам современности, ни евразийским традициям, основанным на органическом единстве, соборности и освящении принципа авторитарной власти*. Вместо партийной механической модели демократии, где партии основываются на *общности интересов*, евразийство предлагает *органическую (соборную) демократию*, основан-

ную на волеизъявлении авторитетных представителей этносов (и иных форм евразийских автономий).

Партии разъединяют общество, политические объединения по практическим интересам нестабильны и не соответствуют букве и духу политической истории России (Евразии). Периоды буржуазной партийной демократии в России эфемерны — партии либо отвергаются, либо перерождаются в иные политико-административные структуры (КПСС).

Правовые реформы в евразийском духе

1. Право, как и культура, ценностная система или разновидность рациональности, не есть нечто универсальное и всеобщее — это продукт вполне конкретного исторического опыта. А этот опыт, естественно, в случае каждого конкретного народа *различается*.

2. Евразийское движение считает важнейшей политической задачей постепенное проведение *обширной правовой реформы*, приводящей систему законодательства к соответствию основным требованиям евразийства.

3. Евразийское право основывается на четком разделении двух сфер, которые в европейском и римском праве нераздельно слиты.

Евразийство предполагает постепенное *реформирование правовой системы современной России*. Существующая модель права представляет собой кальку с либерально-демократических режимов Запада без учета своеобразия исторического опыта России. Одна жесткая и произвольная в отношении российского культурного наследия модель советского права была столь же революционно и стремительно заменена другой — такой же произвольной. Современное российское право является весьма далеким от евразийства, отражая в юридических нормативах опыт совершенно иных народов, государств и культур, устойчиво и последова-

тельно развивавшихся в границах римского права и его новоевропейских модификаций.

Россия же всю свою долгую историю ориентировалась на совсем иные правовые формы, отражавшие ее культурную, духовную и религиозную самобытность.

С одной стороны, существует «административный кодекс», регулирующий жизнедеятельность евразийского «сверхгосударства» — «государства-мира» (*impregium*), «демократической империи». Этот правовой уровень отчасти соответствует современному гражданскому и уголовному праву, распространяясь на всех без исключения субъектов. Речь идет о своде общеобязательных законов, регулирующих устройство всей евразийской системы. «Административный кодекс» закрепляет юридический статус Евразии как *единого политического целого*, описывает полномочия властных структур и институтов, имеющих общеевразийский масштаб, а также основные правовые параметры, связанные с обеспечением обороноспособности и безопасности, определяет порядок судебных разбирательств и арбитража. Однако самое большое и кардинальное отличие от римского права в этой системе состоит в том, что *субъектами этого права* являются не отдельные граждане, а *коллективы* (этносы и иные формы коллективных автономных единиц).

«Административный кодекс» регулирует систему правовых отношений между народами и «геополитическим целым» («демократической империей»), устанавливает границы свобод, прав и обязанностей этносов (и других автономных коллективов) перед «геополитической администрацией» и друг другом. Это же право описывает основные параметры решения юридических споров и арбитража между отдельными субъектами.

«Геополитическая администрация» представляет собой отдельную юридическую категорию, чей статус особо оговорен в «административном кодексе» и в целом совпадает с нормами римского права, рассмат-

ривающего в качестве субъекта гражданского индивидуума. Но в общей системе евразийского права эта категория лиц является исключением, так как *остальные индивидуумы подчиняются не универсальному, а этническому праву.*

Второй правовой уровень предполагает дифференцированный подход, и *каждое этническое сообщество имеет возможность разработки своей правовой модели,* основанной на исторических, этнических, культурных и религиозных традициях. При этом внутриэтническая правовая система не должна противоречить нормативам «административного кодекса» или содержать элементы, заведомо неприемлемые для правовых систем в межэтнических отношениях.

При таком подходе русский народ сможет воссоздать оригинальную правовую систему, учитывающую религиозные (православные), нравственные, политические и иные традиции, сделав их основой нормативных актов, распространяющихся на русское население и на всех тех, кто по своему волеизъявлению решит примкнуть к русскому этническому организму. Точно такой же принцип применим и ко всем остальным народам России (Евразии). Определение этнической принадлежности должно быть совершенно добровольным.

С помощью такой двухуровневой правовой системы решаются следующие принципиальные задачи:

- сохранение, укрепление и развитие этнической идентичности каждого народа;
- гарантии того, что развитие этнического начала одного (большого) народа не будет негативно влиять на этническое самосознание других (малых) народов;
- обеспечение высшего универсального правового уровня («административный кодекс»), который гарантирует как геополитическое единство целого, так и наличие референтной инстанции при возникновении правовых коллизий в межэтнической сфере.

Полномочные представители этносов (или главы) образуют состав «Евразийской Ассамблеи», которая взаимодействует с высшими руководящими органами «геополитической администрации» и ее главой (Президентом Евразии).

Более подробно правовая система изложена в проекте Евразийской Конституции.

5 основных направлений Евразийского движения

Евразийское движение основывает свою деятельность на 5 основных принципах:

- геополитический (стратегический) централизм;
- социальная ориентация;
- союз традиционных конфессий;
- «общеевразийский национализм» («евразийская симфония народов»);
- регионализм («реальная страна»).

Укрепление геополитического (стратегического) централизма

В нынешней ситуации суверенность России (Евразии) находится в шатком состоянии. Единству Государства брошено множество серьезных исторических вызовов.

Само существование Российской Федерации (как основного ядра грядущей евразийской интеграции) является результатом не *созидательного*, но *разрушительного* процесса, представляя собой некий механический остаток более масштабной геополитической конструкции — стратегического пространства Варшавского договора и СССР. Тенденция геополитического сжатия страны является следствием совокупности внешних и внутренних факторов. За это ответственны как внутренний кризис советской политико-экономической,

социальной и мировоззренческой систем, так и внешнее давление стратегических структур стран, принадлежащих к конкурирующему идеологическому блоку. Компетентные и ответственные стратеги Запада и США (в частности, З. Бжезинский) не скрывают, что они заинтересованы в продолжении процесса геополитического сжатия России, предрекая ей и подспудно предуготовляя ее дальнейшее дробление и пристрастно предостерегая от попыток возрождения того, что они высокомерно именуют «имперскими амбициями».

С распадом СССР не прекратились ни внешнее давление (воплощенное в продолжающемся расширении НАТО на Восток), ни хаотические и центробежные процессы во внутренней политике. Все эти факторы делают положение современной России нестабильным и хрупким, бросают серьезный вызов нашей обороноспособности и национальной безопасности.

В такой ситуации историческим императивом является необходимость усиления центростремительных тенденций, укрепление стратегического единства, жесткое противодействие сепаратистским процессам и, напротив, *режим максимального благоприятствования всем инициативам интеграции.*

Вертикаль власти нуждается в *укреплении*, административный ресурс — в *немедленной консолидации*, управление страной должно быть организовано исходя из *приоритетности решения геополитических задач* прежде всех остальных. *Именно геополитика должна лежать в основании всех основных направлений государственной политики.* Никакие мнимые и даже реальные достижения в отдельно взятых областях не могут компенсировать тот ущерб, который наносится стране, народу, государству, цивилизации, Евразии в целом в результате понижения геополитического статуса. Стратегическая мощь, обороноспособность и национальная безопасность державы не должны ставиться под вопрос ни в каких политических контекстах или партийных дис-

куссиях. Все политические тенденции и процессы, все партийные, социальные, общественные, религиозные и национальные объединения, ориентированные на разрушение геополитической мощи России (Евразии), ведущие к сепаратизму, должны быть поставлены *вне закона*.

Роль силовых министерств и ведомств в нашем обществе должна быть существенно *повышена*, так как страна переживает очень сложный, решающий, судьбоносный исторический момент, когда ничто не гарантирует остановки процессов геополитического разрушения, не обеспечивает надежного сохранения имеющегося масштаба и дальнейшей геополитической интеграции. Именно под стратегическим (геополитическим) углом зрения следует на настоящем этапе рассматривать основные внутривластные процессы — в том числе социальные, экономические, духовные и культурные.

Обеспечение геополитической целостности России является основной функцией процесса укрепления властной вертикали, усиления значения института президентства. Эта тенденция отвечает основным задачам евразийства в области геополитики. Евразийство ратует за сильную и справедливую власть.

Введение федеральных округов должно отвечать основной геополитической задаче — служить *скрепами политического пространства*. Важно, чтобы именно геополитические задачи полномочных представителей президента РФ в федеральных округах были осознаны, формализованы и юридически закреплены. Территориальные (земские) образования — нынешние республики, области и края — должны иметь свои представительства в округах в качестве полноценной юридической структуры. Евразийское движение рассматривает нынешние федеральные округа как прямой прообраз «стратегических округов» — основы евразийской геополитической конструкции.

Структура Государственного Совета в настоящий момент не имеет ясного функционального профиля, дублируя в основных моментах Совет Федерации (верхнюю палату парламента).

Евразийское движение ставит своей целью заменить обе эти структуры «Евразийской Ассамблеей», являющейся палатой представителей этносов и автономий России (Евразии). Государственная дума в нынешнем ее формате отражает искусственную модель буржуазно-партийной демократии и подлежит постепенной трансформации. Представительские функции постепенно перейдут к «Евразийской Ассамблее», а разработкой законов будут заняты профессиональные экспертные группы, формируемые по признаку компетентности (а не партийности). Формирование этих групп должно находиться в компетенции «геополитической администрации» с учетом рекомендаций «Евразийской Ассамблеи».

На переходном этапе в целях усиления геополитической консолидации общества важно достичь в пределах Государственной думы «евразийского консенсуса», определив теоретические пределы для межпартийных дискуссий рамками того, что не противоречит основным направлениям геополитического развития России (Евразии). Межпартийные парламентские дебаты могут разворачиваться лишь вокруг тех проблем, которые не затрагивают напрямую стратегических и геополитических интересов России. Пространство парламентских дебатов должно быть ограничено. Изложение атлантистских, антинациональных (а также расистских, шовинистических и фанатических) позиций, сам факт наличия в Государственной думе партий, фракций и отдельных депутатов, открыто отрицающих свою лояльность Отечеству, стране и народу, а также экстремистских сил должны быть исключены.

Социальная ориентация

Евразийское движение придерживается *социальной ориентации*. Мы ставим *общественные интересы, задачи целого выше интересов и задач частного и индивидуального*. Дух Евразии — это соборный дух. Представление о том, что эгоизм может быть моральным, что благополучие меньшинства должно быть оплачено страданием большинства, противоречит этическим основам, свойственным как русскому народу, так и другим народам Евразии.

Либеральная модель общества, основанная на «разумном эгоизме», индивидуализме, свободе частного предпринимательства, священном характере частной собственности, сложившаяся на Западе, отражает совершенно иную систему ценностей, иной исторический, хозяйственный, политический и социальный опыт, нежели путь развития евразийской цивилизации.

Частное предпринимательство, частная собственность, деловая активность, рыночные механизмы — все это присутствует и органично вписывается в евразийские представления об экономике, однако вместе с тем это ни в коей мере не *отождествляется с основой ценностной системы*, не носит морального, догматического, ценностного, программного характера. Институт частной собственности в значительной мере естествен, рыночные механизмы эффективны, а дух предпринимательства несет в себе динамику и развитие. Признавая все это как факт, евразийцы отказываются возводить его в абсолют, превращать в догму, считать панацеей на все случаи жизни.

Истинными и высшими ценностями евразийского общества являются *справедливость, солидарность, взаимопомощь, забота сильных, счастливых и удачливых о сирых, слабых, несчастных и больных*. В отличие от марксистов, евразийцы были уверены, что заботу о благополучии и поддержке широких слоев должны брать на

себя не только «пролетарии» и их партия, но само Государство и общество в целом, в том числе и частные предприниматели. Отсутствие социальной активности, широкой благотворительности и спонсирования социальных программ со стороны представителей частного сектора в евразийском обществе должно сопровождаться *общественно-политическим остракизмом*. В наиболее тяжелых случаях успешные частные предприниматели, упорно отказывающиеся от добровольного перераспределения богатств в пользу неимущих и обездоленных, могут поражаться в гражданских правах. Факт обращения богатства только на *индивидуальные нужды* в евразийском обществе может превратить человека в изгоя.

Евразийское общество настаивает на жестком разведении *богатства* и *социального статуса*. Высокое место в общественной иерархии предоставляется только самым достойным, отличившимся в деле общественного служения. Имущественный ценз, а тем более коррупционные модели осуществления социальной карьеры категорически исключаются. Каждый достойный человек любого происхождения, любой национальной и социальной принадлежности, доказавший свои способности, решимость и готовность трудиться на общественное благо и приносить на этом поприще пользу, может занимать в общественной иерархии сколь угодно высокое место.

Индивидуальные благополучие и процветание станут полноценными только *при условии разделения их с другими членами общества*.

В социальной сфере евразийство предполагает общеобязательную этику солидарности и взаимопомощи.

Вопросами социальной поддержки должны заниматься различные инстанции: Государство, руководство автономий и региональной администрации, частно-предпринимательские структуры, специализированные

социальные фонды и объединения, локальные кредитные институты (малые «социальные банки»).

Создание социального общества солидарности и взаимоподдержки является конечной целью евразийства. В данных переходных условиях в России Евразийское движение выдвигает требования:

- сохранения социальных институтов социалистического общества в областях образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, жилищно-коммунального хозяйства, тарифов на энергоносители, поддержки многодетных семей, инвалидов, молодежи (евразийцы расценивают эти достижения социалистической советской системы *как важнейшие и позитивные завоевания*, которые следует любой ценой сохранить, развить, укрепить, придать им новую жизнь);
- повышения процента отчислений из федерального бюджета в социальную сферу;
- пропаганды установления в обществе духа братства и солидарности, этики взаимопомощи и взаимоподдержки, жесткое противодействие внедрению циничной «этики» торжества частнособственнических начал, духа наживы, закона «экономических джунглей», торжества удачливого и сильного над несчастным и слабым;
- создания сети фондов, призванных (под жестким финансовым контролем) аккумулировать средства для осуществления социальных программ;
- разработки программ для крупных, средних и мелких предпринимательских структур, направленных на перераспределение бремени социальных программ с государственных структур на структуры частного бизнеса (с использованием инструмента налогообложения и системы иных льгот);
- системы повышенной и приоритетной социальной защиты военнослужащих и их семей;

- поддержки развития образования, науки;
- возрождения профсоюзных организаций, повышения социальной защиты человека труда.

Солидарность традиционных конфессий

Евразийское движение является социальной, интеллектуальной и политической платформой для диалога, взаимодействия и выработки совместной стратегии традиционных конфессий. Важнейшая задача евразийства в этой области — предотвращать в зародыше любые межконфессиональные трения, настаивать на солидарности, братской любви и мире между верующими различных традиционных конфессий.

Евразийцы считают, что последовательные патриоты и настоящие полноценные граждане нашего Отечества должны исповедовать одну из традиционных религий. Евразийское движение — движение традиционалистов, верующих людей или (по меньшей мере) тех, кто находится на пути к традиции.

Межрелигиозные конфликты выгодны сегодня только тем силам, которые хотят покончить с традицией, выбить у Евразии духовное оружие, обречь всех нас на слепое странствование в лабиринтах догадок и гипотез вместо солнечной уверенности, даруемой Верой.

Евразийство исходит из представления о том, что полноценное духовное мировоззрение и органическое, исторически укорененное общество могут строиться только *на основе учения традиционных конфессий*, которыми для России (Евразии) являются Православие, ислам, буддизм, иудаизм, другие культы древних народов континента.

Традиционная религия и ее взгляд на судьбы мира и человека, на баланс духовного и материального, временного и вечного, на начальные и конечные этапы развития лежат в основе понимания евразийцами основных мировых, социальных, политических и куль-

турных процессов. Идеология евразийства создавалась, развивалась и укреплялась *глубоко верующими людьми*, привнесшими эту веру во все свои философские, социальные и даже хозяйственно-экономические теории.

Религию евразийцы понимают не как дань прошлому, но как *непреодоляющий источник истины и добра*, как обращенный ко всем живущим призыв возвести свой взгляд от суеты ежедневных забот и проблем к небесным мирам духа и света.

Не раз традиционные религии признавались «пережитками», «анахронизмом», формальной данью истории, чем-то несущественным и второстепенным, преодоленным, устарелым. Но новомодные доктрины и теории, философии и учения, претендовавшие на то, чтобы заменить собой веру отцов, сами превратились в прах, а древние институты подлинной Веры как стояли, так и стоят, и «врата ада не одолеют их».

Евразийство считает, что традиционные конфессии Евразии должны сегодня заключить *стратегический союз* перед лицом секуляризации, глобализма, наступления сект, экстремальных проявлений «новой религиозности», разрушения основ Веры, культа, традиций, нравственности. Все эти вызовы направлены *против каждой из традиционных конфессий* по отдельности и против всех них вместе. Если в другие эпохи на первый план в межрелигиозной сфере выходили (и то далеко не всегда) догматические противоречия между традиционными религиями, то сегодня все они находятся в одинаковой опасности, теснимые безбожным миром или потоком темной и смутной, хаотической «новой религиозности».

Евразийцы настаивают на возвращении к Вере отцов, к Богу отцов, к традиции, к духовной основе. В России подавляющее большинство людей исповедуют Православие, именно оно лежит в основе русской государственности и русской культуры. Поэтому основное внимание евразийцы уделяют именно возрож-

дению Православной Веры, возвращению умов и сердец наших людей в лоно Матери-Церкви.

В России Церковь отделена от Государства, *но никто не может отделить ее от общества, от народа, от нашего духовного и материального бытия.* Православие, его обряды и традиции, его нравственность и этика, его система ценностей и понятий, праздников и постов, оценок и истин должны стать *конкретной основой всенародного возрождения, Национальной Идеи.*

При этом православное возрождение не должно осуществляться за счет ограничения других традиционных конфессий — напротив, возврат русских к своим религиозным корням должен сопровождаться поощрением таких же процессов и в лоне остальных евразийских религий — ислама, буддизма, иудаизма. Не отменяя уникальности каждой Веры, с благоговейным почтением относясь к различиям в их догматических формулировках, евразийцы утверждают необходимость *единого фронта всех традиционных конфессий*, широкого традиционалистского межконфессионального альянса, особенно актуального в той ситуации, когда каждая из конфессий находится в опасности перед лицом глобализма, секуляризации, сектантства и агрессивной пост-модернистской псевдокультуры.

Политическая симфония народов

Евразийство исходит из убеждения, что *каждый народ есть неповторимый мир*, высшая органическая ценность, проявление жизни и мысли, облаченных в конкретную историческую форму. Народ (этнос) для евразийской философии является основной и важнейшей категорией. Культура, язык, обычаи, предания, самосознание, исторический путь каждого народа суть неотъемлемая и самоценная часть сокровищницы человеческого духа. Различие между народами и их культурами, самобытность нравов и языков воплощает в

себе многообразие истины и духа, составляет богатство мира.

Евразийство считает, что *сохранение, развитие и укрепление этнической самобытности каждого народа является одной из главных политических задач партии.*

Евразийство считает, что *этнос должен быть возведен в самостоятельную политическую категорию.* В международных документах и конвенциях можно встретить выражение «права народов», но эта юридическая категория остается неразвитой и очерченной лишь схематично.

Буржуазное (либеральное) и марксистское сознание прочно зачислило категорию «этноса» в разряд «пережитков» — наряду с «религией», «натуральным обменом», «первобытной организацией труда» и т. д. После возникновения государств функции народа в истории считались исчерпанными. Далее действовали лишь экономические и классовые механизмы. Однако уверенность в окончательном и бесповоротном исчезновении этносов (равно как и религий) была *явно ошибочной.* Кризис буржуазных и советских обществ (особенно в странах Востока и «третьего мира») доказал, что этнические и конфессиональные факторы остаются *весомыми и актуальными.* И из трещин буржуазной (и марксистской) государственности вновь выступает профиль непокоренных народов — со своими требованиями и пожеланиями, интересами и проблемами.

Евразийство считает этнос, народ, его внутреннюю энергию основой человеческой истории и настаивает на том, чтобы эта реальность была полностью восстановлена в своих правах. *Народ — это органическое целое,* преодолевающее временные и пространственные возможности отдельных индивидуумов, передающее секрет идентичности и самобытности от поколения к поколению через кровное родство и культурные ценности, через язык и обычаи, через воспитание и генетический код, через духовные архетипы и материаль-

ные, бытовые привычки, через систему подразумеваемых и поведенческих установок, через различные типы рациональности и структуры «коллективного бессознательного», через песни и юмор, мифологические системы и особенности темперамента или фенотипа.

Целое, этнос, по взглядам евразийцев, выше, чем часть, индивидуум. Индивидуум является продуктом своего народа, результатом его исторического, духовного и материального развития. И права, и обязанности, и степени свободы, и системы ограничений, и традиции, и пространство для волеизъявления — все это человек получает от своего народа, всем он обязан именно ему. Человек не способен ни говорить, ни мыслить, ни действовать без того наследия, которое он получает *от своего народа*. И задача индивидуума — достойно освоить и реализовать на практике вверенную ему ценность, *завет народа*, породившего его, давшего ему форму и содержание.

Евразийство утверждает, что народ, этнос *должен быть признан политической категорией* независимо от того, наличествуют ли (или отсутствуют) в нем основные признаки «политической нации». Евразийство отказывается признавать в качестве общеобязательной либеральную (а также марксистскую и фашистскую) идею о том, что этнос *вначале* становится политической нацией, а *потом* государством. Это частный случай в истории. Многие великие этносы истории так и не создали государств, другие, превратившись в государственную машину, гибли. В истории нет ничего обязательного — мы знаем, что попытки взять какую-то одну модель развития за эталон приводят лишь к расизму, колонизации и насилию.

Евразийство считает, что собственно государственные (точнее, сверхгосударственные) функции должна взять на себя *особая геополитическая инстанция*, которая будет ответственна за безопасность, территориальную целостность, обороноспособность и сохранение

всего геополитического целого от внешних угроз. Этноты же должны быть освобождены от государственно-стратегических проблем. Делегировав особый тип своих представителей в сверхнациональную геополитическую административную элиту, сами этноты должны сосредоточиться на внутренних проблемах, на развитии народных культур, языков и органических обществ.

Народы России (Евразии) должны обладать в качестве главного права правом на самосохранение, свободное этническое, культурное, правовое, хозяйственное и политическое развитие.

Этноты в Евразийском Проекте выступают как субъекты права, обладающие *суверенностью во всех вопросах, касающихся своего внутреннего устройства*, его юрисдикции, его организации и ограниченные лишь в вопросах, затрагивающих стратегические и геополитические интересы всей России (Евразии) как целого.

Такое политическое устройство можно назвать «евразийским федерализмом», где по контрасту с федерализмом европейским или американским «федерируются» не земли (территории, эрзац-государства), а *народы*. *Евразийский федерализм есть федерация народов как политических субъектов*.

Такой подход означает, что каждый народ федерации может развиваться с присущим только ему ритмом и в избранном только им направлении. Этническая история не терпит насилия, каждый евразийский этнос пребывает в присущей только ему фазе этногенеза (этнического развития). Здесь нет и не может быть никаких норм и шаблонов. Более того, у этнического развития нет какой-то единообразной цели. Как и всякое живое существо, этнос наделен внутренней свободой, в которой запечатлено его духовное достоинство. Поэтому никто не вправе диктовать народам чуждую, внеположную волю. *Каждый народ всегда прав, независимо*

от того, как оценивают его действия и решения окружающие наблюдатели.

Участие в политической жизни России (Евразии) этносы смогут осуществлять через «Евразийскую Ассамблею», которая будет составлена из авторитетных представителей каждого из них и станет выразителем интересов и чаяний народов в отношении стратегического центра.

Ни один из этносов не будет иметь права распоряжаться самостоятельно ни одним из секторов территории Евразии, независимо от факта компактного проживания и исторической традиции. Все пространство России (Евразии) является общим достоянием всего сверхгосударства «демократической империи» и не может быть поделено на наделы, не может быть отчуждено или приватизировано. Безусловно, пространство, населенное представителями того или иного этноса, будет пребывать — с точки зрения внутреннего устройства — под контролем политических инстанций данного этноса, но этот контроль будет ограничен там, где дело доходит до возможности сепаратизма, присвоения земель и недр, грубого нарушения основных политических принципов евразийской системы.

Этнические политические и правовые структуры, будучи суверенными в отношении представителей своего этноса, в спорных вопросах, касающихся отношений между этносами, в качестве третейского судьи и высшей арбитражной инстанции будут обращаться к «геополитической администрации» и вверять ей решение спорных ситуаций.

Все это относится к структуре развитого евразийского общества, которому еще только предстоит сформироваться.

На переходном этапе Евразийское движение представляет собой социально-политическое пространство для выработки представителями евразийских этносов оптимальной модели будущего политического устройства. Многочисленные народы России (Евразии), и в

первую очередь великий русский народ, смогут использовать Евразийское движение как инструмент своей активной этнической политики, как платформу для разработки совместной государственной стратегии и трибуну для защиты своих прав и интересов. При этом ориентация Евразийского движения на «геополитический централизм» гарантирует, что эти этнические тенденции останутся в рамках созидательной, державо-строительной политики.

Евразийский подход к этнической проблеме, центральность этнического фактора для всего евразийского мировоззрения является идеальной предпосылкой для гармоничного развития межэтнического диалога, для политического представительства этнических (национальных) интересов в федеральной политике.

Евразийство ставит в качестве приоритетной цели защиту народов России (Евразии), отстаивание их жизненных интересов, развитие их культур, языков и традиций, представительство их надежд, опасений, ожиданий и чаяний в структурах государственной власти.

Особенно следует остановиться на драме русского, великорусского этноса. Вложив все свои этнические энергии в строительство масштабных континентальных государственных образований, *русские сегодня оказались в трагическом положении*, так как в этом деянии они жертвовали собственной этнической идентичностью, принося ее на алтарь вселенской державоустроительной миссии. Крах последней по времени советской инициативы болезненно сказался на самосознании «русского племени». В такой ситуации *духовное и материальное положение русского народа должно быть поставлено в центре всеобщего политического и социального внимания*. Тем более что вызовы, брошенные внутренним настроением и внешним давлением (глобализация, вестернизация, стратегическое расширение блока НАТО), направлены в первую очередь именно *против русских*.

Без возрождения русского народа, без вдохновенного восстания из нищеты и отчаяния, растерянности и духовной потерянности Россию (Евразию) построить невозможно. Евразийство немыслимо без мощного и масштабного национального подъема *русского народа*.

Вместе с тем национальное возрождение русских следует изначально очистить от любых намеков на шовинистические, расистские или ксенофобские чувства. И в этом смысле евразийская идея является оптимальным инструментом, гарантирующим созидательный сценарий подъема национального чувства великороссов — этнического стержня России (Евразии).

Русские не только должны сами вернуться к своей традиции, к своей Церкви, к своим обрядам, нравственным устоям, нарядам, обычаям, празднествам и трудовым навыкам, не только возродить свою великую культуру, науку, свой язык (включая священную церковно-славянскую речь), но и направить на этот путь другие народы России (Евразии).

Первые евразийцы в 20-е годы XX века называли этот принцип «общеевразийским национализмом». Данное выражение можно понимать двояко: и как солидарность всех евразийских этносов в общем деле континентального державостроительства, и как параллельное и гармоничное развитие национальной идеи каждого из них в общем симфоническом контексте.

Евразийское движение является движением этносов, народов России, и как таковая в первую очередь она является выразителем надежд и чаяний именно *русского народа*, духовного и этнического ядра евразийства.

Реальная страна

Евразийство считает *укорененность, почвенность, приверженность духовным, этническим и местным традициям высшей нравственной, политической и социаль-*

ной ценностью. Процесс отчуждения людей от своих культурных корней происходит гораздо стремительней в больших городах, чем в небольших уездных центрах, а там — стремительней, чем в деревнях и поселках. Логика евразийства переосмысливает ценностное содержание «модернизации» и значение регионов, областей, краев и провинций. *Истинная культура пребывает в глубине Евразии,* вдали от космополитических городов, потерявших национальный облик, охваченных зловещими знаками и символами глобализма. В больших городах истинная духовная культура народа гибнет и разлагается.

Евразийство считает истинным политическим, культурным и духовным богатством *реальную страну,* районные и областные города и веси, деревни и поселки великой страны. Именно к ним в поисках истины и света обращается евразийский взгляд, там черпает вдохновение евразийский дух.

Евразийство настаивает на *последовательном пересмотре отношений между городом и селом в пользу села,* между столицами и уездными городами — *в пользу уездных городов.*

Евразийское движение представляет интересы *реальной России,* ее регионов, ее бесконечных пространств, населенных людьми, сохраняющими свою уникальность, свой быт, свою культуру, свои говоры и свои обычаи, память о своем родстве и своем происхождении, подчас утраченные у жителей городов и столиц.

Евразийское движение ставит своей важнейшей целью *отстаивать интересы российской глубинки, российских регионов в федеральном центре.* Из столиц проблемы регионов видятся упрощенно и материально, измеряясь сухими цифрами дотаций и задолженностей, сумм налогов и отчислений в бюджет. Реальное бытие провинций, заботы и проблемы людей остаются *за пределом внимания.* Эту ситуацию необходимо *решительным образом изменить.*

Все люди России (Евразии) должны *вспомнить о своем происхождении*, о своей малой Родине, узнать реальное положение дел в своем необъятном Отечестве, освоить безмерное духовное, культурное, природное богатство бескрайних просторов, населенных удивительным и прекрасным русским народом и другими народами.

Каждый регион Евразии должен получить право утверждать, *развивать и укреплять свою социальную, культурную, хозяйственную самобытность*, независимо от того, имеет ли он этнический профиль или нет. Культурное своеобразие центральных регионов России, Сибири или русского Севера *не менее существенно*, нежели культурная самобытность национальных республик.

Важной составляющей Евразийского Проекта является *план возрождения уездных и малых городов России*, возврат людей к земле, к священному сельскому труду, к обычаям предков и родной природе.

В далекой перспективе евразийство планирует расселение (на добровольной основе) жителей столиц и перенаселенных городов, компактное заселение сельских территорий новыми типами благоустроенных поселков, которые сочетали бы в себе *возвращение к традициям предков, экологические преимущества и определенные достижения современных технологий* (энергия, связь, транспорт, сеть Интернет). Поселения нового типа — с учетом современного архитектурного дизайна, энергосберегающих технологий, повышенного качества материальных удобств — *призваны стать основой нового освоения евразийских земель*. Бескрайние и безлюдные сегодня пространства Сибири и Севера, таким образом, будут заселены выходцами из перенаселенных, экологически неблагополучных и социально опасных столиц и областных центров. Развитие современных коммуникационных систем позволит наиболее активным членам общества получать образование, участвовать в решении проблем федерального значе-

ния, социально и профессионально расти, не покидая места основного проживания или даже отправляясь в пока не освоенные просторы континента (являющиеся бесценным резервом жизненного пространства).

Евразийское движение видит себя как инструмент выражения интересов и ожиданий региональных структур в федеральном центре. В отличие от практики прямого лоббирования речь идет о *комплексном переосмыслении роли регионов* России (Евразии) в общем политическом контексте. Геополитическая ориентация Евразийского движения гарантирует то, что такой политический регионализм не войдет в противоречие со стратегическими приоритетами, не перерастет в местничество и сепаратизм.

Евразийский проект для семи федеральных округов

С точки зрения евразийской внутренней геополитики, каждый федеральный округ РФ имеет свои особые функции в деле укрепления общей системы управления и централизации.

Северо-Западный федеральный округ

Основной функцией этого округа является организация гармоничного процесса геоэкономического и геополитического сотрудничества с Евросоюзом. Конфигурация всей этой зоны должна обеспечить максимально эффективный режим взаимодействия с европейскими регионами, западными соседями России (Евразии).

Это предполагает общую ориентацию данного пространственного сектора — особенно пограничных областей — на то, чтобы стать *мостом в Европу, зоной приоритетного российско-европейского сотрудничества*. Этой цели должна быть подчинена реорганизация пограничных территорий, таможенных зон.

Вместе с тем западные рубежи России должны быть надежно защищены.

Особую проблему составляют пограничные вопросы со странами Балтии и положение в них русского и русскоязычного населения. Задачей-максимум в этом направлении *было бы вовлечение этих стран в зону евразийского геоэкономического сотрудничества*, превращение их из предмета конфликта между Россией и Западом в области *свободных экономических зон* с режимом максимального благоприятствования развитию российско-европейских отношений. Еще более тесная интеграция должна проводиться с Республикой Беларусь, входящей в состав союзного Государства, являющегося звеном наибольшей степени интеграции во всем пространстве СНГ, а следовательно, объектом приоритетного внимания для осуществления всего Евразийского Проекта в целом. Отдельно следует рассматривать проект создания *интегрированной финно-карельской зоны* как полосы интеграции с североевропейским, скандинавским пространством. К этому спектру вопросов примыкает вплотную проблема геополитического значения Балтийского моря, которому в Евразийском Проекте отводится важнейшая роль в деле торгово-экономического сближения России (Евразии) с Европой.

Решение всех этих вопросов в значительной степени должно быть возложено не только на федеральный центр и структуры МИДа, но и на руководство Северо-Западного федерального округа, которое должно закладывать эти геополитические ориентиры в проекты развития округа.

Центральный федеральный округ

Центральный федеральный округ объединяет земли с преимущественно мононациональным русским населением (за исключением растущих этнических диаспор). Пограничные проблемы и опасность сепаратиз-

ма здесь отсутствуют. Эта область является *геополитическим ядром России (Евразии)*, колыбелью Московской государственности, сердцевинной «сердцевинной земли». От качественного экономического, промышленного, социального, сельского и жилищного развития этого округа зависит положение России в целом.

Центральный округ должен стать зоной повышенного социально-культурного внимания, именно эти земли призваны возродить *этнокультурные, исторические и духовные традиции русского народа*. Воссоздание национальной традиции должно начинаться с этих областей, однородность населения которых позволяет оптимально и масштабно приступить к осуществлению проекта «возврата к почве», «к корням».

Приоритетное значение имеют здесь сельские просторы и малые города, каждая пядь земли здесь несет отпечаток великого исторического пути русского народа. Именно в Центральном округе логичнее всего осуществить масштабную программу *национального возрождения, восстановления традиционных культурных устоев трудовой и обрядовой практики русского народа*.

Древние города Руси должны возрождаться с сохранением уникального стиля. Села и вesi должны ожить благодаря притоку новых поселенцев из расселяемых мегаполисов и анахроничных индустриальных центров, потерявших в современной экономической ситуации свое прежнее значение.

Особую проблему представляет столица России Москва. Этот центр, с одной стороны, является *символом евразийской государственности*, полюсом собирания евразийских земель, основой консервативного, державного начала в русской истории, но с другой — он давно уже превратился в самостоятельное геополитическое и социальное пространство, извратившееся до образчика бюрократии, коррупции, нравственного вырождения, негативного космополитизма и глобализма, некритически усвоенного западничества.

Проблема Москвы может решиться за счет следующих мер:

- вынесение в другие крупные центры России ряда властных институтов столицы (к примеру, Государственной думы — в Санкт-Петербург, Совета Федерации — в Казань и т. д.);
- перемещение за черту города промышленных зон;
- поощрение расселения жителей столицы в районы Подмосковья, на другие территории Центрального федерального округа (это должно сопровождаться прорывом в организации эффективных транспортных и информационных сетей, а также благоустроенного сельского строительства);
- радикальная реконструкция структуры столицы с отделением делового центра города от основного массива жилых районов (выносимых на границы города и за них) экологической зеленой зоной.

Необходимо разделить *Москву национальную, традиционную* и *Москву функциональную, бюрократическую*. Столица должна быть идеалом и эталоном великой Евразийской Идеи, объектом гордости всего континента, образцом духовного, культурного, социального и нравственного возрождения и обновления, а не квинтэссенцией отчуждения, космополитизма, вырождения и порока.

Южный федеральный округ

Южный федеральный округ должен выполнять важнейшую функцию *евразийского плацдарма, обращенного в сторону Кавказа и отчасти Азии*. Здесь внутренние проблемы российских краев и областей тесно переплетены с пограничной ситуацией в странах СНГ и Центральной Азии. Основная геополитическая задача Южного федерального округа состоит в том, чтобы стать *зоной активного сотрудничества с центральноазиатски-*

ми державами и странами Кавказа. Для того чтобы это сотрудничество, активное экономическое, политическое, культурное и стратегическое сближение проходили интенсивно, необходимо в границах России на ее южных просторах создать геополитическое и социальное пространство, воспринимаемое как нечто крайне привлекательное и позитивное за границами России, что ускорит не только интеграционные процессы с кавказскими странами СНГ, но и стратегическое партнерство с Ираном, Турцией, арабскими странами.

В этой связи евразийская теория *этнического федерализма* приобретает особое значение, и ее внедрение в пределах Южного федерального округа является наиболее актуальной и показательной темой. Все пространство Северного Кавказа представляет собой полиэтническую мозаику, которая складывается в особую подсистему внутри существующей государственности. Большинство кавказских народов сохранили в той или иной степени традиционный жизненный уклад, веру и обычаи предков, нравственные и даже юридические нормы, уходящие в глубь веков. Для большинства из них светские либеральные нормативы «гражданского общества», бюрократические установки буржуазной государственности глубоко чужды. Поэтому единственный путь для гармоничной интеграции этого сложнейшего анклава в единое стратегическое пространство состоит в признании политической субъектности за этническими реальностями, в дифференцированном и внимательном подходе к каждой из них — с предоставлением широкой степени автономии и самостоятельности в вопросах внутриэтнической, культурно-духовной и даже правовой организации. Причем модель «евразийского федерализма» — *стратегическое единство + этнический плюрализм* — может утверждаться и предлагаться параллельно на трех уровнях:

- на Северном Кавказе в зоне национальных республик;
- в краях и областях с преобладающим русским населением;
- за пределами России в закавказских странах СНГ, где этнические проблемы стоят не менее остро.

Привлекательности евразийской модели в Южном федеральном округе сопутствует и то обстоятельство, что исторически эти земли заселены преимущественно *казачеством*, которое составляло в досоветские времена особый социальный слой, имеющий ярко выраженные *евразийские черты*:

- казаки служили делу *стратегической* (геополитической) *интеграции российских земель*, постоянно имели дело с «практической геополитикой», защищая (и расширяя) рубежи Отечества;
- казаки организовывали свое социально-культурное бытие с опорой на автономные, дифференцированные поселения с особым укладом, интегрированные друг с другом и центром империи на основаниях очень близких к «этническому федерализму»;
- казаки довольно масштабно смешивались с местным (преимущественно тюркским) населением, образуя южный аналог славяно-тюркского синтеза, породившего на севере в иную историческую эпоху сам *великоросский этнос*, ставший ядром евразийства.

Сибирский федеральный округ

Будущее России (Евразии) лежит в пространствах Сибири. Это последнее необжитое пространство планеты, являющееся важнейшим и пока не освоенным пространственным, экологическим, энергетическим ресурсом. Пространства Сибири имеют как громадную технологическую ценность, так и ценность духовную.

Именно из просторов Сибири рождались *геополитические импульсы, объединившие Евразию*. Роль Сибири в Евразийском Проекте центральная.

Важнейшей проблемой Сибирского федерального округа является слабая заселенность этих земель и процессы неконтролируемой миграции (в основном из Китая). Малая степень освоенности и слабость интегрированности Сибири в общероссийскую, общеевразийскую систему делает «сибирский вопрос» важнейшей темой национальной безопасности России (Евразии). *Эти области необходимо заселять, развивать, технологически оснащать, покрывать новыми поселениями, сетью транспортных и информационных систем*. На повестке дня стоит вопрос о «новой колонизации» Сибири. На этот раз она должна проходить в русле евразийской модели — с приоритетным учетом этнических, культурных, духовных обычаев и устоев автохтонного населения, с соблюдением экологического баланса, рачительным отношением к природе и природным ресурсам. «Новая евразийская колонизация» должна быть на сей раз традиционалистской, экологической, духовно-культурной. При этом с особым вниманием следует относиться к заселенным ныне пространствам, к их этническому и социальному балансу, с учетом жизненного уклада всех групп населения — от отдельных этносов до малочисленных народов или отдельных культурных групп русского населения со своей спецификой — таких, как коренные сибиряки, потомки казаков или староверы. Вся эта палитра сибирских традиций является бесценным достоянием Евразии.

Особое значение в просторах Сибири имеют «полюса развития» и «коридоры развития», опираясь на которые следует осуществлять масштабные проекты технологического, экономического и социального подъема всего региона.

Новую жизнь должны обрести научные и культурные центры Сибири, созданные в эпоху индустриали-

зации СССР. Их структуры должны быть адаптированы к требованиям новой эпохи, учитывать технологические и экологические аспекты модернизации.

Особым значением наделена проблема сохранения и возрождения коренных народов Сибири (особенно малочисленных народов Севера). Евразийство, ставящее во главу угла развитие и укрепление этнического начала, настаивает на специальном плане по спасению этих этносов от угроз, исходящих из агрессивного давления секулярной культуры, технологической и социальной стандартизации, экологических последствий индустриализации, нарушения этнокультурных моделей жизни, сложившихся в течение долгих веков в уникальном историческом, природном и культурном контексте.

Определенные проблемы представляют собой южные пограничные районы Сибири. Эти земли населены (как правило, компактно) тюрко-монгольскими этносами с оригинальной духовной и социальной культурой. Исторически они выполняли роль защитных пограничных поясов, отделяющих евразийскую эйкумену от пространств, подконтрольных Китайской империи. Эта функция этнического рубежа должна быть возрождена и в новых геополитических условиях. Демографическая и этническая экспансия в пространства Сибири китайского населения рассматривается в рамках Евразийского Проекта как явление негативное, нарушающее в отрицательном направлении хрупкий демографический баланс всего региона. Китай остается дружественным партнером России (Евразии) только в рамках его собственной территории и при сосредоточении собственных геополитических импульсов на южном (тихоокеанском) направлении.

Новое освоение Сибири должно стать важнейшим геополитическим проектом ближайшего будущего.

Уральский федеральный округ

Уральский федеральный округ предназначен для того, чтобы быть *надежной скрепой европейских и азиатских просторов России*, т. е. это пояс внутренней евроазиатской интеграции. Роль Урала и примыкающих к нему с востока регионов Западной Сибири в том, чтобы не разъединять две части России, но, напротив, соединять их, облегчать и интенсифицировать реализацию проекта «новой колонизации Сибири».

В Уральском федеральном округе сосредоточены важнейшие промышленные мощности России (Евразии), ключевые для развития промышленности и экономики в целом. Важнейшей задачей округа является гармоничное встраивание промышленных и ресурсодобывающих мощностей региона в общую модель евразийского геоэкономического развития. Промышленное пространство Урала в целом является «полюсом развития» для прилегающих к Уралу территорий. Следовательно, роль этого региона является ключевой.

Важной задачей Евразийского Проекта является содействие укреплению геополитического самосознания населения этого региона, гармоничному сочетанию «уральского патриотизма» (основанного в значительной степени на высоком уровне промышленного и экономического развития Урала) с общеевразийским масштабом понимания центральной роли всего федерального округа для судьбы российской экономики в целом.

Уральский федеральный округ представляет собой пример гармоничного сосуществования этносов в едином евразийском ансамбле. Значительный процент тюркского и угрофинского населения наряду с преобладающим славянским дают прекрасную среду для активного распространения и усвоения евразийских идей. Земли, смешанно заселенные дружественными и гармоничными (взаимодополняющими) евразийскими эт-

носами, по которым проходит объединяющая, а не разъединяющая граница между Европой и Азией, являются естественным ядром евразийства в более широком — общероссийском, общекионтинентальном — масштабе.

Особое значение имеет территория Южного Урала, пограничная с Казахстаном. Эта зона должна быть превращена в *пояс интеграции*, стать территорией развития активных экономических, социальных, культурных и политических связей с Казахстаном, который является важнейшим элементом всей евразийской интеграции — в рамках ЕвразЭС (и СНГ). Эта граница также должна стать объединяющим «рубежом дружбы».

Поволжский федеральный округ

Геополитически Поволжский федеральный округ состоит из нескольких республик и областей, чей политический профиль определен по национальному признаку — Татарстан, Башкортостан, Чувашия, Мордовия. Такие образования представляют серьезную проблему для полноценной евразийской политической модели, так как имеют характер квазигосударственных образований, имитируя определенные атрибуты «государства-нации» в миниатюре. Самой большой проблемой является то, что эти административные образования сопрягают ряд своих политических, этнических, культурных, языковых и политических особенностей с *территориальным элементом*, претендуя тем самым на создание основ «суверенитета» и «автономной государственности». Так как эти территории «национальных республик» по этническому составу отличаются от прилегающих регионов весьма незначительно (в них очень высок процент славянского населения, а в прилегающих пространствах значительный процент составляют татары, башкиры, чуваша, мордвина и т. д.), то налицо *негативный геополитический фактор*, чрева-

тый сепаратизмом, национализмом, обострением межэтнических отношений.

Решение геополитической проблемы этого региона с типично евразийским населением (преобладание славяно-тюркского и славяно-угорского состава населения) может лежать только в области «евразийского федерализма», что предполагает расформирование «национальных республик» как политических единиц и преобразование всей этой зоны в единый евразийский блок, где границы областей отражают лишь условные административно-хозяйственные сектора, не связанные ни с этническими, ни с культурными, ни с языковыми, ни с конфессиональными аспектами. Родиной и Отечеством всех татар, башкир, чувашей и мордвинов являются не только их «национальные республики», но территория всей России. А проживать компактно и формировать этнические общины они имеют полное право как на территории нынешних «национальных республик», так и в любых других местах. И повсюду этническая, духовная, бытовая и языковая культура, возможность организовывать все виды СМИ на родном языке должны жестко гарантироваться всей евразийской политической системой.

Таким образом, Поволжский федеральный округ является территорией, оптимально соответствующей проведению *последовательных реформ в духе политического евразийства*.

Промышленная, торговая, энергетическая отрасли Поволжского федерального округа должны вписываться в общеевразийский контекст развития промышленности без каких-либо льгот, предоставляемых отдельным регионам на основании «национально-политических» соображений. Экономическая и геоэкономическая унификация этой территории составляет основное содержание геополитического реформирования всего евразийского пространства.

Острота межэтнических проблем в этой зоне, по

степени напряженности следующей за территорией Кавказа и Южного федерального округа, делает реализацию Евразийского Проекта здесь остро актуальной и насущной.

Дальневосточный федеральный округ

С геополитической точки зрения, Дальневосточный федеральный округ должен выполнить следующие функции:

- обеспечить устойчивую и гармоничную связь (в сфере экономики, обороноспособности и безопасности, транспорта, социальной, культурной, научной, духовной областей) этого удаленного региона с остальными геополитическими зонами России (Евразии);
- реализовать проект ускоренного развития восточно-сибирских и северных территорий;
- стать зоной активного евразийско-японского (шире — тихоокеанского) стратегического партнерства в области совместного освоения природных богатств Дальнего Востока и Восточной Сибири;
- создать развитую и современную транспортную систему (дальневосточного отрезка трансевразийской магистрали, связывающей этот регион с Европой и Японскими островами);
- гармонизировать на основе евразийского подхода межэтнические отношения с акцентом на русской культуре и особым вниманием к малочисленным автохтонным народам этого региона;
- ограничить деструктивные демографические процессы и миграционные интервенции на территорию России со стороны Китая.

Особое внимание должно быть уделено районам Камчатки и Чукотки в силу природной специфики этих удаленных регионов и слабой развитости хозяйствен-

ной, информационной и транспортной инфраструктуры в этих районах.

Отдельную проблему представляет малонаселенная, но огромная по территории Якутия, политическое устройство которой имеет определенные «национально-политические» черты, несовместимые с евразийской моделью. В этой связи следует четко отделять необходимость всемерно развивать и укреплять этническую, духовную, обрядовую культуру якутов от процесса постепенного превращения Республики Саха в суверенное и отчужденное от России (Евразии) псевдогосударственное образование.

Внешняя политика

Евразия и геополитика (Суша и Море)

Геополитически Россия является Евразией, «сердцевинной землей», «географической осью истории». Само месторасположение («месторазвитие») делает ее цитаделью континентального стратегического пространства. В геополитических терминах это означает, что Россия олицетворяет собой цивилизацию Суши.

Цивилизация Суши отличается от цивилизации Моря целым рядом признаков и характерных черт. В истории цивилизации Суши имели различные формы — от Спарты и Рима до Константинополя и Третьего Рима — Москвы. По мере исторического развития цивилизации Суши тяготели к тому, чтобы приблизиться к географическим очертаниям Евразийского материка. (Параллельно тому, как цивилизация Моря постепенно отождествлялась с англосаксонским миром, а в последние десятилетия с США.) Россия самой географией поставлена в центр континентального массива и не имеет иной перспективы, кроме как *служить осью консолидации всех держав, цивилизаций и культур, имеющих континентальный, сухопутный, евразийский характер.*

Геополитическая наука противопоставляет цивилизации Суши иную, оппозиционную цивилизацию — цивилизацию Моря, ведущую свою морскую историю от Карфагена, Венеции, Голландии, Великобритании к США. В современном мире оплотом цивилизации Моря стал Мировой Остров, США, постепенно перехватившие эстафету «морского могущества» у Великобритании.

Тождественность России и континентальной цивилизации Суши в геополитической модели мира предопределяет ее цивилизационное противостояние с геополитическим лагерем морского могущества. Это геополитическое противостояние фрагментарно прослеживается с самых ранних периодов русской истории, достигая апогея в жестком соперничестве романовской России с Англией в позиционной борьбе за проливы и особенно в «холодной войне» между СССР и США.

География, геополитика в значительной степени определяют русскую историю.

География — судьба России

Центральное место России в континентальном ансамбле предопределяет ее евразийский характер. В стратегическом смысле России суждено быть ядром континентального евразийского блока, системы государств, объединенных общей структурой безопасности.

Свой континентальный масштаб Россия реализовывала постепенно, расширяя на разных этапах истории масштабность подконтрольных центру евразийских территорий. И имперский, и советский периоды характеризовались *неуклонным ростом пространственного объема русских земель*, тяготевая к достижению естественных границ Евразийского континента. За каждым отступлением от этого правила следовал новый пространственный рывок, сопровождавшийся новым, бо-

лее универсальным осознанием народом своей миссии. Континентальное объединение, складывание вокруг России континентального блока проходило в разные времена под разными знаменами: как присоединение земель к Российскому государству, как завоевание смежных территорий, как колонизация неосвоенных пространств, как добровольное объединение с дружественными державами, как стратегический союз соседних государств, как общность режимов со сходными идеологическими ориентациями. Но геополитическое содержание оставалось одним и тем же — Россия неуклонно шла к организации *континентального блока*.

Многополярность и категорический императив антиглобализма

Во внешней политике евразийство предлагает «третий путь» — ни «холодная война», ни глобализм по-американски. Это означает, что внешняя политика России не должна напрямую воссоздавать дипломатический профиль советского периода (жесткое противостояние с Западом, восстановление стратегического партнерства со странами-париями — Северной Кореей, Ираком, Кубой и т. д.), но вместе с тем и не следовать послушно и безгласно американской политике. Евразийство предлагает *собственную внешнеполитическую доктрину*. Суть ее сводится к следующему.

Современная Россия сможет сохраниться как самостоятельная и независимая политическая реальность, как полноценный субъект международной политики только в условиях многополярного мира. Признание однополярного американоцентричного мира для России невозможно, так как в таком мире она будет приравнена к простому объекту глобализации, утратит самостоятельность и самобытность.

Противодействие однополярной глобализации и отстаивание многополярной модели являются главны-

ми императивами современной российской внешней политики.

На глобализацию по атлантистской модели, на создание «единого мира» под эгидой Запада Россия должна ответить выдвижением *Евразийского Проекта*. Евразийский Проект сводится к последовательному утверждению следующей геополитической истины: *сведение разнообразия культур и цивилизаций к единой унифицирующей модели противостоит естественно и аморально*. Каждая культура, каждый народ имеет право следовать своим собственным историческим путем. Справедливым миром может быть только *многополярный мир*, в котором силовые центры геополитики находятся в состоянии динамического баланса. Унификация мира под эгидой атлантизма, современной цивилизации Запада (и особенно США) — это явление принято называть глобализмом — никогда не приведет к реальной многополярности и всегда будет жестко централизовано (по меньшей мере в мировоззренческом, экономическом и культурном смыслах).

У Евразии есть историческое предназначение: уравновешивать атлантистский вектор, создавая тем самым геополитическое пространство для свободы выбора странам «третьего мира», всем народам земли.

Главным геополитическим приоритетом России в новом тысячелетии является создание евразийского стратегического блока — с гибким и дифференцированным мировоззрением и многоуровневым членством — в качестве противовеса атлантистским и глобалистским процессам.

В отличие от предыдущих эпох осью такого блока должно быть не мировоззрение и не специфика экономической системы или политического устройства, но геополитические и стратегические принципы, цивилизационные императивы.

Россия должна до конца осознать себя как «географическая ось истории», как ядро Евразии и с полной

ответственностью утвердить на новом этапе и в новых терминах глобальный масштаб своего исторического и цивилизационного предназначения (с учетом ошибок и заблуждений предшествующих исторических периодов).

В далекой перспективе необходимо ориентироваться на создание подлинного свободного и справедливого многополярного мира, органически складывающегося вокруг многообразных культурных, цивилизационных, социальных и исторических центров. Богатство человечества напрямую связано с многообразием цивилизаций, которое должно быть сохранено и заново утверждено. Сама Евразия в лучшие периоды своей истории отличалась именно этим многообразием, где стратегическое и геополитическое единство сочеталось с созвездием органичных и культурно автономных частей. Евразийский полюс изначально должен складываться как *оплот цивилизационного освобождения*, чтобы грядущая многополярность стала естественным и желательным для Евразии результатом временного возврата к двухполюсной модели.

Следовательно, сама структура нового евразийского блока должна изначально нести в себе зародыши культурного плюрализма, дифференциализма, многообразия, «цветущей сложности». В таком случае грядущее становление подлинно многополярного мира будет органическим продолжением евразийской линии, противодействующей унифицирующей, одномерной логике атлантизма.

Атлантистский Запад вышел из геополитического противостояния с СССР победителем и стремится к тому, чтобы тоталитарно и безальтернативно реализовать собственный вариант мирового устройства — глобализм.

Истинно многополюсный мир возможен только вопреки атлантизму, через его сдерживание и в перспективе через его преодоление.

Истинная многополярность возможна только при отказе от универсалистского подхода к человеческому и цивилизационному фактору.

**Система стратегических альянсов.
Основные (субъектные) партнеры по евразийству**

Построение многополярного мира (жизненно важного для России) возможно только через систему стратегических альянсов. В одиночку Россия с этой задачей не справится, для полной автаркии нет достаточных ресурсов. Следовательно, все зависит от адекватности и активности *внешней политики*.

В современном мире есть несколько геополитических субъектов, которые по историческим и цивилизационным причинам также жизненно заинтересованы в многополярности. *Эти субъекты логически должны быть преимущественными партнерами России.*

Они делятся на несколько категорий.

Первая категория: мощные региональные образования (страны или группы стран), у которых относительно России существует *взаимодополняемость*. Принцип взаимодополняемости означает, что у этих стран есть нечто, что жизненно важно для России, а у России есть нечто, что жизненно важно для этих стран, и стратегический обмен потенциалами укрепляет *оба* геополитических субъекта.

К этой категории (симметричной взаимодополняемости) относятся Европейский Союз, Япония, Иран, Индия. Все эти геополитические реальности вполне могут претендовать на роль *самостоятельных полюсов* в условиях многополярности, а американоцентричный глобализм лишает их этой возможности. При отсутствии в лице новой России *идеологического врага* (что обеспечивало США главный аргумент для удержания Европы и Японии в своей орбите и не позволяло сблизиться с СССР и исламскому Ирану в период «холодной

войны») императив полного подчинения этих стран американской геополитике практически *ничем более не обосновывается* (кроме исторической инерции). Следовательно, противоречия между США, с одной стороны, и этими державами, с другой, будут постоянно возрастать.

Если Россия проявит активность и подкрепит своим потенциалом эти многополярные тенденции, найдя для каждого из геополитических образований аргументацию для стратегического альянса и дифференцированные условия для его реализации, «клуб сторонников многополярности» станет *могущественным и влиятельным*, способным эффективно настоять на собственном проекте будущего устройства мира.

При этом у России есть *что* предложить каждой из этих держав — ресурсы, стратегический потенциал вооружений, политический вес. Взамен Россия получает экономического и технологического спонсора в лице Евросоюза и Японии, политико-стратегического партнера на Юге в лице Ирана и Индии.

Евразийство формулирует, развивает, детализирует такой внешнеполитический курс, обосновывая его методологией геополитики.

Относительные (субъектные) партнеры

Вторая категория внешнеполитических партнеров России — это геополитические образования, заинтересованные в многополярности, но не являющиеся симметрично взаимодополняющими для России. Это Китай, Пакистан, Турция, арабские страны. Традиционная политика этих геополитических субъектов носит прагматический ситуативный характер, основанный на балансе региональных интересов с учетом глобальной стратегии США. Прямой всесторонней выгоды от безусловного партнерства с Россией они не имеют, тем более что евразийский альянс России со странами пер-

вой категории усиливает традиционных соперников стран второй категории в региональном масштабе. У Китая традиционные трения с Японией и Индией, у Пакистана, Саудовской Аравии, Турции и Египта — с Ираном.

Отношения России с Китаем представляют особый случай, осложненный демографическими проблемами, повышенным интересом Китая к малонаселенным территориям Сибири, отсутствием у него серьезного технологического потенциала, способного положительно решить важнейшую для России проблему освоения Сибири.

Все страны второй категории поставлены перед необходимостью лавировать между американоцентричной глобалистской однополярностью (которая им также не сулит ничего хорошего) и евразийством.

Государства, не обладающие геополитической субъектностью

Третья категория представляет собой страны «третьего мира», не обладающие достаточным геополитическим потенциалом для того, чтобы претендовать даже на ограниченную субъектность. В отношении этих стран Россия должна проводить дифференцированную политику, способствуя их геополитической интеграции в зоны «общего процветания» под контролем мощных стратегических партнеров России по евразийскому блоку.

Это означает, что в Тихоокеанской зоне России выгодно преимущественное усиление японского присутствия.

В континентальной Азии следует поощрять геополитические амбиции Индии и Ирана, а на Западе способствовать расширению влияния Евросоюза на арабский мир и Африку в целом.

Геополитика российско-американских отношений

К четвертой категории внешнеполитических партнеров относятся США и страны Американского континента, находящиеся под контролем США.

Международная евразийская политика России должна быть ориентирована на то, чтобы убедить США в несостоятельности однополярного мира, конфликтности и безответственности всего процесса американоцентричной глобализации.

Жестко и активно (в первую очередь через инструмент евразийского альянса) противодействуя такой глобализации, Россия, напротив, должна *поддерживать изоляционистские тенденции* в США, приветствовать ограничение геополитических интересов США Американским континентом. США как мощнейшая региональная держава с кругом стратегических интересов, заключенным между Атлантическим и Тихим океанами, может быть *стратегическим партнером* для евразийской России. Более того, такая Америка будет очень важна для России, так как она будет ограничивать и Европу и Тихоокеанский регион, а также исламский мир и Китай в случае их стремления пойти по пути однополярной глобализации на основе собственных геополитических схем.

Евразийское движение в международной жизни

Евразийство уделяет огромное значение практическому проведению внешней политики, вытекающей из принципов евразийства.

Евразийство разрабатывает и способствует осуществлению геополитических проектов и программ, направленных на всестороннее осмысление основных направлений международной политики, активно занимается мониторингом и анализом важнейших процессов. Применение геополитической методологии, явля-

ющейся достоянием Евразийского движения, продуктом многолетней научной деятельности его интеллектуального актива, к международной жизни является отличительной чертой последовательного евразийства.

Евразийское движение активно действует в области дипломатии, устанавливая связи в международной сфере с различными движениями других стран.

Особое значение Евразийское движение уделяет сотрудничеству с *представителями антиглобалистских сил*, а также с движениями, обозначающими в своих программах ориентацию на *построение многополярного мира*.

Преимущественное значение уделяется контактам со *странами — геополитическими союзниками России (Евразии)* по евразийскому проекту — Европой, Японией, Ираном, Индией.

Так как идеология евразийства носит геополитический характер, предполагается самое активное участие Евразийского движения в формировании внешнеполитического курса РФ, в шагах по его реализации.

Евразийский Союз, ЕвразЭС и СНГ

Центральное значение для евразийской внешней политики имеет процесс интеграции стран ЕвразЭС, ЕЭП и, шире, СНГ в новое геополитическое образование — Евразийский Союз. Минимальный масштаб евразийская геополитика обретает только в том случае, если интеграционные тенденции — в экономике, военной сфере и политике — возобладают и станут *необратимыми*. Только в ходе построения Евразийского Союза полноценная международная политика России (Евразии) становится действенной и эффективной.

Построение Евразийского Союза, всестороннее содействие интеграционным процессам является приоритетной задачей Евразийского движения.

Евразийский Союз не должен являться ни воссо-

зданием царской империи, ни новым изданием СССР. Евразийский Союз — это новая форма добровольного и равноправного объединения стран СНГ (с возможным добавлением Сербии, Монголии и т. д.) в геополитическую конфигурацию нового типа, основанную на евразийской философии, которая в данном случае может быть названа «философией интеграции».

Евразийство исходит из того, что эпоха буржуазных «государств-наций» стремительно проходит. Те народы, которые теснее всего связали свою судьбу с этой формой политического бытия (в первую очередь европейские страны), сами отказываются от этого инструмента, двигаясь в направлении «государств-континентов», масштабных и гибких экономико-социальных и, в перспективе, политических и геополитических образований. Наглядным примером этого служит Европейский Союз.

Большинство новообразованных государств СНГ, включая Российскую Федерацию, напротив, стоят сегодня на начальном этапе построения «государства-нации», имея за плечами совсем иную историю — имперскую (дореволюционную) и советскую (послереволюционную). Полноценного исторического опыта существования в форме «государства-нации» ни у одной из стран СНГ нет.

Евразийство утверждает, что отсутствие этого опыта является не недостатком, а, напротив, достоинством, так как отражает историческое тяготение народов стран СНГ к иной форме политического объединения, вытекающей из культурной, этнической и социальной самобытности. Именно это обстоятельство облегчает создание экономической и геополитической общности нового типа — *Евразийского Союза*.

Евразийский Союз должен представлять собой геополитическую конструкцию с единой системой экономики, транспортных артерий, таможенным союзом, общей валютой, с единым стратегическим командова-

нием, с общей системой коллективной безопасности, общей системой представительных органов. При этом национальная суверенность в сфере политики сохраняется за каждым субъектом Евразийского Союза, полнота политических свобод остается прежней.

Этнические проблемы универсально решаются за счет введения принципа «евразийского федерализма» и рассмотрения в качестве основного политического субъекта именно этноса, независимо от территории его проживания. Таким образом, заведомо будет решена *проблема межэтнических отношений*, которая в противном случае остается «миной замедленного действия», подведенной под строящуюся государственность стран СНГ.

Скорейшая интеграция стран СНГ в единый Евразийский Союз, аналогичный по основным параметрам Евросоюзу, является главным условием сохранения основ государственности, территориальной и политической целостности этих держав.

Интеграционные процессы построения Евразийского Союза окончательно решат и проблему русского населения, оставшегося за пределами Российской Федерации. Оказавшись гражданами Евразийского Союза, они вновь обретут Родину, воссоединятся с основной частью народа — причем безболезненно, бесконфликтно и бескровно. Точно в таком же счастливом положении окажутся миллионы представителей других народов — малороссов, белорусов, армян, казахов, азербайджанцев, киргизов, татар, узбеков, туркмен, молдаван, осетин, грузин и т. д., — рассеянных сегодня по различным странам СНГ, разделенных границами, таможенными, валютами, языками, законами. Миллионы людей, чувствующих себя сегодня «лишними», членами «диаспор», «рассеяния», в одночасье окажутся у себя дома, на Родине.

Построение Евразийского Союза должно проходить на нескольких направлениях:

- *экономическом* (этому способствует создание ЕвразЭС, таможенного союза, пределы которых должны расширяться за счет остальных стран СНГ и других соседних держав);
- *стратегическом* (развитие сотрудничества в военной сфере, поддержание и укрепление единой системы евразийской безопасности);
- *политическом* (активизация и наполнение конкретным политическим содержанием представительских институтов власти — таких, как Межпарламентская Ассамблея стран — участниц СНГ, интенсификация деятельности Комитета интеграции ЕвразЭС, других межправительственных структур, создание в каждой из стран СНГ Евразийских движений, аналогичных российскому и ставящих своей основной целью ускорение и углубление интеграционных процессов);
- *культурном* (интенсивный культурный обмен между странами СНГ, разработка и осуществление общей программы культурной интеграции);
- *информационном* (поддержка деятельности евразийских СМИ, телерадиокомпаний, газет и журналов, интернет-порталов и т. д.);
- *научном* (возрождение общих для стран СНГ научно-исследовательских центров, интеграция и универсализация образовательного процесса);
- *интеллектуально-аналитическом* (создание серии аналитических фондов евразийской направленности, разрабатывающих совместные аналитические проекты, осуществляющие оперативный мониторинг интеграции);
- *транспортном* (развитие евразийской сети транспортных сообщений — железнодорожных, автомобильных, воздушных и водных);
- *промышленном* (воссоздание системы разделения труда, налаживание прямых связей между крупными предприятиями стран СНГ);

- *пограничном* (реализация общей пограничной политики, направленной на снижение значения внутренних границ и укрепление внешних);
- *энергетическом* (разработка и реализация единой евразийской энергосети);
- *профсоюзном* (повышение роли единой системы защиты труда);
- *правовом* (приведение правовых кодексов стран СНГ к общей системе в разделах, касающихся стратегических вопросов и правовой оценки процессов интеграции);
- *геополитическом* (реализация многоуровневых проектов, способствующих интеграции и координации разнообразных усилий в этом направлении в едином центре).

Роль Евразийского движения в интеграции стран СНГ в Евразийский Союз

Евразийское движение является инструментом интеграции, сообщает ей мировоззренческие, социальные, политические, аналитические, геополитические, духовные основания.

Евразийство не просто благосклонно наблюдает интеграционные процессы, оно служит для них *важнейшей и центральной идеологической и политической основой*.

В этой связи Евразийское движение выступает в РФ *основным глашатаем* необходимости скорейшего построения Евразийского Союза, активно взаимодействует с правительственными, государственными, властными, экономическими, отраслевыми, культурными, информационными, научными и социальными инстанциями РФ, лоббирует — через своих членов (депутатов) — евразийскую интеграцию в представительных органах власти всех уровней.

Экономика: евразийский патернализм

Экономический плюрализм и многоукладность

Евразийство предлагает собственное экономическое учение, отличное как от либерализма, так и от марксизма. Обычно в отношении подобной теории принято использовать определения «третий путь», «экономика третьего пути».

Евразийская экономическая модель основана на принципе, противоположном либеральному универсализму, постулатам так называемой классической школы экономики. Каждая историческая общность *имеет свою собственную уникальную историю экономического развития*, особую структуру хозяйственного организма. Система критериев, согласно которым оценивается эффективность экономики, параметры ее достижений или недостатков, не может быть оторвана от исторического, социального и культурного контекста данного общества. Классическая школа западной экономической мысли исходит из ошибочной предпосылки относительно того, что экономическое развитие всех народов и государств происходит в одном направлении и по одной и той же траектории, только разными темпами. На этом убеждении основывается представление о несомненных преимуществах западной экономической модели, как наиболее продвинутом этапе в реализации общей для всех народов экономической модели. Отталкиваясь от этого убеждения, Запад считает себя вправе выступать экономическим арбитром в мировом масштабе, навязывая всем остальным ту систему экономических критериев, которые отражают логику развития экономических систем западных стран.

Евразийская экономическая модель исходит из противоположного принципа — *из невозможности оценки хозяйственных систем различных народов, отправляясь от общего абстрактного критерия и в отрыве от исторической и культурной реальности*. Против экономичес-

кого монизма либеральной политэкономии евразийское мировоззрение выставляет *концепцию экономического плюрализма*. На практике это означает признание того, что мировая экономическая система состоит из отдельных суверенных хозяйственных единиц, развивающихся по своей внутренней логике, которые не могут быть оценены, исходя из какой-то общей теории. Точно так же, как невозможно доказать на основании абстрактных критериев превосходство одной культуры над другой, истинность одной конфессии в сравнении с иной конфессией, преимущества одной расы над другой, невозможно обосновать преимущество одной системы хозяйствования над другой, поскольку это означало бы перечеркивание самобытной экономической истории каждого конкретного народа и государства.

Задача евразийской экономики — гарантировать в рамках своей доминанции суверенность, сохранение и органическое развитие всех существующих экономических систем, отражающих культурно-исторический путь конкретных народов. *Экономический плюрализм* евразийской модели на хозяйственном уровне отражает *принцип многополярности*, на который ориентирована евразийская геополитика.

Императивом развития российской экономики является требование обязательной *многоукладности*, дифференцированного сочетания различных экономических систем — от государственного контроля (в стратегических областях) до свободного рынка (в мелком и среднем производстве, системе торговли, услуг) через разнообразные формы коллективного хозяйствования (кооперативы, акционерные предприятия и т. д.)

Принцип конкретной собственности (владение)

В основе евразийского взгляда на экономику лежит убежденность в том, что хозяйственная, трудовая деятельность, а также вопросы распределения результатов

труда есть явление *общественное, а не частное*. Общество в различных его аспектах — этническом, государственном, профессиональном, возрастном, культурном, сословном и т. д. — есть самостоятельный и целостный *субъект хозяйствования*.

Евразийство отказывается *возводить экономические модели (капиталистические и социалистические) в ранг высшего мерила социально-политических процессов*. Конкретная экономика должна *служить народу, этносу, государству*. Экономическое устройство, таким образом, имеет не принципиальное, но второстепенное, прикладное значение. Критерием при выборе оптимальной экономической модели должна быть конкретная эффективность и полезность.

Либеральной и марксистской догматике евразийство противопоставляет *экономический прагматизм*, заведомо отказывая классическим направлениям экономической мысли в статусе «высшего авторитета» и «ортодоксии».

В духе славянской, русской, а еще шире — собственно евразийской хозяйственной традиции *экономика мыслится как элемент обустройства общественного целого*. Это общественное целое (народное и государственное) обнаруживается на всех уровнях хозяйства, затрагивает все формы собственности.

Евразийство признает многообразие форм собственности, в том числе и частную собственность, но решительно отказывает последней в «священном» характере. «Священность» частной собственности есть характерная черта римского права, перенесенная в современное западноевропейское право. Эта «священность» вытекает из эгоистических, индивидуалистических предпосылок римского подхода к хозяйству, где в истоке права лежат сила, захват и присвоение, осуществленные индивидуумом.

Евразийство отрицает *абсолютную и абстрактную* собственность, где обладающий признается чистым

субъектом, а предмет обладания — чистым объектом, находящимся в полной власти у обладающего. Вся собственность, по евразийской теории, может быть только *конкретной и относительной*. Это означает, что собственник (в том числе и частный):

- не является абсолютно свободным в отношении своей собственности и ответствен за ее использование перед общественным целым;
- имеет разные степени свободы распоряжаться собственностью в зависимости от ее характера (недвижимость, земля, средства производства), и чем более публичный характер имеет объект владения, тем меньше степеней свободы у его обладателя;
- подконтролен обществу и государству в вопросе целевого использования собственности.

Общественный характер собственности максимально обнаруживается в тех объектах, которые по своей структуре намного превосходят масштаб индивидуума.

Общеправовой (общественной, государственной) собственностью являются земля Евразии, воды, озера, моря, речные артерии, недра, полезные ископаемые, Вооруженные Силы и их инфраструктура, военно-промышленный комплекс, финансовые институты с правом эмиссии общеевразийской валюты, силовые министерства и ведомства, пенсионные фонды, транспортные магистрали, энергетика, отрасли промышленности, связанные с добычей и первичной переработкой природных ресурсов. В менеджменте объектов, принадлежащих к этой области, приватизация недопустима.

Смешанная собственность (государственная, коллективная, частная) допускается в сферах промышленности, банковско-кредитной деятельности, бирж, образования, строительства, медицинского обслуживания, культуры, крупного производства товаров и услуг, организации отдыха и досуга, жилищно-коммунальной деятельности.

Частная собственность преимущественно наличествует в области торговли, мелкого и среднего производства товаров и услуг, жилья, транспортных средств.

Основным принципом евразийской экономики является не столько принцип собственности, сколько принцип владения, т. е. социально ответственного и ориентированного на цели общественного блага рачительного хозяйствования в конкретной вверенной сфере — будь то частное предпринимательство, сельскохозяйственные угодья, промышленность или сфера услуг. Принцип владения (вотчины) предполагает *целевое* и *подотчетное* использование тех объектов, которые, находясь под контролем хозяина, содержат в себе общественное, наиндивидуальное измерение. Неправомерное и социально негативное использование объектов владения (даже оформленного как частная собственность) должно повлечь за собой меры правового воздействия в отношении владельца.

Границы собственности (предметов владения) в евразийской экономике устанавливаются не другой собственностью (как в либеральной теории) и не стираются вообще (как в коммунистическом учении), но определяются нормами общественного блага, взятого как высший идеал и цель всякого хозяйствования (в том числе и частного).

Государство и рынок

Общественный характер хозяйства ограничивает сферу рыночного подхода экономическими областями, нейтральными относительно целого — народа и Государства. Свобода рынка максимальна в области циркуляции товаров и услуг, мелкого и среднего производства. Там, где дело касается стратегических областей, необходимо плановое хозяйство.

Рынок является наиболее динамичным и гибким элементом хозяйствования, поэтому в нестратегичес-

ких областях он должен получить приоритетную поддержку со стороны Государства и общества. В этой сфере жизненно важно максимально упростить формы регистрации, отчетности, налогообложения предприятий мелкого и среднего бизнеса, освободить эту сферу от лишних формальностей.

Государство должно максимально содействовать развитию частной инициативы, поощрять рыночные механизмы. Особый акцент должен быть сделан на государственную и общественную поддержку национального предпринимательства. Необходимо проводить в этом направлении патерналистскую политику, оперируя с таможенными пошлинами и квотами таким образом, чтобы создавать развитию национального рынка максимально благоприятные условия.

Евразийский «таможенный союз»

Важнейшим инструментом развития евразийской экономики является постепенное расширение зоны «таможенного союза» со странами ЕвразЭС, с включением в него остальных стран СНГ. Именно границы СНГ являются *оптимальными пределами* для организации «единой экономической зоны», внутри которой не должно существовать никаких таможенных и валютных барьеров.

Необходимо стремиться к переходу от патернализма и поддержки национального производителя в рамках РФ к евразийскому патернализму, т. е. к *единой системе режима наибольшего благоприятствования для евразийских предпринимательских, производственных и рыночных структур на всей территории стран «таможенного союза»*, независимо от того, на территории какой конкретно страны расположено данное производство или коммерческое предприятие. Для реализации евразийской патерналистской политики необходимо совершенствовать законодательство, приводить на-

логовые, эмиссионные, кредитные и таможенные институты каждой из стран к единой системе.

Задачей Евразийского движения в этом вопросе является максимальное содействие превращению всего пространства стран СНГ в единую экономическую зону — с полным отсутствием внутренних барьеров, с единой системой правовых нормативов, регулирующих экономическую деятельность, с общей промышленной, торговой, биржевой, транспортной, кредитной, финансовой, энергетической, валютной, информационной системами.

Для реализации этого проекта необходимо насытить существующие структуры ЕвразЭС реальным содержанием, а также расширять круг стран — участниц этого Евразийского Содружества.

Принцип таможенных барьеров (евразийский «экономический национализм»)

Евразийская экономика в ее рыночном секторе должна основываться на ясном разграничении внутреннего и внешнего рынков. В отличие от либеральных ортодоксов евразийцы отнюдь не считают создание единообразной рыночной инфраструктуры в планетарном масштабе приоритетной задачей человеческой цивилизации. Хозяйство и, в частности, его рыночный сегмент есть продукт исторического опыта конкретного народа, конкретной цивилизации. Как правило, рамки этой цивилизации превосходят масштабы Государства, но не могут быть приравнены и к планетарному объему.

Экономическое евразийство считает, что существуют *естественные цивилизационные границы* каждой из геоэкономических зон, за пределами которых начинаются геоэкономические пространства другой конфигурации и с другими (чаще всего конкурентными) хозяй-

ственными целями. Эти *естественные цивилизационные границы* играют огромную роль в евразийской экономике, являясь качественными барьерами, призванными служить важнейшим инструментом развития внутренней экономики и дифференцированного экономического обмена с теми пространствами, которые лежат по ту сторону. Если освобождение рыночного сектора, унификация экономических, налоговых, кредитных, валютно-финансовых, тарифных и пошлинных нормативов является *важнейшей задачей евразийской экономики во внутреннем секторе*, в рамках евразийских таможенных границ, то область международной торговли должна быть структурирована по совершенно иной схеме. Здесь должны поощряться (в форме тарифной и пошлинной политики) только те рыночные процессы, которые способствуют или по меньшей мере не противоречат развитию внутренних экономических ресурсов. Вместе с тем таможенные препятствия (т. е. нерыночные факторы) должны включаться в случае тех товаров и услуг, поступление которых на внутренний рынок может привести к его деградации или замедлить его развитие.

Ответ на вызов «новой экономики»

Крах социалистической системы породил на Западе крайне опасную иллюзию полного торжества капиталистической экономики, триумфа либерализма. При этом на рубеже 90-х годов прошлого века капиталистическая система (особенно в США) вступила в фазу постиндустриального развития, что знаменовалось серьезным отрывом финансового, биржевого сектора от традиционного торгово-промышленного сектора, составлявшего основу капиталистического хозяйства на предыдущем историческом этапе. Это явление получило название «новой экономики», т. е. такого хозяйст-

венного устройства, при котором объем финансовых средств, вращающихся в сфере чисто финансовых операций — рынка акций, ценных бумаг, деривативов, кредитов, фьючерсов и т. д., — многократно превышал сектор средств, задействованных в реальном производстве. Распространение модели «новой экономики» на весь остальной мир создавало патологическую ситуацию, при которой бюджеты целых стран с многомиллионным населением были сопоставимы с мгновенной прибылью, получаемой в ходе финансовых спекуляций отдельными брокерами.

«Новая экономика», путем сложных манипуляций уравнивающая конкретные торгово-промышленные реальности с виртуальной игрой развоплощенных финансов, стала основой «экономической глобализации» или «глобальной экономики». Так как правила игры в постиндустриальном обществе задают именно США, то они и смогли воспользоваться «финансовой схоластикой» этой системы в глобальном масштабе, обрекая остальные страны на роль «объекта» глобализации и, соответственно, на полную зависимость от экономических стратегий стран Запада.

Однако «новая экономика» основана не столько на реальных успехах, сколько на умелой и агрессивной политике манипулирования с образами, стихией зрелища. Рано или поздно «новой экономике» придется столкнуться с несоответствием между оптимистическими ожиданиями и положением дел в секторе реальной — «старой» — экономики. *Предъявление «новой экономике» реальных счетов не может не вызвать ее коллапса.* В такой ситуации положение тех стран, которые некритически дали себя вовлечь в процессы экономической глобализации, окажется катастрофическим.

Следует отметить, что не все страны Запада в равной мере вовлечены в «новую экономику». Так, эконо-

мическая система благополучных и вполне капиталистических Европы и Японии в значительной мере остается в *рамках классической системы хозяйства*, делающей ставку на реальный сектор экономики — производственные инвестиции, развитие конкретных промышленных и рыночных инфраструктур. Всеобщей глобализации эти развитые регионы отвечают «региональной глобализацией», т. е. созданием относительно автономной системы, напоминающей «таможенный союз» или «автаркию больших пространств».

Евразийская экономическая политика состоит в том, чтобы критически отнестись к глобализации, распознать двусмысленность и подвох «новой экономики», по достоинству оценить ее риски и особенно ее возможные последствия для развития национального хозяйства.

Евразийство должно ответить на вызов «новой экономики» в духе Евросоюза и Японии, т. е. «*региональной глобализацией*», созданием широкой экономической зоны, сопоставимой с европейской или тихоокеанской, в пределах которой будет установлена хозяйственная система, опирающаяся на *реальный сектор* и взаимодействующая преимущественно с соседними экономическими зонами (европейской и тихоокеанской), где акцент ставится на более традиционных и конкретных формах так называемой «старой экономики».

Приоритет «экономического развития» над «экономическим ростом»

Очень важно провести различие между количественным ростом экономики и ее качественным развитием. Понятие «роста» предполагает следование в русле уже имеющихся тенденций и ориентацию на критерии, почерпнутые из экономического устройства других обществ, находящихся в положении лидеров. Критерий роста в таком случае сводится к наблюдению числен-

ных показателей и к модели «догоняющего развития» (что предполагает слепое копирование основного направления и базовых условий всего курса).

Экономическое развитие, напротив, предполагает разработку оригинального сценария, широкий процесс инноваций, затрагивающий не только методы, но и цели хозяйственной деятельности, с параллельной выработкой новаторской системы критериев.

Согласно австрийскому экономисту Йозефу Шумпетеру, экономическое развитие предполагает:

- создание нового, еще незнакомого потребителю блага или прежнего блага, но с новыми качествами;
- введение нового способа производства;
- завоевание нового рынка сбыта или расширение прежнего;
- использование нового вида сырья или полуфабрикатов;
- введение новой организации дела для создания своей монополии или подрыва чужой.

Можно применить эти рекомендации к макроэкономическим реальностям, сконцентрировав хозяйственные усилия на *инновационном потенциале*. Это предполагает креативный поиск в разработке новых (евразийских) товаров, нового способа производства, новое понимание евразийских рынков, разработку новых видов сырья и источников энергии, позитивное использование особенностей евразийской трудовой психологии (имеющей циклический, общинный, синусоидальный, подчас спонтанный характер) и манипуляцию с ней вместо некритического копирования классических предпринимательских стратегий западных капиталистических обществ с присущими им критериями, основными группами товаров и услуг, жесткой привязкой к универсальным видам сырья и энергии, размеренной трудовой дисциплиной и привычными рынками сбыта.

Сконцентрировавшись на качественном развитии и использовании инновационного потенциала, а также психологических и стилистических особенностей евразийских обществ, можно в кратчайшие сроки достичь эффективных и серьезных результатов.

«Полюса развития»

Социально-экономический рельеф России (Евразии) предопределил неравномерность хозяйственного развития ее отдельных регионов. Учитывая обширность территорий, не приходится и мечтать об их равномерном экономическом развитии. В такой ситуации евразийская экономика считает целесообразным обратиться к *теории «полюсов развития»*.

«Полюс развития» представляет собой активно развивающийся экономический центр, который может быть либо большим городом, либо крупным промышленным предприятием (или совокупностью таких предприятий), либо центром ресурсодобывающей промышленности, либо торговым, портовым, научным или иным центром с развитой социальной инфраструктурой.

«Полюс развития» в евразийской модели следует наделять особым экстерриториальным статусом и относиться к нему не как к региональному, а как к стратегическому, общевразийскому элементу хозяйства. Это означает, что «полюс развития» должен находиться в особой связи и с прилегающими к нему регионами, и с федеральным центром. «Полюс развития» должен быть в центре внимания общевразийской экономики, наделяться особым льготным режимом налогообложения и тарифов. Укрепление, расширение и экономическое процветание «полюса развития» должно быть одной из важнейших задач федерального центра, на нем должны быть сконцентрированы особые усилия —

в том числе транспортные, информационные, культурные и социальные программы.

«Полюс развития», со своей стороны, должен выполнять функцию равномерного подтягивания прилегающих к нему территорий до своего уровня, перераспределять результаты своего интенсивного экономического, технологического и социального роста в пользу всего региона.

«Коридоры развития» (евразийские транспортные сети)

Пространственная структура России (Евразии) ставит ее экономику в прямую зависимость *от развития транспортных сетей*. Огромные регионы остаются неосвоенными и слабозаселенными, многие районы страны отрезаны непроходимыми зонами от мест компактного поселения и социальных центров. Это тормозит экономическое развитие.

В такой ситуации транспортная сеть, система железнодорожного, автомобильного, речного сообщения приобретает дополнительную нагрузку, становясь пространственной осью развития и хозяйственного освоения территорий. Это обстоятельство лежит в основании экономической теории «коридоров развития».

«Коридоры развития» являются стеновым хребтом евразийской экономики, чьей главной задачей является связь между собой всех точек евразийского пространства (и в первую очередь «полюсов развития»), что позволит создать (воссоздать) систему евразийского распределения труда и наладить прямое взаимодействие промышленных предприятий.

Ключевым проектом в этом направлении является создание *трансевразийской железнодорожной магистрали*, призванной объединить Европу с тихоокеанским побережьем России и — далее — с Японией. Такая магистраль должна стать «проектом века», так как от реа-

лизации его зависит полная интеграция всего материкового пространства и скрепление геоэкономической территории России (Евразии) надежными структурами. Широкий маршрут прокладки основной трансевразийской магистрали может дополняться меридиональными ответвлениями, созданием новых социальных и экономических центров, располагающихся вдоль этой стратегической транспортной артерии.

Евразийские энергосистемы и ренационализация природной ренты

Евразийская экономика предполагает консолидацию всех ресурсодобывающих отраслей и в первую очередь энергоносителей — газовых, нефтедобывающих и угледобывающих — в единую систему, согласовывающую ценовую стратегию экспортных поставок с приоритетными целями всей евразийской системы. Россия совместно со странами ЕвразЭС и СНГ должна сосредоточить весь ресурсный потенциал в единой координирующей инстанции для того, чтобы выработать общую консолидированную политику цен, тарифов и квот, а также оптимально перераспределять эти ресурсы внутри всего евразийского пространства, учитывая не только мировую динамику цен и конъюнктуру, но и геополитические и геоэкономические задачи интеграции.

В вопросах ресурсоснабжения все страны ЕвразЭС (и СНГ) должны пользоваться *льготным режимом* и вместе с тем строго подчиняться консолидированным решениям в экспортной политике и маршрутах прокладки нефте- и газопроводов с учетом интересов всей Евразии.

Природная рента, управление энергоносителями *должны быть достоянием всего народа*. Приватизированные сектора в этой области подлежат «евразийской ренационализации». При этом не следует возвращаться к устаревшей модели чисто государственно-бюрократ-

тического управления (доказавшей свою неэффективность); в случаях адекватной системы менеджмента тех предприятий, которые на данный момент оказались в границах частного сектора, следует сохранить ее, лишь изменив формальный и правовой статус владельцев на статус управляющих — с существенными материальными, административными и управленческими льготами.

Задача евразийской ренационализации *состоит не в огосударствлении эффективно работающих частных предприятий*, связанных с эксплуатацией природной ренты, но в *реструктуризации перераспределения доходов*, получаемых в ходе этой деятельности, — с учетом стратегических, социальных и геополитических факторов.

Евразийская модернизация промышленности (промышленная политика)

Промышленное развитие на современном этапе обязано учитывать три важнейших обстоятельства, которые были не столь принципиальны в предшествующие периоды:

- прогрессирующее сокращение природных ресурсов Земли;
- загрязнение окружающей среды;
- революционное развитие высоких информационных технологий.

Это ставит перед промышленностью новые задачи:

- инновационный поиск новых видов энергетики (энергия ветра, солнца, других восполняемых ресурсов);
- экологический ценз, предъявляемый к предприятиям, и введение новых очистных технологий;
- информационную модернизацию традиционных производственных технологий.

Эти требования диктуют новую логику промышленного развития, которое не должно сводиться к сохранению любой ценой существующих производственных единиц. Вместе с тем нельзя следовать в этом вопросе прямой рыночной конъюнктуре.

Необходимо разработать последовательную промышленную политику, учитывающую долгосрочную перспективу всей Евразии. Определенные виды производств, с которыми связано развитие стратегически важных отраслей, необходимо приоритетно развивать и поддерживать, причем независимо от того, являются ли они конкурентоспособными в краткосрочной перспективе. И, напротив, устаревшие и экологически разрушительные производства следует перепрофилировать или сокращать.

Сельское хозяйство

Сельскохозяйственные земли должны передаваться под целевое использование в пожизненное владение с правом семейного наследования при условии использования их по назначению.

Крестьянский труд является исторической основой евразийской трудовой и социальной культуры. Сельский быт, агрикультурные циклы заложили основу *духовной и трудовой этики* большинства евразийских этносов, нравственный код и социальную психологию наших предков.

Крестьянский труд является не просто основой продуктового снабжения населения России (Евразии), но живой связью с прошлыми поколениями, оптимальной формой созидательной деятельности, укорененной в традиции и максимально гармоничной с экологической и гигиенической точки зрения. Сельский житель полноценно переживает органические связи с прошлым, с природой, с человеческой общиной.

Возврат к земле есть евразийский императив, в ко-

тором воплощается на практике в стихии трудовой деятельности общая установка на обращение к традиции, восстановление оборванных и отчужденных связей современных людей со своими корнями.

По этой причине сельскохозяйственная практика, аграрный фактор не должны рассматриваться только в узкоэкономической перспективе. Даже в том случае, если этот сектор будет в определенной степени дотационным, его необходимо сохранять, развивать и расширять, так как здесь зоны духовного, психологического и нравственного возрождения народа.

С точки зрения стратегической, земельные хозяйства должны обеспечивать продуктовую самодостаточность населению России (Евразии), чтобы при любых поворотах внешней политики народ мог рассчитывать на удовлетворение потребностей в качественной, экологически чистой пище.

Развитие и защита отечественной системы производства продуктов питания должна быть приоритетной задачей всего общества, и производители сельхозпродукции должны быть защищены продуманной системой таможенных тарифов на импорт продуктов питания, системой льготных кредитов, созданием гибкой системы «крестьянских банков», предоставляющих целевые ссуды крестьянским хозяйствам.

Евразийская стратегия предполагает постепенное расселение мегаполисов в пригородные и сельские районы, приобщение максимально широких слоев населения к крестьянскому труду и быту, к природному и хозяйственному ритму сельской жизни. Развитие систем коммуникаций — в частности, систем типа сети Интернет — должно способствовать тому, что все работники широкого сектора производства смогут принимать в нем участие экстерриториально, физически проживая в сельской местности в окружении традиционного быта, органической общины и нетронутой природы.

Крестьянский труд по самой своей структуре предполагает общинный коллективный характер. Оптимальный способ ведения хозяйства является соборным. Эти традиции *трудовой соборности* должны быть возрождены независимо от того, какова форма собственности в каждом конкретном хозяйстве.

Признавая различные формы собственности — индивидуальные, коллективные и семейные, евразийство поощряет общинный способ ведения хозяйства.

Евразийская безопасность

Военная политика: приоритет стратегических видов вооружений

Геополитическое положение Евразии в современном мире, потребность в установлении *многополярного* мира и необходимость отстаивания *цивилизационной* самобытности России (Евразии) диктует набор определенных требований к структуре, характеру и профилированию Вооруженных Сил РФ.

Во главу угла в этом вопросе должны быть поставлены обеспечение (асимметричного) паритета системы российских (евразийских) ВС в сравнении с уровнем военного потенциала наиболее развитых стран мира — т. е. *стран НАТО*. Именно возможность эффективно противостоять потенциальной агрессии со стороны этого блока является *гарантом мира во всем мире*, необходимым условием создания гармоничной и справедливой многополярности. Отказавшись от ориентации на стратегию сдерживания (в первую очередь ядерного), Россия (Евразия) *лишается своего геополитического и цивилизационного суверенитета*, утрачивает возможность свободно и демократично выбирать путь своего политического, экономического, духовного и социального развития, проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику.

Наличие (асимметричного) паритета является *стратегическим условием самого существования России (Евразии)* как единого геополитического целого.

Этим диктуется необходимость приоритетного развития стратегических ядерных сил (баллистические ракеты, ракеты средней дальности, стратегическая авиация, подводные лодки, оснащенные торпедами с ядерными боеголовками, и т. д.), постановка именно этого сектора вооружений в качестве *основного приоритета* военной реформы в евразийском ключе.

Готовность и возможности евразийских ВС отразить масштабную геополитическую агрессию со стороны блока НАТО и военных сил США являются залогом того, *что эта вероятность никогда не станет реальностью*, хотя бы потому, что в условиях (асимметричного) паритета это будет для США и стран НАТО тождественно самоуничтожению.

Реальное миротворчество и справедливое международное сотрудничество и партнерство должны опираться на конкретную *силу*.

Главным критерием реформирования ВС в евразийском ключе является готовность именно к этому глобальному ядерному конфликту с использованием стратегических вооружений.

При этом следует обратить особое внимание на процессы *модернизации стратегических видов вооружений* с отказом от устаревших моделей и параллельным внедрением в эксплуатацию и постановкой на боевое дежурство новейших видов вооружений данного профиля.

Задачи обороны России (Евразии) в глобальном конфликте подсказывают те виды вооружений, которые подлежат приоритетному укреплению и развитию. Это:

- ядерное оружие;
- ракетные войска;

- стратегическая ядерная авиация;
- военно-морской и подводный флот;
- система евразийской противовоздушной обороны;
- система военной и политической разведки в странах НАТО.

Ориентация на адекватные действия в условиях глобального конфликта заставляет сосредоточить усилия на подготовке стратегических военных альянсов и создании нескольких зон безопасности на всей территории Евразийского материка.

Система обороны России должна быть интегрирована с военными структурами стран СНГ, образовав единую стратегическую модель.

Приоритетные стратегические военные альянсы России (Евразии) следует заключать с Ираном, Индией, Китаем.

Зоны коллективной безопасности, предполагающие объединение оборонных усилий, должны быть созданы на Западе (Европа) и в Тихоокеанском ареале (Япония, Китай, Индонезия, Филиппины) с непосредственным участием России. Следует также поддерживать создание автономных зон безопасности в арабском мире, в транссахарской Африке, в Южной и Центральной Америке.

Активная оборонная политика России, ее участие в военных альянсах и усилия по созданию зон безопасности с «нейтральными» соседями должны создать надежное основание для того, чтобы западный блок (НАТО) и США (сильнейшие на сегодня в военно-стратегическом смысле) отбросили иллюзии относительно *возможности прямой военно-стратегической гегемонии* в мировом масштабе. Только — при ограничении стратегических интересов США пространством Американского континента и прилегающих к нему океанических акваторий — Атлантического и Тихого океанов — Россия (Евразия) сможет выстраивать с

США доверительные партнерские отношения в военно-стратегической сфере, и об общих приоритетах в вопросах безопасности можно будет говорить без всяких натяжек.

Любые переговоры по сокращению ядерных вооружений и их носителей, процесс ликвидации и демонтажа устаревших образцов должны осуществляться с соблюдением главного условия — сохранения (асимметричного) баланса вооружений с системой ВС США.

Использование ВС в региональных конфликтах

Второй по значимости задачей, стоящей перед ВС России (Евразии), является защита интересов Отечества *в возможных региональных войнах*. Это предполагает наличие адекватной структуры для ведения военных действий на территориях, прилегающих непосредственно к России, в ситуации отсутствия глобализации военного конфликта и без вовлечения в него стратегических видов вооружений и глобальных блоков (типа НАТО или англо-американской коалиции).

Реализация этой задачи требует адекватного развития, подготовки и оснащения иных типов вооружений и армейских подразделений. Здесь приоритетны:

- воздушно-десантные;
- мотопехотные;
- артиллерийские;
- ракетные (малой и средней дальности) войска;
- силы быстрого реагирования.

Для профилактики региональных войн, сам факт которых уже наносит непоправимый ущерб евразийской системе безопасности, так как привносит конфликты и противоречия на территорию Евразийского материка, который должен быть, напротив, *зоной прочного мира*, а следовательно, ослабляет евразийский

стратегический вектор перед лицом потенциальной угрозы со стороны глобальных блоков, необходимо приоритетно развивать систему пограничной службы и структуры военной и политической разведки по всему периметру российских (евразийских) территорий.

Усовершенствование этого сегмента ВС не должно замещать собой или оттеснять первоочередные задачи — концентрации усилий на развитии стратегических видов вооружений. *Нарушение этих пропорций чревато непоправимым ущербом для всей системы евразийской безопасности.*

ВС во внутренних конфликтах

Третьей по значению задачей, стоящей перед структурой ВС России, является обеспечение порядка внутри страны, подавление организованных или спонтанных экстремистских, сепаратистских и повстанческих выступлений.

При урегулировании таких локальных конфликтов обычным силам МВД и спецподразделениям ФСБ иногда требуется поддержка регулярных войск. В этом случае наиболее эффективны профессиональные военные и контрактники. Преимущественно в таких случаях задействуются десантные отряды, мотопехота и артиллерия.

Использование регулярных армейских частей во внутренних конфликтах является *исключительной ситуацией*, и структурирование ВС не должно ориентироваться на эти довольно редкие и экстраординарные случаи. Задействование регулярных подразделений ВС в таких конфликтах не входит в их основное назначение и не должно рассматриваться в качестве нормативной ситуации. Эти исключения свидетельствует скорее о неадекватности действий других силовых министерств и ведомств (МВД, ФСБ, погранвойска,

СВР), призванных не допускать такого поворота событий и применять последовательную серию профилактических мер. Обострение конфликтной ситуации может потребовать участия спецподразделений МВД и ФСБ, которые должны быть адекватно подготовлены для оперативного действия в подобных ситуациях.

Совершенно недопустимым является реформирование ВС с ориентацией на участие во внутренних конфликтах, это противоречит самой природе ВС, призванных защищать *Отечество от внешнего, а не от внутреннего врага*.

Научный и экономический потенциал ВПК

По ряду исторических причин в сфере ВПК России до сегодняшнего времени сосредоточены лучшие научные и интеллектуальные ресурсы страны. Этот фактор должен быть оценен по достоинству и использован для общего развития страны в целом.

Структура ВПК советского периода была организована с целью максимально адекватного реагирования в случае возможного ядерного конфликта с ВС противоположного идеологического лагеря. Этим определялась вся его структура, приоритетность направлений технологических, промышленных, наукоемких исследований и разработок. Евразийский взгляд на геополитическую структуру современного мира и систему глобальных вызовов и угроз дает новое представление о сущности евразийского ВПК, которое в основных своих чертах *не противоречит* тем стратегическим целям и задачам, которые стояли перед ним изначально. Откладывая в сторону как пережиток идеологическую составляющую, евразийство в результате *строого геополитического* анализа приходит к выводу о том, что *сохранение и развитие отечественного ВПК является актуальным требованием новой эпохи*, так как без сохранения стратегической мощи Евразия как многопо-

лярная реальность не сможет реализовать свой необъятный потенциал перед натиском однополярного глобализма и атлантизма.

Следовательно, российский ВПК подлежит не радикальной трансформации (вплоть до ликвидации — на чем настаивают крайние либералы-западники), но модернизации, усовершенствованию, адаптации к новой технологической, научной, интеллектуальной и геополитической среде.

На примере США видно, что и в либерал-демократической системе наиболее эффективные научно-промышленные механизмы, технологии и открытия создаются в рамках относительно закрытых *военных стратегических институтов и структур*.

Евразийский подход к ВПК состоит в требовании его развития и укрепления, насыщения новым экономическим, технологическим и интеллектуальным потенциалом.

Социальный статус военных (державостроительная функция военного сословия)

Военное сословие лежит в основе создания государственности, так как любая политическая общность нуждается в защите от внешних угроз. Традиционно воинское сословие составляло основу аристократии, было осью политического организма.

Психология военных заведомо патриотична и особенно чувствительна к вопросам обороны, национальной безопасности страны, внешним вызовам и угрозам, стратегическому положению Отечества. Военнослужащие, ветераны и резервисты составляют *важнейший социальный слой*, на который должна опираться всякая державостроительная инициатива. Зная жестокий опыт войны, участники боевых действий особенно ценят мир и дорожат им, ответственно подходят к решению конфликтных ситуаций.

Евразийская идеология приоритетно выделяет военное сословие и ветеранов ВС, всех силовых министерств и ведомств в *особую категорию*, которой наиболее близки патриотические чувства, геополитическое мышление, озабоченность стратегическим положением России (Евразии).

Евразийское движение настаивает на том, чтобы возродить в обществе престиж, достоинство, *особый высокий статус военного сословия*, отдавая должное тем, кто добровольно готов жертвовать своей жизнью во имя свободы и независимости Родины. В обществе, построенном на евразийских началах, военное сословие должно пользоваться многочисленными льготами — материальными и социальными, особой системой жилищного обеспечения, медицинского обслуживания, пенсионных и страховых гарантий. Вместе с тем необходимо придать военнослужащим высокий социальный статус, подтверждаемый рядом гражданских и политических привилегий.

На уровне геополитического централизма, призванного скрепить евразийское пространство, «геополитической администрацией» и элитой должны быть преимущественно выходцы из военного сословия или люди с естественной склонностью к стратегическому мышлению и упорядоченной строгой психологией, способные к самопожертвованию, аскезе, самодисциплине, перенесению лишений. Евразийская кадровая политика должна предусматривать выдвижение в управляющие органы в первую очередь военнослужащих, прошедших военную подготовку.

Резкое повышение социального статуса военного сословия облегчит переход к *профессиональной евразийской армии*, которая будет комплектоваться из добровольцев, прошедших строгий отбор. При этом в переходном периоде сохранится военнообязанность для всех молодых людей, достигших определенного возрас-

та. Даже после окончательной комплектации профессиональных ВС юношество должно будет в обязательном порядке осваивать базовые военные навыки, которые могут быть востребованы в случае непредвиденных вооруженных конфликтов глобального масштаба.

Безопасность и геополитика

Стратегия евразийской безопасности предполагает действия в мировом масштабе в соответствии со стратегическим потенциалом России (Евразии), имеющим планетарное измерение. Обеспечить безопасность России в отрыве от основных мировых тенденций, не взаимодействуя с ними, не соучаствуя в них, в современных условиях невозможно. Россия будет надежно защищена от внешних угроз только в особой планетарной конфигурации, которую необходимо вначале *создать*, потом *укрепить*, а потом *сохранять и поддерживать*. Этой конфигурацией является многополярный сбалансированный мир, основанный на сложной системе стратегического и военного баланса.

Для того чтобы создать такой мир, необходимо активно соучаствовать в мировых процессах, влиять на политические и геополитические решения основных крупных мировых сил, держав и блоков. А это, в свою очередь, предъявляет новые требования к самой структуре органов безопасности, разведки, разного рода спецслужб.

Евразийские спецслужбы должны оперировать *в условиях планетарной геополитической операционной системы*, с ясным пониманием взаимосвязей, которые существуют между самыми различными факторами — экономикой, политикой, идеологией, культурой, этносами, конфессиями, природными ресурсами, промышленной политикой, информационными системами, потенциальными военными конфликтами, внутривнутриполитическими и внешнеполитическими противоречиями,

финансово-валютными процессами, логикой развития и конкуренции транснациональных корпораций, эволюцией научных представлений и технологических инноваций, социальными трендами и т. д. Эту геополитическую среду новейшей картины мира евразийские спецслужбы должны *детально изучить* и научиться действовать в ней.

В современном мире самые серьезные угрозы для безопасности России (Евразии) могут исходить не только из области вооружений потенциальных противников, прямых военных действий, террористических актов и т. д., но и из *других источников*. Ущерб этой не прямой агрессии — посредством экономических, культурных, социальных, технологических, психологических и иных форм подрывной для России (Евразии) деятельности — может во много раз превосходить ущерб от открытого военного столкновения. Геополитические войны нового поколения могут быть бескровными, но приносить не меньший вред, чем войны мирового значения.

Евразийская система безопасности (и соответственно структура спецслужб, разведки и контрразведки) должна учитывать все многообразие новых вызовов и угроз.

Демографические проблемы

Перед Россией (Евразией) сегодня чрезвычайно остро стоит демографическая проблема. Некоторые великие и малые народы вымирают на глазах, смертность сплошь и рядом существенно превышает рождаемость. Этот процесс во всех случаях является катастрофическим, но особую озабоченность вызывает стремительное вымирание *русского населения* — того народа, который и построил огромную континентальную державу, отдал все силы миссии евразийского объединения. Эта проблема требует *безотлагательного решения*.

Демографическая проблема этнического вымирания в принципе не может быть поставлена (не говоря о решении) последовательно и открыто в контексте политических идеологий, не признающих этнос политической категорией. Либеральный, либерально-консервативный и коммунистический подход к этой теме, по определению, будут противоречивыми, так как принадлежность человека к тому или иному этносу в теории гражданского общества не имеет *никакого правового статуса*. Либералы, либерал-консерваторы и коммунисты могут вести речь лишь о сокращении числа *граждан, населения, а не этноса, народа*. Такая постановка проблемы сразу же уводит нас от сущности катастрофического процесса, так как вымирание одних этносов в одном и том же политическом пространстве может сопровождаться демографическим ростом других и притоком мигрантов из-за рубежа. В правовом поле «гражданского общества» невозможно не только решить, но даже поставить проблему «этнического вымирания».

Лишь евразийский подход, настаивающий на придании этносу полноценного *политического статуса*, может адекватно справиться с этой проблемой. Так как для евразийского мировоззрения этнос, народ есть *органическое единство и самостоятельная политическая категория*, то противодействие его вымиранию, изменение демографических тенденций в позитивную сторону является важнейшей социально-политической проблемой, требующей общественного, государственного и правового решения. Остановить вымирание народа становится важнейшей и откровенно сформулированной *политической* задачей евразийской политики.

Изучение демографических процессов в разных странах показывает, что основные факторы, влияющие на уровень рождаемости, лежат не в материально-экономической, но в культурной, духовной, моральной и психологической сферах. Более того, общества с высоким уровнем материального обеспечения часто пока-

зывают падение индекса рождаемости, а некоторые бедные страны демонстрируют обратные тенденции. Следовательно, проблема вымирания народа не может быть сведена исключительно к *экономическим* показателям. Можно сказать, что демографический рост зависит в первую очередь от социально-политической и культурной среды.

Остановить вымирание народов России, предотвратить исчезновение с лица земли великого русского народа можно, только изменив социально-культурную, мировоззренческую и духовную атмосферу в обществе. Для этого необходимо совершить *радикальную переоценку ценностей*, отказаться от копирования западных псевдокультурных клише, от пропаганды половой распущенности, эротического индивидуализма и сенсуализма, от культа контрацепции, от дискредитации и высмеивания традиционного семейного уклада, от бума порнографии и эстетизации извращения.

Решение демографической проблемы возможно *только через возврат к традициям, духовным, религиозным, нравственным и культурным устоям, исторически свойственным русскому народу, другим народам России (Евразии)*. Традиционный жизненный уклад и присущая ему система ценностей — святость брака, освященность семейного быта, духовный, социальный и этический долг чадорождения и воспитания детей — должны быть *возведены в социальную норму*, стать доминирующим культурным кодом, соблюдение которого будет отражаться на социальном, профессиональном, даже политическом статусе человека. Презрение к духовным и культурным нормативам, небрежение традициями должно быть исключительным случаем и навлекать на индивидуума общественный остракизм. Решение нравственных проблем — личный выбор человека, но вынесение оценки деяниям, поведению и отношению к нравственным устоям — дело, напротив, *общественное и политическое*.

Такая переориентация в сторону органических ис-

торических традиций требует сочетания усилий религиозных институтов (церкви), перестройки системы образования, политической воли руководства страны, последовательной информационной политики. Для того чтобы соединить эти факторы, необходимо принять в качестве цивилизационного проекта *основные мировоззренческие и политические принципы евразийства*, так как даже теоретически в иных случаях достичь необходимой концентрации и координации действий столь различных инстанций будет невозможно.

Для реализации социального проекта, направленного на решение демографической проблемы через возврат к системе традиционных социальных, культурных и семейных ценностей, потребуются *серьезная экономическая поддержка* — в том числе адресная поддержка молодым семьям (особенно в вопросах жилья), многодетным семьям, детям, лишившимся родителей, вложения в медицинское обеспечение, программы строительства жилья для молодых и особенно многодетных семей. Этот фактор очень важен, но всю эффективность материальная поддержка чадорождения проявит только в случае наличия *политической и социальной* программы, учитывающей всю совокупность элементов, составляющих эту проблему.

Гордость и любовь к своему народу и своему Отечеству, уважение к его традициям, к его духу — уже одно это сознание способно изменить ход демографического процесса, избежать катастрофы — медленной гибели нации.

Наука и культура

Кризис науки и его преодоление: евразийский взгляд

В настоящее время *наука переживает глубокий кризис*. Это связано с общим кризисом всех аспектов господствующего рационалистического мировоззрения, сложившегося на заре Нового времени и бывшего в

последние 300 лет доминирующей культурной формой (особенно в случае Запада). Сущность этого кризиса состоит в том, что рационалистический подход к миру отбросил как «пережитки» и «предрассудки» большинство религиозных, духовных представлений традиционного общества, поставил индивидуального человека над природой и вне священных сил ее, которые внушали людям древности уважение, почтение и благоговение.

Современная наука с момента своего возникновения имела «богоборческую» направленность даже в тех случаях, когда она не была связана напрямую с атеизмом. Вложив огромную историческую энергию в развитие науки и техники, человечество в XX веке стало понимать, что это предприятие было не столь самоочевидным, как это казалось вначале, что за пределом внимания остались важнейшие психические и духовные стороны человеческой личности (не поддающиеся рациональному научному анализу), что бесконтрольное и стремительное развитие техники, индустриализация, автоматизация наносят непоправимый ущерб окружающей среде и внутренней гармонии человеческой личности.

Наука на новом этапе поставлена перед сложной проблемой преодоления этого кризиса.

Евразийская философия подсказывает, что осуществить это возможно лишь *с помощью возврата к духовной традиции*, религиозной Вере, внимательного и вдумчивого освоения наследия предков, великих цивилизаций древности, нового открытия истин, присущих традиционному обществу. Наука должна восстановить связь времен и эпох, обрыв которой лежит в самой основе ее появления.

Евразийский подход к науке состоит в предложении возвратиться к истокам бытия, к онтологии, к пониманию мира как цельного единого организма. Необходимо свести данные многочисленных научных дис-

циплин к единой всеобъемлющей многомерной модели. Только в этом направлении научное развитие будет полноценным и гармоничным.

Важно разделить области фундаментальной науки и техники. Именно сфера фундаментальных наук ближе всего затрагивает уровень глубинных причин, корни бытия, а следовательно, именно здесь наглядно проявляются наиболее кризисные аспекты ее сегодняшнего состояния. И поэтому здесь острее стоит проблема поиска выхода, спасительных решений. Фундаментальные науки ясно осознают *драматизм исторической ситуации*. Поэтому эта область является в высшей степени важной и значимой для евразийского мировоззрения. Евразийство жизненно заинтересовано в обретении фундаментальными науками *цельного и духовного понимания природы реальности*.

Технологическое развитие, со своей стороны, игнорирует серьезность проблемы, так как в этой области простое техническое совершенствование кажется «очевидным» аргументом в пользу эффективности и оправданности всего процесса технологического прогресса. Освобождение технологий от связей не только с областью нравственности, духовности, но и с самой фундаментальной наукой, чьими второстепенными результатами манипулируют разработчики новейших технологий, является *тревожной* тенденцией, способной поставить все человечество на грань *техногенной катастрофы*.

С евразийской точки зрения, техника должна быть поставлена под контроль фундаментальной науки, а сама эта наука должна соотносить свои исследования с областью духовных и нравственных принципов. Только в таком случае и при соблюдении такого иерархического соотношения удастся избежать катастрофического развития современных технологий, подошедших к зловещей черте — порождению генетических монстров, созданию «мыслящих машин», технической манипуля-

ции человеческой психикой и человеческим сознанием. Если вовремя не остановить этот процесс, самые страшные подозрения из области научной фантастики рискуют превратиться через некоторый период времени в действительность.

Состояние современной российской науки страдает и по иным — чисто практическим причинам, так как в условиях абсолютизированного рынка занятие отвлеченной научной деятельностью представляется в значительной степени «неоправданным» и не приносящим ощутимого экономического эффекта. Это недоразумение свойственно мировоззрению, настаивающему на применении рыночного подхода ко всем областям общества — даже к тем, где он совершенно неуместен.

Евразийское отношение к этой более конкретной проблеме — отсутствия социальной поддержки у научных исследований, институтов, центров и академий — следующее: фундаментальная наука должна развиваться независимо от краткосрочных дивидендов, которые она может принести или не принести.

Ответственность за финансирование науки следует возложить на социальные статьи бюджета, на систему ВПК и на структуры специальных фондов, формирующихся за счет финансовой поддержки крупного и среднего частного предпринимательства.

Культурная политика

Евразийство является не только *политическим мировоззрением*, но и своеобразной *философией культуры*. Исходя из евразийского подхода можно сформулировать основные принципы культурного развития:

- Необходимость провести тщательную ревизию культурного наследия, с тем чтобы выделить наиболее ценные направления и сместить на периферию

внимания второстепенные (критерием должно выступать соответствие духу Традиции).

- В области культуры следует отдавать приоритет духовным, религиозным элементам, связанным с понятием «священного». Удельный вес конфессионального, религиозного начала в вопросах культуры должен быть существенно повышен.
- Обращение к национальным этническим и религиозным корням культуры несет в себе колоссальный импульс, способный существенно оздоровить социальный и культурный климат в обществе, дать новые силы и открыть новые направления в творчестве.
- В деле диалога культур приоритетом должны пользоваться культуры близких исторически евразийских этносов — этническое и духовное наследие славян и тюрков, финно-угров, монголов, других автохтонных народов России (Евразии) должно быть в центре внимания. Следует учитывать, что вершины западной культуры сплошь и рядом являются делом рук художников, мыслителей и интеллектуалов, настроенных крайне *критически* в отношении доминирующего пути развития буржуазной либеральной цивилизации; так, наилучшие образцы западноевропейской мысли XX столетия почти исключительно принадлежат жестким критикам либерально-демократической системы ценностей (причем эта критика осуществлялась как с «правых», традиционалистских, консервативных, так и с «левых», социальных позиций). Выделение и освоение этого «евразийского» начала западноевропейской (и даже американской) культуры является важнейшей задачей для обогащения евразийской мысли на новом этапе.
- Знакомство с культурными ценностями Востока и Запада должно идти параллельно укреплению и

возрождению *собственной культурной идентичности*, при этом явный перекося в сторону интереса к западной культуре и псевдокультуре следует компенсировать более внимательным и активным изучением культур народов Востока.

- Новаторский компонент, являющийся важной частью творчества, должен основываться на глубоком знании традиций, питаться живительными энергиями старины, воплощая вечные истины и древние мотивы человеческой души, взыскующей смысла, в неожиданные оригинальные стилевые решения, отражающие парадоксальный драматический дух нашей эпохи; это и есть евразийский стиль — *синтез древнего и авангардного, изначального и ультрасовременного*.
- Необходимо активно противодействовать любым формам «культурного расизма» и «культурной колонизации», откуда бы эти тенденции ни исходили, так как сохранение собственной культурной идентичности является необходимым условием национальной безопасности; особенно это касается агрессивного навязывания культурных стереотипов цивилизацией Запада, открыто претендующей на их глобализацию.

Евразийские реформы СМИ

Евразийская философия утверждает, что развитие современных, в первую очередь электронных СМИ — и особенно их глобализация — постепенно приобретает тревожный характер, так как в этом процессе все ярче проявляется *манипуляционное, отчуждающее начало*. Воздействие СМИ подменяет людям свободное и углубленное размышление, навязчивые стереотипы вытесняют возможность критического отношения к важнейшим мировым событиям. Постепенно сама система СМИ превратилась в *инструмент нелегитимной*

власти, пользующейся аморальными технологиями грубого (гипнотического) воздействия на сознание (и подсознание) зрителей. Если добавить к этому то обстоятельство, что содержательная сторона транслирующейся информации, как правило, очень далека от естественных культурных, духовных, нравственных норм, традиционно сложившихся в обществе, то картина получается совсем зловещей.

Евразийское движение настаивает на радикальном изменении всей структуры СМИ — и технологическом, и содержательном, и методическом.

Технологически: следует развивать те формы СМИ, которые обеспечивают зрителю *большую свободу выбора*, а также возможность участвовать *в обратной связи* с источником информации. Наиболее адекватной системой для этого является *сеть Интернет*, тогда как телевидение, напротив, представляет собой образец однонаправленного, «тоталитарного» влияния на массы. Особенно важно развивать оригинальные сетевые протоколы, вырабатывать специальную систему евразийских кодировок. Технология евразийских СМИ должна отражать общую геополитическую ориентацию евразийства на «континентальную интеграцию», что означает не глобальную универсальность информационных технологий, способа отправки и получения информации, но *относительную универсальность* — ограниченную конкретными «большими пространствами».

Содержательно: следует в обязательном порядке *соотносить контент информационных материалов с общесоциальными нормативами* — согласуя его с традициями и принципами евразийских культур. Важно развивать целевые формы телерадиовещания, печатной прессы с ориентацией на конкретные этнические (языковые, конфессиональные и иные социальные) группы. Общим требованием к СМИ должно быть соблюдение образовательной, воспитательной направленности. Даже рекреационные развлекательные программы должны

нести в себе элементы, возвышающие и нравственно обогащающие зрителей. Особенно внимательно следует относиться к молодежной аудитории — СМИ должны способствовать воспитанию в них социальной ответственности, нравственных устоев, высокого культурного потенциала.

Методологически: следует отделить принцип свободы слова (высказывания) каждого человека от свободы меньшинств (почти принудительно) навязывать свои стереотипы массам. СМИ должны выполнять социальную функцию и контролироваться либо государством, либо специальными социальными институтами (комиссиями, комитетами), призванными следить за содержательной и технологической адекватностью информации и способами ее распространения. Так как СМИ имеют, по определению, общественный характер, форма собственности, характер управления и организация их также должна быть общественной и ни в коем случае не частной.

Основными задачами евразийских СМИ являются:

- возвращение народам России (Евразии) их духовного и культурного наследия;
- укрепление патриотического и социального самосознания;
- информационное обеспечение интеграционных процессов в России, странах ЕвразЭС и СНГ;
- развитие диалога культур;
- компетентное информирование об основных мировых тенденциях — в политике, экономике, искусстве, религии;
- открытие возможностей сообщения между трансляторами информационных потоков и зрителями;
- воспитание и образование молодого поколения;
- прямое и косвенное внедрение традиционных евразийских ценностей.

Битва за молодежь — евразийский стиль

Евразийство, являясь мировоззрением традиционалистским, вместе с тем ориентировано преимущественно на молодое поколение. Это не парадокс: предыдущие поколения прожили жизнь в условиях преобладания «модернистических» форм и стереотипов, их связи с предыдущими поколениями и историческими корнями были скорее бессознательными и спонтанными. Рационалистическая философия Нового времени была ориентирована на *разрыв исторической преемственности*. Это негативно сказалось на психологии масс, сделало атеизм, материализм, потребительское отношение к жизни всеобщей нормой.

Преодолеть это должны представители новых евразийских поколений. Именно молодежи предстоит возродить Традицию, восстановить оборванную связь времени и эпох, над разрывом которой, к несчастью, немало потрудились отцы и деды. Перед юношеством Евразии стоит историческая судьбоносная задача — заново обрести язык, для того чтобы ясно выразить глубинные истины, заложенные в самой сердцевине национального этнического бытия — в крови, глубинной культуре, духе, природе, диалектике истории Отечества.

Эксперимент по ниспровержению прошлого исчерпан. Сегодня необходимо отстраивать, возрождать, воссоздавать Россию (Евразию) заново. С этой миссией могут справиться только молодые, полные сил, здоровые, цельные, страстные люди.

Евразийство — это молодежное мировоззрение, обращенное в будущее, к творческой энергии, оптимизму, дерзости новых поколений, которым предстоит стоять новый мир — евразийский мир.

Воспитание, организация, социальная поддержка, серьезное и качественное образование молодежи, материальная и социальная поддержка молодых семей —

все это является приоритетной задачей Евразийского движения. Для того чтобы выиграть битву за подрастающее поколение, чтобы обеспечить ему евразийское будущее и сохранить от вырождения и гибели в катастрофических джунглях глобалистской псевдокультуры, следует идти на *любые жертвы*. Никакие затраты в этой области не могут быть чрезмерными.

Евразийство формирует новый молодежный стиль, новую молодежную мораль:

- Это сочетание глубокой увлеченности духовными, этническими, религиозными традициями, корнями, архаикой и стариной и авангардных творческих форм самовыражения.
- Это навыки самодисциплины, воспитания воли в сочетании со свободой и спонтанностью творческих актов, социальной активностью, вкладыванием сил в великое созидание.
- Это идеал крепких семей, большого здорового потомства, укрепляющего и пополняющего ряды славной нации.
- Это гордость своей принадлежностью к великой державе, к уникальной неповторимой культуре, к обладанию бескрайними просторами Евразии.
- Это возрождение проникновенного чувства родной природы, любовное осмысление каждой пяди земли, хранящей память о великих исторических свершениях и драмах.

В евразийском стиле далекая древность призвана восстать из забвения и слиться со свежим ветром самого радикального авангарда.

Цели евразийского движения

Евразийское движение ставит своей основной задачей *создание (воссоздание) мощного духовного и процветающего континентального «сверхгосударства»* («госу-

дарства-мира», *imperiūm*), обладающего высоким геополитическим суверенитетом, в котором все народы России (Евразии) смогут сохранить, укрепить и творчески развить свою самобытность, достичь высшей стадии своего исторического духовного пути.

Евразийское движение стремится *воплотить в жизнь основные принципы евразийской философии и евразийского мировоззрения*, гарантирующие народам Евразии, всем людям Земли надежный и справедливый мир, свободное и независимое развитие, гармонию, солидарность, новое обретение взаимопонимания между людьми, природой, обществами, народами и стихиями.

Евразийское движение намерено способствовать *объединению стран СНГ (и некоторых других держав — Сербии, Монголии и т. д.) в единый Евразийский Союз* и тем самым восстановить искусственно нарушенное единение народов и культур, решительно и до основания искоренив предпосылки для межнациональных конфликтов.

Евразийское движение готово *участвовать в фундаментальных реформах российской государственности*, всемерно укрепляя ее стратегический потенциал, усиливая ее геополитический статус, раскрепощая творческую сокровищницу всех народов России (Евразии) и в первую очередь великого русского народа, спасение и возрождение которого является приоритетной задачей.

Евразийское движение осуществляет разработку и проведение в жизнь масштабных экономических реформ, призванных повысить благосостояние населения, восстановить социальные гарантии, построить *процветающее хозяйство на основах солидарности, взаимной поддержки и справедливости*.

Участие Евразийского движения в политической жизни страны преследует следующие цели:

- распространение, пропаганда и внедрение евразийских идей и принципов во все сектора общества — в народные массы и правящую элиту;
- участие в выборах всех уровней в *качестве самостоятельной политической силы* или в составе предвыборных блоков с другими движениями, чьи цели и задачи не противоречат в основных своих моментах евразийскому мировоззрению;
- взаимодействие с административными структурами всех уровней в целях укрепления вертикали власти, реализации геополитических проектов, возрождения народов России (Евразии), ускорения процессов интеграции, обеспечения национальной безопасности и территориальной целостности, противодействия всем формам экстремизма, шовинизма, национальной и религиозной нетерпимости.

Мы пришли всерьез и надолго. Нас никто и ничто не остановит, так как в наших сердцах суверенно и властно стучат ритмы России (Евразии). Евразийство воплощает в себе новый, триумфальный этап развития Национальной Идеи, национальной истории. Мы твердо уверены в своей победе, так как для нас «Евразия выше всего».

Евразийская геополитика

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ

Необходимость радикальной альтернативы

В нашем обществе сегодня представлены два принципиальных проекта русского будущего. Они в той или иной степени затрагивают все аспекты национальной жизни — экономику, геополитику, международные отношения, этнические интересы, промышленную структуру, хозяйственный уклад, военное строительство и т. д.

Первый проект принадлежит радикальным либералам, «реформаторам», которые берут в качестве примера западное общество, современный «торговый строй» и полностью подписываются под концепцией «конца истории», развитой в знаменитой одноименной статье Фрэнсиса Фукуямы. Этот проект отрицает такие ценности, как народ, нация, история, геополитические интересы, социальная справедливость, религиозный фактор и т. д. В нем все строится на принципе максимальной экономической эффективности, на примате индивидуализма, потребления и «свободного рынка». Либералы хотят построить на месте России новое, никогда еще не существовавшее в истории общество, в котором установятся те правила и культурные координаты, по которым живут современный Запад и в особенности США. Этот лагерь может легко сформулировать ответы на любые вопросы относительно того или иного аспекта российской действительности исходя из уже существующих на Западе моделей, пользуясь западной либеральной терминологией и юридическими

нормами, а также опираясь на разработанные теоретические структуры либерал-капитализма в целом. Эта позиция еще некоторое время назад почти доминировала идеологически в нашем обществе, да и сегодня именно она является наиболее известной, так как совпадает в целом с общим курсом и принципиальной логикой либеральных реформ.

Второй проект русского будущего принадлежит так называемой национально-патриотической оппозиции, которая представляет собой разнообразную и многоликую политическую реальность, объединенную неприятием либеральных реформ и отказом от либеральной логики, проповедуемой реформаторами. Эта оппозиция является не просто национальной и не просто патриотической — она является «розово-белой», то есть в ней доминируют представители коммунистов-государственников (во многом отошедших от жесткой марксистско-ленинской догматики) и сторонники православно-монархического, царистского типа государственности. Взгляды обоих компонентов «объединенной оппозиции» довольно существенно различаются, но сходство есть не только в определении «общего врага», но и в некоторых ментальных, идеологических клише, разделяемых и теми и другими. Более того, патриотическая «оппозиция» в подавляющем своем большинстве состоит из деятелей доперестроечной системы, которые привносят элементы сугубо советской ментальности даже в «белые», «царистские проекты», к которым чаще всего они не имели никакого исторического, семейного или политического отношения до начала перестройки, прекрасно чувствуя себя в брежневской реальности. Как бы то ни было, оппозиционный проект можно назвать «советско-царистским», так как он основан на некоторых идеологических, геополитических, политико-социальных и административных архетипах, которые объективно сближают между собой со-

ветский и досоветский периоды (по меньшей мере в рамках XX века). Идеология патриотов намного более противоречива и путанна, чем логичные и законченные конструкции либералов, и поэтому она часто проявляется не в форме законченной концепции или доктрины, а фрагментарно, эмоционально, непоследовательно и отрывочно. И все же этот гротескный конгломерат из перемешанных советско-царистских ментальных обломков обладает некоторой целостностью, которую, однако, иногда не просто рационально структурировать.

Оба этих проекта — и либеральный, и советско-царистский — являются сущностно *тупиковыми* для русского народа и русской истории. Либеральный проект вообще предполагает постепенное стирание национальных особенностей русских в космополитической эре «конца истории» и «планетарного рынка», а советско-царистский силится возродить нацию и государство именно в тех исторических формах и структурах, которые, собственно, постепенно и привели русских к краху.

По ту сторону и либерализма «реформаторов», и советско-царизма «объединенной оппозиции» назревает насущная потребность в «третьем пути», в особом идеологическом проекте, который был бы не компромиссом, не «центром» между теми и другими, но совершенно радикальным новаторским футуристическим планом, порывающим с безысходной дуалистической логикой — «либо либералы, либо оппозиция», — где, как в лабиринте без выхода, мечется нынешнее общественное сознание русских.

Следует разрубить гордиев узел и утвердить истинную альтернативу, противостоящую и тем, и другим. На карту поставлены великая нация, ее интересы, ее судьба.

Что такое русские национальные интересы?

У русских сегодня нет государства

В настоящей политической ситуации невозможно, строго говоря, рассуждать о стратегических перспективах России. Тем более невозможно предлагать какие-либо проекты относительно внешней и внутренней политики России, поскольку главный вопрос «Что такое Россия сегодня?» остается не только не решенным, но и не поставленным всерьез.

Стремительные перемены всего политического, геополитического, идеологического и социального уклада, происшедшие в бывшем СССР, полностью опрокинули все существовавшие правовые и политические критерии и нормы. Распад единой социалистической системы и позже советского государства создал на бывших советских территориях поле совершенной неопределенности, в котором нет более ни ясных ориентиров, ни строгих юридических рамок, ни конкретных социальных перспектив. Те геополитические структуры, которые образовались автоматически, по инерции после распада СССР, случайны, преходящи и предельно неустойчивы. Это касается не только отделившихся от Москвы республик, но в первую очередь самой России.

Для того чтобы строить планы относительно «интересов государства», необходимо иметь ясное представление, о каком именно государстве идет речь. Иными словами, это имеет смысл при наличии четко выявленного политического субъекта. В настоящей ситуации такого субъекта в случае русских *нет*.

Существование России, понятой как Российская Федерация (РФ), явно не удовлетворяет никаким серьезным критериям определения статуса «государства». Разброд в оценках статуса РФ в международной политике ярко свидетельствует именно о таком положе-

нии дел. Что такое РФ? Наследница и правопреемница СССР? Региональная держава? Мононациональное государство? Межэтническая федерация? Жандарм Евразии? Пешка в американских проектах? Территории, предназначенные к дальнейшему дроблению? Несмотря на абсолютную противоречивость таких определений, в зависимости от конкретных условий РФ выступает в одной из этих ролей. В какой-то момент — это государство с претензией на особую роль в мировой политике, в другой — это второстепенная региональная держава, в третий — поле для сепаратистских экспериментов. Если одно и то же территориально-политическое образование выступает одновременно во всех этих ролях, очевидно, что речь идет о какой-то условной категории, о некоей переменной величине, а не о том завершенном и стабильном политическом феномене, который можно назвать государством в полном смысле этого слова.

РФ не является Россией, полноценным Русским Государством. Это переходное образование в широком и динамическом глобальном геополитическом процессе и не более того. Конечно, РФ может стать в перспективе Русским Государством, но совершенно не очевидно, что это произойдет, и также не очевидно, следует ли к этому стремиться.

Как бы то ни было, о «стратегических интересах» такого нестабильного и временного явления, как РФ, невозможно говорить в долгой перспективе и тем более нелепо пытаться сформулировать «стратегическую доктрину РФ», основываясь на сегодняшнем положении дел. «Стратегические интересы РФ» могут проясниться только после того, как появится, сложится и определится политический, социальный, экономический и идеологический субъект этих интересов. Пока же этого не произошло, любые проекты в данном направлении окажутся сиюминутной фикцией.

РФ не имеет государственной истории, ее границы случайны, ее культурные ориентиры смутны, ее политический режим шаток и расплывчат, ее этническая карта разнородна, а экономическая структура фрагментарна и отчасти разложена. Данный конгломерат — лишь результат развала более глобального геополитического образования, фрагмент, вырванный из целой картины. Даже для того, чтобы на этом острове Империи создать нечто стабильное, понадобится настоящая революция, аналогичная революции младотурок, создавших из фрагмента Османской империи современную светскую Турцию (хотя здесь снова всплывает вопрос: а стоит ли к этому стремиться?).

Если РФ не является Русским Государством, то не является таковым и СНГ. Несмотря на то что практически все территории стран СНГ (за редким исключением) входили в состав Российской империи, а следовательно, некогда были частью Русского Государства, на сегодняшний момент страны СНГ имеют достаточную степень автономии и де-юре числятся независимыми политическими образованиями. В отношении этих стран можно утверждать (и с еще большим основанием) то же, что и в отношении РФ: эти образования не обладают никакими серьезными признаками подлинной государственности, лишены атрибутов фактической суверенности и представляют собой скорее «территориальный процесс», нежели стабильные и определенные геополитические единицы. Даже если отвлечься от возрастающего национализма стран СНГ, который часто ориентирован антирусски, из противостественных, нестабильных и противоречивых самих по себе фрагментов невозможно сложить гармоничную картину. Бельгийский геополитик Жан Тириар привел по этому поводу одно точное сравнение: *«СССР был подобен плитке шоколада с обозначенными границами долек-республик. После того как дольки отломлены, их уже недостаточно сложить вместе, чтобы восстано-*

вить всю плитку. Отныне этого можно добиться только путем переплавки всей плитки и новой штамповки».

«Стратегические интересы РФ» — та же пустая фигура речи, что и «стратегические интересы стран СНГ». К «стратегическим интересам русских» это имеет весьма косвенное отношение.

Концепция «постимперской легитимности»

Несмотря на несуществование Русского Государства в полном смысле, на всем постсоветском пространстве действуют определенные правовые принципы, на чем и основывается как западная реакция на те или иные действия РФ, так и сиюминутная логика шагов российского руководства. Именно эти принципы на первый взгляд удерживают РФ и, шире, СНГ от тотального хаоса. Речь идет о доктрине «постимперской легитимности». Для того чтобы понять сущность сегодняшних геополитических процессов в Евразии, необходимо кратко изложить основные тезисы данной концепции.

«Постимперская легитимность» является совокупностью правовых норм, тесно связанных с непосредственно предшествующей фазой политического развития региона, то есть с «имперской легитимностью» («legacy of empire»). Империя (по меньшей мере «светская» — либеральная или социалистическая) при территориальном устройстве своих колоний чаще всего руководствуется сугубо административными и экономическими признаками, не учитывая ни этнические, ни религиозные, ни национальные факторы. Административные границы в рамках Империи довольно произвольны, так как они заведомо представляют собой условные барьеры, созданные лишь для удобства централизованного контроля метрополии. Империя в период своего существования заставляет остальные державы признать свою внутреннюю административную систему как ле-

гитимную. Но при распаде Империи всегда возникают «зоны правовой неопределенности», так как прекращает существовать та структура, которая юридически регулировала статус своих составных частей.

В процессе «постколониальных» преобразований была сформулирована международно-правовая концепция, которая легла в основание классификации правомочности и неправомочности постимперских территориально-политических образований. Это концепция «постимперской легитимности». Смысл ее сводится к тому, что, несмотря на отсутствие Империи как целого, ее чисто административные составляющие получают полноценный правовой статус независимо от того, удовлетворяет ли данное образование критерию полноценного государства. В основе такого подхода лежит светская либеральная идея произвольности любого государственного образования как исторической случайности. По этой логике этнический, религиозный, культурный и социальный компоненты являются мало значимыми и несущественными, так как население понимается здесь как простая совокупность экономико-статистических единиц. В этом сказывается инерция «имперского», «колониального» подхода, привыкшего считать «колонии» и «провинции» чем-то второстепенным и несущественным, «дополнительным» в рамках общего контекста.

Как правило, «постимперские образования» никогда (или почти никогда) не становятся полноценными государствами и продолжают существовать в качестве экономико-политических придатков бывшей (или новой) метрополии. Почти всегда правящая элита в них является прямой наследницей (часто ставленницей) колониальной администрации, экономика целиком зависит от внешних факторов, а политико-социальный уклад подстраивается под модель бывшего центра. Сохранение такой «постимперской легитимности» часто приводит к тому, что один и тот же автохтонный этнос

населяет территории разных постимперских государств, а в рамках одного государства проживают несколько этнических и религиозных групп. Фактически относительный баланс интересов поддерживается в таких случаях только апелляцией к внешнему фактору — чаще всего к явной или скрытой мощи бывшей метрополии (или того развитого государства, которое может прийти ей на смену). Весьма показательно, что на последних этапах «освобождения» Африки Панафриканский конгресс постановил применять во всех вновь образованных государствах как раз принцип «постимперской легитимности», хотя многие большие африканские народы — в частности, банту, зулусы и т. д. — оказались проживающими сразу в двух или трех государствах. Это было сделано под предлогом избежания этнических, межплеменных и религиозных войн. На самом деле речь шла о стремлении руководителей постимперской администрации сохранить свои искусственные элиты у власти, не допустив создания в процессе национального подъема новых представителей органичной национальной иерархии. Учитывая стратегическую и социально-экономическую отсталость Африки и отсутствие свежих и жизненных государственных традиций, этот подход сработал довольно успешно.

Принцип «постимперской легитимности» сегодня прикладывается и к странам, возникшим на развалинах СССР. В бывших союзных республиках почти повсеместно у власти находятся наследники «колониальной администрации», отсеки разломленной на части единой управленческой структуры, сформировавшейся целиком в имперском советском контексте. Эта элита отчуждена от национально-культурных традиций своих народов и ориентирована по инерции на сохранение экономико-политической зависимости от метрополии. Единственным исключением является Армения, где логика «постимперской легитимности» была нарушена (в случае Нагорного Карабаха) и где, соответственно,

сугубо национальные политические силы имеют больший вес, чем во всех остальных странах СНГ. Кроме того, Армения — единственная моноэтническая республика из стран СНГ.

На первый взгляд может сложиться впечатление, что принцип «постимперской легитимности» играет на руку РФ и Москве, так как создает предпосылки для сохранения влияния РФ в «ближнем зарубежье» и упрощает политико-экономические отношения с географическими соседями. Но на самом деле все обстоит несколько сложнее. Как и в случае «деколонизации» стран «третьего мира», распад Империи ослабляет геополитическое могущество метрополии, и часть колоний и доминионов переходит под неявный контроль другой, более сильной державы, которая использует систему «постимперской легитимности» в собственных целях. Яркий пример — США, в ходе процесса «деколонизации» фактически захватившие под свое влияние большинство бывших английских, испанских, португальских, французских и голландских колоний. Таким образом, на смену постсоветской «колониальной администрации» в странах СНГ может прийти (и приходит) иная «колониальная администрация», использующая в своих целях уже существующие искусственные структуры.

С другой стороны, «постимперская легитимность» и саму РФ ставит в один ряд с другими странами СНГ, коль скоро в данном случае полностью игнорируются национально-культурные, религиозные и этнические интересы *русского народа*, подпадающего под абстрактные нормы «постимперского», чисто административного права и разбросанного по чуждым псевдогосударственным и квазинациональным образованиям. Остатки имперской администрации в рамках РФ (партийно-бюрократический аппарат) оказываются столь же чуждыми национальному контексту русских, что и в других республиках, так как сама система Империи была

построена на иных, чисто административных и экономических, а не на национальных и культурных принципах. Русские, «освободившись» от республик, не получают свободу и самостоятельность, но теряют значительную часть своей национальной общности, сохраняют зависимое положение от остатков прежней номенклатуры и вдобавок подвергаются новой опасности подпасть под влияние внешних политических сил более могущественных держав. Эта последняя опасность была не столь близкой в период существования Империи, но в качестве простой «региональной державы» РФ подвергается ей в полной мере.

Все эти соображения заставляют поставить под сомнение полезность принципа «постимперской легитимности» в нынешних условиях, так как это в значительной степени противоречит русским национальным интересам.

Но какими же критериями следует руководствоваться в определении того, что является «русскими национальными интересами»? Кого взять в качестве главного субъекта, в отношении которого можно было бы определить, что выгодно, а что невыгодно? В каких категориях следует осмыслять сегодня *Россию*?

Русский народ как центр геополитической концепции

Развал Советской империи, хрупкость и государственная несостоятельность новых политических образований на ее территории (включая РФ) заставляют искать более конкретную категорию для понимания «русских национальных интересов». Единственной органичной, естественной, исторически укорененной реальностью в этом вопросе может быть только *русский народ*.

Русский народ — это историческая общность, имеющая все признаки полноценного и стабильного политического субъекта. Русский народ объединен эт-

нически, культурно, психологически и религиозно. Но не только это является главным основанием для постановки его в центр геополитической концепции как субъекта политической и социальной стратегии. Русский народ, в отличие от многих других народов, сложился как носитель *особой цивилизации*, имеющей все отличительные черты самобытного и полноценного планетарно-исторического явления. Русский народ — та цивилизационная константа, которая служила осью в создании не одного, а *многих* государств: от мозаики восточнославянских княжеств до Московской Руси, Петровской империи и Советского блока. Причем эта константа и определяла преемственность и связь между образованиями, столь различными политически, социально, территориально и структурно. Русский народ не просто давал этническую базу для всех этих государственных формаций, он выражал в них особую *цивилизационную идею*, не похожую ни на какую другую. Не государство сформировало русскую нацию. Напротив, русская нация, русский народ экспериментировал в истории с различными типами государственных систем, по-разному выражая (в зависимости от обстоятельств) специфику своей уникальной миссии.

Русский народ безусловно принадлежит к числу мессианских народов. И, как у всякого мессианского народа, у него есть универсальное, всечеловеческое значение, которое конкурирует не просто с иными национальными идеями, но с типами других форм цивилизационного универсализма. К. Леонтьев и русские евразийцы довольно полно развили эту идею.

Независимо от смут, переходных периодов и политических катаклизмов русский народ всегда сохранял свою мессианскую идентичность, а следовательно, всегда оставался *политическим* субъектом истории. После очередного государственного потрясения одна и та же древняя и могущественная русская сила создавала новые политические конструкции, облекая свой духов-

ный порыв в новые геополитические формы. Причем как только государственные конструкции развивались до критической черты, за которой брезжила окончательная утрата связи политической формы с национальным содержанием, наступали кризисы и катастрофы, вслед за чем начиналось новое геополитическое и социальное строительство, облечение цивилизационной миссии русского народа в новые образы и политические конструкции.

И в нынешнем переходном периоде именно русский народ должен быть взят в качестве главного политического субъекта, от которого и следует откладывать шкалу геополитических и стратегических, а также социально-экономических интересов России. Русский народ и есть сегодня *Россия*, но не как ясно очерченное государство, а как геополитическая потенция, реальная и конкретная, с одной стороны, но еще не определившая свою новую государственную структуру — ни ее идеологию, ни ее территориальные пределы, ни ее социально-политическое устройство — с другой.

Тем не менее «потенциальная Россия» сегодня имеет гораздо больше фиксированных характеристик, нежели эфемерные РФ или СНГ. Эти характеристики связаны напрямую с той цивилизационной миссией, в осуществлении которой состоит смысл бытия русского народа.

Во-первых, русский народ (= Россия), без сомнения, ответствен за контроль над северо-восточными регионами Евразии. Этот русский «*Drang nach Osten und Norden*» составляет естественный геополитический процесс русской истории в последние века, который не прекращался ни при каких политических катаклизмах. Макиндер называл Россию «геополитической осью истории», и это совершенно справедливо, так как русский народ действительно традиционно тяготел к цивилизационному освоению всех тех внутриконтинентальных евразийских пространств, которые расположены в са-

мом центре материковой массы. Отсюда можно заключить, что стратегические интересы русских неотделимы от просторов Северо-Восточной Евразии. В этом заключается фундаментальный принцип при определении реальных перспектив геополитики России (= русского народа).

Во-вторых, русский народ (= Россия) наделен особым типом религиозности и культуры, которые резко отличаются от католико-протестантского Запада и от той постхристианской цивилизации, которая там развилась. В качестве культурной и геополитической антитезы России следует брать именно Запад как целое, а не просто одну из составляющих его стран. Современная западная цивилизация является универсалистски ориентированной: во всех ее отсеках существует особое культурное единство, основанное на специфическом решении главных философских и мировоззренческих проблем. Русский универсализм, фундамент русской цивилизации, радикально отличается от Запада во всех основных моментах. В некотором смысле это две конкурирующие, взаимоисключающие друг друга модели, противоположные полюса. Следовательно, стратегические интересы русского народа должны быть ориентированы *антизападно* (что проистекает из императива сохранения русской цивилизационной идентичности), а в перспективе возможна и цивилизационная экспансия.

В-третьих, русский народ (= Россия) никогда не ставил своей целью создание моноэтнического, расово однородного государства. Миссия русских имела универсальный характер, и именно поэтому русский народ планомерно шел в истории к созданию Империи, границы которой постоянно расширялись, охватывая все больший и больший конгломерат народов, культур, религий, территорий, регионов. Считать планомерный и ярко выраженный «экспансионизм» русских исторической случайностью абсурдно. Этот «экспансионизм»

составляет неотъемлемую часть исторического бытия русского народа и тесно сопряжен с качеством его цивилизационной миссии. Эта миссия несет в себе некий «общий знаменатель», который позволяет русским интегрировать в свою Империю самые различные культурные реальности. Однако «общий знаменатель» имеет свои особенности и применим только к тем народам, которые имеют определенную историческую специфику и культурное содержание, тогда как остальные народы (в частности, некоторые нации Запада) остаются глубоко чуждыми русскому универсализму (что исторически проявляется в неустойчивости и даже противоречивости русского политического влияния в Европе).

В-четвертых, русский народ (= Россия) исходит в своем бытии из еще более глобальной, «сотериологической» перспективы, которая в пределе имеет общепланетарное значение. Речь идет не о безграничном расширении «жизненного пространства» русских, но об утверждении особого «русского» типа мировоззрения, который акцентирован эсхатологически и претендует на *последнее* слово в земной истории. Это — высшая сверхзадача нации как «богоносного народа».

Следовательно, теоретически на планете нет такого народа, такой культуры или такой территории, чья судьба и чей путь были бы безразличны русскому сознанию. Это проявляется в непоколебимой вере русских в финальное торжество Правды, Духа и Справедливости, причем не только в рамках русского государства, но и повсюду. Лишить русских этой эсхатологической веры равнозначно их духовному оскотлению. Русским есть дело до всего и до всех, и поэтому в последнем счете интересы русского народа не ограничиваются ни русским этносом, ни Русской Империей, ни даже всей Евразией. Этот «трансцендентный» аспект русской нации необходимо учитывать при разработке будущей геополитической стратегии.

Очевидно, что в нынешних условиях и при общепринятых западных, светских, количественно-либеральных нормах юридического подхода не существует никакой объективной возможности не только правовым образом закрепить статус «русского народа» как самостоятельного политического субъекта, но даже ввести в юридический и дипломатический обиход такой термин, как «народ». Современное международное право (копирующее в основных чертах римское право) признает в качестве полноценных политических субъектов только *государство и индивидуума*.

И поэтому есть кодекс «прав государств» и «прав человека», тогда как само понятие «прав народа» отсутствует. Это неудивительно, так как светский и количественный подход не может принимать в расчет такие культурные духовные категории, как этнос, народ и т. д. Сходное количественное отношение характеризовало и советский строй, и «демократический» мир. А так как русский народ в актуальный период пребывает на территории, где действуют либо «постимперские», либо либерально-демократические принципы легитимности, ни о каком автоматическом признании политического статуса «народа» не может быть и речи. Следовательно, логика выяснения и защиты «русских национальных интересов» требует серьезных изменений в существующей юридической практике и, более того, радикально-го пересмотра этой практики в национальном ключе.

Такая трансформация была бы невозможна, если бы речь шла о каком-то одном народе, слаборазвитом и технологически не оснащенном. В случае русских это, к счастью, не так. Сегодня у нас еще сохраняется возможность независимых от остального мира политических преобразований, так как наличие у России стратегических видов вооружений позволяет в определенной степени противостоять давлению Запада. И здесь все зависит лишь от политической воли и решимости

тех лиц, которые возьмут на себя ответственность за судьбы России и русского народа.

Как бы то ни было, первым шагом к выявлению «национальных интересов русского народа» является признание этого народа *самостоятельным политическим субъектом*, имеющим право самому решать, что ему выгодно, а что нет, и предпринимать в соответствии с этим геополитические, социально-экономические и стратегические шаги.

Россия немыслима без империи

Отсутствие у русских «государства-нации»

Россия никогда не была аналогом тех «государств-наций», которые характерны для Европы Нового времени и модель которых была спроецирована на Азию и «третий мир» в целом в колониальную и постколониальную эпоху.

«Государство-нация» основывается на административном единстве и бюрократическом централизме, которые и формируют политическую общность, созданную государством и теснейшим образом связанную с ним. Вне всяких сомнений, модель «государства-нации» впервые сложилась в абсолютистской Франции, а потом была закреплена в якобинской революционной модели. «Государство-нация» изначально имело подчеркнута светскую природу и представляло собой в первую очередь политическое единство. В такой концепции термин «нация» понимался как «совокупность граждан», а не как «народ» или «народы» в органическом, «холистском» смысле. Такой тип государства основан на этническом, конфессиональном и сословном нивелировании населения, на утверждении во всем обществе сходных юридических и процессуальных нормативов, не принимающих в расчет ни региональные, ни религиозные, ни расовые особенности. Номиналь-

но «государство-нация» может быть и монархическим, и демократическим, и социалистическим. Существенным элементом является в нем не специфика политического устройства, а понимание государства как административно-нейтралистской инстанции, поставленной над всеми социально-этническими и культурно-религиозными различиями. Следует подчеркнуть, что «нация» в данном случае имеет чисто политический смысл, резко отличающийся от того, который вкладывают в это понятие националисты.

«Государство-нация» исторически возникло в Европе в период окончательного распада имперского единства в результате уничтожения последних остатков имперской системы, сохранившихся в форме феодальных региональных структур. «Государство-нация» по сути своей сопряжено с доминированием профанических, буржуазных ценностей, сводящих качественные социальные различия к упрощенной количественной административной структуре. «Государство-нация», как правило, управляется не «божественной идеей» (как теократия или Священная Империя), не «героической аристократической личностью» (как феодальная система), но «диктатурой закона» («номократией»), что дает огромную власть правоведам и юридической бюрократии. Фактически «государство-нация» является наиболее удобной для управления и наиболее количественно упорядоченной политической реальностью, так как все неколичественные, «нерациональные» факторы в ней сведены к минимуму.

В русской истории «государство-нация» так и не возникло. Когда в Европе начиная с XVIII века стала укореняться именно эта модель, Россия отчаянно сопротивлялась ей любыми путями. Царистский режим стремился сохранить максимально нетронутой именно имперскую структуру, хотя некоторые уступки европейскому образцу делались постоянно. Несмотря на проевропейские петровские реформы, Российская им-

перия сохраняла и теократические элементы, и аристократический принцип, а перевод иереев и представителей знати в разряд государственных бюрократов никогда не осуществлялся на практике до конца (в отличие от стран Западной Европы). Национальная стихия противилась такому перерождению Империи в «государство-нацию», что регулярно порождало волны спонтанной или сознательной реакции как со стороны народа, так и со стороны элиты. Даже при одном и том же государе в России часто менялись реформистские и реакционные настроения, и от либеральных реформ часто обращались к мистическим реставрационистским проектам (ярче всего это проявилось в царствование Александра I, основателя Священного Союза).

Лишь в начале XX века Россия вплотную подошла к реализации «государства-нации» по европейскому образцу. Однако и на этот раз процесс был сорван революционным всплеском, вобравшим в себя (пусть неосознанно) глубинный национальный протест против такого типа государственного устройства, в котором не было бы места проявлению духовной народной миссии. За модернистической риторикой большевизма русские смутно распознали собственные эсхатологические идеалы — торжество Идеи, Справедливости, Правды. Советское государство воспринималось народом как строительство «Новой Империи», «царства Света», «обители духа», а не как создание наиболее рационального устройства администрирования и управления количественными единицами. Трагизм и фанатизм большевистских катаклизмов был вызван именно «идеальностью» задачи, а отнюдь не неспособностью к более «гуманной» и менее затратной организации людских ресурсов.

СССР не стал «государством-нацией»; он был продолжателем сугубо имперских национальных традиций, облеченных в экстравагантные внешние формы и противопоставленных позднейшей царистской модели,

скатывающейся к обычному буржуазному обществу, к «диктатуре закона». Советская империя, как и любая политическая конструкция, знала три этапа — «революционный этап» построения уникальной системы (Ленин — юность), стабильный этап укрепления и расширения державы (Сталин — зрелость) и этап развала и одряхления (Брежнев — старость). Причем именно позднебрежневский период породил политико-административную структуру, больше всего напоминающую бюрократический централизм типичного «государства-нации». В перестройку жизненный цикл всей этой советской формации закончился. Вместе с этим закончился и очередной этап национальной истории русского народа.

Важно отметить, что в русской истории существует такая закономерность: когда дело доходит до превращения России в «государство-нацию», следуют катастрофы, и на новом витке нация находит очередной (подчас довольно экстравагантный) способ ускользнуть от, казалось бы, неминуемой трансформации. Русские стремятся любой ценой избежать такого поворота событий, поскольку их политическая воля несовместима с узкими нормативами рационального и усредненного количественного существования в рамках бюрократически эффективного механизма. Русские готовы идти на немислимые жертвы и лишения, лишь бы реализовывалась и развивалась Национальная Идея — великая русская мечта.

А границы этой мечты нация видит по меньшей мере в Империи.

Русские как народ Империи

Не моноэтническое государство, не «государство-нация», Россия почти изначально была потенциально имперским государством. Начиная с объединения славянских и угрофинских племен под Рюриком и до ги-

гантских масштабов СССР и территорий под его влиянием русский народ неуклонно шел по пути политической и пространственной интеграции, имперостроительства и цивилизационной экспансии. При этом следует подчеркнуть, что русская экспансия имела именно цивилизационный смысл и отнюдь не была утилитарной погоней за колониями или банальной борьбой за «жизненное пространство». Не нехватка этого «жизненного пространства» и не экономическая необходимость подвигала русский народ все более расширять свои границы на восток, на юг, на север, на запад. Недостаток земли никогда не служил истинной причиной русского имперостроительства. Русские расширялись как носители особой миссии, геополитическая проекция которой состояла в глубинном осознании необходимости объединения гигантских территорий евразийского материка.

Политическая целостность евразийского пространства имеет для русской истории совершенно *самостоятельное* значение. Можно сказать, что русские чувствуют ответственность за это пространство, за его состояние, за его связь, за его цельность и независимость. Макиндер справедливо считал Россию главной сухопутной державой современности, которая наследует геополитическую миссию Рима, империи Александра Великого, Чингисхана и т. д. Это «географическая ось истории», которая просто не может не осуществлять своего геополитического предназначения независимо от внешних и преходящих факторов.

Русский народ настолько связан с геополитической реальностью, что само пространство, его переживание, его осознание, его духовное восприятие сформировало психологию народа, став одним из главнейших определений его идентичности, его сути.

Реальное земное пространство не является чисто количественной категорией. Климат, ландшафт, геология местности, водные пути и горные хребты активно

участвуют в формировании этнического и, шире, цивилизационного типа. С точки зрения геополитики, цивилизация и ее специфика вообще строго детерминированы географией и с необходимостью подчиняются особым качественным законам. Русские — сухопутный, континентальный, североевразийский народ, при этом культурная специфика нации такова, что ее «душа» максимально предрасположена к «открытости», к осуществлению «интегрирующей» функции, к тонкому и глубинному процессу выработки особой материковой, евразийской общности.

Культурный фактор является естественным дополнением чисто геополитической предопределенности России. Геополитическая миссия осознается на культурном уровне, и, наоборот, культура осмысляет, оформляет и активизирует геополитический импульс. Пространство и культура — две важнейшие составляющие русского народа как народа-имперостроителя по преимуществу. Не кровь, не раса, не административный контроль и даже не религия сделали из части восточных славян особую, ни с чем не сравнимую общность — русский народ. Его сделали именно бескрайние евразийские просторы и предельная культурная, душевная открытость. Под знаком «пространства и культуры» были переосмыслены и этнические, и политические, и этические, и религиозные аспекты. Русские сложились, развились и вызрели как нация именно в Империи, в героике ее построения, в подвигах ее защиты, в походах за ее расширение. Отказ от имперостроительной функции означает конец существования русского народа как исторической реальности, как цивилизационного явления. Такой отказ есть национальное самоубийство.

В отличие от Рима (первого Рима) Москва, Россия имеют в своем имперском импульсе глубинный телеологический, эсхатологический смысл. Гегель развил интересную концепцию, что Абсолютная Идея в эсха-

тологической ситуации должна проявиться в окончательном, «осознанном» виде в форме прусского государства. Однако в планетарном масштабе Пруссия и даже Германия, взятые отдельно, геополитически недостаточны для того, чтобы к этой концепции можно было относиться всерьез. Россия же, Третий Рим, и религиозно, и культурно, и пространственно, и стратегически прекрасно соответствует подобному телеологическому взгляду на сущность истории и явно стремится исполнить именно эту миссию. Абсолютная Идея Гегеля в случае России есть духовный корень русского имперостроительства, тяготеющего к цивилизационному освоению континента-Евразии. Нелепо прикладывать столь серьезные гегелевские критерии к «государству-нации», которое заведомо предполагает рядом с собой другие «государства-нации» со своими собственными целями, мифами и интересами. Сообщать такой относительной структуре качество абсолютной значимости абсурдно. Но в случае гигантской Империи, основанной на специфических, во многом парадоксальных, а в чем-то и не совсем проясненных принципах, — совершенно другое дело, и не случайно древние Империи назывались «Священными Империями»: качество «святости» сообщалось им исполнением особой духовной миссии, предназначительной прообразующей «Империю Конца», континентальное Царство Абсолютной Идеи.

Русский народ шаг за шагом двигался именно к этой цели. На каждом этапе расширения своего государства русские переходили на очередную ступень мессианского универсализма — сначала сплотив восточных славян, потом включив в себя тюркский поток степей и Сибири, затем двинувшись на юг, в пустыни и горы, и образовав наконец гигантский политический блок, контролирующий в советский период буквально полмира. Если осознать, что русский народ в своей сущности и есть этот имперостроительный процесс,

волевой геополитический вектор создания «государства Абсолютной Идеи», то станет совершенно очевидно, что существование русского народа напрямую зависит от *продолжения* этого процесса, от его развития, от его интенсификации. Урезав или подавив этот вектор, мы поразим русских в самое сердце, лишим их национальной идентичности, превратим в исторический рудимент, сорвем глобальный телеологический, эсхатологический планетарный процесс.

Ловушка «региональной державы»

Русский народ со своей цивилизационной и геополитической миссией традиционно являлся (и является) серьезной преградой для повсеместного распространения на планете сугубо либеральной модели западного образца. И царистский, и советский режимы, повинуясь неумолимой национальной логике, препятствовали культурно-политической экспансии Запада на восток и особенно в глубь Евразийского континента. Причем серьезность геополитического противостояния всегда отражалась в том, что Россия «федерировала» в себе и вокруг себя разные страны и народы в мощный стратегический имперский блок. Именно в качестве континентальной Империи Россия участвовала в мировой политике и отстаивала свои национальные и цивилизационные интересы.

В настоящее время, после распада СССР, Запад стремится навязать России другую геополитическую функцию, превратить Россию в такую политическую структуру, которая была бы неспособна напрямую участвовать в мировой политике и иметь широкую цивилизационную миссию. В докладе Пола Волфовица американскому Конгрессу в 1992 году однозначно утверждается, что «главной стратегической задачей США является недопущение создания на территории бывшего Советского Союза крупного и самостоятель-

ного стратегического образования, способного проводить независимую от США политику». Именно исходя из такой насущной потребности Запада России была предложена роль *региональной державы*.

Региональная держава — это современная геополитическая категория, которая характеризует крупное и довольно развитое государство, чьи политические интересы, однако, ограничены лишь областями, непосредственно прилегающими к ее территории или входящими в ее состав. Региональными державами считаются, к примеру, Индия, Иран, Турция, Пакистан, Китай и т. д. Специфика региональной державы состоит в том, что она имеет больший политический вес, чем обычное рядовое государство, но меньший вес, чем сверхдержава или империя. Иными словами, региональная держава не имеет прямого влияния на планетарную цивилизацию и глобальные геополитические процессы, подчиняясь в основных стратегических линиях балансу сил более мощных империй. В то же время региональная держава имеет определенную свободу по отношению к своим непосредственным (более слабым) соседям и может оказывать на них политическое и экономическое давление (естественно, лишь в тех случаях, когда это не противоречит интересам сверхдержав).

Статус региональной державы, предложенный (навязываемый) сегодня России Западом, для русской нации равнозначен самоубийству. Речь идет о том, чтобы искусственно и под сильным внешним воздействием обратить вектор русской национальной истории вспять, в обратную сторону, оборвать связный процесс геополитического становления русских как Империи. Россия как региональная держава будет являть собой отказ от того глубинного импульса нации, который лежит в основе ее высшей и глубиннейшей идентичности. Потеря имперского масштаба для русских означает конец и провал их участия в цивилиза-

ции, поражение их духовной и культурной системы ценностей, падение их универсалистских и мессианских чаяний, обесценивание и развенчание всей национальной идеологии, оживлявшей многие поколения русского народа и дававшей силы и энергию для подвигов, созидания, борьбы, преодоления невзгод.

Если учитывать специфику национальной имперской самоидентификации русских, становится совершенно очевидно, что принятие статуса «региональной державы» Россией не может стать последней линией обороны. Удар, наносимый тем самым по национальному самосознанию русских, будет в таком случае настолько сильным, что дело не ограничится рамками РФ или аналогичным территориальным пространством. Потеряв свою миссию, русские не смогут найти силы, чтобы достойно утвердить свою новую, «умаленную» идентичность в региональном государстве, так как утверждение этой идентичности невозможно в состоянии того аффекта, который логически возникает при утрате нацией имперского масштаба. Следовательно, процессы дезинтеграции, скорее всего, продолжатся и в «региональной державе», и нарастающей волне регионального и религиозного сепаратизма обездоленные русские уже ничего не смогут противопоставить.

Даже для того, чтобы зафиксировать региональный статус постимперской России, необходимо будет пробудить мощную волну национализма, причем национализма совершенно нового, искусственного, основанного на энергиях и идеях, ничего общего не имеющих с традиционной и единственно подлинной и оправданной русской имперской тенденцией. Можно сравнить это с малым, «светским» национализмом младотурок, которые на развалинах Османской империи создали через «национальную революцию» современную Турцию, региональную державу. Но национализм младотурок не имел ничего общего с геополитическим и религиозным национализмом Османской империи, и

фактически нынешняя Турция и духовно, и этнически, и культурно является совершенно другой реальностью, нежели турецкая Империя начала XX века.

То же самое, если не хуже, грозит и России, причем скорее всего попытки укрепиться как региональная держава, отказавшаяся от цивилизационной миссии и универсалистских ценностей, вызовут к жизни политиков «младороссийского» типа (по аналогии с младотурками), которые, весьма вероятно, будут исповедовать особую сектантскую идеологию, не имеющую ничего общего с магистральной линией русской национальной идеи. Такой русский «неимперский» национализм, светский и искусственный, будет геополитически играть лишь на руку Западу, так как он закрепит за Россией региональный статус, приведет к иллюзорной и кратковременной внутренней стабилизации и одновременно заложит базу для будущих внутрироссийских этнических и религиозных конфликтов. Но если у Турции есть две или три крупные этнические общности, способные активно противиться младотурецкому централизму, то в РФ проживают сотни народов, прекрасно уживавшихся в имперской модели, но никак не вписывающихся в рамки «малого русского национализма». Вывод очевиден: Россия постепенно втянется в бесконечную цепь внутренних конфликтов и войн и в конце концов распадется.

Это будет закономерным результатом утраты русскими своей имперской миссии, так как этот процесс не может ограничиться относительным урезыванием территорий и с необходимостью должен дойти до своего логического предела — до полного уничтожения русской нации как исторического, геополитического и цивилизационного субъекта.

Критика советской государственности

Последней по счету формой имперской организации русского народа был СССР и зависевший от него геополитический ареал (страны Варшавского догово-

ра). В советский период сфера влияния русских расширилась географически до немыслимых ранее пределов. Освоение земель и военные походы включили в геополитическую зону русских огромные территории.

В пространственном смысле такая экспансия, казалось бы, должна представлять собой высшую форму русской государственности. И невозможно отрицать того факта, что осевой конструкцией советской Империи был именно русский народ, воплотивший свой специфический универсализм (по крайней мере частично) в советскую идеологическую и социально-политическую модель.

Сегодня на первый взгляд представляется, что перспектива подлинного русского национального развития в нынешних условиях должна была бы совпадать с реставрацией СССР и воссозданием советской модели и советской государственности. Это отчасти верно и логично, и в данном случае неокommунистическое движение, ратующее за воссоздание СССР, более близко к пониманию геополитических интересов русского народа, отчетливее и яснее представляет сущность его стратегических и цивилизационных стремлений, чем некоторые неонационалистические круги, склоняющиеся к «младоросской» (по аналогии с младотурецкой) модели «малого», «урезанного», «этнического» национализма. Безусловно, геополитический «реставрационизм» неокommунистов оправдан, и их национализм более органичен и «национален», нежели романтические и безответственные по форме (и подрывные по результатам) узконационалистические проекты славянофильского, православно-монархического или расистского крыла патриотов. Если бы выбор лежал между воссозданием СССР и построением моноэтнического или даже монокультурного великоросского государства, то в интересах русского народа логичнее и правильнее было бы выбрать проект СССР.

Однако причины распада СССР и краха Советской

империи нуждаются в объективном анализе, который ни в коем случае не может быть сведен к выявлению внешнего (враждебного) и внутреннего (подрывного) влияния, то есть к «теории заговора». Внешнее давление либерально-демократического Запада на СССР было действительно огромно, а деятельность «подрывных элементов» внутри страны крайне эффективна и слаженна. Но оба эти фактора стали решающими только в такой ситуации, когда существование Советской империи вошло в стадию внутреннего кризиса, имеющего глубокие и естественные причины, коренящиеся в самой специфике советского строя и советской системы. Без понимания этих внутренних причин распада и их анализа любые попытки реставрации СССР (и тем более создания Новой Империи) окажутся бесперспективными. Более того, любая чисто инерционная консервативность в этом вопросе может лишь еще ухудшить положение дел.

Выявим несколько факторов, приведших Советский Союз к геополитическому и социально-экономическому краху.

Во-первых, на идеологическом уровне за все время существования социалистического режима сугубо национальные, традиционные, духовные элементы так и не были введены в общий комплекс коммунистической идеологии. Будучи во многом национал-коммунистической де-факто, она никогда не трансформировалась в таковую де-юре, что препятствовало органичному развитию русско-советского общества, порождало двойной стандарт и идеологические противоречия, подтачивало ясность и осознанность в осуществлении геополитических и социально-политических проектов. Атеизм, материализм, прогрессизм, «просвещенческая этика» и т. д. были глубоко чужды русскому большевизму и русскому народу в целом. На практике эти заимствованные из марксизма положения (кстати, и в самом марксизме являющиеся довольно произвольны-

ми элементами — некоей данью старомодному позитивистскому гуманизму в стиле Фейербаха) были осознаны русскими коммунистами в ключе народно-мистических, подчас неортодоксальных эсхатологических чаяний, а не как рационалистические плоды западно-европейской культуры. Однако идеология национал-большевизма, которая могла бы найти более адекватные, более русские термины для нового социально-политического строя, так и не была сформулирована. Следовательно, рано или поздно ограниченность и неадекватность такой идеологически противоречивой конструкции должна была сказаться негативным образом. Особенно это дало себя знать в позднесоветский период, когда бессмысленный догматизм и коммунистическая демагогия окончательно задавили всякую идеологическую жизнь в обществе. Такое «застывание» правящей идеологии и упорный отказ от введения в нее органичных, национальных и естественных для русского народа компонентов вылились в крах всей советской системы. Ответственность за это лежит не только на «агентах влияния» и «антисоветчиках», но в первую очередь на центральных советских идеологах как «прогрессивного», так и «консервативного» крыла. Советскую империю и идеологически, и фактически разрушили коммунисты. Воссоздать ее в той же форме и с той же идеологией сейчас не только невозможно, но и бессмысленно, так как даже гипотетически при этом будут воспроизведены те же предпосылки, которые уже один раз привели к разрушению государства.

Во-вторых, на геополитическом и стратегическом уровне СССР был неконкурентоспособен в долгой перспективе атлантистскому западному блоку. С точки зрения стратегии, сухопутные границы являются намного более уязвимыми, чем морские, причем на всех уровнях (количество пограничных войск, стоимость военной техники, использование и размещение страте-

гических вооружений и т. д.). После Второй мировой войны СССР оказался в неравном положении по сравнению с капиталистическим блоком Запада, сгруппировавшимся вокруг США. У США была гигантская островная база (Американский континент), полностью подконтрольная и окруженная со всех сторон океанами и морями, защищать которые не составляло большого труда. Плюс к этому США контролировали почти все береговые зоны на юге и западе Евразии, создавая гигантскую угрозу для СССР и оставаясь при этом практически вне досягаемости для потенциальных дестабилизационных акций Советского Союза. Разделение Европы на Восточную (советскую) и Западную (американскую) только осложнило геополитическое положение СССР на западе, увеличив объем сухопутных границ и поставив вплотную к стратегическому потенциальному противнику, причем в ситуации пассивной враждебности самих европейских народов, оказавшихся в положении заложников в геополитической дуэли, смысл которой им был неочевиден. То же самое имело место и на южном направлении — в Азии и на Дальнем Востоке, где СССР имел в качестве непосредственных соседей или контролируемые Западом (Пакистан, Афганистан, дохомейнистский Иран), или довольно враждебные державы несоветско-социалистической ориентации (Китай). В этой ситуации СССР мог приобрести относительную устойчивость только в двух случаях: либо стремительно продвинувшись к океанам на западе (к Атлантике) и на юге (к Индийскому океану), либо создав в Европе и Азии нейтральные политические блоки, не находящиеся под контролем ни у одной из сверхдержав. Эту концепцию (нейтральной Германии) пытался предложить еще Сталин, а после его смерти — Берия. СССР (вместе с Варшавским договором), с геополитической точки зрения, был слишком большим и — слишком маленьким одновременно. Сохранение статус-кво было на руку только США и атлантизму,

так как при этом военные, индустриальные и стратегические потенции СССР все больше изматывались, а мощь США — защищенного острова все возрастала. Рано или поздно Восточный блок неизбежно должен был рухнуть. Следовательно, воссоздание СССР и Варшавского блока не только почти невозможно, но и не нужно, потому что это даже в случае (практически невероятного) успеха приведет лишь к возрождению заведомо обреченной геополитической модели.

В-третьих, административное устройство СССР основывалось на светском, чисто функциональном и количественном понимании внутригосударственного деления. Хозяйственный и бюрократический централизм не принимал в расчет ни региональных, ни тем более этнических и религиозных особенностей внутренних территорий. Принцип нивелирования и сугубо экономической структурализации общества привел к созданию таких жестких систем, которые подавляли, а в лучшем случае «консервировали» формы естественной национальной жизни различных народов, в том числе (и в большей степени) самого русского народа. Территориальный принцип действовал даже тогда, когда формально речь шла о национальных республиках, автономиях или округах. При этом процесс регионально-этнической нивелировки становился все более отчетливым по мере «старения» всей советской политической системы, которая к своему последнему этапу все больше склонялась к типу советского «государства-нации», а не Империи. Национализм, который во многом способствовал созданию СССР на первых этапах, в конце стал чисто отрицательным фактором, так как чрезмерная централизация и унификация стали порождать естественные протест и недовольство. Атрофия имперского начала, окостенение бюрократического централизма, стремление к максимальной рационализации и чисто экономической продуктивности постепенно создали из СССР политического монстра,

потерявшего жизнь и воспринимавшегося как навязанный насильно тоталитаризм центра. Некоторые коммунистические тезисы буквально понятого «интернационализма» во многом ответственны за это. Следовательно, и этот аспект советской модели, оперирующий не с конкретными этносом, культурой, религией, а с абстрактными «населением» и «территорией», возродить не следует ни в коем случае. Напротив, следует как можно скорее избавиться от последствий такого количественного подхода, отголоски которого так трагично сказываются сегодня в вопросах Чечни, Крыма, Казахстана, карабахского конфликта, Абхазии, Приднестровья и т. д.

В-четвертых, экономическая система в СССР основывалась на таком длинном социалистическом цикле, что постепенно отдача общества конкретному человеку перестала ощущаться вовсе. Предельная социализация и детальный контроль государства над всеми экономическими процессами, вплоть до мельчайших, а также делегирование функций перераспределения лишь централизованной, чисто верхушечной, инстанции порождали в обществе климат социального отчуждения, апатии, незаинтересованности. Социализм и все его преимущества становились неочевидными, незаметными, отходили на задний план перед гигантской конструкцией бюрократически-государственной машины. Человек и конкретный коллектив терялись перед абстракцией «общества», и цикл социалистического распределения утрачивал связь с реальностью, превращался в необъяснимую, отчужденную и внешне произвольную логику бездушной машины. Не сам социализм ответствен за такое положение дел, но та его версия, которая исторически сложилась в СССР, особенно на поздних его этапах, хотя истоки такого вырождения следует искать уже в самой доктрине, в самой теории. Тоталитарный госсоциализм лишил экономику гибкости, людей — энтузиазма и ощущения

соучастия в созидательном процессе, способствовал привитию паразитического отношения к обществу, которое абсолютизировалось сегодня в мафиозно-либералистском настрое. За этот постсоветский эксцесс также ответственны коммунисты, которые оказались не способны реформировать социализм применительно к национальной стихии и поддерживать в нем достойную жизнь.

Эти четыре основных аспекта бывшей советской модели являются главными факторами краха советской государственности, и именно они ответственны за распад Советской империи. Совершенно естественно, что при гипотетическом воссоздании СССР в этом отношении следует сделать радикальные выводы и в корне уничтожить те причины, которые уже один раз исторически обрекли великий народ на государственную катастрофу.

Однако если восстановление СССР будет проходить под знаменами идеологии, отказавшейся от материализма, атеизма, тоталитаризма, государственного социализма, советского геополитического пространства, административного устройства, интернационализма, централизма и т. д., то правомочно ли вообще говорить об «СССР» или «советском государстве», о «коммунизме», «реставрации» и т. д.? Не будет ли правильнее назвать это созданием «Новой Империи»?

Критика царистской государственности

Сегодня все чаще можно услышать призывы к возврату к царской, монархической модели. Это в целом закономерно, так как дискредитация советизма заставляет русских обратиться к тем формам государственности, которые существовали до коммунистического периода русской истории. Эта модель имеет и позитивные, и негативные стороны. Независимо от невероятной трудности реставрации докоммунистической госу-

дарственной системы, этот проект обсуждается все более и более серьезно.

Учитывая историческую логику геополитического развития русской нации, имеет смысл говорить о поздних периодах правления Романовых, когда Россия вышла на рубежи своего максимального территориального имперского объема.

Наиболее позитивным в данном проекте является идеологическая основа царской России, где (пусть номинально) декларировалась верность национальному духу (народность), религиозной истине (Православие) и традиционному сакральному политическому устройству (самодержавие). Однако, по справедливому замечанию русских евразийцев, уваровская формула (Православие, самодержавие, народность) в последние периоды царской России была скорее идеалистическим лозунгом, нежели реальным содержанием политической жизни и социального устройства. Русское Православие, потрясенное светскими реформами Петра, в этот период довольно далеко отстояло от идеала «Святой Руси», будучи фактически подчиненным государственному контролю и во многом утратив свой сакральный авторитет и гармоничность православной симфонии. Потеряв духовную независимость, Русская Церковь была вынуждена идти на компромисс со светской властью, воплощенной в подчиненном царю Синоде, и тем самым была ограничена в свободе подлинного исповедания неземных Истин.

Самодержавие, со своей стороны, все более утрачивало сакральное значение, вовлекаясь в решение чисто политических задач, подчас забывая о своей высшей миссии и религиозном предназначении. Хотя десакрализация царской власти никогда, вплоть до отречения последнего императора, не доходила в России до уровня той пустой пародии, в которую превратились европейские монархии — в первую очередь французская и

английская, — влияние Европы в этой области все же было очень велико.

И, наконец, народность знаменитого лозунга была скорее чисто декларативной, а сам народ пребывал в глубоком отчуждении от политической жизни, что проявилось, к примеру, в повальном безразличии к Февральской и позднее к Октябрьской революциям, радикально разрушившим монархическую модель.

Прямая апелляция в наших условиях к реставрации этой триады, скорее всего, приведет к восстановлению того худосочного и в большей степени демагогического компромисса, который на практике скрывался за этими тремя принципами в позднеромановскую эпоху (в которую они и были, кстати, сформулированы). Более того, учитывая отсутствие однозначных претендентов на российский престол, нестабильное и неопределенное состояние нынешней Православной Церкви, а также абстрактное значение термина «народность» (под которым часто понимают лишь поверхностный, фольклорный стиль или вовсе подделку под народ фантазирующих интеллигентов), нетрудно предвидеть, что возврат к уваровской идеологии станет еще большей пародией, чем предреволюционный царский режим.

Царистская модель имеет, кроме того, серьезнейший геополитический изъян, точно так же приведший Российскую империю к краху, как и СССР на семьдесят лет позднее.

Возврат к царистской и, следовательно, в целом «славянофильской» геополитике таит в себе страшную угрозу. Дело в том, что в последние полвека царствования Романовых внешнюю политику правящего дома определяли не евразийские традиции Александра I и перспективы континентального Священного Союза (основанного на альянсе России и держав Средней Европы), но проанглийские и профранцузские проекты, ради которых Россия втягивалась в самоубийственные

конфликты на стороне своих естественных геополитических противников и против своих естественных геополитических союзников. Поддержка сербских требований, безответственный миф о Босфоре и Дарданеллах, вовлеченность в европейские антигерманские интриги французских масонов — все это заставляло Россию выполнять политическую роль, не только ей не свойственную, но прямо для нее губительную. Пытаясь на славянофильской основе обосноваться в Восточной Европе и постоянно втягиваясь в конфликт со средне-европейскими державами (природными союзниками России), царский режим планомерно подтачивал основы русского государства, прямо вел Россию к геополитическому самоубийству. К этому же относятся и турецкие войны, и война с Японией. Парадоксально, но кажется, что Россия стремилась наилучшим образом услужить атлантистским интересам прогрессистской Франции и колониально-капиталистической Англии, вместо того чтобы выполнять свою естественную евразийскую миссию и искать союза со всеми сходными (и политически, и духовно) консервативными и имперскими режимами. Славянофильская геополитическая утопия стоила России царя, Церкви и Империи, и только приход евразийски ориентированных большевиков спас тогда страну и народ от тотальной деградации, от превращения в региональную державу.

Попытка следовать такой позднеромановской, «славянофильской» линии в наших условиях не может не привести к схожему результату. И даже сама апелляция к дореволюционной России несет в себе потенциально самоубийственные политические мотивы, намного более опасные для русского народа, нежели проекты советской реставрации.

Есть еще один фактор, который в случае монархических тенденций является крайне опасным. Речь идет о той капиталистической форме экономики, которая

была присуща России на рубеже XIX—XX веков. Хотя это было вариацией национального капитализма, ограниченного государственными, социальными и культурными рамками, а не «диким» свободным рынком, эффект экономического отчуждения, свойственный любому капитализму, был крайне силен. Русский буржуа прочно занял место государственной и военной аристократии, духовного сословия, потеснив чиновничество и служащих. Этот тип русского буржуа (во многом отличный от представителей традиционного, докапиталистического, феодального купечества) фактически противостоял культурным, социальным и этическим нормам, которые являлись сущностью системы русских национальных ценностей. Воспринявший уроки английского экономического либерализма, почувствовавший вкус финансовых и биржевых спекуляций, ловко использующий экономическую неэффективность все еще скованной кодексом чести русской аристократии, русский буржуа вышел на передний план русской политической жизни, прекрасно вписавшись в общую картину лубочной монархической псевдопатриархальности, утратившей все свое жизненное, сакральное содержание. Именно русские капиталисты (причем очень часто националистической, «черносотенной» ориентации) стали первыми проводниками английского и французского влияний в России, естественными агентами той атлантистской торговой модели, которая развилась и оформилась в англосаксонском и французском обществах.

Позднеромановский государственный строй — это сочетание десакрализованно-монархического фасада, самоубийственной славянофильской геополитики и атлантистски ориентированного рыночного капитализма. Во всех случаях национальная риторика была лишь ширмой и фигурой речи, за которой стояли политико-социальные тенденции, не просто далекие от

истинных интересов русского народа, но прямо противоположные этим интересам.

Еще один элемент этой модели является довольно сомнительным — это принцип губернского административного деления Российской империи. Хотя на практике это не мешало свободному развитию народов, входивших в состав Российской империи, и в нормальном случае русские только помогали этносам образовать и развить свою специфическую культуру, юридическое непризнание культурно-этнических и религиозных автономий, жесткий государственный нивелирующий централизм были не лучшими методами вовлечения наций в единое и свободное континентальное имперостроительство. Элементы «государства-нации» проявились в последние периоды Романовых точно так же, как и в последние десятилетия СССР, и эффект от этого был весьма схожим — отчуждение этносов от Москвы (Санкт-Петербурга) и русских, сепаратистские настроения, всплеск «малого национализма» и т. д. И как ответная реакция следовало вырождение великой русской мессианской воли в банальный национал-шовинизм.

В монархической России позитивной была именно культурно-религиозная сторона, номинальная верность сакральным традициям, память об идеале Святой Руси, Священном Царстве, о Москве — Третьем Риме. Православная Церковь как оплот догматической Истины, симфония самодержавия, осознание исторической миссии богоносного русского народа суть духовные символы истинной Русской империи, которые имеют архетипическую, непреходящую ценность, которую, однако, следует очистить от формализма, демагогии и фарисейского налета. Но противоестественная геополитика, податливость к капитализации, недооценка этнического и религиозного факторов у малых внутриимперских народов, антигерманская, антияпонская и антиосманская ориентация империи поздних Романо-

вых — все это должно быть осознано как тупиковый политический путь, не имеющий ничего общего с подлинными интересами русского народа, что и было доказано историческим крахом этой модели.

К новой Евразийской Империи

На основании предшествующих соображений можно сделать определенные выводы касательно перспективы грядущей Империи как единственной формы достойного и естественного существования русского народа и единственной возможности довести до конца его историческую и цивилизационную миссию.

1. *Грядущая Империя не должна быть региональной державой или «государством-нацией».* Это очевидно. Но следует особенно подчеркнуть, что такая Империя никогда не сможет стать продолжением, развитием региональной державы или «государства-нации», так как подобный промежуточный этап нанесет непоправимый ущерб глубинной национальной имперской тенденции, вовлечет русский народ в лабиринт неразрешимых геополитических и социальных противоречий, а это, в свою очередь, сделает невозможным планомерное и последовательное, логичное имперостроительство.

2. *Новая Империя должна строиться сразу именно как Империя, и в основание ее проекта должны уже сейчас быть заложены полноценные и развитые сугубо имперские принципы.* Нельзя отнестись этот процесс к далекой перспективе, надеясь на благоприятные условия в будущем. Для создания великой Русской Империи таких условий не будет никогда, если уже сейчас народ и политические силы, стремящиеся выступать от его имени, не утвердят сознательно и ясно свою фундаментальную государственную и геополитическую ориентацию. Империя не просто очень большое государство. Это нечто совсем иное. Это стратегический и геополитический блок, превосходящий пара-

метры обычного государства, это сверхгосударство. Практически никогда обычное государство не развивалось в Империю. Империи строились сразу как выражение особой цивилизационной воли, как сверхцель, как гигантский мироустроительный импульс. Поэтому уже сегодня следует определенно сказать: не Русское Государство, но Русская Империя. Не путь социально-политической эволюции, но путь геополитической революции.

3. Геополитические и идеологические контуры Новой Империи русских должны определяться на основе преодоления тех моментов, которые привели к краху исторически предшествовавших имперских форм. Следовательно, Новая Империя должна:

- быть не материалистической, не атеистической, не экономико-центристской;
 - иметь либо морские границы, либо дружественные блоки на прилегающих континентальных территориях;
 - обладать гибкой и дифференцированной этнорелигиозной структурой внутреннего политико-административного устройства, то есть учитывать локальные, этнические, религиозные, культурные, этические и т. д. особенности регионов, придав этим элементам юридический статус;
 - сделать участие государства в управлении экономикой гибким и затрагивающим только стратегические сферы, резко сократить социальный цикл, добиться органического соучастия народа в вопросах распределения;
- (Эти первые четыре пункта вытекают из анализа причин краха Советской Империи.)
- наполнить религиозно-монархическую формулу истинно сакральным содержанием, утраченным под влиянием светского Запада на романовскую династию, осуществить православную «консервативную

революцию», чтобы вернуться к истокам подлинного христианского мировоззрения;

- превратить термин «народность» из уваровской формулы в центральный аспект социально-политического устройства, сделать народ главной, основополагающей политической и правовой категорией, противопоставить органическую концепцию народа количественным нормам либеральной и социалистической юриспруденции, разработать теорию «прав народа»;
- вместо славянофильской геополитики обратиться к евразийским проектам, отвергающим антигерманскую политику России на Западе и антияпонскую на Востоке, покончить с атлантистской линией, замаскированной под «русский национализм»;
- воспрепятствовать процессам приватизации и капитализации, а также биржевой игре и финансовым спекуляциям в Империи, ориентироваться на корпоративный, коллективный и государственный контроль народа над экономической реальностью, отбросить сомнительную химеру «национального капитализма»;
- вместо губернского принципа перейти к созданию этнорелигиозных областей с максимальной степенью культурной, языковой, экономической и юридической автономии, строго ограничив их в одном — в политическом, стратегическом, геополитическом и идеологическом суверенитете.

(Эти пять пунктов вытекают из критики царистской модели.)

Строители Новой Империи должны активно противостоять «младоросским» тенденциям в русском национализме, стремящимся к закреплению за Россией статуса «государства-нации», а также всем ностальгическим политическим силам, содержащим в своих гео-

политических проектах апелляцию к тем элементам, которые уже приводили Империю к катастрофе.

Существование русского народа как органической исторической общности немыслимо без имперостроительного, континентального созидания. Русские останутся народом только в рамках Новой Империи.

Эта Империя, по геополитической логике, на этот раз должна стратегически и пространственно превосходить предшествующий вариант (СССР). Следовательно, Новая Империя должна быть евразийской, великоконтинентальной, а в перспективе — Мировой.

Битва за мировое господство русских не закончилась.

Передел мира

Суша и Море. Общий враг

Новая Империя, которую предстоит создавать русскому народу, имеет свою внутреннюю геополитическую логику, вписанную в естественную структуру географического пространства планеты.

Основной геополитический закон, яснее всего сформулированный Макиндером, гласит, что постоянным и основным геополитическим процессом в истории является борьба сухопутных, континентальных держав (с естественной формой идеократического политического устройства) против островных, морских государств (торгового, рыночного, экономического строя). Это извечное противостояние Рима — Карфагену, Спарты — Афинам, Англии — Германии и т. д. С начала XX века это противостояние двух геополитических констант стало приобретать глобальный характер. Морским, торговым полюсом, втягивающим в свою орбиту все остальные страны, стали США, а сухопутным полюсом — Россия. После Второй мировой войны две сверхдержавы окончательно распределили цивилиза-

ционные роли. США стратегически поглотили Запад и прибрежные территории Евразии, а СССР объединил вокруг себя гигантскую континентальную массу евразийских пространств. С точки зрения геополитики как науки, в «холодной войне» нашло свое выражение древнее архетипическое противостояние Моря и Суши, плутократии и идеократии, цивилизации торговцев и цивилизации героев (дуализм «героев и торгашей», по выражению Вернера Зомбарта, автора одноименной книги).

Распад Восточного блока, а затем и СССР нарушил относительный геополитический баланс в пользу атлантизма, то есть Западного блока и рыночной цивилизации в целом. Однако геополитические тенденции представляют собой объективный фактор, и упразднить их волюнтаристическим, «субъективным» способом не представляется возможным. Тенденции Суши, континентальные импульсы не могут быть отменены в одностороннем порядке, и, следовательно, создание новой сухопутной, восточной, континентальной Империи является потенциальной геополитической неизбежностью.

Атлантический, морской, торговый полюс цивилизации сегодня, безусловно, предельно силен и могуществен, но объективные факторы делают континентальную реакцию Востока практически неотвратимой. Сухопутная Империя потенциально существует всегда и ищет лишь удобных обстоятельств, чтобы реализоваться в политической реальности.

На ясном осознании этой геополитической неизбежности должна строиться Новая Империя. В этой Империи естественной ключевой функцией будут обладать именно русские, так как они контролируют те земли, которые являются осевыми в евразийской континентальной массе. Новая Империя не может быть никакой иной, кроме как Русской, поскольку и территориально, и культурно, и цивилизационно, и социаль-

но-экономически, и стратегически русские естественно и органично соответствуют этой планетарной миссии и идут к ее осуществлению на всем протяжении своей национальной и государственной истории. Русские земли Макиндер называл «географической осью истории», то есть тем пространством, вокруг которого создавалась береговая цивилизация Евразии (отождествляющаяся часто с «цивилизацией» вообще) под влиянием диалектического противостояния морских (внешних) и сухопутных (внутренних) культурно-политических импульсов. Какой-то другой народ или какая-то другая страна сможет выступать в роли полюса евразийской континентальной Империи, только захватив контроль над совокупностью русских земель, а для этого необходимо выполнить практически невероятное условие — уничтожить русский народ, стереть с лица земли русскую нацию. Так как это представляется маловероятным, русским надо признать, осознать и в очередной раз взять на себя сложную роль центра Евразийской Империи.

В основу геополитической конструкции этой Империи должен быть положен фундаментальный принцип — *принцип «общего врага»*. Отрицание атлантизма, отвержение стратегического контроля США и отказ от верховенства экономических, рыночно-либеральных ценностей — вот та общая цивилизационная база, тот общий импульс, что откроют путь прочному политическому и стратегическому союзу, создадут осевой костяк грядущей Империи. Подавляющее большинство евразийских государств и народов имеют континентальную, «сухопутную» специфику национальной истории, государственных традиций, экономической этики. Подавляющее большинство этих государств и народов воспринимают американское политическое и стратегическое влияние как непосильное бремя, отчуждающее нации от их исторической судьбы. Несмотря на все внутренние цивилизационные, религиозные

и социально-экономические различия евразийских держав между собой, у них есть прочный и непоколебимый «общий знаменатель» — неприязнь к тотальности атлантистского контроля, желание освободиться от заокеанской опеки того торгового строя, который усиленно насаждается США, оплотом «морской» цивилизации.

Различия в региональных интересах евразийских государств, в религиозной, этнической, расовой и культурной ориентации — все это немаловажные факторы, с которыми нельзя не считаться. Однако о них можно говорить всерьез и полновесно только тогда, когда исчезнет удушающее экономическое и стратегическое влияние «общего врага», навязывающего ту модель, которая чужда практически всем — и христианам, и социалистам, и мусульманам, и национал-капиталистам, и буддистам, и коммунистам, и индуистам. Пока же доминирование США сохраняется, все внутриевразийские конфликты и противоречия носят *искусственный* характер, так как подобное выяснение отношений имеет смысл лишь при отсутствии более глобального фактора, который на практике организует и контролирует эти конфликты с целью поддержать в Евразии разобщенность и дробление. В этом смысле все региональные державы в Евразии логически служат интересам атлантистов, так как, будучи не в состоянии оказать им масштабное сопротивление (а это возможно только в имперском стратегическом контексте), они целиком зависят от единственной сверхдержавы и направляют свою энергию на соседей только с санкции заокеанских властителей.

«Общий враг», атлантизм, должен стать связующим компонентом новой геополитической конструкции. Эффективность этого фактора не подлежит сомнению, а все доводы против либо наивно не учитывают объективной серьезности и тотальности атлантистского доминирования, либо сознательно отвлекают геополити-

ческое внимание от единственной ответственной и реалистической перспективы в пользу второстепенных региональных проблем, вообще не имеющих никакого решения без учета глобальной расстановки сил.

Евразии предопределено географическое и стратегическое объединение. Это строго научный геополитический факт. В центре такого объединения неминусемо должна стоять Россия. Движущей силой объединения неизбежно должен быть русский народ. С этой миссией полностью гармонирует и цивилизационная миссия русских, и их универсалистский идеал, и логика исторического становления нации и государства. Новая Евразийская Империя вписана в географическую и политическую предопределенность мировой истории и мировой геополитики. Спорить с этим обстоятельством бессмысленно. Интересы русского народа неотделимы от построения такой континентальной конструкции.

Евразийская геополитика Новой Империи — не просто географическая абстракция или выражение гипотетической воли к безграничной экспансии. Ее принципы и основные направления учитывают и геополитические константы, и актуальную политическую ситуацию, и реально существующие международные тенденции, и стратегический баланс сил, и экономикоресурсные закономерности. Поэтому Евразийский имперский Проект несет в себе одновременно несколько измерений — культурное, стратегическое, историческое, экономическое, политическое и т. д. Важно с самого начала подчеркнуть, что в том или ином «осевом» геополитическом альянсе при создании Империи речь идет о совершенно разной степени интеграции в зависимости от уровня развития регионов. В одном случае может быть культурное или этническое сближение, в другом — религиозное, в третьем — экономическое. Эти вопросы имеют в каждом конкретном случае особое решение. Единственной универсальной интег-

рирующей реальностью в будущей Евразийской Империи станет категорический императив *стратегического объединения*, то есть такого геополитического альянса, который позволит эффективно противостоять атлантическим влияниям, американскому геополитическому давлению и политико-экономическому диктату по всем стратегическим направлениям.

Стратегическое объединение континента, о котором идет речь, должно обеспечить контроль над морскими границами Евразии по всем сторонам света, континентальную экономическую, промышленную и ресурсную автаркию, централизованное управление евразийскими вооруженными силами. Все остальные аспекты внутриевразийской интеграции будут решаться на основании гибких, дифференцированных принципов в зависимости от каждого конкретного случая. Это фундаментальное соображение необходимо постоянно иметь в виду, чтобы избежать необоснованных сомнений и возражений, могущих возникнуть в том случае, если вместо *стратегического объединения* кто-то ошибочно посчитает, что дело касается политического, этнического, культурного, религиозного или экономического объединения. Кстати, такую подмену с необходимостью будут вполне сознательно осуществлять представители «малого национализма» всех народов, упрекая евразийцев и континентальных имперостроителей в том, что они хотят растворить свои этносы, религии, культуры и т. д. в новой «интернационалистской утопии». Евразийский Проект никоим образом не ведет к нивелировке наций, напротив, он исходит из необходимости сохранения и развития идентичности народов и культур, только при этом в нем речь идет не о безответственных романтических грезах «малых националистов» (которые на практике приводят лишь к шовинизму и самоубийственным этническим конфликтам), но о серьезном и объективном понимании актуальной ситуации, где достичь этой цели можно лишь

при условии радикального подрыва мирового влияния атлантистского Запада с его рыночной, либеральной идеологией, претендующей на мировое господство.

Теперь остается лишь выяснить специфику этого континентального проекта, учитывая те негативные факторы, которые в предшествующие периоды сорвали осуществление этого грандиозного цивилизационного плана.

Западная ось: Москва-Берлин. Европейская Империя и Евразия

На западе Новая Империя имеет прочный геополитический плацдарм, которым является Средняя Европа.

Средняя Европа представляет собой естественное геополитическое образование, объединенное стратегически, культурно и отчасти политически. Этнически в это пространство входят народы бывшей Австро-Венгерской империи, а также Германия, Пруссия и часть польских и западноукраинских территорий. Консолидирующей силой Средней Европы традиционно является Германия, объединяющая под своим контролем этот геополитический конгломерат.

Средняя Европа по естественно-географическим и историческим соображениям имеет ярко выраженный «сухопутный», континентальный характер, противостоящий «морским», «атлантическим» пространствам Западной Европы. В принципе, политическое влияние Средней Европы может распространяться и южнее — в Италию и Испанию, чему было много исторических precedентов. Геополитической столицей Средней Европы логичнее всего считать Берлин как символ Германии, являющейся, в свою очередь, символом и центром всего этого образования. Только Германия и немецкий народ обладают всеми необходимыми качествами для эффективной интеграции этого геополитического ре-

гиона — исторической волей, прекрасно развитой экономикой, привилегированным географическим положением, этнической однородностью, сознанием своей цивилизационной миссии. Сухопутная и идеократическая Германия традиционно противостояла торговоморской Англии, и специфика этого геополитического и культурного противостояния заметно затронула европейскую историю, особенно после того, как немцам удалось наконец создать свое собственное государство.

Англия геополитически является наименее европейским государством, чьи стратегические интересы традиционно противоположны средневропейским державам и, шире, континентальным тенденциям в Европе. Однако параллельно усилению роли США и захвату ими практически полного контроля над английскими колониями стратегическая роль Англии значительно уменьшилась, и сегодня в Европе эта страна выступает скорее как экстерриториальная плавучая база США, чем как самостоятельная сила. Как бы то ни было, в пределах Европы Англия является наиболее враждебной континентальным интересам страной, антиподом Средней Европы, а следовательно, Новая Евразийская Империя имеет в ее лице политического, идеологического и экономического противника. Вряд ли будет возможно волевым образом переломить цивилизационный путь этой специфической страны, создавшей в свое время гигантскую торгово-колониальную империю чисто «морского» типа и столь способствовавшей появлению всей современной западной цивилизации, основанной на торговле, количестве, капитализме, спекуляции и биржевой игре. Это совершенно нереально, и поэтому в Евразийском Проекте Англия неизбежно станет «козлом отпущения», так как европейские процессы континентальной интеграции будут с необходимостью проходить не просто без учета английских интересов, но даже в прямой противоположности к этим интересам. В данном контексте нема-

лую роль должна сыграть европейская и, шире, евразийская поддержка ирландского, шотландского и уэльского национализма, вплоть до поощрения сепаратистских тенденций и политической дестабилизации Великобритании.

Другим противоречивым геополитическим образованием является Франция. Во многом французская история носила атлантистский характер, противостоящий континентальным и среднеевропейским тенденциям. Франция была основным историческим противником Австро-Венгерской империи, всячески поддерживала раздробленное состояние немецких княжеств, тяготея к «прогрессизму» и «централизму» антитрадиционного и противоестественного типа. Вообще, с точки зрения подрыва европейской континентальной традиции, Франция всегда была в авангарде, и во многих случаях французская политика отождествлялась с самым агрессивным атлантизмом. По крайней мере, так дело обстояло до тех пор, пока США не взяли на себя планетарную функцию главного полюса атлантизма.

Во Франции существует и альтернативная геополитическая тенденция, восходящая к континентальной линии Наполеона (которого еще Гете воспринимал как вождя сухопутной интеграции Европы) и ярко воплотившаяся в европейской политике Де Голля, искавшего альянса с Германией и создания независимой от США европейской конфедерации. Отчасти эта же линия вдохновляла и франко-германские проекты Миттерана. Как бы то ни было, гипотетически можно представить себе такой поворот событий, что Франция признает верховенство фактора Средней Европы и добровольно пойдет на соучастие в геополитическом европейском блоке с антиамериканской и континентальной ориентацией. Территория Франции является необходимым компонентом евразийского блока на Западе, так как от этого напрямую зависит контроль над

Атлантическим побережьем и, соответственно, безопасность Новой Империи на западных рубежах. Франко-германский союз в любом случае является главным звеном евразийской геополитики на континентальном Западе при том условии, что приоритетными здесь будут интересы Средней Европы, именно ее автаркия и геополитическая независимость. Такой проект известен под названием «Европейской Империи». Интеграция Европы под эгидой Германии как основа такой Европейской Империи идеально вписывается в Евразийский Проект и является наиболее желательным процессом в деле более глобальной континентальной интеграции.

Все тенденции к европейскому объединению вокруг Германии (Средней Европы) будут иметь положительный смысл только при соблюдении одного фундаментального условия — создания прочной геополитической и стратегической оси *Москва-Берлин*. Сама по себе Средняя Европа не обладает достаточным политическим и военным потенциалом для того, чтобы получить действительную независимость от атлантистского контроля США. Более того, в нынешних условиях трудно ожидать от Европы подлинного геополитического и национального пробуждения без революционного воздействия русского фактора. Европейская Империя без Москвы и, шире, Евразии не только не способна полноценно организовать свое стратегическое пространство при дефиците военной мощи, политической инициативы и природных ресурсов, но и в цивилизационном смысле не имеет ясных идеалов и ориентиров, так как влияние торгового строя и рыночных либеральных ценностей глубоко парализовало основы национального мировоззрения европейских народов, подорвало их исторические органические системы ценностей. Европейская Империя станет полноценной геополитической и цивилизационной реальностью только под воздействием новой идеологичес-

кой, политической и духовной энергии из глубин континента, из России. Кроме того, только Россия и русские смогут обеспечить Европе стратегическую и политическую независимость и ресурсную автаркию. Поэтому Европейская Империя должна формироваться именно вокруг Берлина, находящегося на прямой и жизненной оси с Москвой.

Евразийский импульс должен исходить исключительно из Москвы, передавая цивилизационную миссию (при соответствующей адаптации к европейской специфике) русским Берлину, а тот, в свою очередь, приступит к европейской интеграции по принципам и проектам, вдохновленным глубинным геополитическим континентальным импульсом. Залог адекватности Европейской Империи заключается в однозначном преобладании русофильских тенденций в самой Германии, как это понимали лучшие немецкие умы — от Мюллера ван ден Брука до Эрнста Никиша, Карла Хаусхофера и Йордиса фон Лохаузена. И как продолжение такого геополитического русофильства остальная Европа (и в первую очередь Франция) должна следовать германофильской ориентации. Только при таких условиях западный вектор Евразийской Империи будет адекватным и прочным, стратегически обеспеченным и идеологически последовательным. Но следует признать, что никакое иное объединение Европы просто невозможно без глубинных противоречий и внутренних расколов. К примеру, нынешнее объединение Европы под американским, натовским контролем очень скоро даст почувствовать всю свою геополитическую и экономическую противоречивость, а следовательно, оно неминуемо будет или сорвано, или приостановлено, или спонтанно приобретет неожиданное антиамериканское (и потенциально евразийское) измерение, которое предвидел Жан Тириар.

Важно сразу подчеркнуть, что объединение Европы вокруг Германии должно учитывать крупные полити-

ческие просчеты предыдущих попыток и в первую очередь провал эпопеи Гитлера и Третьего рейха. Геополитическое объединение Европы вокруг Средней Европы (Германии) ни в коем случае не должно подразумевать *этнического доминирования* немцев или создания централизованной структуры якобинского толка в виде гигантского Немецкого Государства. По словам Тириара, *«главная ошибка Гитлера в том, что он хотел сделать Европу немецкой, в то время как он должен был стремиться сделать ее европейской»*. Этот тезис остается совершенно актуальным и на сегодняшнем этапе и вообще может относиться ко всем неоимперским процессам, в том числе и в России. Европейская Империя, организованная вокруг Германии, должна быть именно *европейской*, свободной от этнического и лингвистического доминирования какого-то одного народа. Чтобы быть геополитическим сердцем Европы, Германия должна приобрести сверхнациональный, цивилизационный, собственно имперский характер, отказавшись от противоречивых и невыполнимых попыток создания расово однородного «государства-нации». Европейские народы должны быть равными партнерами в строительстве западного плацдарма Евразии и адаптировать общий имперский импульс к своей собственной национальной и культурной специфике. Европейская Империя должна не подавлять европейские нации, не подчинять их немцам или русским, но, напротив, освободить их из-под гнета количественной, потребительской, рыночной цивилизации, пробуждать их глубинные национальные энергии, возвращать их в лоно истории как самостоятельные, живые и полноценные политические субъекты, чья свобода будет гарантирована стратегической мощью всей Евразии.

Создание оси Берлин-Москва как западной несущей конструкции Евразийской Империи предполагает несколько серьезных шагов в отношении стран Восточной Европы, лежащих *между* Россией и Германией.

Традиционная атлантистская политика в этом регионе основывалась на макиндеровском тезисе о необходимости создания здесь «санитарного кордона», который служил бы конфликтной буферной зоной, предотвращающей возможность русско-германского союза, жизненно опасного для всего атлантистского блока. С этой целью Англия и Франция стремились всячески дестабилизировать восточноевропейские народы, внушить им мысль о необходимости «независимости» и освобождения от германского и русского влияний. Кроме того, дипломатический потенциал атлантистов любыми способами стремился укрепить русофобские настроения в Германии и германофобские в России, чтобы втянуть обе эти державы в локальный конфликт по разделу сфер влияния на промежуточных пространствах — в Польше, Румынии, Сербии, Венгрии, Чехословакии, Прибалтике, на Западной Украине и т. д. Ту же линию преследуют и нынешние стратеги НАТО, выдвигая идею создания «черноморско-балтийской федерации» государств, которая была бы непосредственно связана с атлантизмом и потенциально враждебна как России, так и Германии.

Создание оси Берлин-Москва предполагает первым делом срыв организации «санитарного кордона» в Восточной Европе и активную борьбу с носителями русофобии в Германии и германофобии в России. Вместо того чтобы руководствоваться региональными интересами в зоне обоюдных влияний и поддерживать в одностороннем порядке политически и этнически близкие народы этого региона, Россия и Германия должны все спорные вопросы решать совместно и заранее, выработав общий план перераспределения географии влияния в этом регионе, а затем жестко пресекать все локальные инициативы восточноевропейских наций по пересмотру русско-германских планов. При этом главное, к чему надо стремиться, это категорическое устранение всякого подобия «санитарного кордона», заведо-

мое развешивание иллюзий промежуточных государств относительно их потенциальной независимости от геополитически могущественных соседей. Необходимо создать непосредственную и ясную границу между дружественными Россией и Средней Европой (Германией), и даже в перспективе создания единого стратегического блока по оси Берлин-Москва эта граница должна сохранять свое геополитическое значение как лимит культурной, этнической и религиозной однородности, чтобы заведомо исключить этническую или конфессиональную экспансию на пограничных пространствах. Русско-украинские, русско-прибалтийские, русско-румынские, русско-польские и т. д. отношения должны изначально рассматриваться не как двусторонние, но как трехсторонние с участием Германии. То же самое касается и отношений между Германией и восточноевропейскими странами (народами); они также должны носить тройственный характер с обязательным участием русской стороны (и с исключением во всех случаях постороннего атлантистского, американского вмешательства). Например, немецко-украинские отношения должны с необходимостью быть немецко-русско-украинскими, немецко-прибалтийские — немецко-русско-прибалтийскими, немецко-польские — немецко-русско-польскими и т. д.

Ось Москва-Берлин поможет решить целый комплекс важнейших проблем, с которыми сталкиваются сегодня и Россия, и Германия. Россия в таком альянсе получает прямой доступ к высоким технологиям, к мощным инвестициям в промышленность, приобретает гарантированное соучастие Европы в экономическом подъеме русских земель. При этом экономической зависимости от Германии ни в коем случае не наступит, так как Германия будет «соучаствовать» в России не как благотворительная сторона, а как равноправный партнер, получающий взамен от Москвы стратегическое прикрытие, гарантирующее Германии политичес-

кое освобождение от доминирования США и ресурсную независимость от энергетических резервов «третьего мира», контролируемых атлантизмом (на этом и основан энергетический шантаж Европы со стороны США). Германия сегодня — экономический гигант и политический карлик. Россия с точностью до наоборот — политический гигант и экономический калека. Ось Москва-Берлин излечит недуг обоих партнеров и заложит основание грядущему процветанию Великой России и Великой Германии. А в дальней перспективе это приведет к образованию прочной стратегической и экономической конструкции для создания всей Евразийской Империи — Европейской Империи на западе и Русской Империи на востоке Евразии. При этом благосостояние отдельных частей этой континентальной конструкции послужит процветанию целого.

Как предварительные шаги в деле образования оси Москва-Берлин имеет смысл тщательно очистить культурно-историческую перспективу взаимных отношений от темных сторон прошлой истории русско-германских войн, которые были следствием успешной подрывной деятельности атлантистского лобби в Германии и России, а не выражением политической воли наших континентальных народов. В этой перспективе целесообразно вернуть Калининградскую область (Восточную Пруссию) Германии, чтобы отказаться от последнего территориального символа страшной братоубийственной войны. Для того чтобы это действие не стало восприниматься русскими как очередной шаг в геополитической капитуляции, Европе имеет смысл предложить России другие территориальные аннексии или иные формы расширения стратегической зоны влияния, особенно из числа тех государств, которые упрямо стремятся войти в «черноморско-балтийскую федерацию». Вопросы реституции Восточной Пруссии должны быть неразрывно связаны с территориальным и стратегическим расширением России, и Германия, по-

мимо сохранения в Калининградской области российских военных баз, должна со своей стороны дипломатически и политически способствовать усилению стратегических позиций России на северо-западе и западе. Страны Прибалтики, Польша, Молдавия и Украина — как потенциальный «санитарный кордон» — должны подвергнуться геополитической трансформации не *после* реституции Пруссии, а одновременно с ней, как элементы одного и того же процесса окончательного фиксирования границ между дружественными Россией и Средней Европой.

Слова Бисмарка «на Востоке у Германии врага нет» должны вновь стать доминантой немецкой политической доктрины, и обратная максима должна быть принята и русскими правителями — «на западных рубежах, в Средней Европе у России есть только друзья». Однако для того, чтобы это стало реальностью, а не только благопожеланиями, необходимо добиться того, чтобы именно геополитика и ее законы стали главной базой для принятия всех существенных внешнеполитических решений и в Германии, и в России, так как только с этой точки зрения необходимость и неизбежность теснейшего русско-немецкого союза могут быть осознаны, поняты и признаны тотально и до конца. В противном случае апелляция к историческим конфликтам, недоразумениям и спорам сорвет всякую попытку создания прочной и надежной базы жизненно важной оси Москва-Берлин.

Ось Москва-Токио. Паназиатский проект. К евразийской «Трехсторонней комиссии»

Новая Империя должна иметь четкую стратегию относительно своей восточной составляющей. Поэтому восточные пределы Евразии для этой Империи обладают такой же стратегической значимостью, как и проблемы Запада.

Исходя из основополагающего принципа «общего врага» Россия должна стремиться к стратегическому альянсу именно с теми государствами, которые более других тяготятся политическим и экономическим давлением атлантистской сверхдержавы, имеют историческую традицию геополитических проектов, противоположных атлантизму, и обладают достаточной технологической и экономической мощью для того, чтобы стать ключевой геополитической реальностью нового блока.

В этой перспективе совершенно безусловной представляется необходимость максимального сближения с Индией, являющейся нашим естественным геополитическим союзником в Азии и по расовым, и по политическим, и по стратегическим параметрам. После деколонизации Индия стремилась избежать любыми средствами вхождения в капиталистический блок и фактически возглавляла Движение неприсоединения, искавшее в узком «ничейном» геополитическом пространстве возможность придерживаться политики «третьего пути» и с нескрываемой симпатией относившееся к СССР. Сегодня же, когда в России отменена жесткая коммунистическая догматика, препятствий для теснейшего сближения с Индией вообще не существует.

Индия сама по себе — континент. Сфера ее геополитического влияния ограничивается, однако, Индостаном и небольшой зоной в Индийском океане, расположенной южнее полуострова. Индия с необходимостью станет стратегическим союзником Новой Империи, ее юго-восточным форпостом, хотя при этом надо учитывать, что индийская цивилизация не склонна к геополитической динамике и территориальной экспансии, а кроме того, индуистская традиция не имеет в себе универсального религиозного измерения, и поэтому важную роль эта страна может играть лишь в

ограниченной части Азии. Одновременно довольно слабое экономическое и технологическое развитие этой страны не позволяет опереться на нее в полной мере, а следовательно, никаких проблем Новой Империи альянс с Индией на данном этапе не решит. Индия сможет служить стратегическим форпостом Евразии, и на этом ее миссия фактически исчерпывается (если не брать во внимание ее духовную культуру, знакомство с которой может способствовать выяснению важнейших метафизических ориентиров Империи).

Индия — важный союзник Евразии, но не главный. На роль подлинного восточного полюса Евразии претендуют в сегодняшнем мире две геополитические реальности — это Китай и Япония. Но между этими странами существует глубинный геополитический антагонизм, имеющий долгую историю и соответствующий типологии двух цивилизаций. Следовательно, Россия должна выбрать что-то одно. Проблема не может ставиться таким образом: и Китай, и Япония одновременно.

На первый взгляд Китай представляет собой сухопутную континентальную массу, его цивилизация носит традиционный авторитарный (неторговый) характер, и само сохранение коммунистической идеологии при проведении либеральных реформ в современном Китае, казалось, должно было бы окончательно способствовать выбору именно Китая, в противовес капиталистической, островной Японии. Однако история показывает, что именно Китай, а не Япония, геополитически являлся важнейшей базой англосаксонских сил на Евразийском континенте, тогда как Япония, напротив, поддерживала союз с центральноевропейскими странами противоположной ориентации.

Для того чтобы понять этот парадокс, следует внимательно посмотреть на карту и отметить на ней географию двух последних мировых войн. В Северном по-

лушарии можно условно выделить четыре геополитические зоны, соответствующие главным участникам мировых конфликтов (странам или блокам государств). Крайний Запад, атлантизм, объединяет США, Англию, Францию и несколько других европейских стран. Эта зона обладает совершенно определенной геополитической ориентацией, однозначно тождественной «морской», «карфагенской» линии мировой истории. Это пространство максимальной цивилизационной активности и источник всех антитрадиционных, «прогрессивных» преобразований.

Вторая зона — Средняя Европа, Германия, Австро-Венгрия. Это пространство, непосредственно прилегающее к атлантистскому блоку с востока, с геополитической точки зрения обладает всеми признаками антиатлантистской, континентальной, сухопутной ориентации и географически тяготеет к Востоку.

Третья зона — это собственно Россия, лежащая в центре тяжести континента и ответственная за судьбу Евразии. Сухопутная и нелиберальная, «консервативная» сущность России очевидна.

И, наконец, четвертой зоной является Тихоокеанский ареал, где центральной ролью наделена именно Япония, развивающаяся быстро и динамично и обладающая при этом жесткой системой традиционалистских ценностей и ясным пониманием своей геополитической роли. При этом Япония сущностно ориентирована антизападно и антилиберально, так как ее ценностная система представляет собой нечто прямо противоположное идеалам «прогрессивного» атлантистского человечества.

Западный мир (атлантизм) в лице своих самых глубоких идеологов (Макиндер, Мэхэн и т. д.) прекрасно понимал, что самой большой угрозой для планетарного атлантизма являлась бы консолидация всех трех зон Евразии — от Среднеевропейской до Тихоокеанской с участием и центральной ролью России — против анг-

лосаксонского и французского «прогрессизма». Поэтому основной задачей атлантистских стратегов было противопоставить три евразийские зоны своим непосредственным соседям и потенциальным союзникам. И русско-германские, и русско-японские конфликты активно провоцировались именно атлантистами, действовавшими как внутри евразийских правительств, так и извне, используя дипломатические и силовые рычаги. Противники атлантизма, начиная с Хаусхофера, окончательно пришли к выводу, что эффективное противостояние атлантизму возможно только при отвержении навязываемой трем евразийским зонам логики, то есть при категорическом отказе русских от германо- и японофобии, а японцев и немцев — от русофобии, к каким бы историческим прецедентам сторонники этих «фобий» ни прибегали.

При этом именно Япония как символ всего тихоокеанского пространства обладает в этих антиатлантистских проектах первостепенной значимостью, так как стратегическая позиция Японии, динамика ее развития, специфика ее ценностной системы делают ее идеальным партнером в планетарной борьбе против цивилизации Запада. Китай же, со своей стороны, не играл в этой геополитической картине особой роли, будучи лишен вначале политической независимости (английская колонизация), а потом геополитической динамики. Лишь в период активного маоизма в самом Китае проявилась сугубо почвенная, евразийская тенденция, когда возобладали проекты «крестьянского социализма», всекитайского национализма и ярко выраженной советофилии. Но такое состояние продлилось очень недолго, и Китай под предлогом несогласия с развитием советской модели снова вернулся к исполнению сомнительной геополитической функции — дестабилизации дальневосточных интересов Евразии и нагнетанию конфликтов с Россией. Нет никаких сомнений, что начатая с 80-х годов китайская перестрой-

ка была окончательным поворотом от маоистского периода к проатлантистской модели, что должно было бы окончательно закрепить разрыв Китая с СССР и его ориентацию на Запад. При этом «атлантизация» современного Китая прошла гораздо более успешно, нежели в России, так как экономический либерализм без политической демократизации позволил бесконфликтно поставить Китай в зависимость от западных финансовых групп, сохраняя тоталитарную систему и видимость политической самостоятельности. Либерализм был насажден в Китае тоталитарными методами, и именно поэтому реформа удалась в полной мере. К политической власти партийной олигархии добавилась экономическая власть той же олигархии, успешно приватизировавшей народную промышленность и национальные богатства и сплавившейся с интернациональной космополитической элитой торгового строя. Экономические успехи Китая представляют собой довольно двусмысленную реальность, так как они достигнуты ценой глубинного компромисса с Западом и не сочетаются ни с какой ясной геополитической концепцией, которая могла бы служить залогом политической самостоятельности и независимости. Скорее всего, новый либеральный Китай, имеющий рядом с собой двух серьезных конкурентов — экономически мощную Японию и стратегически мощную Россию, — снова, как уже много раз в истории, вернется к чисто атлантистской функции на Дальнем Востоке, соединив для этого политическую диктатуру и потенцию капиталистического развития. Более того, с чисто прагматической точки зрения стратегический альянс России с Китаем для создания единого блока немедленно оттолкнет от русских Японию и, соответственно, снова сделает враждебным тот ключевой Тихоокеанский регион, от участия которого в общем Евразийском Проекте зависит конечный геополитический успех противостояния Суши и Моря.

В Новой Империи восточной осью должна быть ось *Москва-Токио*. Это категорический императив восточной, азиатской составляющей евразийства. Именно вокруг этой оси должны складываться основные принципы азиатской политики Евразии. Япония, являясь самым северным пунктом среди островов Тихого океана, находится в исключительно выгодной географической точке для осуществления стратегической, политической и экономической экспансии на юг. Федерация тихоокеанского пространства вокруг Японии была основной идеей так называемого «паназиатского проекта», начавшего реализовываться в 30—40-е годы XX века и прерванного лишь из-за поражения стран «оси» в войне. К этому panaзиатскому проекту необходимо вернуться сегодня, чтобы подорвать экспансию американского влияния в этом регионе и лишить атлантистов в целом их важнейших стратегических и экономических баз. Согласно некоторым футурологическим прогнозам, в будущем Тихоокеанский ареал станет одним из важнейших центров цивилизации в целом, и поэтому борьба за влияние в этом регионе является более чем актуальной — это борьба за будущее.

Паназиатский проект является центром восточной ориентации Новой Империи. Альянс с Японией жизненно необходим. Ось Москва-Токио вопреки оси Москва-Пекин является приоритетной и перспективной, открывающей для континентального имперостроительства такие горизонты, которые наконец сделают Евразию геополитически *завершенной*, а атлантистскую империю Запада это предельно ослабит, а возможно, и разрушит окончательно.

Антиамериканизм японцев, прекрасно помнящих ядерный геноцид и ясно осознающих позор политической оккупации, длящейся уже несколько десятилетий, не вызывает сомнений. Принцип «общего врага» здесь налицо. В книге американца Серджа Фридмана грядущая война с Японией (книга так и называется

«Coming war with Japan») представляется неизбежной. Экономическая война Японии с США уже идет. У России, строящей Евразийскую Империю, не может быть лучшего союзника.

Ось Москва-Токио решает также ряд важнейших проблем в обеих странах. Во-первых, Россия получает в союзники экономического гиганта, оснащенного высокоразвитой технологией и огромным финансовым потенциалом. Однако у Японии отсутствуют политическая независимость, военно-стратегическая система, прямой доступ к ресурсам. Все, чего не хватает Японии, в избытке есть у России, а все, чего не хватает русским, в избытке есть у японцев. Объединив усилия в деле построения континентальной Империи, японцы и русские смогли бы в кратчайшие сроки создать небывало могущественный геополитический центр, охватывающий Сибирь, Монголию, саму Японию и в перспективе весь Тихоокеанский регион. В обмен на стратегическую защиту и прямой доступ к евразийским ресурсам Япония могла бы быстро и эффективно помочь русским в технологическом развитии и освоении Сибири, заложив остов самостоятельного регионального организма. Японская технологическая и финансовая помощь решила бы множество проблем в России.

Кроме того, Россия с Японией вместе могли бы переструктурировать и дальневосточную часть континентальной Евразии. Показательна в этом отношении постоянно возрастающая интенсивность монгольско-японских контактов, основанных на единстве происхождения, расовой близости и духовно-религиозном родстве. Монголия (возможно, даже Внутренняя Монголия и Тибет, находящиеся в настоящее время под китайской оккупацией), Калмыкия, Тува, Бурятия образуют евразийский буддистский анклав, который мог бы послужить прочным соединяющим элементом между Россией и Японией, дать промежуточные звенья оси

Москва-Токио. С одной стороны, эти регионы тесно и неразрывно связаны с Россией, а с другой — культурно и расово близки Японии. Буддистский блок мог бы играть важнейшую роль в создании прочной геополитической конструкции на Дальнем Востоке, которая была бы континентальным звеном тихоокеанского паназиатского союза. В случае обострения отношений с Китаем, которое неизбежно произойдет при начале реализации оси Москва-Токио, буддистский фактор будет использоваться как знамя национально-освободительной борьбы народов Тибета и Внутренней Монголии за расширение собственно евразийских, континентальных пространств в ущерб проатлантистскому Китаю.

Вообще говоря, Китай имеет все шансы стать геополитическим «козлом отпущения» при реализации паназиатского проекта. Это может быть осуществлено как при провоцировании внутрикитайского сепаратизма (тибетцы, монголы, мусульманское население Синьцзяна), так и при игре на региональных противоречиях, а также при активной политической поддержке антиатлантистских, сугубо континентальных сил потенциального буддийского (и даосского) лобби внутри самого Китая, что в перспективе может привести к утверждению такого политического режима в самом Китае, который будет лоялен Евразийской Империи. Кроме того, следует предложить Китаю особый вектор региональной геополитики, направленный строго на юг — к Тайваню и Гонконгу. Экспансия в южном направлении отчасти компенсирует утрату политического влияния Китая на севере и на востоке.

Китай в восточных регионах Новой Империи следует уподоблять на Западе не Англии, но Франции, так как в отношении его Евразийская Империя будет руководствоваться двумя критериями — в случае активного противодействия евразийским проектам с Китаем придется обращаться как с геополитическим против-

ником со всеми вытекающими отсюда последствиями, но если удастся создать внутри страны мощное политическое лобби, прояпонское и прорусское одновременно, то в перспективе и сам Китай станет полноценным и равноправным участником континентального проекта.

Ось Москва-Токио вместе с западной осью Москва-Берлин создаст такое геополитическое пространство, которое прямо противоположно главной модели атлантистских идеологов, чьей высшей инстанцией стал сегодня «Трилатераль», «Трехсторонняя комиссия». «Трехсторонняя комиссия», созданная американскими кругами высшего политического истеблишмента, предполагает в качестве новой конфигурации планеты стратегическое объединение трех геополитических зон, точно соответствующих трем геополитическим элементам из четырех, о которых мы говорили выше. Три стороны этой комиссии, которая стремится выполнять функции «мирового правительства», соответствуют:

1) американской зоне (США, Крайний Запад, чистый атлантизм);

2) европейской зоне (континентальная Европа, Средняя Европа, но под эгидой Франции и Англии, а не Германии);

3) тихоокеанской зоне (объединенной вокруг Японии).

«Трилатераль», таким образом, стремится сконструировать такую геополитическую модель, в которой собственно Евразия (= Россия) будет окружена с двух сторон надежными геополитическими партнерами США, то есть три зоны из четырех, объемлющих северные регионы планеты, подпадают под прямой контроль США. При этом между потенциальным евразийским противником атлантистов (Евразией) и самим центром атлантизма (США) находятся два служебных геополитических пространства (Европа и Япония). Важно заметить также, что перестройка в Китае в нача-

ле 80-х годов была начата именно с подачи представителей «Трехсторонней комиссии», которые стремились окончательно вернуть Китай в русло атлантистской политики.

Евразийский Проект предлагает нечто прямо противоположное планам «Трилатеряля». Новая Империя есть анти-«Трилатераль», его обратная, перевернутая модель. Это объединение трех геополитических зон с центром в России, ориентированных против Америки. По той же самой логике, согласно которой США стремятся геополитически удержать Европу и Японию под своим контролем, понимая все стратегические выгоды для американского могущества в такой расстановке сил, Россия при строительстве Новой Империи должна всячески стремиться к созданию прочного стратегического союза с Европой и Японией, чтобы достичь собственной геополитической стабильности, мощи и гарантировать политическую свободу всем евразийским народам. В принципе, речь может идти о создании своей *евразийской* «Трехсторонней комиссии» с русским, европейским и японским отделениями, в которой, однако, будут участвовать не политики атлантистского и проамериканского толка, а интеллектуальные и политические лидеры национальной ориентации, понимающие геополитическую логику актуального положения дел в мире. При этом, естественно, в отличие от «Трилатеряля» атлантистского, евразийская «Трехсторонняя комиссия» должна иметь в качестве главного представителя Европы не француза, а немца.

Учитывая стратегическую необходимость японского фактора в Евразийском Проекте, становится совершенно ясно, что вопрос о реституции Курил не является препятствием для русско-японского альянса. В случае Курильских островов, как и в случае Калининградской области, мы имеем дело с территориальными символами Второй мировой войны, альянсы и весь ход которой были полным триумфом атлантистов, расправившихся

со всеми своими противниками одновременно — путем крайнего истощения СССР (при навязывании ему такой геополитической позиции, которая не могла в перспективе не привести к перестроечному развалу) и прямой оккупации Европы и Японии. Курилы — напоминание о нелепой и противоестественной братоубийственной бойне русских и японцев, скорейшее забвение которой является необходимым условием нашего обоюдного процветания. Курилы надо вернуть Японии, но это должно осуществляться в рамках общего процесса новой организации евразийского Дальнего Востока. Кроме того, реституция Курил не может быть осуществлена при сохранении существующего расклада политических сил в России и Японии. Это дело лишь евразийских, имперостроительно ориентированных политиков, которые смогут полноценно отвечать за истинные национальные интересы своих народов. Но понимание геополитической необходимости реституции Курил у евразийской элиты должно присутствовать уже сейчас.

Ось Москва-Тегеран. Среднеазиатская Империя. Панарабский проект

Политика Евразийской Империи в южном направлении также должна ориентироваться на твердый континентальный альянс с той силой, которая удовлетворяет общей евразийской тенденции антиамериканизма и стратегически, и идеологически, и культурно. Принцип «общего врага» и здесь должен быть решающим фактором.

На юге Евразии существует несколько геополитических образований, которые теоретически могли бы выступать в роли южного полюса Новой Империи. Так как Индию и Китай следует отнести к зоне Востока и связать с перспективой паназиатской интеграции, то остается только исламский мир, простирающийся от

Филиппин и Пакистана до стран Магриба, то есть Западной Африки. В целом вся исламская зона является естественно дружественной геополитической реальностью по отношению к Евразийской Империи, так как исламская традиция, более политизированная и модернизированная, чем большинство других евразийских конфессий, прекрасно отдает себе отчет в духовной несовместимости американизма и религии. Сами атлантисты рассматривают исламский мир в целом как своего потенциального противника, а следовательно, Евразийская Империя имеет в его лице верных потенциальных союзников, стремящихся к единой цели — подрыв и в перспективе полное прекращение американского, западного доминирования на планете. Было бы идеально иметь интегрированный исламский мир как южную составляющую всей Евразийской Империи, простирающуюся от Средней Азии до Западной Африки, религиозно единую и политически стабильную, основывающую свою политику на принципе верности традиции и духу. Поэтому в дальней перспективе Исламская Империя на юге («новый халифат») может стать важнейшим элементом Новой Евразии наряду с Европейской Империей на западе, Тихоокеанской на востоке и Русской в центре.

Однако в настоящий момент исламский мир крайне разобщен, и внутри него существуют разнообразные идеологические и политические тенденции, а также противоположные друг другу геополитические проекты. Самыми важными являются следующие течения:

1) иранский фундаментализм (континентального типа, антиамериканский, антиатлантистский и геополитически активный);

2) турецкий светский режим (атлантистского типа, акцентирующий пантюркистскую линию);

3) панарабизм, проповедуемый Сирией, Ираком, Ливией, Суданом, отчасти Египтом и Саудовской Ара-

вией (довольно разноплановые и противоречивые проекты в каждом конкретном случае);

4) саудовский ваххабитский тип фундаментализма (геополитически солидарный с атлантизмом);

5) разнообразные версии «исламского социализма» (Ливия, Ирак, Сирия, модели, близкие к панарабизму «левого» толка).

Сразу ясно, что чисто атлантистские полюса в исламском мире, будь они «светскими» (как в случае Турции) или исламскими (в случае Саудовской Аравии), не могут выполнять функции южного полюса Евразии в глобальном проекте континентальной Империи. Остается «иранский фундаментализм» и «панарабизм» (левого толка).

С точки зрения геополитических констант, приоритетом в этом вопросе обладает, безусловно, Иран, так как он удовлетворяет всем евразийским параметрам — это крупная континентальная держава, тесно связанная со Средней Азией, радикально антиамериканская, традиционалистская и акцентирующая одновременно «социальный» политический вектор (защита «мустазафов», «обездоленных»). Кроме того, Иран занимает такую позицию на карте материка, что создание оси *Москва-Тегеран* решает огромное число проблем для Новой Империи. Включив Иран в качестве южного полюса Империи, Россия мгновенно достигла бы той стратегической цели, к которой она шла (неверными путями) несколько столетий — *выход к теплым морям*. Этот стратегический аспект — отсутствие у России такого выхода — был главной козырной картой атлантистской геополитики еще со времен колониальной Англии, которая полностью контролировала Азию и Восток, пользуясь именно отсутствием у России прямого доступа к южным берегам континента. Все русские попытки выйти в Средиземноморье через Босфор и Дарданеллы были стремлением к соучастию в политической организации прибрежных районов Евразии,

где безраздельно властвовали англичане, легко пресекавшие любые попытки русской экспансии через контроль над этой береговой зоной. Однако даже если бы России удалось это осуществить, атлантистский контроль над Гибралтаром всегда оставался бы препятствием для действительно крупномасштабных морских операций и не дал бы России подорвать английское могущество. Только Иран, континентально примыкающий к России и выходящий непосредственно в Индийский океан, и тогда, и теперь мог и может быть радикальным решением этой важнейшей геополитической проблемы. Получив стратегический доступ — в первую очередь военно-морские базы — на иранские берега, Евразия будет в полной безопасности от стратегии «кольца анаконды», то есть от реализации традиционного атлантистского плана по «удушению» континентальных просторов материка через захват прибрежных территорий по всей протяженности Евразии и особенно на юге и западе.

Создание оси Москва-Тегеран разом рассекает «анаконду» в самом уязвимом месте и открывает России безграничные перспективы к приобретению все новых и новых плацдармов внутри и вовне Евразии. Это самый существенный момент.

С другой стороны, существует проблема бывшей советской Средней Азии, где сегодня конкурируют три геополитические тенденции — пантюркизм (Турция, атлантизм), ваххабизм (Саудовская Аравия, атлантизм) и фундаментализм (Иран, антиатлантизм). По вполне понятным причинам «панарабизма» среди тюркоязычных в большинстве своем народов Средней Азии быть не может. Наличие же параллельно с этим мощной прорусской ориентации также следует принимать в расчет, но трудно себе представить, каким образом эти исламские регионы с пробуждающимся национальным самосознанием смогут снова примкнуть к России бескровно и безболезненно. Совершенно очевидно, что среди

«непромосковских» тенденций Новая Империя может опираться только на проиранскую ориентацию, которая выведет этот регион из-под прямого или косвенного контроля атлантистов. Одновременно с этим прочная ось Москва-Тегеран снимет все противоречия между русофильством и исламизмом (иранского типа), сделает из них *одну и ту же* геополитическую тенденцию, ориентированную и на Москву, и на Тегеран одновременно. Параллельно с этим такая ось автоматически означала бы прекращение гражданских конфликтов в Таджикистане и Афганистане, которые подпитываются только за счет геополитической неопределенности этих образований, раздираемых противоречиями между исламско-иранским фундаменталистским вектором и тяготением к России. Естественно, на фоне такого противоречия обостряются и мелкоэтнические трения, а также облегчается деятельность атлантистских «агентов влияния», которые прямо или косвенно (через Турцию и Саудовскую Аравию) стремятся дестабилизировать внутриазиатские пространства в их ключевых центрах.

Иран геополитически и есть Средняя Азия, точно так же как Германия есть Средняя Европа. Москва как центр Евразии, ее полюс, должна в рамках Новой Империи делегировать Тегерану миссию наведения «иранского мира» (*Rex Persica*) на этом пространстве, организации прочного среднеазиатского геополитического блока, способного противостоять атлантистскому влиянию во всем регионе. Это означает, что будут резко прерваны пантюркистская экспансия, а также финансово-политическое вторжение саудитов. Традиционно враждебный и Турции, и Саудовской Аравии Иран выполнит эту функцию гораздо лучше, чем русские, которые решат свои геополитические проблемы в этом сложном центре только с помощью стратегической поддержки иранской стороны. Но здесь, как и в случае с Германией, речь не должна идти о создании Иранской

Империи или об иранизации Средней Азии. Следует говорить о создании Среднеазиатской Империи, которая на федеральных началах смогла бы интегрировать различные народы, культуры и этносы в единый южный геополитический блок, создав тем самым стратегически однородное, но этнически и культурно многообразное исламское образование, неразрывно связанное с интересами всей Евразийской Империи.

В вопросе оси Москва-Тегеран важное место занимает армянский вопрос, так как он традиционно служит центром дестабилизации в Закавказье. Надо заметить, что армяне — арийский народ, ясно осознающий свою иафетическую природу и родство с индоевропейскими народами, особенно азиатскими — то есть с иранцами и курдами. С другой стороны, армяне — народ христианский, их монофизитская традиция вписывается именно в общий настрой Восточной Церкви (хотя она и признана Православием еретическим течением), и геополитическая связь с Россией осознается ими очень живо. Армяне занимают земли крайней стратегической значимости, так как через Армению и Арцах лежит путь из Турции в Азербайджан и далее в Среднюю Азию. В оси Москва-Тегеран Ереван автоматически становится важнейшим стратегическим звеном, дополнительно скрепляющим Россию с Ираном и отрезающим Турцию от внутриконтинентальных пространств. При возможной переориентации Баку с Анкары на Тегеран в общем проекте Москва-Тегеран быстро разрешится и карабахский вопрос, так как все четыре стороны будут жизненно заинтересованы в немедленном установлении стабильности в столь важном стратегическом регионе. (В противном случае, то есть при сохранении протурецкой ориентации Азербайджана, эта страна подлежит расчленению между Ираном, Россией и Арменией.) Почти то же самое относится и к другим регионам Кавказа — Чечне, Абхазии, Дагестану и т. д., которые будут оставаться зонами конфликтов и

нестабильности только при столкновении в них геополитических интересов атлантистской Турции и евразийской России. Подключение сюда иранской геополитической линии мгновенно лишит содержания видимость столкновения между «исламом и Православием» на Кавказе, которую пытаются придать конфликтам в этой области турецкие и российские «агенты влияния» атлантизма, и восстановит мир и гармонию.

В данном проекте переустройства Средней Азии следует заметить, что русские этнические интересы смогут быть защищены наилучшим образом, так как Среднеазиатская Империя будет строиться не на основании искусственных политических конструкций, фиктивной «постимперской легитимности», но на основании национальной однородности, что предполагает мирный переход под прямую юрисдикцию Москвы всех территорий Средней Азии (особенно Казахстана), компактно заселенных русскими. А те территории, этнический состав которых спорен, получают особые права на основании русско-иранских проектов в пределах той или иной Империи. Следовательно, путем евразийского геополитического проекта русские смогут добиться того, что представляется целью «малого (этнического) национализма», но что сам этот национализм выполнить никогда не сможет.

Важно учитывать также необходимость навязывания Турции роли «козла отпущения» в этом проекте, так как интересы этого государства на Кавказе и в Средней Азии вообще приниматься в расчет не будут. Более того, вероятно, следует акцентировать поддержку курдского сепаратизма в самой Турции, а также автономистские требования турецких армян, с тем чтобы вырвать этнически близкие Ирану народы из-под светско-атлантистского контроля. В качестве компенсации Турции следует предложить или развитие на южном направлении — в арабский мир через Багдад, Дамаск и Эр-Рияд, либо провоцировать проиранских фундамен-

талистов в самой Турции на кардинальное изменение геополитического курса и на вхождение в дальней перспективе в Среднеазиатский блок под антиатлантистским и евразийским знаком.

Ось Москва-Тегеран является основой евразийского геополитического проекта. Иранский ислам — наилучшая версия ислама для вхождения в континентальный блок, и именно эта версия должна быть приоритетно поддержана Москвой.

Второй линией евразийского альянса с югом является панарабский проект, который охватывает часть Передней Азии и Северную Африку. Этот блок также жизненно важен для континентальной геополитики, поскольку эта зона является стратегической в вопросе контроля над юго-западным побережьем Европы. Именно поэтому английское, а позже американское присутствие в этом регионе является историко-стратегической константой. Контролируя Ближний Восток и Северную Африку, атлантисты традиционно держали (и держат) континентальную Европу под политическим и экономическим давлением.

Однако интеграцию панарабского проекта с общей Евразийской Империей следует доверить сугубо европейским силам, вернувшись к проектам Евроафрики, представляющей собой с чисто геополитической точки зрения не два континента, а *один*. Европейская Империя, жизненно заинтересованная в максимально глубококом проникновении на юг Африканского континента, должна в перспективе полностью контролировать, опираясь на панарабский блок, Африку вплоть до Сахары, а в будущем постараться стратегически внедриться на весь материк. В перспективе Евроафрики Средиземное море не является подлинным «морем», но лишь внутренним «озером», не представляющим собой ни преграды, ни защиты от атлантистского влияния. За пределом арабской Африки следует разработать подробный полиэтнический проект, который помог бы

переструктурировать «черный» континент по национально-этническому и культурному признаку, вместо того противоречивого постколониального конгломерата, который представляют собой современные африканские государства. Ньюансированный панафриканский (неарабский) национальный проект смог бы стать геополитическим дополнением к плану панарабской интеграции.

Учитывая, что модель чисто иранского фундаментализма вряд ли сможет стать универсально приемлемой в арабском мире (во многом за счет специфики шиитской, арийской версии иранского ислама), панарабский проект должен стремиться к созданию самостоятельного антиатлантистского блока, где приоритетными полюсами стали бы Ирак, Ливия и освобожденная Палестина (при определенных условиях также Сирия), то есть те арабские страны, которые яснее других осознают американскую опасность и радикальнее других отвергают рыночно-капиталистическую модель, навязываемую Западом. При этом в панарабском проекте «козлом отпущения» станет в первую очередь Саудовская Аравия, слишком укорененная в атлантистской геополитике, чтобы добровольно войти в панарабский блок, дружественный Евразии. В отношении Египта, Алжира и Марокко дело обстоит несколько иначе, так как правящие проатлантистские силы в этих государствах не выражают национальных тенденций, не контролируют до конца ситуацию и держатся лишь на американских штыках и американских деньгах. При начале панарабской освободительной войны на достаточно интенсивном уровне все эти режимы падут в одночасье.

Но необходимо четко понять, что наиболее гармоничная конструкция панарабского пространства — дело не столько России, сколько Европы, Средней Европы, Германии, а еще точнее, Европейской Империи. Россия (точнее, СССР) вмешивалась в арабские проб-

лемы лишь тогда, когда она сама в одиночку представляла собой евразийское государство перед лицом американизма. При наличии мощной европейской базы евразийской ориентации, то есть после создания оси Москва-Берлин, эту функцию следует делегировать Берлину и Европе в целом. Непосредственной заботой России в исламском мире должен быть именно Иран, от союза с которым зависят жизненные стратегические и даже узкоэтнические интересы русских.

Иран, контролирующий Среднюю Азию (включая Пакистан, Афганистан и останки Турции, или «Турцию после проиранской революции»), вместе с Россией является центром приоритетных интересов Москвы. При этом следует употребить традиционное влияние России среди «левых» режимов панарабской ориентации (в первую очередь Ирак и Ливия) для сближения арабских стран с Ираном и скорейшего забвения искусственного и инспирированного атлантистами ирано-иракского конфликта.

Империя многих Империй

Новая Империя, построение которой отвечало бы глобальной, планетарной цивилизационной миссии русского народа, есть сверхпроект, имеющий множество подуровней. Эта Новая Империя, Евразийская Империя будет иметь сложную дифференцированную структуру, внутри которой будут существовать различные степени взаимозависимости и интегрированности отдельных частей. Совершенно очевидно, что Новая Империя не будет ни Русской Империей, ни Советской Империей.

Основным интегрирующим моментом этой Новой Империи будет борьба с атлантизмом и жесткий отпор той либерально-рыночной, «морской», «карфагенской» цивилизации, которую воплощают сегодня в себе США и планетарные политические, экономичес-

кие и военные структуры, которые служат атлантизму. Для успеха этой борьбы необходимо создание гигантского геополитического континентального блока, единого *стратегически*. Именно единство стратегических континентальных границ будет главным интегрирующим фактором Новой Империи. Эта Империя будет единым и неделимым организмом в *военно-стратегическом* смысле, и это будет накладывать политические ограничения на все внутренние подимперские формирования. Все блоки, которые будут входить в состав Новой Империи, будут политически ограничены в одном — будет категорически запрещено служить атлантистским геополитическим интересам, выходить из стратегического альянса, вредить континентальной безопасности. На этом и *только на этом* уровне Новая Империя будет целостным геополитическим образованием.

На следующем, более низком, уровне Новая Империя будет представлять собой конфедерацию «больших пространств», или вторичных Империй. Из них сразу следует выделить четыре основные — Европейская Империя на западе (вокруг Германии и Средней Европы), Тихоокеанская Империя на востоке (вокруг Японии), Среднеазиатская Империя на юге (вокруг Ирана) и Русская Империя в центре (вокруг России). Совершенно логично, что центральная позиция является в таком проекте главной, поскольку именно от нее зависит территориальная связанность и однородность всех остальных составляющих гигантского континентального блока. Кроме того, отдельные самостоятельные «большие пространства» будут существовать и помимо указанных блоков — Индия, панарабский мир, панафриканский союз, а также, возможно, особый регион Китая, чей статус пока трудно определить даже приблизительно. Каждая из вторичных Империй будет основываться на особом расовом, культурном, религиозном, политическом или геополитическом интегрирующ-

шем факторе, который в каждом случае может быть разным. Степень интеграции самих Империй будет также переменной величиной, зависящей от конкретной идеологической базы, на которой та или иная Империя будет создаваться.

Внутри этих вторичных Империй также будет действовать конфедеративный принцип, но уже применительно к более мелким этническим, национальным и региональным единицам — к тому, что с большим или меньшим приближением можно назвать «страной» или «государством». Естественно, суверенитет этих «стран» будет иметь существенные ограничения: в первую очередь стратегические (вытекающие из принципов всей континентальной Новой Империи), а во вторую — связанные со спецификой тех «больших пространств», в состав которых они войдут. И в этом вопросе будет применен принцип предельно гибкой дифференциации, учитывающий исторические, духовные, географические, расовые особенности каждого региона.

Великороссы, к примеру, могут рассматриваться как отдельный народ или даже «страна» в рамках Русской Империи наряду с украинцами, белорусами, возможно, сербами и т. д., но в то же время все они будут тесно связаны с юрисдикцией славянско-православного типа, воплощенной в специфической государственной системе. Одновременно Русская Империя будет зависеть от Евразийской Империи, Новой Империи, стратегические интересы которой будут поставлены выше национально-расовых и конфессиональных интересов восточных православных славян.

То же самое можно сказать, к примеру, и о французах, которые останутся народом или «страной» в рамках Европейской Империи наряду с немцами и итальянцами, связанными с ними общей европейской имперской традицией, христианской религией и принадлежностью к индоевропейской расе. Но сама Европейская Империя, в свою очередь, будет подчиняться

стратегическим императивам всей великоконтинентальной Новой Империи.

Так же дело будет обстоять и в Средней Азии, и на тихоокеанском пространстве, и в арабском мире, и в «черной» Африке, и в Индии, и т. д.

При этом на глобальном уровне строительство планетарной Новой Империи главным «козлом отпущения» будет иметь именно США, подрыв мощи которых (вплоть до полного разрушения этой геополитической конструкции) будет планомерно и бескомпромиссно реализовываться всеми участниками Новой Империи. Евразийский проект предполагает в этом отношении евразийскую экспансию в Южную и Центральную Америку в целях ее вывода из-под контроля Севера (здесь может быть использован испанский фактор как традиционная альтернатива англосаксонскому), а также провоцирование всех видов нестабильности и сепаратизма в границах США (возможно опереться на политические силы афроамериканских расистов). Древняя римская формула «Карфаген должен быть разрушен» станет абсолютным лозунгом Евразийской Империи, так как вберет в себя сущность всей геополитической планетарной стратегии пробуждающегося к своей миссии континента.

Конкретика в выяснении статуса того или иного народа, той или иной «страны», той или иной Империи «больших пространств» в рамках общего континентального блока станет актуальной только *после* геополитического объединения, *после* создания необходимых осей, и лишь тогда евразийские народы и государства смогут решать свои внутренние проблемы совершенно *свободно*, без давления со стороны атлантических сил, которые принципиально заинтересованы только в одном — не допустить в Евразии мира, гармонии, процветания, независимости, достоинства и расцвета Традиции.

Судьба России в имперской Евразии

Геополитическая магия в национальных целях

Русские национальные интересы могут быть рассмотрены на нескольких уровнях — на глобальном, общепланетарном, геополитическом, цивилизационном (об этом речь шла в предыдущих разделах) и на узконациональном, конкретном, социально-политическом и культурном (об этом речь пойдет в данной части). Как соотносятся между собой макропроекты континентального имперостроительства и этническая линия русского народа? Об этом кое-что было уже сказано. Здесь же следует рассмотреть эту проблему более подробно.

«Имперостроительская ориентация», «континентализм», «евразийство» — все эти термины и соответствующие проекты часто отпугивают тех русских, которые слабо знакомы с символизмом русской истории, не вникают в смысл исторических тенденций нации, привыкли оперировать банальными бытовыми клише при осмыслении того, что такое народ и каковы его интересы. Это порождает множество недоразумений среди самих националистов, провоцирует пустые дискуссии и бессодержательные полемики. На самом деле специфика русского национализма состоит как раз в его *глобальности* — он связан не столько с кровью, сколько с пространством, с почвой, землей. Вне Империи русские потеряют свою идентичность и исчезнут как нация.

Однако реализация евразийского плана ни в коем случае не должна привести к этническому размыванию русских как «осевого» этноса Империи. Великороссы нуждаются в поддержке и своей этнической идентичности, без чего центр континента потеряет свою цивилизационную и культурную определенность. Иными словами, в рамках самой наднациональной геополитической Империи должны существовать особые

нормы (в том числе и юридические), которые обеспечивали бы русским сохранение этнической идентичности. Специфика Новой Империи должна состоять в том, что при центральной роли русских в деле геополитической интеграции это не должно сопровождаться «русификацией» нерусских территорий, поскольку такая «русификация», с одной стороны, извратит смысл Империи, сведя ее до уровня гигантского «государствования», а с другой стороны, растворит русскую общность в иной национальной среде.

В отношении русского народа в рамках континентального блока следует подчеркнуть, что его роль будет не «изоляционистской» (вопреки проектам «малого национализма») и не этноэкспансионистской (вопреки «этническим империалистам» и отчасти славянофилам). Из двух этих проектов надо взять отдельные стороны, отбросив другие. На уровне стратегическом речь действительно пойдет об «экспансионизме», но не этнического, а геополитического характера, что заведомо исключает любые формы русского или славянского расизма. На чисто этническом уровне, напротив, должен реализоваться в той или иной степени «изоляционистский» вариант, при отбрасывании изоляционизма политического и государственного. Русские будут существовать как единая *национальная* общность в пространстве *сверхнационального* имперского комплекса. Этническая реальность будет консолидироваться в пределах народа, а сверхэтническая миссия будет выражаться в пределах Империи. Только при таком сочетании можно достичь одновременно и сохранения здорового национального ядра, и максимального расширения геополитического влияния. Иными словами, национальный фактор будет определяться исходя из совершенно нового сочетания этнического и политического, которого не было ни в одном из предшествующих этапов национально-государственной истории русских. Этническая однородность существовала на

Руси лишь на ранних этапах государственности в пределах довольно ограниченных территорий. Царистская модель была основана на принципе определенной «русификации», а Советы, расширяя геополитические пределы России, напротив, пренебрегали этническим качеством русского народа. В Новой Империи эти факторы должны выступить в новой пропорции, соответствующей современным геополитическим и этнографическим условиям, а также необходимой для установления стабильного этнополитического равновесия в русском народе.

В Новой Империи русские выступают одновременно в двух ролях:

1) как один из больших народов, являющихся политическими субъектами Федеративной Империи Наций;

2) как инициатор континентальной интеграции в эту Федеративную Империю Наций.

Следовательно, русские оказываются в привилегированном положении, так как, с этнической стороны, будучи одним из нескольких более или менее равных этнических компонентов Империи, они геополитически становятся в центре всего политического процесса. Такая двойная функция позволяет в ходе осуществления одного и того же имперостроительного действия одновременно увеличить свое внеэтническое влияние и консолидировать внутриэтнические силы. Имперостроительство является единственным способом сохранить, усилить и объединить русский этнос, не прибегая при этом к межнациональным конфликтам, войнам, пересмотру политических границ. *Все* политические границы Евразии в процессе построения Новой Империи будут постепенно отменены как *политические* рубежи, и вместо них возникнут естественные, органические *этнические* границы, не имеющие того строго разделительного значения, как это имеет место в случае границ государственных. Эти этнические границы

не будут иметь ничего общего с тем, что понимается под словом «граница» в современной ситуации, так как они будут проходить по этнокультурному, конфессиональному признаку, не предполагающему политического доминирования над меньшинствами уже по той причине, что эти этнообразования не будут иметь полноценного политического суверенитета, будучи ограниченными стратегическими интересами всей Империи, которая, в свою очередь, жизненно заинтересована в поддержании в своих пределах мира и гармонии. Иными словами, русские в рамках такой Империи не обретут своего национального государства как политического выражения этнической общности, но обретут национальное единство и гигантское континентальное государство, в управлении которым они получают центральную роль.

Уже само выдвижение такого проекта сразу снимает угрозу тех потенциальных конфликтов, которые зреют в силу разделенности русских в настоящее время по различным новорожденным «государствам» в рамках СНГ. Имперостроительный вектор мгновенно переводит проблему соотношения русских и казахов в Казахстане, или русских и украинцев на Украине, или русских и татар в Татарстане в совершенно иную, нежели этническая, плоскость. Это соотношение перестает быть политико-государственной проблемой, которая может разрешиться только при нанесении определенного политико-территориального ущерба той или иной стороне (к примеру, этническое деление Казахстана, сепаратизм в рамках РФ, военное подавление Чечни, конфессиональное и национальное дробление Украины, проблема Крыма и т. д.), и становится вопросом сосуществования различных этносов в рамках единого политического пространства. А в таком случае этническая консолидация, скажем, русских в Казахстане с русскими в пределах РФ не будет рассматриваться как подрыв политического суверенитета «казахского

национального государства» в пользу «русского национального государства», а станет органичным культурно-этническим процессом, не ущемляющим, но и не возвышающим ни одну из сторон по той причине, что никакого «казахского национального государства» или «русского национального государства» просто не будет существовать. Советская модель в чем-то была схожа с этим проектом, но с одной важной оговоркой — понятие «этноса» рассматривалось в ней как некий рудимент, как исторический атавизм, лишенный к тому же статуса внутривнутриполитического субъекта. В рамках Новой Империи, напротив, этнос, не имея прямого государственного выражения, будет признан главной политической ценностью и верховным юридическим субъектом во всех внутримперских вопросах.

Резюмируя этот вопрос, можно сказать, что операции с глобальными геополитическими проектами, на первый взгляд не имеющими никакого отношения к достижению узкоэтнических целей русских, на самом деле приведут к наилучшему удовлетворению и этих конкретных национальных целей. Отказываясь от недостаточного и слишком малого («русское государство в рамках РФ»), не пытаясь путем завоеваний и аннексий увеличить это малое в кровопролитной братоубийственной войне, предлагая народам Евразии строительство континентального блока на равных условиях, русские смогут приобрести то большое и достойное их, что в противном случае навсегда останется недостижимой мечтой.

Отказавшись от этнического государства, мы обречем единство народа и Великую Империю. В нынешних условиях только таким образом и никак иначе можно не только спасти русский народ от политической немощи и этнического вырождения, но и пробудить его во всем его грандиозном объеме для планетарных свершений и воздать ему наконец то, чего он на самом деле заслуживает.

Русский национализм. Этническая демография и Империя

Русский народ, в узкоэтническом смысле, находится в тяжелом демографическом положении. В далекой перспективе это грозит страшными последствиями как для самой нации, так и для будущей Империи, поскольку замещение русских как основного носителя континентального объединения какой-то иной нацией неминуемо приведет к отклонению континентального блока от своей естественной цивилизационной миссии, породит хаос и конфликты в Евразии, лишит геополитическую структуру важнейшего культурно-политического компонента.

Такое слабое демографическое положение русских особенно тревожно в сравнении с демографическим ростом евразийского Юга, который, напротив, бурно развивается в количественном смысле. Если эти тенденции будут сохраняться в существующей пропорции, неизбежно произойдет вытеснение русских с центральных позиций в Империи, размывание однородности нации и либо поглощение этноса в море южных народов, либо его превращение в реликтовый остаток, достойный существования лишь в резервации. К этому следует добавить отсутствие компактного заселения русскими значительных евразийских пространств, контролируемых ими лишь политически и административно. Этот последний фактор может послужить причиной нарушения этнического баланса в Евразийской Империи и подтолкнуть бурно развивающиеся в демографическом смысле народы Юга к национальной экспансии на русские территории (особенно это касается Сибири и Дальнего Востока).

Эту проблему следует решать немедленно, но при этом надо особенно подчеркнуть, что ее решение не должно предшествовать созданию Империи и не должно следовать за этим созданием. Реализация геополити-

тических планов с самого начала обязана синхронно сопровождаться действиями, направленными на демографический рост русских и на их этническую перегруппировку с целью компактно освоить полноту «жизненного пространства» нации. Достичь этой цели можно исключительно *политическими методами*, которые должны и привести непосредственно к искомому результату, и предопределить экономические меры в этой области.

Политическое решение может быть только одно — выдвижение на первый план концепции *русского национализма*. Этот национализм, однако, должен использовать не государственную, а культурно-этническую терминологию с особым ударением на такие категории, как «народность» и «русское Православие». Причем этот русский национализм должен иметь совершенно современное звучание и избегать любых попыток прямой реставрации тех форм, которые исторически себя исчерпали. Именно национализм народнического, этнического, этико-религиозного типа, а не «государственность» и не «монархизм», должен быть приоритетным в данной ситуации. Следует внушить всем русским основную идею, что личная самоидентификация каждого отдельного человека есть второстепенная, производная величина от самоидентификации национальной. Русские должны осознать, что в первую очередь они являются православными, во вторую — русскими и лишь в третью — людьми. Отсюда и иерархия приоритетов как в личной, так и в общественной жизни. Выше всего — православное самосознание нации как Церкви, затем — ясное понимание неделимости, целостности, тотальности и единства русского этнического организма, состоящего не только из живущих, но и из предков и грядущих поколений, и лишь потом, в последнюю очередь, переживание конкретной личности как самостоятельной атомарной единицы.

На практике осуществление такого национализма в

политике должно означать тотальное воцерковление русских и превращение всех культурных институтов в продолжение Единой Церкви не в организационно-административном, но в духовном, интеллектуально-этическом плане. Такое воцерковление должно лишить культуру и науку их профанической оторванности от бытийных основ, вовлечь их в процесс духовного домостроительства, превратить прагматическое и децентрализованное техническое развитие в реализацию центрального промыслительного завета Церкви, в подчиненный инструментарий сверхматериального плана. Лишь таким радикальным образом русские могут быть реально возвращены в лоно Церкви, которая лежит в основе их исторического национального бытия и которая в основных чертах сформировала то, что в самом высоком смысле называется Русским. Именно тотальная реставрация православного мировоззрения со всеми вытекающими из него последствиями способна вернуть народ к его духовному истоку. Всякое относительное возрождение Церкви как узкоконфессиональной, религиозной структуры, всякая ограничивающаяся культами и внешней обрядностью реставрация будут недействительны. Воцерковлению в рамках русского национализма подлежат не индивидуумы, но *вся* русская культура, наука, мысль вместе взятые. Только таким образом коллективному самосознанию нации будет придана духовная вертикаль, которая, в свою очередь, превратит проблему демографического роста в некое духовное задание на основе православной этики, запрещающей, например, контрацепцию и аборты.

Следующий уровень — это собственно этническое самосознание, представление о народе как о едином теле и единой душе. Причем бытие этого единого организма должно пониматься как нечто сверхвременное, не ограниченное ни пространственными, ни временными категориями. Русский национализм должен апеллировать не только к настоящему нации, но и к ее про-

шлому и ее будущему, взятым одновременно, как совокупность единого духовного существа. Это «существо» — великий русский народ в его сверхисторической тотальности — должно осознаваться каждым русским и узнаваться в самом себе. Факт принадлежности к русской нации должен переживаться как избранничество, как невероятная бытийная роскошь, как высшее антропологическое достоинство. Пропаганда этой национальной исключительности (без малейшего налета ксенофобии или шовинизма) должна стать осью политического воспитания народа. В первую очередь демографический всплеск будет обеспечен идеологически, культурно, этически. Народу следует внушить мысль, что, рождая русского ребенка, каждая семья участвует в национальной мистерии, пополняя духовное и душевное богатство всего народа. Дети должны пониматься как общенациональное достояние, как физическое выражение внутренней энергии великого народа. Русский ребенок должен пониматься вначале именно как *русский*, а потом уже как ребенок.

Учитывая тяжелое демографическое состояние сегодняшнего дня, начать национальную пропаганду надо как можно быстрее и использовать при этом любые политические и идеологические методы. При этом необходимо до предела нагнести националистические тенденции, спровоцировав драматическое и быстрое пробуждение великого и мощного этноса.

Надо заметить, что никакие экономические меры сами по себе никогда не дадут положительного демографического результата без соответствующего религиозно-этического и идеологического обеспечения. Демографический спад можно остановить до нуля, а затем спровоцировать обратный процесс только с помощью соответствующей идеологии, которая сосредоточила бы основное внимание на изменении *сознания* народа, на преображении его мышления, на внедрении в повседневную сферу сотен и тысяч символов, явно или

неявно ориентирующих людей на национальные интересы. В рамках русского этноса русский национализм должен быть единственной и тотальной идеологией, могущей иметь свои различные версии и уровни, но всегда остающейся постоянной во всем, что касается постановки категории «нации» над категорией «индивидуальности». В конечном счете должен быть выдвинут радикальный лозунг: «Нация — все, индивидуум — ничто».

Эта политическая ориентация на национализм должна быть подкреплена и мерами чисто экономического характера, так как для осуществления национальной цели необходимы также чисто материальные инструменты. Будет оказана поддержка матерям, многодетным семьям, обеспечены социальные условия содержания большой семьи работающим мужчиной. Но этот экономический компонент будет иметь эффект только при условии доминирования национальной идеологии, которая должна не просто экономически поддерживать демографический рост русских, но в целом сориентировать экономику в сугубо национальном ключе, поставить материальные интересы этноса выше индивидуальных интересов личности. Иными словами, экономическая поддержка рождаемости является частным случаем общей тенденции в экономике, которая вся в целом должна выводиться как раз из национальных интересов, а не из индивидуалистических эгоистических мотиваций или утопических абстракций.

Обращение к националистической идеологии на первый взгляд, казалось, должно было бы спровоцировать этнические конфликты, ухудшить межнациональные отношения русских с соседними этносами, породить множество неразрешимых противоречий. Действительно, так бы и произошло, если бы русский национализм распространял свои претензии на *государственность* в классическом смысле этого понятия. В русском националистическом православном государ-

стве вряд ли захотели бы жить представители других этносов и конфессий. Но жить *рядом* с русским православным народом, исповедующим национальную идеологию, в рамках единой континентальной Империи, объединенной геополитически и стратегически, но гибкой и дифференцированной во внутреннем устройстве, напротив, не представляет никаких затруднений для кого бы то ни было, так как всегда будет наличествовать высшая инстанция, перед лицом которой этно-религиозные общины имеют равный статус и которая руководствуется беспристрастными принципами имперской гармонии и справедливости. Проект Новой Империи на этническом уровне заключается именно в том, что не только у русского народа должна восторжествовать и утвердиться ярко выраженная национально-религиозная идеология, но это относится и ко всем остальным народам, которые войдут в состав Империи. Таким образом, возникнет конгломерат «позитивных национализмов» с общим знаменателем — вертикалью имперской ориентации.

Важно, что только таким образом самый радикальный русский национализм сможет реализоваться в полной мере, так как основные преграды для его развития в таком случае будут устранены — ни один из соседних народов не почувствует себя униженным или подавленным русской нацией, так как культурно-этнические и конфессиональные границы между народами Империи не будут иметь никакого *политического* значения. Русские будут жить в своей национальной реальности, татары — в своей, чеченцы — в своей, армяне — в своей и т. д. даже в том случае, если речь будет идти об этнических анклавах или национальных меньшинствах среди иного народа. Национализм, свободный от проблемы государственности и границ, только укрепит взаимопонимание наций, предоставив им как свободу контактов друг с другом, так и свободу этнической изоляции.

Для выживания русского народа в нынешних трудных условиях, для демографического взлета русской нации, для улучшения ее тяжелейшего положения в этническом, биологическом и духовном смыслах необходимо обращение к самым радикальным формам *русского национализма*, без чего все технические или экономические меры останутся бессильными. Но этот национализм будет возможен лишь в органичном единстве с принципом геополитической континентальной Империи.

Русский вопрос после грядущей победы

Видимо, с теоретической точки зрения следует рассмотреть то положение русских, в котором они окажутся после возможной победы Евразийской Империи над атлантизмом. Конечно, это настолько далекая перспектива, что всерьез разбирать те проблемы, которые возникнут в таком случае, сейчас почти бессмысленно. Однако надо учитывать, что коллапс атлантизма может произойти почти мгновенно на любом этапе евразийского имперостроительства, поскольку геополитическая устойчивость Запада основана исключительно на правильном и умелом оперировании с геополитическими категориями, а отнюдь не на реальной индустриальной, экономической или военной мощи. Атлантистская конструкция на деле является крайне хрупкой, и стоит только выбить из нее одну из стратегических осей — к примеру, Среднюю Европу, Тихоокеанский ареал или евразийский континентальный Юг, как рухнет все гигантское здание атлантизма, столь могущественное и устойчивое на первый взгляд. В тот момент, когда геополитическая стратегия «Трехсторонней комиссии» будет хотя бы в некоторой степени заблокирована альтернативным Евразийским Проектом, можно ожидать серьезного сбоя в функционировании всего атлантистского комплекса, причем далее события мо-

гут разворачиваться стремительно и обвально, как это было в случае с распадом Советской империи и ее сателлитов. Поэтому, хотя победа над атлантизмом и является крайне далекой перспективой, следует сформулировать несколько тезисов относительно положения русских в гипотетическом постатлантистском мире.

В первую очередь следует подчеркнуть, что геополитическое поражение США поставит перед самой Евразийской Империей множество проблем. В этот момент исчезнет тот главный фактор, который лежит в основе проекта геополитического объединения наций и народов в Новую Империю — исчезнет принцип «общего врага». Эта консолидирующая энергия потеряет свое значение, и даже сам смысл дальнейшего существования Евразийской Империи будет поставлен под сомнение. В такой ситуации может начаться переход от нового двухполярного устройства мира — Евразия против Атлантики — к многополярной модели. При этом необходимо акцентировать тот факт, что многополярная модель станет возможной *только после* победы над атлантизмом и никак не ранее. Пока атлантизм как сила, претендующая на универсальность, существует, ни о каком многополярном устройстве не может идти и речи. Лишь в рамках Новой Империи, в рамках глобального Евразийского Проекта и в ходе стратегического противостояния атлантизму могут сложиться объективные предпосылки для возникновения более или менее сбалансированной многополярности — и никак не до этого. Зародыши многополярности сформируются лишь при реализации той дифференцированной имперской модели, которая утвердит статус политического субъекта за некоторыми органическими, культурно-духовными категориями — народ, этнос, религия, нация — вопреки ныне существующей доминирующей системе, где речь идет только о правовом статусе государств и отдельных личностей («права человека»). «Столкновение цивилизаций» (по выражению Хантинг-

тона) в многополярном мире будет реальностью только в том случае, если эти цивилизации смогут утвердиться и отвоевать себе право на существование в контексте антиатлантистского стратегического альянса. В настоящее же время есть только одна «цивилизация» — атлантистская, западная, либерально-рыночная, противостоящая *всем* остальным историческим органическим культурным моделям.

Крах атлантизма поставит народы Новой Империи, ее отдельные секторы перед серьезной проблемой: сохранять ли дальше геополитическое единство или закрепить крупные цивилизационные блоки внутри Империи как самостоятельную геополитическую реальность? Но в любом случае национальные различия народов и конфессий выдвинутся при этом на первый план.

В таком случае наилучшим вариантом было бы сохранение имперской структуры как наиболее гармоничной системы разрешения всех внутренних противоречий. По аналогии с некогда существовавшей доктриной *Jus Publicum Europaeum*, то есть «Гражданского Европейского Закона», общего для всех народов Европы, Евразийская Империя в постатлантистскую эпоху могла бы основываться на сходной, но расширенной доктрине — *Jus Publicum Euroasiaticum*. Утратив свое военно-стратегическое значение, имперский континентальный комплекс мог бы выступать в качестве высшей *юридической* инстанции, что сняло бы напряжение между евразийскими нациями, связь которых после победы над «общим врагом» неминуемо ослабнет. Такой выход был бы идеальным.

Но можно предполагать и распад континентального единства и образование на евразийских пространствах нескольких цивилизационных блоков — русско-славянского (шире — православного), европейского, дальневосточного, среднеазиатского, исламского и т. д. Соотношение каждого из них с остальными и даже их

границы и структуры сейчас, естественно, невозможно предвидеть. Однако в такой гипотетической перспективе в проект устройства русской нации уже сегодня должна быть заложена модель, учитывающая в отдаленном будущем (и только *после* конца атлантизма) самостоятельное участие русских в мировой истории, вернувшейся к своему органическому и естественно-му ходу после длительного периода атлантистской аномалии. В таком случае русской нации надо быть готовой и к созданию собственной государственности или к формированию более широкого естественного этногосударственного образования, скрепленного единством традиции, культуры, религии, судьбы. Вопрос о Русском Государстве может встать в полной мере, но это относится исключительно к постевразийскому периоду, который сам по себе проблематичен и гипотетичен.

Но уже в настоящий момент русские должны бросить все силы на национальную консолидацию, духовное, культурное и религиозное возрождение народа, на его окончательное становление и полноценное пробуждение, с тем чтобы в будущем (если потребуются) он смог отстоять свою *национальную Истину* не только от врагов, но и от союзников по имперостроительству, обладающих своим собственным исторически предопределенным национальным мировоззрением. Русские не просто должны сохранить свою идентичность в имперском контексте, они должны ее утвердить, раскалить и предельно углубить. И в дальней перспективе после краха атлантизма русским надо быть готовыми к отстаиванию собственной цивилизационной миссии, к защите своего универсального промыслительного национального пути.

Как бы то ни было, русские в любом случае окажутся на стратегически центральном месте в евразийском имперском пространстве, и, следовательно, в вопросе цивилизационных приоритетов Империи в постатлантистский период (если Империя все же сохранится)

они окажутся в привилегированном положении. Следовательно, в какой-то степени вся эта Империя будет связана с Русской Идеей, которая действительно эсхатологична и универсальна по определению, слита с гигантскими пространствами и космическим чувством. Если же континентальный блок станет распадаться на составляющие, русские, восстановившие свои силы благодаря националистическому периоду и энергичному процессу имперостроительства, снова окажутся в геополитически выгодном положении, заняв *центральную* позицию среди освобожденных народов и государств континента, что сделает возможное Русское Государство, Русскую Империю устойчивой и стабильной геополитической реальностью, основанной на прочной национальной почве.

Обе эти возможности следует учитывать уже сегодня при закладывании основ Новой Империи и при политической, идеологической и административной реорганизации всей национальной русской реальности.

ГЕОПОЛИТИКА И СТРУКТУРА МИРА В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Геополитический дуализм

Геополитическая дисциплина видит историю народов и государств как диалектическую реализацию дуального кода. Этот код может быть назван «цивилизационным» или «метацивилизационным». Речь идет о надисторическом противостоянии цивилизации Суши и цивилизации Моря.

Происхождение этого кода уходит в глубокую древность, где формировались первые социальные и политические, а также мифологические представления народов.

С точки зрения геополитики, базовая рефлексия человеческого сообщества на вызов качественного пространства, на специфику ландшафта предопределяет

структуру цивилизации, довлеет над историей, логикой развития, трансформациями и т. д.

Цивилизация Суши связана со статической моделью мировоззрения, с устойчивостью социальных, юридических, религиозных и политических институтов. Здесь доминирует принцип Традиции. Суша, континент имеет в целом константный ландшафт, что предопределяет историю сухопутных народов и государств. Стартовой чертой такой цивилизации является почва, земля. Вода, море, река, озеро и т. д. рассматриваются как вторичная, во многом антитетичная реальность.

Сухопутная психология ярче всего выражена у оседлых народов и (с некоторыми характерными смещениями) среди сухопутных кочевников.

Цивилизация Моря, напротив, динамична. Здесь стартовой чертой являются подвижность, текучесть, ликвидность, отсутствие фиксированного ландшафта, легко поддающегося территориальным измерениям, разграничениям, с фиксированными в (естественном или искусственном) пейзаже ориентациями. Берег, суша видится как нечто вторичное.

Динамика плавания и принципиальное отчуждение от ландшафта порождают особую цивилизационную установку, связанную с утилитаризмом, модернизмом, демократическими и олигархическими инструментами политического управления.

Два геополитических вектора нашли свое выражение в парах Рим — Карфаген, Спарта — Афины и т. д.

Более или менее подробно картина геополитического взгляда на историю человечества изложена у Хэлфорда Макиндейра и Карла Шмитта.

США и СССР

Геополитики США интерпретировали «холодную войну» XX века именно в такой перспективе. Западный мир, страны НАТО воплощали в себе морской полюс, «Sea Power» (по выражению адмирала Мэхэна).

В СССР для них воплощался сухопутный полюс, наследие Рима. Отсюда Москва — Третий Рим. Характерно, что идеологическая структура психологической войны стран НАТО против СССР во многих параметрах — косности, тоталитарности, авторитарности и т. д. — воспроизводила систему образов, фигурировавших еще в древние эпохи, когда Запад критиковал Византию, потом Русь.

Ясного геополитического сознания в СССР не было, так как все немарксистские модели анализа отвергались автоматически.

Как бы то ни было, общая структура советской цивилизации, безусловно, точно соответствует сухопутной геополитической модели.

Двухполюсный мир, возникший после победы союзников над странами «оси» как результат Ялты, идеально соответствовал и исторически, и социально, и стратегически базовым постулатам геополитики.

Страны «оси» и в первую очередь Германия были геополитически непоследовательны, балансируя между проатлантистским Мюнхеном и евразийским пактом Риббентропа — Молотова. Война на два фронта — и против цивилизации Моря (Англия, США) и против цивилизации Суши (СССР) — стоила Гитлеру всего. Характерно, что немецкие геополитики (в частности, Карл Хаусхофер, Обст и т. д.) предупреждали руководство нацистов о катастрофичности отказа от однозначной геополитической ориентации. По их вполне обоснованному мнению, Германия должна была выбирать — либо с державами Моря против СССР (Суша), либо с СССР против стран Моря.

Поражение Германии было закреплено Ялтой. Основа послевоенного мира состояла именно в стратегическом паритете двух геополитических полюсов, обобщающем изначальную цивилизационную дуальность. Причем Запад осознавал и признавал это положение, прямо заявляя о таком наследии, Восточный блок объ-

яснял стратегическую ситуацию, не прибегая к геополитике.

Подобная асимметрия в геополитическом сознании, возможно, была одной из причин краха СССР.

Конец двухполярного мира

Конец двухполюсного мира и «холодной войны», по логике американских (атлантистских) геополитиков, означал не только крах советской системы, но и жесточайшее поражение Римского, сухопутного цивилизационного начала. За идеологическим давлением Запада на СССР находился второй пласт — геополитический. Если на внешнем уровне «свободный и рыночный» Запад стремился освободить и привести к рыночной экономике «страдающий под гнетом тоталитаризма советский Восток», то на уровне геополитическом цивилизация Моря стремилась нанести очередной сокрушительный удар по своему главному противнику — цивилизации Суши. Не для того, чтобы облагодетельствовать, а для того, чтобы победить, сломить, ослабить и уничтожить.

Именно геополитикой прекрасно объясняется все то, что последовало после конца «холодной войны». В сфере идеологии противоречия отпали, в сфере геополитики отпасть не могли. Отсюда расширение НАТО на Восток, война Запада против Югославии, протесты против операции России в Чечне.

Распад Восточного блока и СССР означал, что из двухполюсного мира мы перешли не к многополюсному и не к бесполюсному, но к однополюсному.

Если в традиционной геополитике полюса понимаются как плюс и минус в теории электричества, то сегодня однополярный мир (= доминирование США) стремится выдать себя за полюс (= центр) окружности с новой дуальностью: центр (= Запад = «золотой мил-

лиард» = «богатый Север») — периферия (= «бедный Юг», «остальное человечество»).

С точки зрения геополитической доктрины второй полюс необходим. Но, перестав существовать как нечто проявленное, осязаемое и конкретное, он перешел в иную форму существования. Периферия однополярного, атлантицентричного мира (*Pax Americana*) заняла сегодня место советского блока. Цивилизация Суши изменила модальность геополитического существования, но никуда не исчезла.

Конец двухполярного мира означает конец международных правовых институтов, таких, как ООН и т. д., возникших как формальное закрепление Ялтинской картины мира. Отсутствие проявленного сухопутного полюса создает предпосылки к созданию новых международных организаций, целиком и полностью зависимых от США и проводящих их волю.

«Новый мировой порядок» требует новых международных институтов. Международное право есть функция от баланса силовых, стратегических факторов. Отсутствие у США (= цивилизации Моря) геополитического противовеса (что включает как объективные параметры — вооружение, промышленность, ресурсы, хозяйство, так и субъективные — волю к могуществу, универсализм ценностной системы и т. д.) подразумевает создание международных юридических стандартов с радикально иной структурой.

Любые апелляции к чисто юридической стороне дела — к декларациям ООН и т. д. — ничего изменить не могут. Геополитические законы безжалостны. Правом обладает только сильный, способный это право доказать и отстоять.

Требовать от США подчинения резолюциям ООН сегодня так же наивно, как требование участия Гитлера (или Геринга) в Ялтинской конференции.

Vae victis.

Многополярный мир

Разговоры о «многополярном мире» на практике представляют собой либо ничего не значащие и наивные благопожелания, либо завуалированный призыв к восстановлению двухполюсного мира в новой конфигурации.

Однополярный мир может приобрести видимость многополярности в том случае, если США решат в превентивных целях делегировать периферии определенную долю геополитической самостоятельности. Но главным условием непременно будет соответствие общей цивилизационной направленности интересам США. Ни стратегические цели США, ни либерал-демократические принципы, ни рыночная система не должны ставиться под вопрос. Лишь при принятии таких условий — что на деле означает прямой геополитический и цивилизационный вассалитет — «гипердержава» (так принято сегодня называть ту сверхдержаву, которая выиграла ядерное соревнование) позволит отдельной стране вести более или менее самостоятельную локальную политику.

Очевидно, что такая «многополярность» будет чистой фикцией.

Все остальные варианты становления многополярного мира как геополитической реальности должны проходить через формирование силового блока, способного ограничить нынешнее всевластие США, то есть на основании имеющихся потенциалов периферии должна быть образована «коллективная гипердержава». И лишь при создании такой сдерживающей инстанции можно говорить о наличии у человечества нескольких возможностей выбора пути, о цивилизационной альтернативе, об истинной свободе развития — то есть о том, что мы понимаем под термином «многополярность».

Тезис «реальной многополярности», таким обра-

зом, сегодня фактически тождествен тезису «новой модели биполярности». И означает стремление к воссозданию устойчивого геополитического дуализма.

Только на этом пути можно остановить надвигающуюся планетарную диктатуру атлантизма.

Евразия

На основании исторических прецедентов и учета стратегического потенциала латентный второй полюс геополитики отождествляется с Евразией. Поэтому большинство американских советологических центров переименовано сегодня в «Центры исследования Евразии» или нечто в этом роде.

Евразийские территории с ядром России, то есть вчерашний «второй полюс», «цивилизация Суши», Восточный блок, имеют все необходимые параметры для того, чтобы в новой ситуации стать зародышем новой двухполярной (= «многополярной») системы.

Однако этого нельзя достичь путем (невероятной) реставрации Советского государства и соответствующей системы. Такой реставрационистский путь невозможен ни по технологическим, ни по социальным причинам, а также из-за сегодняшнего стратегического превосходства стран НАТО.

Переход от потенциального состояния к актуальной биполярности крайне проблематичен. Если оценивать ресурсы, которые понадобятся для этого, и делать это по шкале, навязываемой Западом (на основании технологических, экономических, финансовых и социальных критериев), то задача представляется невыполнимой.

Однополярный мир — это данность. Если основываться на критериях такой данности, любой подсчет резервов, необходимых для воссоздания серьезной альтернативы, будет заведомо давать отрицательные результаты.

Убеждение (часто навязчивое, как в книге Бжезинского «Великая шахматная доска» или у российских апологетов Запада) в невозможности альтернативы, в ее необеспеченности сегодня является до какой-то степени объективной констатацией, но вместе с тем и пропагандистским ходом, заряженным суггестивной энергией.

Силовой выигрыш Запада (цивилизации Моря) в «холодной войне» есть существенный эпизод. Но он еще не доказывает «морального триумфа» Моря. Налицо лишь неадекватность той социально-политической и стратегической формы, в которую облакала свою цивилизационную инициативу советская сверхдержава.

Сегодня необходима мощная ревизия самих основ сухопутной цивилизации, отбрасывание ограничительных факторов (многие из которых как раз и привели к поражению), выстраивание новой небывалой евразийской модели.

Натовские стратегические центры прорабатывают варианты того, как не допустить Евразию к существованию в качестве полноценного геополитического полюса, как флагамена периферии, как нового оплота цивилизации Суши.

Континентальные стратегические центры — и в первую очередь российские — должны работать над прямо противоположной задачей.

Восток и Запад — две ценностные системы

В «холодной войне» геополитический дуализм Суша — Море совпал с еще одной традиционной моделью цивилизационного анализа: Восток — Запад. Когда мы рассуждаем в терминах «Восток — Запад», мы, сами того не осознавая, апеллируем к смутным геополитическим интуициям.

Современный атлантистский мир является цивилизационным и стратегическим наследником Западной

Римской империи. «Морское могущество» с его типичными чертами: утилитаризмом, оптимизацией, прагматизмом, индивидуализмом, отчужденностью, моральной гибкостью, плутократией и т. д. оказалось конгруэнтно базовым предпосылкам западной цивилизации. По крайней мере из них формировалась специфическая романо-германская, западноевропейская культура.

И наоборот: сухопутные ценности связаны с Востоком, с созерцательностью, неэкономической мотивацией труда, общинностью, героической шкалой ценностей и т. д.

Уместно вспомнить Достоевского с его легендой о Великом Инквизиторе. «Великий Инквизитор» — Запад, атлантизм, рациональная секулярная оперативная цивилизация Моря, где все ориентировано на достижение максимальной выгоды ценой безразличия к трансцендентальной, отвлеченной системе ценностей.

Достоевский пронизательно вскрывает этот цивилизационный дуализм, сам, будучи русским патриотом, выбирая сторону, противоположную «Великому Инквизитору».

Внимательное рассмотрение двух геополитических цивилизационных полюсов приведет нас к любопытным выводам. Ценностные системы Востока и Запада, Суши и Моря имеют автономные границы. Иными словами, и позитивные, и негативные критерии оказываются непересекающимися.

Цивилизации Востока (сухопутные режимы) в качестве достоинств имеют душевную широту, идеализм, героизм, жертвенность, общинность, верность. На противоположном — отрицательном — уровне эти же качества дают неорганизованность, лень, пассивность, покорность, терпимость к жестокости и т. д.

Морские, западные достоинства: оперативность, модернизм, динамика, инновации, хозяйственная гибкость, скорость обмена, технологический прорыв. Но

они же порождают и недостатки: цинизм, эгоизм, индивидуализм, утилитаризм, отчужденность.

Совершенно неадекватно оценивать ценностные системы одной геополитической формации, используя критерии формации противоположной. Здесь минусы и плюсы распределены не просто противоположным образом, но с произвольным смещением.

Одна из важнейших задач Евразии — восстановить несколько размытую сегодня полноту собственных геополитических критериев и на базе их переосмыслить себя. И через новую цивилизационную и геополитическую самоидентификацию собрать все ресурсы.

Парадигма миллениума: потенциальное vs актуальное

Запад верит в то, что есть, Восток — в то, что может быть, в то, что должно быть.

Сегодня эта цивилизационная аксиологическая симметрия приобретает эсхатологический характер.

Единственным полюсом в актуальности осталась Морская цивилизация, которая всегда настаивала на первичности актуального. Не просто советская модель потерпела поражение — сегодня в эклипсе вся цивилизация Суши, с ее особой системой ценностей, с ее убежденностью в этическом превосходстве потенциального над актуальным. Рушится Eurasian Dream. Именно это и дает основания атлантистским стратегам говорить о «конце истории».

Не следует строить иллюзий: конец наступает вместе с тотальным поражением нас как цивилизации, как нравственной идеи, как народа, как исторической миссии.

Те, кто настаивал на приоритете потенциального, носители Восточного духа и сухопутного импульса, сегодня сами представляют собой потенциальность.

Геополитическая и даже онтологическая проблема современности — нового тысячелетия — формулирует-

ся таким образом: актуальное против потенциального. Однополярность доминирующей актуалистской цивилизации против потенциальной двухполярности, где второй полюс латентно представляет собой цивилизацию, настаивающую на превосходстве потенциального (идеального, отвлеченного).

Такова геополитическая и цивилизационная парадигма миллениума.

Евразийская декларация

ЕВРАЗИЯ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО (МАНИФЕСТ ЕВРАЗИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ)

Кризис идей в современной России

В нашем российском обществе на старте нового тысячелетия болезненно ощущается дефицит идей — особенно в социально-политической сфере.

Большинство людей — в том числе правителей, политиков, ученых, тружеников — руководствуются в своей жизни, в политическом выборе набором сиюминутных факторов, случайных интересов, преходящих, случайных эмоций. Мы стремительно утрачиваем общее представление о смысле жизни, о логике истории, о задачах человека, о судьбе мира.

Жизненный, исторический и социальный выбор подменен агрессивной рекламой. На месте осмысленной и ответственной политической идеологии стоит эффективный (или неэффективный) пиар. Исход выборов и мировоззренческих дискуссий определяется объемами инвестиций в зрелищные инсценировки. Драматические столкновения народов, культур и религий превращены в телешоу, оплаченные транснациональными корпорациями и нефтяными холдингами. Человеческая кровь, человеческая жизнь, человеческий дух превратились в пустые фигуры речи. На место тоталитарного одномыслия пришло полное безразличие к мысли вообще.

Большинство политических партий, оформленных социальных движений преследуют конъюнктурные цели. Практически нигде не встретить ясной и после-

довательной идеологии, способной вывести человека из состояния политического сна и растерянности, сделать жизнь наполненной.

Глобализм как угроза

За неимением оригинальных мыслей, в отсутствие укорененности в национальной истории и ее константах, многие политические силы сегодняшней России предпочитают слепо копировать идеологию Запада, видя в либерализме, западной демократии (американского образца) и глобализме решение всех российских проблем. Либеральная идеология и сценарий глобализации по западному образцу действительно неплохо проработаны интеллектуалами Запада, но при этом они не просто не учитывают российскую специфику, но исходят из исторических культурных и цивилизационных предпосылок, радикально отличающихся (вплоть до противоположности) от логики российской истории. Нормы космополитизма, индивидуализма, исчисления духовных и культурных ценностей через денежный эквивалент, полное отрицание нравственности, этики, гуманизма, заботы об окружающей среде, атомизация общества, презрение к традициям, насмешка над древними культами, прославление жестокой конкуренции, безразличия к слабому, злорадство в отношении обездоленных — все эти явления есть результат логичного вырождения западной цивилизации, пожертвовавшей прогрессом моральным ради прогресса материального и технологического. Запад сделал свой выбор не вчера, а уже в эпоху Просвещения, встав на путь богоборчества, индивидуализма, поклонения золотому тельцу. И сейчас он подошел к критической черте, когда эта система ценностей активно навязывается всем остальным народам мира как безусловная норма жизни, мысли, культуры, экономического, социального и политического уклада. Это и есть глобализация:

не просто диалог народов и культур, но повальное приведение национального, государственного, религиозного и этнического разнообразия к американскому стандарту.

Люди, которые провозглашают неизбежность глобализма, воспевают его, по-своему последовательны — но так же последовательны коллаборационисты, услужливо преклоняющие колени перед видимой мощью оккупанта-завоевателя. На самом деле они совершают преступление перед самобытностью своей собственной цивилизации. Предают веру и нравственность отцов, становятся слабым звеном в эстафете поколений, создавших, укрепивших и приведших к расцвету уникальную российскую цивилизацию, которая вобрала в себя исторический, духовный и религиозный опыт многих народов и народностей.

Очевидно, что американизация России, всего мира, рабская покорность новому мировому гегемону многим не нравится. Но это проявляется чаще всего лишь эмоционально, фрагментарно, непоследовательно. Люди и целые общественно-политические движения хватаются инерциально за старое, за остатки того, что принадлежит к другим, более гармоничным и благородным эпохам, что хоть чем-то отличается в лучшую сторону от потопа глобализации. Неприязнь к американскому образу жизни, насильственно навязываемому нам, к пресловутому «новому мировому порядку» — это целиком положительное качество, которое следует приветствовать везде, где мы с ним сталкиваемся. Но этого недостаточно. *Нам необходим активный контрпроект, реалистичная, конкретная и емкая альтернатива.*

Условия начала тысячелетия радикально новы. И те, кто хочет иного будущего, нежели растворение народов, культур и государств в глобализме, управляемый хаос в обществе ярких, но безнравственных зрелищ обязаны не только сказать «нет», но и сформули-

ровать, выдвинуть, доказать и отстоять другой, наш собственный цивилизационный план.

Самой масштабным, самой обобщающим мировоззрением, предлагающим такую альтернативу однополярному миру, глобализму, является *евразийство*.

Отцы-основатели евразийства

Исторически евразийство сложилось в 20-е годы XX века как попытка осмыслить логику политико-социального, культурного и геополитического развития России — как единого и по сути непрерывного процесса от Киевской Руси до СССР. Евразийцы разгадали за диалектикой национальной судьбы русского народа и Русского Государства *единую историческую миссию*, выразившуюся на разных этапах по-разному.

Главный тезис ранних евразийцев (кн. Н. С. Трубецкой, П. Савицкий) звучал так: «Запад против человечества», народы мира, «цветущая сложность» культур и цивилизаций против унитарной, тоталитарной западной модели, против экономической, политической и культурной доминации Запада. Россия (и древняя, и православно-монархическая, и советская) виделась евразийцам как оплот и авангард этого мирового процесса, как цитадель духовной свободы против одномерной гегемонии безбожного, секулярного, прагматического и эгоистического нароста на человечестве — западной цивилизации, претендующей на верховенство, материальное и духовное господство.

На этом основании евразийцы приняли СССР как новую — парадоксальную — форму изначального пути России. Не одобряя атеизма и материализма в культуре, они распознали за внешним фасадом коммунизма глубоко национальные черты, признали за Советской Россией геополитическое право наследие русской миссии.

Евразийцы, будучи последовательными и убежденными русскими патриотами, пришли к выводу о недо-

статочности традиционных форм, в которые облакалась в последние века Национальная Идея в России. Романовские лозунги — «Православие, самодержавие, народность» — были лишь консервативным фасадом, скрывавшим за собой вполне западническое содержание. Советский патриотизм выражал национальную идею в классовых терминах, которые также не покрывали существо цивилизационной проблемы, не точно определяли смысл исторической миссии России. Светский национализм Романовых был формальным и имитировал европейские режимы. Советский патриотизм игнорировал национальную стихию, обрывал связь традиций, отметал Веру отцов.

Был необходим синтез, новый подход. Такой подход и получил развитие в евразийской философии, в социально-политическом движении евразийцев.

Отцы-основатели евразийства впервые в высшей степени положительно оценили многонациональную (имперскую) природу Российского Государства. Особенно внимательны они были к тюркскому фактору. Роль наследия Чингисхана, эстафета монгольской государственности, воспринятая Москвой в XVI веке, виделась как решительный поворот России к Востоку, к самобытности, к самоценности. В православном предании именно это время связывается со Святой Русью, с превращением Москвы в Третий Рим (после падения Царьграда и конца Византийской империи). Миссия Святой Руси выражалась в отстаивании особой евразийской культуры, оригинального общественного устройства, по основным параметрам отличных от католического и протестантского Запада.

Россия мыслилась евразийцами как авангард Востока, шире — всего «третьего мира» против Запада, как передовая линия обороны традиционного общества против общества секулярного, атеистического, поклонившегося мамоне.

Но в многовековой борьбе за сохранение своего

культурного «я» Россия в отличие от многих обществ Востока активно усваивала опыт Запада, перенимала технические, прикладные его стороны, заимствовала отдельные методологии, но всякий раз лишь с целью защититься от Запада, прагматически используя для этого его же оружие. На современном языке это называется *«модернизация без вестернизации»*. Поэтому-то России и удалось дольше других традиционных обществ сохранить свою независимость.

Из этого евразийцы делали важнейший вывод: России необходим не просто возврат к корням, но сочетание консервативного и революционного начала. Россия должна активно модернизироваться, развиваться, частично открываться окружающему миру, при этом строго сохраняя и укрепляя собственную идентичность.

Увы, исторически это замечательное движение не было затребовано в должной мере. Впечатляющие успехи марксистской идеологии в СССР якобы делали утонченное, консервативно-революционное мировоззрение евразийцев излишним. К концу 30-х годов первоначальный импульс евразийского движения и в России, и в среде русской эмиграции угас.

Эстафету евразийской мысли несли отныне не столько политики и идеологи, сколько ученые (в первую очередь великий русский историк Лев Гумилев).

Неоевразийство

Драматические события последних десятилетий в России, во всем мире снова сделали идеи евразийцев актуальными. Запад справился со своим самым серьезным в XX веке идеологическим противником — СССР. Марксистская идеология резко утратила свою привлекательность. Но обобщающей новой альтернативы глобализму и либерализму (которые сегодня воплощены как в последней наивысшей точке своего развития в

планетарно мировоззренческой, экономической и политической стратегии США) пока не появилось. Впрочем, и не могло появиться.

Разрозненные фрагменты — дореволюционного национализма, клерикализма, инерциального советизма или экстравагантные фантазии экологизма и левачества — не могли сложиться в единый фронт. Отсутствовала общая мировоззренческая база, общий знаменатель. Ситуативное сближение позиций противников американизации не приводило к истинному мировоззренческому синтезу.

В этот момент наиболее внимательные умы, чистые сердца и пламенные души России и обратились к евразийскому наследию. И обнаружили в нем спасительный источник, зародыш того учения, той идеологии, которая оптимально соответствовала потребностям исторического момента.

Неоевразийство стало складываться как социальное, философское, научное, геополитическое, культурное течение с конца 80-х годов XX века. Отталкиваясь от наследия русских евразийцев 20—30-х годов, вобрав в себя духовный опыт традиции Русского Православия от древности до наших дней, обогатившись социальной критикой русских народников и европейских «новых левых», по-новому осмыслив достижения советского этапа отечественной истории и вместе с тем освоив философию традиционализма и консервативной революции, развитую геополитическую методологию, неоевразийство стало самой серьезной мировоззренческой платформой в современном российском обществе, оформилось в целую научную школу, в систему социальных и культурных инициатив.

Неоевразийство заложило основы современной российской геополитики, приобрело мощный кадровый потенциал сторонников во властных структурах и силовых министерствах и ведомствах, основывающихся на евразийской геополитике многие серьезные оператив-

ные международные, военные и экономические проекты.

Неоевразийство повлияло на современную отечественную политологию, социологию, философию.

Неоевразийство постепенно стало важным концептуальным инструментом российских государствообразующих монополий, нуждающихся в эффективном моделировании, в долгосрочной стратегии макроэкономической деятельности, зависящей не от сиюминутных политических процессов, но от исторических, географических и цивилизационных констант.

Неоевразийство легло в основу целого спектра авангардных течений в молодежной культуре, дало живой импульс для творческого, пассионарного развития целого направления в искусстве.

Неоевразийство оказало значительное влияние на политические партии и движения в современной России — как правые, так и левые. Однако евразийские мотивы в программах большинства российских политических партий и движений остаются фрагментарными, сочетаются с другими — разнородными и противоречивыми элементами (все это делает крупные российские партии скорее конъюнктурными, деидеологизированными образованиями, созданными для решения краткосрочных, ситуативных политических задач).

Новый социально-политический субъект

Приходит время сделать следующий шаг, придать евразийству конкретное социально-политическое измерение.

Неоевразийская идеология переросла постепенно уровень чисто теоретических разработок. Сегодня, как никогда ранее, российская власть нуждается в надежной мировоззренческой и социально-политической опоре. Новое государственное мировоззрение, новые отечественные шаблоны политкорректности назрели. Об

этом свидетельствует тот настойчивый поиск Национальной Идеи, которым озабочена сегодня власть.

Если для решения сиюминутных задач сложившаяся политическая и партийная система пригодна, то в среднесрочной перспективе (не говоря уже о долгосрочном стратегическом взгляде) она нуждается в радикальном реформировании. Данная система сложилась в процессе слома советской модели и замены ее западничеством либерал-демократическим образцом. Но сегодня для России не приемлемо ни то ни другое. А тем более неуместно перед лицом сложнейшей ситуации, с которой сталкивается страна, продолжение политики опереточного, зрелищного характера. Необходимы партии и движения, основанные на мировоззрении, отражающие интересы конкретных слоев населения, слитые с народом, просвещающие, обучающие и защищающие его, а не эксплуатирующие доверие (и наивность) масс ради частной или групповой выгоды.

Все условия для появления полноценного евразийского движения в новой России созрели.

Кто станет участниками Евразийского движения?

К кому мы обращаемся с призывом войти и поддержать наше движение?

К каждому россиянину, образованному и не очень, влиятельному и лишенному самого последнего, к рабочему и менеджеру, к страждущему и процветающему, к русскому и татарину, к православному, мусульманину, буддисту и иудею, к консерватору и модернисту, к студенту и стражу порядка, к десантнику и ткачихе, к губернатору и рок-музыканту.

Ко всем тем, кто любит Россию, не мыслит себя без нее, кто осознал необходимость серьезного напряжения и личного усилия, которые требуются от всех нас для того, чтобы наша страна и наш народ остались на

карте нового тысячелетия (откуда нас упорно пытаются стереть), к тем, кто хочет, страстно хочет, чтобы мы все наконец распрямились во всю богатырскую мощь, сбросили с нашего общего организма паразитические наросты, разорвали пелену умственного тумана, утвердили над страной, материком, миром наши солнечные русские идеалы — идеалы Свободы, Справедливости, Верности Истокам.

Приоритеты Евразийского движения

Наше движение распространяет евразийские принципы на все уровни жизни.

В религиозной сфере это означает конструктивный солидарный диалог традиционных для России конфессий — Православия, ислама, иудаизма, буддизма. Евразийские ветви мировых религий имеют много отличий от тех форм, которые укоренились в других регионах земли. Существует общий стиль евразийской духовности, который, однако, ни в чем не ущемляет различия и оригинальность догматов. Это серьезное и позитивное основание для сближения, взаимоуважения, взаимопонимания. Благодаря евразийскому подходу к религиозным вопросам многие межконфессиональные трения можно будет обойти или урегулировать.

В области внешней политики евразийство предполагает широкий процесс стратегической интеграции. Воссоздание на основе СНГ солидарного Евразийского Союза (аналог СССР на новой идейной, экономической и административной основе).

Стратегическая интеграция внутренних пространств СНГ постепенно должна распространиться и на более широкие области — на страны оси Москва — Тегеран — Дели — Пекин. Евразийская политика призвана открыть России выход к теплым морям не путем войны и

страданий, но путем мира и открытого дружеского сотрудничества.

Евразийская политика в области Запада предполагает приоритетные отношения со странами Европы. Современная Европа — в отличие от эпохи, когда творили отцы-основатели евразийства, — не является более источником «мирового зла». Стремительные политические события XX века способствовали передаче этой сомнительной инициативы еще западнее — в Северную Америку, США. Поэтому на нынешнем этапе Россия может найти в Европе стратегических партнеров, заинтересованных в возрождении своего бывшего политического могущества. Евразийская Россия должна выступить в роли освободительницы Европы, но на сей раз от американского политического, экономического и культурного контроля.

Евразийская политика России ориентирована на активное сотрудничество со странами Тихоокеанского региона, в первую очередь с Японией. Экономические колоссы этой зоны должны увидеть в евразийской политике России ориентир для самостоятельного политического развития, а также стратегический и ресурсный потенциал, новые рынки.

На планетарном уровне евразийство выражается в противостоянии однополярной глобализации. Евразийство отстаивает «цветущую сложность» народов, религий и наций. Все антиглобалистские тенденции являются потенциально «евразийскими». Мы предлагаем вместо глобализации по американскому образцу широкий спектр альтернативных проектов — диалог культур, многополярную глобализацию и региональную глобализацию, что позволит при развитии открытости стран и народов друг другу сохранить в то же время свою самобытность, свободу и суверенность.

Мы являемся последовательными сторонниками «евразийского федерализма». Это означает сочетание стратегического единства и этнокультурной (в опреде-

ленных случаях экономической) автономии. Многообразный уклад на местном уровне в сочетании со строгим централизмом в основных моментах, связанных с интересами Государства.

Мы должны возродить традиции русского народа, способствовать восстановлению демографического роста русских. И самое главное — пробудить в народе присущие ему органически духовность, нравственность, высокие идеалы, живой и страстный патриотизм. Без приоритетного возрождения русской нации Евразийский Проект не имеет никаких шансов стать реальностью. Понимание этого факта лежит в основе нашего мировоззрения.

Евразийство в социальной сфере означает приоритет принципа общественного над индивидуальным, подчинение экономических моделей стратегическим, социальным задачам. Вся история хозяйства Евразии демонстрирует, что развитие хозяйственных механизмов здесь происходит по логике, альтернативной либерал-капиталистическим, индивидуалистическим моделям личного обогащения, жесткой конкурентной борьбе, развившимся на Западе на основе протестантской этики. Либеральная логика хозяйствования чужда Евразии, и не стоит путем колоссальных усилий ломать эту укорененную черту нашего народа. Коллективный, общинный принцип ведения хозяйства, привнесение критерия справедливости в процесс распределения является устойчивой чертой нашей экономической истории. Евразийство настаивает на позитивной оценке этого обстоятельства, на его учете и на этом основании отдает предпочтение социально ориентированным хозяйственным моделям. Экономическая структура России должна основываться на православном учении о личности. Где личность представляет собой не только индивидуальное, но и соборное начало, сочетающее частную ответственность с коллективной на основе

особой хозяйственной этики, национальной философии хозяйства.

Евразийство предполагает положительную переоценку традиционного, древнего. Трепетно относится к прошлому. Развитие культурного процесса евразийство видит в новом обращении к глубинам истории, во вплетении изначальных мотивов культуры в ткань современных форм. Приоритет в этой области отдается церковному преданию, национальным мотивам, истокам народного творчества, фольклору, эпосу, продолжению и возрождению традиций.

Будучи мировоззрением новым и свежим, только складывающимся в окончательные формы, евразийство приоритетно обращается к молодежи, к людям, чье сознание еще не испорчено хаотическими скачками от одной неадекватной идеологической модели к другой, еще менее адекватной. Евразийский идеал — сильный, пассионарный, страстный, здоровый и красивый человек, ответственно встающий на столбовую дорожку жизни, готовый к ответственной деятельности, подвигам и свершениям, испытаниям и победам, к большой любви и семейному счастью, к продолжению рода, к насыщенной и благочестивой одновременно жизни. Мы готовы предложить молодежи систему позитивных ценностей, учитывающую энергии и возможности, заложенные в новых поколениях. Наша цель — осуществить на основании этих энергий новый евразийский правящий отбор, дать наиболее достойным возможность соучастия в определении судеб страны и народа. Мы не позволим убивать, насиловать, унижать, извращать, продавать и сажать на иглу наших детей. Наш идеал — это праздник физического и духовного здоровья, силы и доблести, веры, достоинства и чести.

Евразийское движение может стать реальностью только в том случае, если вокруг него сплотятся многие. Немало может сделать и один человек, но Евразия — дело всех!

ЕВРАЗИЙСТВО: ОТ ФИЛОСОФИИ К ПОЛИТИКЕ

Евразийство как мировоззрение

Евразийская философия выражает основные константы русской истории. В нашей истории были разные периоды. Менялись идеологии, модели государственного устройства, место, которое наш народ и наше Государство занимали в контексте других народов и государств. Но всегда, от Киевской Руси до нынешней демократической России, пройдя через времена страшного упадка и невероятного взлета (когда влияние нашего Государства простиралось на половину мира), Россия сохраняла нечто неизменное — то, без чего не было бы самого понятия «Российское Государство», не было бы единства нашего культурного типа.

Философия евразийства стремится охватить и обобщить именно этот вектор — неизменный, сохраняющий свою внутреннюю сущность и вместе с тем постоянно развивающийся.

Основным принципом евразийской философии является «цветущая сложность». Никогда в истории нашей страны мы не имели моноэтнического государства. Уже на самом раннем этапе русский народ формировался через сочетание славянских и финноугорских племен. Затем в сложный этнокультурный ансамбль Руси влился мощнейший чингисхановский, татарский импульс. Русские не являются этнической и расовой общностью, имеющей монополию на государственность. Мы существуем как целое благодаря участию в нашем государственном строительстве многих народов, в том числе мощного тюркского фактора. *Именно такой подход лежит в основании философии евразийства.*

Евразийство сегодня существует в крайне сложной международной ситуации. *Сегодня евразийский принцип «цветущей сложности» является точным аналогом*

многополярности, о которой говорится в доктрине национальной безопасности Российской Федерации. Как прежде российское государство строилось на евразийском сочетании различных самобытных элементов, так и теперь, уже на международной арене, Россия выступает как поборник сложного, многополюсного мира. Можно сказать, что *сама концепция нашей национальной безопасности включает в себе фундаментальный принцип евразийства.*

История возникновения евразийской идеологии сложна и драматична. Ее выстрадали лучшие русские умы в наиболее драматический период российской истории. Впервые основы евразийства сформулировали великие русские мыслители: князь Николай Трубецкой, Петр Савицкий, Николай Алексеев, Георгий Вернадский (сын великого русского ученого), Владимир Ильин, Яков Бромберг, Лев Карсавин, Петр Сувчинский и другие лучшие люди России. К сожалению, в то время идеология евразийства в полной мере не была востребована. Тогда в России победил марксизм...

Однако евразийцы не считали большевиков абсолютным злом, как это делали многие в эмигрантской среде. Оценивая советский период российской истории, они пришли к парадоксальному выводу: в Советском Союзе реализовалась специфическая, экстремальная, если угодно, еретическая разновидность евразийства. Если рассматривать евразийство как язык, то евразийцы считали советский период диалектом этого языка, крайне противоречивой разновидностью, потому обреченной на крах. Евразийцы лишь немного ошиблись в расчетах, так как неожиданная мобилизация патриотического, национального инстинкта во время Второй мировой войны несколько оттянула неизбежный конец.

При этом евразийцы видели в советском государстве положительные, созидательные аспекты: последовательное отстаивание национальных интересов и под-

линно идеократический строй (хотя и базирующийся на губительной для России идеологии).

Евразийцы утверждали, что у *России есть свой собственный путь*. И этот путь *не совпадает с основным направлением западной цивилизации*. Россия и Запад реализуют разные цивилизационные модели, у них разные системы ценностей. Это не пропагандистское клише времен «холодной войны». Вся мировая история последнего тысячелетия показывает противоположность «пестрого» евразийского мира и западной цивилизации. Евразийцы считали, что это противостояние никуда не исчезло и исчезнуть не может. Здесь евразийцы вплотную подошли к основному закону геополитики, утверждающему, что *между евразийской метацивилизацией, ядром которой является Россия, и западным атлантическим сообществом изначально существует неснимаемое противоречие*. Противоречие, при котором исключен любой продуктивный синтез или жизнеспособный стратегический альянс.

Здесь мы имеем четкую оппозицию: или мы, или они. И евразийцы были первыми, кто занял столь бескомпромиссную позицию. Это важнейшая идентификационная черта евразийства. Там, где ее нет, нет и евразийства.

Никакого слияния с западным миром, плодотворного для нашей цивилизации, для нашего государства, для русского и других народов, населяющих Россию, быть не может. Это особенно очевидно сегодня, когда Запад из благодушного поставщика просроченных консервов словно по волшебству превратился в жесткого и прагматичного претендента на мировое господство. Запад игнорирует наши интересы в Восточной Европе, расширяет свои военные блоки, проводит собственную, не учитывающую наши интересы, политику на Кавказе, осуществляет масштабные PR-кампании по дискредитации нашей страны. Все это иначе как

«холодной агрессией» против современной, демократической (!) России не назовешь.

Евразийцы были абсолютно правы, когда утверждали, что *никакое изменение нашего политического строя, никакое приспособление нашей идеологии к «общечеловеческой» (на самом деле «западной», точнее, «американской»)* не избавит Российское Государство от жесткой оппозиции со стороны Запада. Любопытно, что тезис евразийцев подтверждает виднейший идеолог современного Запада Збигнев Бжезинский. В своей книге «Великая шахматная доска» он недвусмысленно заявляет, что *«для американца «хорошая Россия» — это несуществующая Россия»*. Россия расчлененная. Россия угнетенная. Россия, разбитая на несколько секторов и освоенная соседними государствами. Отпраздновав победу в «холодной войне», Запад «взял» Россию как контрибуцию, и поступать он с ней намерен соответствующим образом.

Все это не ново. За последние несколько столетий мы неоднократно убеждались, что за гуманистической, просветительской риторикой Запада стоит неумолимость прирожденного колонизатора, жестко отстаивающего свои интересы, лишённого сантиментов по отношению к покоренным народам.

Все вышеизложенное, а также насущная необходимость в Национальной Идее делает евразийство крайне важным стратегическим, философским и социально-политическим инструментом, необходимым элементом нашей внутренней и внешней политики.

Неоевразийство

Интерес к евразийству в 80-е годы XX века был тесно связан с ростом популярности трудов Льва Николаевича Гумилева — последнего евразийца «старой плеяды». Однако параллельно с интересом к отцам-основателям евразийства в научной среде стала форми-

роваться идеология неоевразийства, основанная на новом прочтении этой глубокой, исполненной творческой интуиции философии.

К началу 90-х годов сбылись предсказания лучших представителей старой школы евразийства. *Советская идеология не справилась с вызовом времени.* Марксизм, которому были принесены в жертву наша духовность и национальное самосознание, рухнул. Великое евразийское государство стало неудержимо распадаться. Обращение к евразийской идеологии в этот момент давало шанс избежать трагедии. Можно было не идти на поводу у Запада и, сохранив мощь советского государства, постепенно демонтировать архаичную идеологию, тормозящую наше развитие, мешающую нам занять подобающее место в стремительно меняющемся мире. *К величайшему сожалению, в тот момент евразийство оказалось невостребованным.* И тогда идейный вакуум временно заполнил губительный для России *атлантизм*. Решающий вклад в создание неоевразийской идеологии внесла совпадающая с ней по своим основным ценностным ориентирам российская геополитическая школа, фактически созданная нами в конце 80-х — начале 90-х годов.

Современная геополитика дала неоевразийской философии научный арсенал, рациональную и действенную методологию, актуальность и применимость к реальной политике. Отцы-основатели евразийства исходили из гениальных догадок и интуиций. Благодаря геополитике их наработки приобрели строго научный характер. Научное изложение евразийской геополитики изменило сам статус евразийского мировоззрения. Теперь это не просто философская идея, это еще и инструмент стратегического планирования, а также своего рода «научный патриотизм» (по аналогии с «научным коммунизмом»). Ведь практически все сферы нашей внутривнутриполитической и внешнеполитической деятельности могут быть проиндексированы с точки

зрения выявления евразийской или атлантистской подоплеку того или иного масштабного проекта.

Кроме того, евразийство было обогащено традиционалистской философией и историей религии, так как этот аспект у отцов-основателей евразийства был развит фрагментарно. В настоящее время неоевразийская философия представляет собой стройный историко-религиоведческий аппарат, позволяющий осмыслить и осознать тончайшие нюансы в религиозной жизни различных государств и народов.

В неоевразийстве были развиты и оригинальные экономические модели, представляющие «гетеродоксальную экономическую традицию» — как бы *«третий путь» между классическим либерализмом и марксизмом*. Этот «третий путь» можно назвать «неортодоксальным либерализмом» или «неортодоксальным социализмом» — как кому нравится. Когда мы обращаемся к отцам-основателям этой гетеродоксальной экономической школы — к Фридриху Листу, Сисмонди, Сильвио Гезеллю, Йозефу Шумпетеру, Густаву Шмоллеру, Франсуа Перру, даже к Кейнсу — и применяем их подходы к современной российской ситуации, то получаем идеальные модели для решения задач, стоящих перед российской экономикой. Трагическим недоразумением следует признать то, что «третий путь» в экономике не сменил марксизм в России в начале 90-х. Вместо этого мы из одной губительной для России догматической ортодоксии (марксистской) перешли к другой, не менее губительной, догматической ортодоксии (гиперлиберальной).

Политическая эволюция евразийства в последнее десятилетие

В конце 80-х годов при крахе советской системы в российском обществе возобладали атлантистские, проамериканские ценности, модели, тенденции, ориента-

ции. Если марксизм был «диалектом» евразийства, «евразийской ересью», то атлантизм является не «ересью», а полной антитезой евразийства, его *полной противоположностью*. А поскольку наше Государство изначально основано на евразийских ценностях, то *ни к чему хорошему либерально-демократические «реформы» (одностороннее, экстремистское западничество) привести не могли.*

Следуя за нашей философией, за нашей системой взглядов и ценностей, мы были вынуждены находиться в политической оппозиции проатлантистскому режиму. Эта оппозиция не была оппозицией Государству, власти как таковой. Евразийцы *всегда поддерживали государственный принцип, стремились к усилению национальной безопасности, стратегического могущества Государства, были апологетами и поборниками социальной, национальной и религиозной гармонии.* Но модель «переходного периода», которая сложилась в последнее десятилетие XX века и во внешней, и во внутренней политике, была выстроена не таким образом, чтобы утвердить государственные институты, сделать наше Государство, наш народ более сильными, процветающими, свободными. Это был самоубийственный курс. *Все, что делалось в атлантистском ключе, вершилось сознательно (возможно, кем-то бессознательно) против России, против всех народов, населяющих Российскую Федерацию.* Было ослаблено, почти разрушено Государство, была проведена незаконченная и непоследовательная, неумная, фрагментарная экономическая «реформа», в результате которой мы очутились на краю пропасти.

В этот период носители евразийских идей, представители евразийского мировоззрения солидаризовались с тем патриотическим флангом в нашем обществе, который громогласно предупреждал о гибельности данного курса. Причем подчеркну, что само по себе евразийство не являлось и не является ни «правым», ни «левым», ни либеральным, ни социалистическим. Ев-

разийцы готовы поддержать представителей любого идеологического лагеря, у которых увидят волю к укреплению государственности, геополитической мощи державы, верности традиции, общественному согласию, сохранению и укреплению исторической идентичности, цивилизационной самобытности России-Евразии.

Изменническая позиция политического руководства того времени исключала возможность ее поддержки со стороны последовательных евразийцев. В свою очередь, западники у власти использовали свой административный и информационный ресурс для искусственной политической маргинализации евразийского движения, замалчивания или искажения его мировоззренческой платформы.

Большинство евразийских научных центров, изданий, евразийский анализ текущих политических и экономических событий не могли в тот период пробить себе дорогу на авансцену политической и культурной жизни. Евразийство в период доминанции атлантистских ценностей, в период «идеологической оккупации» России было признано «политнекорректным».

После публикации моей работы «Великая война континентов» в 1991 году, где я впервые предложил ввести индекс деления на евразийцев и атлантистов как методологическую модель в политике, экономике, культуре и т. д., министр иностранных дел Андрей Козырев публично заявил, что, по такой классификации, «он — атлантист». Симметричное заявление, например, в США абсолютно немыслимо. Если бы какой-то высокопоставленный американский чиновник или политический деятель заявил о своем евразийстве, он был бы просто интернирован. Такое высказывание — нарушение всех принятых в Америке неписаных правил, дерзкий вызов нормативам атлантистской политкорректности. Америка выстраивает стратегическую модель планетарной политики как противостояние ев-

разийскому цивилизационному и стратегическому пространству. Эта константа атлантистской геополитики начиная с эпохи мирового владычества Англии описана во всех учебниках геополитики.

А в России еще совсем недавно происходила невероятная вещь: министр иностранных дел (!) заявлял о своем атлантизме. А ведь это означало, что интересы американского государства и западного атлантического блока НАТО для него, российского государственного деятеля, важнее интересов собственного народа.

Большинство отечественных СМИ также, прямо или косвенно, исходили из атлантистских антигосударственных и антинациональных представлений. По их мнению, существовала только одна модель идеального социально-политического устройства — модель Соединенных Штатов Америки и ее аналоги. Были только одни «правильные» стратегические проекты — проекты западного мира, НАТО. Те, кто противостоит США и их глобальным интересам, — нецивилизованные «варвары», «дикари», «реваншисты» и т. д. В такой ситуации, при катастрофическом атлантистском перекосе, евразийская идея, конечно же, не могла пробиться на экраны телевидения, получить широкое освещение в прессе. Как могли проходить в такой ситуации парламентские слушания по евразийству? Как могло быть положено начало адекватному евразийскому обучению и воспитанию, преподаванию геополитики в школах и вузах? Понятно, что на тот момент это было нереально.

Десять лет я и мои соратники боролись с таким положением дел. *Мы боролись за наше Государство, за возрождение России, за мир между народами, за глубокий, активный, содержательный (а не поверхностно «гуманитарный») межконфессиональный диалог.*

Ситуация стала меняться с середины 90-х годов. Российское руководство после беспрецедентного крена в атлантизм постепенно начало понимать, что это убийственное для страны направление. Несмотря на наши

шаги навстречу Западу, НАТО не прекращает расширяться на Восток, западные «партнеры» жестоко убивают наших братьев-сербов. Стало совершенно очевидным, что Запад воспринял наше доброжелательное к нему отношение как признак слабости, еще раз доказав, что гуманитарная риторика — не более чем «дымовая завеса». Единственный понятный Западу язык — это язык силы. С сильным они считаются, слабого презирают, унижают, третируют. И вот после того, как российское общество столкнулось с этим напрямую, увидело несостоятельность атлантистских реформ, гибельность и самоубийственность этого курса, *отношение к евразийской тематике начало меняться.*

Цель создания Евразийского движения

Мы хотим создать *движение нового типа*, движение, которое не ставит своей задачей бросаться в предвыборную гонку, не стремится стать еще одним политическим кланом, в котором коррупция свила бы еще одно гнездо. Мы создаем движение, которого в Российской Федерации пока еще нет, *движение, основанное на мировоззренческом подходе. Это мировоззренческое, евразийское движение. Наша цель — не прийти к власти и не бороться за власть, наша цель — бороться за влияние на власть.* Это разные вещи.

Партийная модель предполагает определенный шантаж власти. Партии могут покинуть заседание Государственной думы, могут поставить ультиматум, могут отклонить нужный исполнительный власти закон. Это форма торга. Нам кажется, такая свойственная Западу форма демократии в российских условиях порождает лишь клановость и коррупцию. Мы полагаем, что действительно эффективное влияние на власть должно проходить по другим каналам и схемам. Мы должны выдвигать обоснованные евразийские проекты, предлагать эти проекты российскому руководству и демон-

стрировать на конкретных примерах, насколько они эффективны в действительности. Есть несколько направлений, которые способна освоить исключительно евразийская философия. В первую очередь *это межнациональные, межконфессиональные конфликты*. Разрешение межконфессиональных конфликтов обычно видят в тихом и мирном сосуществовании людей, прохладных в собственной вере и поэтому безразлично относящихся к вероисповеданию других. Это конъюнктурные пацифисты межконфессионального толка. Они присутствуют на различных «круглых столах» по утихомириванию межрелигиозных конфликтов. Само по себе это, может быть, и неплохо, но, увы, большого толку от этого, как правило, не бывает. Другая крайность — так называемые «фанатики», или «радикалы», призывающие к жесткому межконфессиональному или межэтническому противостоянию. Это, безусловно, еще хуже, поскольку наносит сокрушительный удар нашему народу, стравливает между собой силы, которые должны были бы вместе, во имя благочестия и веры (у каждого своей) ополчиться на современные, диктуемые Западом, безнравственные, псевдоэтические культурные клише.

Евразийство для решения межконфессиональных проблем предлагает третий путь — диалог активных, глубоко, *фундаментально* верующих людей (если угодно, *фундаменталистов* в своих религиозных традициях), стратегический союз созидательных фундаменталистов как в России, так и шире — в странах СНГ и в мире. Такой подход должен стать новой моделью межконфессионального диалога, основанного на понимании глубин собственной традиции и традиций другого народа. Мы объединяем полюса, призываем людей, глубоко и живо переживающих уникальность своей веры, не к слиянию, но к *глубинному взаимопониманию и стратегическому альянсу традиций*.

Ни для кого не секрет, как обострились сейчас

межконфессиональные проблемы на Северном Кавказе. Новый очаг напряженности возникает в Татарстане, других исламских регионах России. С нашей точки зрения, для органичного сосуществования (как это было веками) мусульман и православных как полноправных граждан нашей общей Державы Евразийский Проект предлагает *идеальную модель*.

Точно так же на евразийской платформе решаются межэтнические конфликты. Уникальность евразийского подхода заключается в том, что в нем не противопоставляется национализм и интернационализм. Еще отец-основатель классического евразийства князь Трубецкой говорил об *общеевразийском национализме*, когда самоутверждение каждого народа и каждой нации в составе России поддерживается центром. Только такой позитивный, созидательный, гармоничный, *симфонический* (если использовать церковную терминологию) евразийский принцип позволяет решить все возникающие в России межнациональные конфликты.

Те, кто считает, что в России решен «национальный вопрос», глубоко ошибаются. Беспристрастный и неангажированный анализ показывает, что у нас (не без влияния геополитических оппонентов-атлантистов) всюду зреют зерна новых серьезных конфликтов. Недавно стала достоянием гласности информация о наличии кадровых сотрудников ЦРУ в руководстве чеченских вооруженных формирований. По нашим оперативным данным, сотрудники западных спецслужб присутствуют там *с самого начала* чеченского конфликта. Если бы не их деятельность (не имеющая, разумеется, ни к Чечне, ни к исламу никакого отношения), если бы не многочисленные другие посторонние факторы, то этого кровавого конфликта не было бы вообще. Опять мы видим, что вмешательство третьей силы («атлантистского фактора») — источник всех наших бед.

Евразия — это дело всех нас. Таких разных, таких

непохожих, но объединенных высшим духом и верой в наше Отечество, любовью и преданностью ему. И раньше предпринимались попытки сделать в российской социально-политической жизни нечто пристойное, одушевленное, по-настоящему ценное и живое. К сожалению, до сих пор эта идея так и не была реализована. Я считаю делом чести для себя и для всех нас нарушить эту печальную закономерность. На символическом пороге тысячелетий мы должны наконец основать и выпестовать нечто действительно стоящее. И тяготы, и победы в деле возрождения великой Евразии, нашей общей Родины, нашего идеала отныне, мы надеемся, будем делить вместе с вами.

Евразия прежде всего! Остальное потом...

АКТУАЛЬНОСТЬ ЕВРАЗИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Преамбула

Евразийство постепенно вышло за уровень чисто идеологического, мировоззренческого направления в философии и осмыслении национальной истории. Бурное развитие *евразийской мысли* на новом этапе означает фактически превращение евразийства в Национальную Идею России XXI века.

Сегодня наше общество переживает колоссальный кризис мировоззрения. Отсутствие скрепляющей мировоззренческой платформы может дорого стоить всем нам, стране, народу, в самое ближайшее время. Потребность в идеологической модели, которая бы служила путеводной нитью для всего нашего национального, государственного и общественного развития, ощущается всеми.

Сегодня созрели все условия для выступления евразийства как самостоятельной политической силы. У Евразийского движения есть мировоззрение, есть оптимальная и целостная версия *Национальной Идеи*.

Конечно, есть сегодня еще и те, кто полагает, что общество, народ, государство могут и должны обходиться без всякой идеи. Более того, они пугают нас тем, что предыдущая российская версия идеократии (т. е. общественной системы, основанной на главенстве Идеи), а именно советская система, стоила нашему народу стольких жертв и испытаний. Но здесь — нарушение логики: если одна конкретная форма идеократии привела к столь страшным издержкам, это еще не означает, что отныне мы должны отказаться от следования идеям вообще какими бы они ни были. Евразийство — это действительно идеократия. Но в отличие от «коммунизма», который был «идеократией прошлого», евразийство — это идеократия будущего. Евразийство — это мировоззрение, основанное на верности традициям, на преемственности, на торжестве гармонии и согласия, соборности и исторического динамизма. Это импульс, обращенный в будущее, но коренящийся в глубоком прошлом. Евразийство не стремится никого сбросить с «корабля современности», оно стремится отвести этот корабль к счастливой пристани Вечного Настоящего, к преображающему духу Традиции и Веры.

Основные этапы евразийской мысли

Евразийское движение появилось в 20-е годы прошлого века. Основателями его были такие замечательные русские философы, мыслители, ученые, как Н. Трубецкой, П. Савицкий, Н. Алексеев, П. Сувчинский, Э. Хара-Даван, Я. Бромберг, В. Ильин, Л. Карсавин и т. д.

Смысл исторического евразийства, сформировавшегося в среде белой эмиграции, состоял в позиционировании себя как третьей силы, не относящейся ни к белым, ни к красным. Несмотря на то что евразийцы были выходцами из белого (а значит, консервативного) движения, они первыми и единственными среди белой

эмиграции осознали серьезность и необратимость победы большевиков и первыми сформировали платформу, позднее известную как «оборончество». Евразийцы никогда не желали поражения своей стране, России-Евразии, независимо от того, какие политические силы ею руководили. Евразийцы видели в русской истории проявление исторических и геополитических констант, которые подстраивали под вечный державный узор различные идеологические, политические и религиозные системы. «Россия остается Россией, Евразией и при большевиках», — утверждали евразийцы и жестко выступали против тех представителей белых, которые злорадствовали, слыша о трудностях СССР, и желали России поражения в столкновении с европейскими интервентами.

Евразийцы еще в 20-е годы сформулировали два важнейших политических «диагноза», два политических пророчества, которые не утратили силы и актуальности до сих пор.

Первое политическое пророчество евразийцев. Вопреки доминирующему среди белой эмиграции мнению, что «большевикам недолго осталось пребывать у власти», евразийцы утверждали, что коммунисты пришли к власти всерьез и надолго и что следует ожидать постепенной эволюции этой экстравагантной и заимствованной с Запада идеологической концепции в национальном ключе. Это предсказание оправдалось: в течение 70 лет мы наблюдали, как большевики укрепляли Государство, переняв в государственной политике, во внешнеполитическом курсе многие собственно евразийские тенденции, идущие из дореволюционных эпох. С геополитической точки зрения, большевики являлись в XX веке преемниками именно царской России.

Однако евразийцы никогда не утверждали, что они причисляют себя к коммунистам. *Их идеология была совершенно самостоятельна.* Они не призывали к сотру-

ничеству с советской властью. Вместе с тем их евразийское мировоззрение существенно отличалось и от других белых — и православных монархистов, и тем более либерал-демократов. В отличие от большинства белых они считали, что революция не сводится к «теории заговора», что были объективные причины крушения романовской Империи. В противовес обычным консерваторам евразийцы считали, что формула «Православие, монархия, народность» была пустым фасадом, за которым скрывалась диктатура антинациональной, отчужденной (и духовно, и религиозно) от основной массы россиян западнической элиты. Сам санкт-петербургский период русской истории евразийцы насмешливо называли «романо-германским игом».

Будучи в большинстве своем православными, евразийцы полагали, что официальное, казенное, синодальное православие в значительной степени утратило свой подлинный дух. Вера охладилась и поэтому не смогла удержать страну на пороге бездны.

Силу большевиков евразийцы видели именно в их идеократии. Отрицая догматическое содержание большевистской идеи, они с воодушевлением восприняли ее страстность, ее порыв, ее динамизм, ее мобилизационный потенциал, столь контрастировавший с вялым угасанием монархии.

Это был их первый диагноз. И он оказался верен. И если бы к ним прислушались большинство других представителей белой эмиграции, они, возможно, по-другому отнеслись бы к собственной судьбе.

Второе пророчество евразийцев заключалось в том, что Советский Союз обязательно рухнет, если он не откажется от материалистической, атеистической концепции, если не оживит свой социальный проект традиционными, духовными, национальными мотивами. И это не так быстро, как думали сами евразийцы, но, увы, *произошло*.

Был поворотный момент на перепутье, в конце 80-х

годов, когда вожди СССР могли бы прислушаться к этому евразийскому прогнозу. Может быть, тогда мы бы сохранили страну и нашу позицию в мире. Однако и на этот раз евразийское предупреждение осталось не услышанным. СССР не стал эволюционировать в идейном ключе в сторону национальных и духовных российских корней, не перевел постепенно закостенелую догматическую хозяйственную модель в более гибкую и соответствующую новым историческим условиям, сохраняя свой стратегический потенциал и свои позиции на мировой арене. А именно это напрямую следовало из предписаний евразийцев. И снова пренебрежение евразийскими рецептами дорого стало стране и народу. Мы до сих пор пожинаем печальные плоды того, что из одной крайности мы кинулись в другую, отвергнув с порога более взвешенный, эволюционный и гармоничный Евразийский Проект.

Еще одним из важнейших открытий евразийцев было то, что *Россия является самостоятельной и самобытной цивилизацией*. Это не просто европейское или азиатское государство — периферия Запада или Востока, не «мировое захолустье», но самостоятельная уникальная цивилизация со всеми отличительными признаками, где западные мотивы тесно переплетены с восточными в неповторимом самобытном и оригинальном сочетании.

В отличие от высокомерия французской поговорки: «Grattez le russe, trouvez le tartare» («Поскребите русского — и вы найдете татарина»), евразийцы принимают этот факт вполне позитивно. «Да, — говорят евразийцы, — вы найдете татарина. И это замечательно». Кстати, приведенная поговорка довольно ярко высвечивает европейский расизм, пропитывающий даже либеральные формы западного самосознания. Он явно угадывается не только в преступных теориях нацизма, но и в современном глобализме, навязывающем народам и расам земли западный код с полным убеждением, что

для «дикарей» он явится «наивысшим благом». Евразийцам же любые формы расизма абсолютно чужды.

Именно из славяно-тюркского симбиоза, из симбиоза леса и степи, оседлых и кочевых народов, индоевропейских славян и туранцев (тюрко-монгольской расы) и возникла, согласно евразийству, великая российская Держава, великая российская Империя. И это не является нашим минусом, нашим бременем. Этим мы, русские люди, должны гордиться. Тюркско-славянский элемент (шире — туранский, а значит, и угрский, и монгольский также) и есть основа нашего государственного, евразийского пути сквозь историю.

Запад (славянство) хранил Россию от растворения в Востоке. Чингисхан (Восток) уберег Россию от растворения в Западе. Такая самобытность — это абсолютный плюс.

На следующем историческом этапе евразийскую мысль развивал Л. Н. Гумилев, сформулировав свою *теорию пассионарности*, которая является неотъемлемой частью евразийского мировоззрения. Что такое пассионарность по Гумилеву? Это прежде всего способность жертвовать материальными интересами ради высоких целей. Именно это и есть градус измерения евразийства. Люди, не способные поступиться материальными интересами, люди, являющиеся рабами механических закономерностей, не могут быть евразийцами. Не могут строить Империи, не могут верить в Бога и исповедовать его культ. Только тот человек, который видит как свою цель, как свой исток и как свое призвание нечто большее, нежели материальные эгоистические интересы, достоин называться человеком. Евразия — это ядро пассионарности, а туранские кочевые племена являются эталоном пассионарной этики, как утверждает теория Льва Гумилева. На этих принципах жертвенности, солидарности, взаимовыручки, общности, идеализма, активной динамики и сформировалась веками евразийская нравственность.

Древние законы ясы Чингисхана основаны на преобладании такого пассионарного типа. Только тот считается полноценным воином (гражданином), кто способен «положить душу свою за други своя». Как это звучно Евангелию!

Неоевразийство как наследие политической и духовной философии евразийства

В 80-е годы евразийский комплекс идей был возрожден мной и группой моих сторонников и коллег. Большинство из них и сегодня являются остовом Евразийского движения.

Мы развили (в том числе и с помощью научного аппарата) в форме неоевразийства те интуиции, которые заключались в текстах основателей евразийства, обогатив их современной геополитической мыслью, традиционализмом, новой методологией концепции «консервативной революции», экономическими (хозяйственными) моделями экономики «третьего пути». Сегодня у нас есть полноценное, выстраданное мировоззрение, сформулированное в начале прошлого века и существовавшее сложно, драматично, диалектически в течение почти столетия. Это наше наследие. Это наша база.

Оценка экономической ситуации в России

Какова экономическая ситуация России, в которой мы будем действовать?

Следует выделить один фундаментальный (теоретический) вопрос. Является ли экономика, как утверждают представители либерального направления, *судьбой*? Является ли материальное благополучие и эффективность хозяйственной системы *высшим критерием* цивилизации? Является ли экономика *альфой и омегой человеческого существования*? Исчерпывает ли она его?

На этот вопрос есть два четких и абсолютно различных ответа.

Есть идеологии, в частности, либерально-демократическая (особенно развитая на атлантистском полюсе), которая утверждает: «Да, является. Экономика — это судьба: выше экономики нет ничего».

С такой же ясностью, последовательностью и непримиримостью другая идеология утверждает, что *экономика судьбой не является*, и этот второй ответ — ответ евразийский. *Экономика не есть последний критерий оценки цивилизации*. Да, она крайне важна: хозяйственный уклад есть жизненная среда человека. И тем не менее экономика ни в коей мере *не является высшей ценностью*.

Экономика, с точки зрения евразийцев, — *это инструмент*. Если нет смысла жизни, если нет исторической цели у человека и общества, то благополучие и благосостояние бессмысленны.

Мы видим основную историческую проблему не в том, что хозяйственные механизмы в России сейчас пробуксовывают. Да, идет обнищание населения, социальная сфера полностью провалена, миллионы людей существуют практически на подножном корме. Это, естественно, неприемлемо и плохо. Но причина такого положения дел не лежит на поверхности. В силу исторических обстоятельств сегодня мы заимствовали у Запада не столько преимущества либеральной рыночной системы, сколько ее дефекты. Либеральные модели эффективны и действенны в определенной социальной среде в определенные исторические эпохи. Слепое копирование этих предписаний как несомненных догм ни одной стране мира не приносило пользы — лучше всех справлялись с задачей те страны, которые могли сочетать позитивные методики либерализма с национальными особенностями, тщательно и тонко адаптируя их к конкретной исторической среде.

В экономическом споре двух фундаментальных сил

нашего общества — сторонников реформ и противников реформ — мы (современные евразийцы) придерживаемся позиции «третьего пути». Либералы говорят: «Все идет хорошо, идут реформы, и пусть они продолжают». На это коммунистическая оппозиция отвечает: «Все идет плохо. Надо вернуться к Госплану и к чрезвычайным мерам мобилизационной экономики». В этом споре мы не видим себя ни на той, ни на другой стороне.

Евразийство предлагает *свое* решение экономической ситуации.

Мы считаем, что *России нужна экономика, подчиненная целям национального и государственного строительства*. Нам нужна эффективная, применительно к нашей эпохе, к нашим конкретным условиям, экономическая модель. А это предполагает наличие двух элементов.

Во-первых, относительно частного сектора: в мелком и среднем бизнесе либеральная модель доказывает свою оптимальную эффективность. И чем больше будет развиваться рынок на этих уровнях, тем будет полезнее для державы. Этот подход отвечает национальным интересам, и поэтому здесь требуется создать условия максимального благоприятствования мелкому и среднему бизнесу.

Во-вторых, есть сектора — социальный, государственный, стратегический, военный, ВПК, природные ресурсы, — которые по определению не могут и не должны находиться в частных руках, поскольку это стратегический ресурс всего общества. Следовательно, на уровне мелкого и среднего бизнеса евразийцы поддерживают либерально-капиталистический (рыночный) подход. На крупных стратегических уровнях должны быть введены механизмы стратегического планирования и государственного контроля.

Мы полагаем, что либеральный курс ошибочен, что безоглядная культивация западных либеральных моде-

лей ни к чему хорошему не приведет. Даже если эффективно исполнить в этом направлении то, что сейчас делается плохо, результат все равно будет отрицательный. Развиваясь в либеральном ключе, российская экономика не может превысить те темпы роста, которые указаны в правительственных прогнозах.

Если приоритетно государство, то вполне можно искать способы различной мотивации развития и роста, пусть даже с помощью мер протекционизма или даже элементов мобилизационного подхода.

Евразийская модель, суть которой можно выразить словами — «евразийский патернализм», или «автаркия больших пространств», — означает создание экономической модели, максимально развивающей внутренние ресурсы в сочетании с дифференцированной открытостью всей территории евразийского «таможенного союза» внешним геоэкономическим зонам.

Это и есть классический протекционизм, и если посмотреть на реальную экономическую историю, то американское чудо и взлет японской экономики связаны именно с подобными протекционистскими мерами, а не с полным открытием границ для внешней торговли.

Таким образом, *прагматический подход к хозяйственной сфере*, отказ от отождествления всех ценностных систем только с рынком — это евразийский взгляд на нынешнюю ситуацию. И это освобождает нас от того, чтобы каждый раз солидаризоваться либо с либералами, либо с социалистической (коммунистической) оппозицией.

Наша цель, наша задача — великое мощное Государство, процветающий народ. Какими экономическими методами это может быть достигнуто?

Мы считаем, что евразийская модель, концепция евразийского патернализма здесь оптимальна.

Но надо иметь политическую волю и определенные инструменты, чтобы на этом настоять.

Оценка внешнеполитической ситуации России

В мире сегодня происходит довольно сложный и тревожный процесс глобализации. Это не просто сближение между собой различных культур и цивилизаций. Глобализация — это унитарное одномерное навязывание всему миру кода американского (западного) общества с его специфической системой ценностей. При этом выигрывает одна сторона — та, которая создает правила, устанавливает образец и парадигму планетарного устройства. Известно, что тот, кто придумывает правила игры, лучше знает, как их использовать и обойти, чем те, кому они навязываются.

Американский глобализм является базовой и основной тенденцией современной картины мира. Все остальные геополитические трения, все основные проблемы в международных отношениях являются производными от этой тенденции. После распада советского блока Америка осталась гипердержавой и, соответственно, проецирует собственные цивилизационные коды на всю планету, взяв на себя, как объявляют сами американцы, функции «мирового правительства».

Этот процесс глобализации является целиком *негативным*, поскольку он объективно разрушает всякую цивилизационную самобытность, все культуры, все национальные и религиозные сообщества. Атлантизм диктует всем совершенно чуждую цивилизационную модель, определяя и навязывая «что морально, что позволено, что прогрессивно» и т. д. Это однополярный глобализм, который не собирается учитывать ничьих мнений. Иногда такой глобализм пытается выдать себя за диалог, но это иллюзия. На самом деле это монолог, в котором никакого ответного голоса не предполагается.

Глобализм является кризисным и тупиковым явлением еще по одной фундаментальной причине. Существует нечто, что можно назвать «*основным противоре-*

чим глобализма». Для того чтобы перейти к более или менее реальному управлению планетой, координированному контролю над человечеством, необходимо осуществить ряд геополитических трансформаций.

История показывает, что существует процесс расширения определенных геополитических организмов от «городов-государств» к «государствам-территориям» и, далее, к «государствам-континентам».

Эти «государства-континенты», «большие пространства» и сама неизбежность этой стадии сегодня игнорируются глобализмом. Кризис традиционных «государств-наций» налицо. Они, безусловно, обречены на распад, рассеяние и трансформацию в нечто иное, так как все они утратили основные черты подлинной стратегической суверенности и не являются более полноценными геополитическими субъектами. Но теоретики глобализма делают из этого верного наблюдения неверный вывод и переходят сразу к модели единого управления миром, минуя промежуточную континентальную стадию, или стадию «континентального (иначе — многополярного) глобализма». Это заблуждение может дорого стоить не только США, но и всему миру.

Достаточных реальных — цивилизационных, экономических, геополитических и силовых — ресурсов для единоличного доминирования и унификации мира сегодня у США нет. Об этом говорит и известный американский политолог Сэмюэль Хантингтон в своей работе «Столкновение цивилизаций», утверждая, что глобальный либеральный проект сегодня не пройдет, поскольку цивилизационные особенности мира дадут о себе знать в самое ближайшее время. Мы принимаем анализ Хантингтона, он совпадает с нашим стратегическим видением. Мы считаем, что вместо «глобальной» глобализации и «однополярной» глобализации мы должны предложить систему нового видения мира — мира альтернативного, основанного на «многополярной глобализации» — и осуществить промежуточный

этап объединения ряда цивилизационных пространств в (более или менее) единые стратегические, цивилизационные, культурные и экономические блоки.

Если глобализация будет развиваться по американскому сценарию (и ничто не заставит Америку отказаться от него), *мы предвидим колоссальный кризис всей планетарной системы балансов*, геополитических альянсов и т. д. Ничего иного, кроме как большой крови и большой гражданской войны в планетарном масштабе, продолжение глобализации не сулит.

Мы видим уже *дугу нестабильности* от Балкан через Ближний Восток, Ирак, Кавказ, Афганистан к Пакистану и Индии. Это линия, по которой осуществляется дезинтеграционный разлом Евразии. Конфликты по этой цивилизационной линии разлома неизбежны. Они будут кровавыми и жестокими и будут тяготеть к тому, чтобы вовлечь в них максимальное число стран. А это напрямую угрожает системе безопасности России.

Мир по-американски, Pax Americana, или однополярный глобальный мир, не может быть установлен без насильственного слома существующих цивилизационных моделей. Глобально править США смогут только в том случае, если вместо цивилизаций и стран они будут иметь дело с раздробленными враждебными анклавами.

Следует обратить внимание на то, что Америка сегодня выступает не как одна из сил в локальных конфликтах, поддерживая ту или иную из них, но сплошь и рядом *с обеих сторон*. Это мы видели в Афганистане: сначала были созданы талибы (американская и пакистанская резидентура для противостояния вначале просоветскому режиму, потом пророссийскому Северному альянсу), через посредство ваххабитской Саудовской Аравии инициированы бен Ладен и «Аль-Каида». Затем Америка наносит по ним удар.

Америка поддерживала долгое время Пакистан в

его противостоянии с Индией, одновременно заключая с последней военные договора.

Углубленный геополитический анализ показывает, что и в израильско-арабском конфликте (несмотря на кажущуюся приоритетную поддержку Израиля Америкой) мы имеем дело с довольно неоднородным распределением сил американского потенциала.

В этом отношении мы должны твердо заявить, что *нас не устраивает «мир по-американски»* — *Rax Americana*. Мы предлагаем альтернативную модель *«мира по-евразийски»* — *Rax Euroasiatica*. Она заключается в сплочении «больших пространств», в интеграционных процессах на материке. Мы должны сделать зоны цивилизационных конфликтов зонами диалога культур.

Мы — сторонники объединения Европы, объединения Евразии, покрывающей приблизительно пространство СНГ, включая некоторые страны, которые цивилизационно входят в наш блок (такие, как Болгария, Монголия и Сербия). Речь не идет о создании единого государства. Речь идет о создании единой цивилизационной блоковой системы.

Продолжая линию евразийского блока, можно говорить о распространении его на юг в сторону Ирана и Индии.

Также мы имеем Евразийский Проект для Тихоокеанского региона. В любой точке планеты может быть применена евразийская стратегическая модель.

Мы имеем не только общую идею, что многополярный мир является более справедливым и истинным, нежели мир однополярный, но и методологию построения многополярного мира. Таким образом, это не просто лозунг, но и целый арсенал разработанных в современном евразийском ключе средств.

На *Rax Americana* необходимо ответить *Rax Euroasiatica*. Это наш цивилизационный глобальный проект. В нем есть позитивный сценарий для каждой из сторон. Есть позитивный проект и для США. Если США

откажутся от претензий на планетарную гегемонию и от проведения однополярной глобализации, обратившись к той или иной форме изоляционистского проекта (доктрина Монро), они могут стать важным, уважаемым и позитивным элементом многополярной системы. Мы, евразийцы, не имеем ничего против США, американского народа, американских ценностей и американской цивилизации. Но мы радикально и последовательно выступаем против *насильственного навязывания этих американских ценностей* тем народам и странам, которым они совершенно чужды исторически, геополитически, культурно. Евразийский антиамериканизм существует только до тех пор, пока США претендуют на глобализм и универсализм своей модели. Как только атлантический полюс откажется от претензий на глобальную доминацию и признает локальность своих цивилизационных полномочий, из врага и соперника он превратится в друга и союзника.

Внешнеполитическая доктрина евразийства развита более подробно, нежели у всех остальных политических партий и движений, и не зависит от конъюнктуры. Евразийство имеет отчетливую и детальную методологию построения многополярного мира. Не только лозунг, но и логику, развитый арсенал средств.

Анализ внутривнутриполитической ситуации в России

Мы видим, что внутривнутриполитическая ситуация в стране очень сложна и является в достаточной степени критической.

Сегодня не определен сам статус нашего Российского Государства. Да, существуют законодательные акты, Конституция, границы. Но все это пока довольно приблизительно. Следует учитывать, что такой формы государства, как Российская Федерация, никогда в истории не существовало.

Что это? Остаток советского государства? Нацио-

нальное государство регионального масштаба? Искусственное эфемерное образование, на глазах распадающееся на части? Или ядро грядущего Евразийского блока?

Сегодня на эти вопросы никто не может дать окончательного ответа. *РФ — это геополитическая конструкция, находящаяся в переходном состоянии.* В любой момент чаша весов может сдвинуться в любом направлении. В случае продолжения вовлечения в процессы глобализации и движения на Запад нас ждет дальнейшее расчленение, так как в формате национального государства удержать без специальных силовых или идеологических методов сложную конфигурацию разрозненного российского федерального пространства невозможно.

Повсюду зреют опасные «завязи» внутрироссийского сепаратизма. В Чечне мы видим лишь один из примеров этого; на Северном Кавказе, в Поволжье, в Сибири постепенно формируются более глубинные и более опасные тенденции. В этом отношении отсутствие мобилизующей идеологии и продолжение вовлечения в либерально-демократическую модель грозит распадом России.

Это худший вариант, но именно он описан в книге «Великая шахматная доска» Збигнева Бжезинского, главного современного теоретика атлантизма. Бжезинским Россия уже поделена на несколько марионеточных государств. Это может стать нашим будущим, если мы не предпримем в этом направлении каких-то кардинальных и решительных мер.

Ощущая серьезность угрозы распада, многие сегодня считают главной задачей укрепление России в качестве «национального государства» в тех границах, которые у нее есть. Это позиция патриотического фланга российской власти. Однако, когда мы будем утверждать мобилизационную идеологию этого «государствования» (без чего никакого укрепления быть не может),

мы будем вынуждены провести *жесткую границу* с нашими соседями, бывшими союзными республиками, отгородиться от них «железным забором» (в том числе и таможенным). Это сделает евразийскую интеграцию и консолидацию СНГ маловероятными. Следовательно, такой проект «державности» не является евразийским. Кроме того, для создания законченной «патриотической» идеи, ограниченной рамками РФ, потребуются серьезная консолидация общества. На каком основании такая консолидация могла бы происходить? На основании тех буржуазных представлений о мире, которые лежат в основе исторических «государств-наций»? Причем именно эти представления и привели сегодня большинство европейских (да и азиатских) государств на грань распада. Сложно придумать более неудачное время для построения «государства-нации» в России. Эта инициатива заведомо не может кончиться ничем хорошим.

У нас много народов, много культур, региональных отличий, и уравнивать это все в некоем «якобинском» единстве может только гильотина.

Но я уверен, что для репрессивных мер у нас нет сегодня ни сил, ни желания, ни ресурсов, ни воли.

Единственный оптимальный вариант существования России — это существование в качестве мировой державы. И, как ни странно, России проще быть великой и мировой державой, чем сохранить свой региональный статус.

Конечно, мы не можем сделать Россию великой державой в том формате, в каком существовала царская Россия или Советский Союз. Идеологическое обеспечение нового планетарного статуса следует искать ни в имперском колониализме на православно-монархической основе, ни тем более в возврате к марксизму. Прямого повторения история не терпит. *Мы можем стать великой мировой державой, только если найдем новое выражение для евразийской геополитичес-*

кой миссии объединения континента и для выражения нового альтернативного глобального проекта. А вот для этого у России есть все основания: исторические традиции, многообразие и многополярность собственного устройства, недавнее прошлое, когда мы жили в гораздо более широком геополитическом контексте.

Будущее России заключается в том, чтобы стать ядром и платформой нового континентального образования. Пусть в ближайшем будущем им станет *Евразийский Союз* наподобие Европейского Союза, но это не предел. С помощью ряда геополитических альянсов и блоков мы должны выстроить совершенно новую, уникальную, никогда не существовавшую доселе и тем не менее вполне надежную континентальную конструкцию.

Это наш евразийский взгляд на внутреннюю политику. И в этом отношении именно *выбор геополитического статуса России сегодня определяет все остальные процессы нашего политического существования.* Если мы будем убеждены и солидарны в том, что мы строим великую державу, мы примем как абсолютную историческую необходимость евразийскую идеологию в качестве базового духовного, философского и политического инструмента.

Национальная Идея

Какая Национальная Идея может быть в России? Может ли она быть советской, т. е. возвратом в прошлое? Кажется, по общему убеждению, нет. Советское государство родилось в революции. Оно прошло море крови, оно стало огромным. Другими словами, родилось, пожило и умерло. Для того, чтобы повторить все сначала? Такого в истории не бывает.

Может ли либерализм выступать в качестве Национальной Идеи? Вовсе нет.

Во-первых, это полная копия западной модели, во-

вторых, Национальную Идею, которая полностью отрицает какую бы то ни было форму идеалистического импульса в человеке, воплотить в жизнь невозможно. Либерализм — это антитеза идеократии. Менее всего в качестве Национальной Идеи пригоден именно он.

Узкий национализм также не может быть Национальной Идеей, поскольку у нас много народов, много конфессий и насильственная русификация или приведение всех в Православие абсолютно исключены. Это только расшатает наше единство, а не укрепит его.

Методом исключения мы приходим к евразийству, которое выполняет две фундаментальные функции в решении этой задачи: утверждает консолидирующую, мобилизующую державно-патриотическую идею, с одной стороны, а с другой — вовлекает многообразные, многополярные и многовекторные этнокультурные формы в процесс общего исторического делания (в построение «общей судьбы»).

Это совсем не национализм, но скорее плюрализм, где множество культур и этносов получают возможность сохранения и развития. Одновременно это и не отказ от Национальной Идеи, а наоборот — выработка мобилизационной евразийской идеологии, новой исторической версии идеократии. Таким образом, сам запрос на Национальную Идею — *это запрос на нас, на евразийство.*

Сейчас трудно говорить о том, каким геополитическим курсом руководствуется наша власть. Самое точное определение ей, я думаю, — прагматизм. Но начальный интерес и внимание к геополитике у власти есть. И это является прекрасной базой для геополитического осмысления положения России в мире. А это уже и есть евразийство: как я показал в учебнике «Основы геополитики», любой человек, занимающийся геополитикой на территории РФ или СНГ, объективно становится на позицию евразийства; здесь, как и в квантовой механике, сам ход процесса зависит от по-

зиции наблюдателя. Геополитика — это дисциплина, связанная с точкой наблюдения. В зависимости от того, в какой геополитической зоне мы находимся, такова наша геополитика: есть геополитика Бжезинского, находящегося по ту сторону океана, и это — атлантизм; есть модели геополитики тех, кто находится в промежуточной сфере — береговой зоне; и есть геополитика «сердцевинной земли», heartland'a, это — евразийство.

Мы поддерживаем интеграционные процессы в рамках ЕвразЭС и ЕЭП. Экономическая интеграция — это один из аспектов инфраструктуры в рамках будущего Евразийского Союза. Подчеркну, что здесь без евразийства также не обойтись, поскольку евразийство есть *философия интеграции*.

Дело дошло и до стратегической интеграции, подписан важный документ о создании новой «Организации Договора о коллективной безопасности». Это очень важный стратегический шаг. Осталось сделать третий шаг — обратиться к евразийскому мировоззрению как к философии и политике интеграции. Я думаю, этот шаг на определенном этапе будет сделан.

О демографической катастрофе в России

Следует сказать несколько слов о демографической проблеме. Это проблема падения рождаемости, вырождения нашего народа, проблема социальной деградации, появления миллионов беспризорников и распада семей. И ее, с нашей точки зрения, нельзя свести только к экономической платформе.

В ее решении в высшей степени важен нематериальный, нравственный фактор. Общеизвестен характер катастрофических демографических процессов в богатых странах с развитой «либеральной культурой». Плоды этой «культуры» можно видеть по телевизору, по МТВ, наблюдая все формы извращения, патологии,

самые низменные пороки, которые себе только можно представить. Именно богатые и благополучные страны страдают максимальным падением рождаемости. Западные «ценности», полное снятие этических, нравственных и религиозных рамок вместе с материальным процветанием способствуют чему угодно, только не деторождению и не укреплению семейных уз.

Одновременно мы видим бедные страны, которые живут в сложных экономических условиях, но сохраняют элементы традиционного общества, и там — всплеск рождаемости.

Циничные представители «золотого миллиарда» говорят так: «Вот если бы вы не верили в Бога и не следовали своим традициям, то вы бы тоже рожали меньше, как мы, и занимались бы другими делами».

Эта логика представляется нам чудовищной, кошунственной, несовместимой с человеческим достоинством.

Необходимо переломить демографический процесс в России. Единственный способ — возврат к нравственной, религиозной, традиционной евразийской системе ценностей. Никакого иного способа возрождения демографии не существует.

Проблема детства также не лежит исключительно и всецело в материальной плоскости, а решается принципиальным изменением морального и информационного климата.

Евразийство и «четвертая власть»

Здесь следует подчеркнуть, что евразийство ставит своей первоочередной задачей *укрощение медиакратии*.

Общее содержание основного потока, транслируемого по нашим и западным СМИ, это приглашение к массовому самоубийству и безумию. Взгляните однажды холодным взором, какие ценности, образцы, клише, коды транслируют СМИ не только в фильмах, но в ин-

формационных выпусках и рекламных роликах — наслаждение кровью, извращение, навязчивое приглашение к разврату, осмеяние всех традиционных социальных и этических норм. И такая ситуация не ограничивается кругом независимых частных массмедиа, а присуща государственным, федеральным каналам в не меньшей степени.

В этом отношении мы должны быть непримиримы. Современные российские СМИ являются бастионом вырождения, проводниками радикально чуждой нам системы ценностей. Они в огромной мере ответственны за миллионы бездомных детей, за распад семей, за извращение, вырождение и гибель нашего евразийского населения.

В этой связи не случайны напряженные баталии между государством и СМИ. Это сила, которая очень слабо контролируется даже нашими чиновниками. Искушенному телевизионщику сегодня ничего не стоит формально в точности исполнить заказ чиновника, по сути дела, легким трюком перевернув смысл.

Наше государство не религиозное, но оно не должно быть агрессивно атеистическим или сектантским. Не должно покрывать прямую пропаганду разврата, греха, насилия и вырождения. Фактически широко транслируемые зловещие информационные коды способны убивать в наше время не хуже обычного оружия, если не сильнее.

СМИ — это проблема проблем.

Пять принципов Евразийского движения

Пять основных принципов евразийской идеологии сегодня: научный патриотизм, социальная ориентация, традиционализм, евразийский этнизм и евразийский регионализм.

Научный патриотизм

Евразийский «научный патриотизм» основан на геополитике. Часто приходится слышать, что геополитика — очень непростая дисциплина и ее сложно объяснить народу. Наверное, это так. Но большинство нашего населения окончили хотя бы среднюю школу. С точки зрения методологической, геополитика и евразийство гораздо проще, чем учебник 7-го класса по тригонометрии или «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. Мы это все читали, сдавали, мы это понимали и писали об этом сочинения. Не понять, что в мире существуют две цивилизационные модели — сухопутная и морская, континентальная и островная — и между ними находится промежуточная береговая зона, могут только двоечники.

Два геополитических полюса — атлантизм и евразийство — ведут планетарную дуэль. Атлантизм сегодня выигрывает и стремится закрепить свой выигрыш в однополярном мире. Это и есть глобализм. Противоположный полюс хочет восстановить баланс, возродиться в новой форме, с учетом печального опыта поражения. И, возродившись, он создаст иной мир — многополярный, а не однополярный. Это евразийство. Все предельно просто. Вся геополитика в 6 предложениях. Если это мы способны усвоить и осознать, то все остальное нам автоматически будет понятно.

На этом основании евразийством и формулируется проект России как мощной мировой державы. Это требует стратегического централизма, оперативности, силы, возрождения государственности — всего того, о чем говорилось выше. «Россия может быть или великой, или никакой».

Нам всем необходимо потратить усилия, чтобы понять основы геополитической методологии. Это наш козырь, это наша идея, это и есть наш «научный патриотизм». Вот что значит любить Родину по-научному, не только сердцем, но и умом. Давайте приложим уси-

лия и усвоим геополитический минимум — без этого невозможно.

Сделаем еще несколько уточнений по поводу нашего видения мира.

Мы принимаем вызов глобализации и понимаем, что *либо Россия будет действовать глобально при защите своих интересов, т. е. будет глобальным субъектом, либо она станет объектом, т. е. предметом манипуляции извне и в конечном итоге подпадет под внешнее управление.*

Россия не может быть региональной державой — у нее только один выбор: *либо своя роль в мировой политике, либо исчезновение.* Вопрос стоит остро.

Кроме того, Россия не способна сохранить свой геополитический суверенитет и стратегическую независимость *в одиночку.* Исторические, материальные и идеологические ресурсы изоляционизма исчерпаны. Нам необходима система альянсов — осей, как внешних, так и внутренних. Евразийство утверждает многополярность во внешней и внутренней политике, считает необходимым создание единого стратегического пространства, объединяющего Европу и Азию.

Социальная ориентация

Мы считаем, что необходимо строить *социально ориентированное государство*, общество, нацеленное в первую очередь не на индивидуальное, а на *общественное благополучие.* И в этом отношении этика либерализма чужда нашей национальной истории — как славянской, так и общеевразийской.

Либеральная рыночная экономика в определенных секторах приносит очевидные плоды — их нельзя отрицать. Но у рынка должны быть границы. На определенном уровне социальной системы — на уровне ценностей — рынку нет места. Свободно продавать товары и услуги — хорошо. Свободно продавать душу, веру,

Родину, традицию, честь, нравственность, достоинство — плохо, невозможно, недопустимо.

Рыночная экономика должна быть помещена в контекст нерыночного общества, общества справедливого, солидарного, нравственного. Невозможно рассматривать социальную трагедию наших соотечественников как «неизбежные издержки капитализма». Миллионы беспризорников, малолетних проституток, брошенных стариков, обесчещенное научное сообщество, нищета, жесточайшая эксплуатация рабочего класса, вездесущая коррупция — это неприемлемо. Если это неизбежность капитализма, то нам такой капитализм не нужен. *Рынок должен быть ограничен требованиями социальной справедливости и императивом национального возрождения.*

Россия сегодня в сложной ситуации, и можно признать, что объем социальных средств в бюджете невелик. Но не все измеряется цифрами: необходимо установить в обществе в обязательном порядке «диктатуру справедливости». Если обездоленным не может помочь государство, пусть им помогут имущие. Следует обложить бизнес социальной рентой, которая не должна проходить долгий цикл полного огосударствления (так как в этом цикле деньги имеют тенденцию растворяться в карманах ненасытных чиновников). Следует связать конкретный бизнес с конкретной социальной средой, в рамках которой он находится. Частный характер предпринимательства должен сочетаться с социальными целями.

Это «евразийский капитализм». Капитализм с национальной душой и социалистическим лицом. Это экономика «третьего пути».

Традиционализм

Сегодня всем очевидно: технический прогресс и эффективность экономики — это одно, а нравственный прогресс — другое. Нарастивая технологический

потенциал, мы пропорционально утрачиваем потенциал культурный и духовный. В XIX веке казалось, что эти вещи идут параллельно. Оказалось, что они противоположны. Цивилизация как техника противоположна культуре как духовности. Однако прямое противодействие традиции технологическому развитию проиграно. И вместе с тем наше сознание отказывается признать как неизбежность ту чудовищную картину нравов и грехов, которые открылись на пороге XXI века: от легализации всех типов извращений до клонирования людей. Это неприемлемо. Нельзя исповедовать традиционную религию и принимать тот мир, который открывается перед нашими глазами, с его цинизмом, галлюцинациями, извращением, воспеванием всевозможных пороков.

И никакой «новой духовности», «новой нравственности», «новой религии» в таких условиях не появляется и не появится. Чтобы противостоять этому, необходимо *вернуться к нашим духовным корням.*

Никто не опроверг основы традиционных конфессий. Вся атеистическая риторика с эпохи Просвещения была, как сейчас выясняется, лишь агрессивным и навязчивым пиаром, манипуляцией. Этому способствовал и внутренний упадок традиционных религий, неспособность дать адекватный ответ «нигилистической науке», претендовавшей на «позитивность» и «объективность».

Мы утверждаем необходимость обращения к интегральному традиционализму, к основам традиционных конфессий — Православия, ислама, буддизма, иудаизма. Неколебимые истины, основы нравственности и духовности — базу обновления и возрождения следует искать именно там и нигде более.

При этом интегральный традиционализм должен смело вступать в диалог с уловками модерна и постмодерна, оттачивать свой интеллектуальный аппарат, принимать вызов современной секулярной рациональности. Как это ни парадоксально, но наш традициона-

лизм должен быть, в свою очередь, современным и искушенным, свободно принимающим вызов критики и находящим неотразимые аргументы. Отсидеться больше не удастся. Сегодня кризис секулярной культуры и науки дает нам, традиционалистам, верующим, фундаменталистам традиционных религий уникальный шанс для интеллектуального и социального реванша. Спасение от сумерек светского общества следует искать только в вечных истинах Веры.

Россия должна быть многоконфессиональной страной, но не светской. Общество должно быть религиозным, духовным, но не единообразным.

Мы за союз традиционных евразийских конфессий, за их стратегическое объединение в общий фронт против сект, агрессивного секуляризма, постмодернистического цинизма.

Евразийский этнизм

Мы — сторонники евразийского этнизма, т. е. предоставления этносам политического статуса и политического пространства на более достойной основе. Забота о каждом народе России, о каждом народе Евразии — это общая забота. Государство должно заботиться о всех народах, сохраняя их язык, не подвергая их русификации, не сваливая всех в нерасчленимую «общегражданскую» массу.

Мы считаем, что высшей категорией истории, высшей ценностью является народ. Человек есть часть народа, он целиком и полностью им создан, воспитан, организован. Язык, культура, образ жизни, обычаи, верования, внешний вид человека — все это производная от его этнической принадлежности. Народы должны сохраняться, свободно развиваться.

Сегодня народы под угрозой. Они растворяются в отчужденной государственной бюрократии, переплавляются в космополитическом котле. Их сталкивают друг с другом, рассеивают, отрывают от корней. Наци-

ональные культуры, фольклор, обычаи, навыки, ремесла стремительно исчезают. Спасение народов от исчезновения в тлетворном процессе глобализации — это требование времени.

Все народы различны и непохожи друг на друга. В этом их богатство. Сегодня всем им, как и традиционным конфессиям, угрожает гибель. Постмодернистические общества, глобализм губительны для всех них вместе и по отдельности не меньше, нежели экстремизм, шовинизм и ксенофобия.

Евразийство предлагает народам путь совместного спасения. Этническая программа евразийства — «третий путь» между национализмом и космополитизмом. Это союз народов, солидарный евразийский фронт.

Конечно, русский народ является в евразийстве центральным. Последние столетия именно он был основой евразийской цитадели. Он отдал все свои силы, все свои соки великому начинанию. А это был огромный риск. Он перенапряг свои усилия. Сейчас он в состоянии шока, временного исторического паралича. Отсюда — падение рождаемости, пассивность, растерянность. Если мы не пробудим и не возродим русский народ, у евразийства, у Евразии нет будущего. Русские — этнос молодой, энергичный, мессианский, проникновенный, могущественный и вдумчивый. На земле мало таких. Но в данный момент сон его глубок, усталость кажется неодолимой. Однако мы не закончили наш исторический путь, нашу речь в мировой созвездии народов. Мы просто переводим дыхание. И завтра, ну в крайнем случае послезавтра мы проснемся. Возвратимся в мир с волей и внутренним русским светом.

Мы, русские, должны не только возродиться сами, но и сплотить вокруг себя другие братские народы Евразии. По отдельности ни у кого ничего не получится. Только вместе, все вместе — русские, татары, калмыки, якуты, мордвины, евреи — мы способны в страшном новом мире отстоять право на жизнь, язык и культуру.

Евразийский регионализм

Мы — сторонники реальной страны. Мы видим часто, как, приезжая из глубинки в Москву или другие крупные мегаполисы, люди быстро забывают свой родной край, его нужды, обычаи, превращаясь в некий федеральный, аморфный, бесцветный, некачественный, невыразительный планктон. Крупные центры, особенно мегаполисы, портят человека. Истинные этические, нравственные, духовные образцы мы должны искать в глубинке — *в реальной стране*.

Евразийство имеет дело не с абстракцией, а с живыми просторами реальной страны. Каждая область, каждый край России имеет свои уникальные черты. Наша огромная страна представляет собой целый континент, целый мир. Климатические зоны — от субтропиков до вечных льдов, степи и леса, лугов и пустынь, болот, озер, рек и морей. И везде — разные люди, разные хозяйственные системы, подчас разные культуры.

Евразийство стремится объединить их не по формальному признаку: мол, население — одна цифра, территория — другая, объем производства — третья и т. д. Каждый регион — особый, и подход к нему должен быть особым. Будучи частью великой державы, каждый регион должен иметь свое представительство, свой полновесный голос в Центре.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ОБЩИЙ ДОМ (программа Международного Евразийского движения)

Евразийский диалог культур как содержание человеческой истории

Континент Евразия — колыбель человеческой культуры и цивилизации. На этом пространстве возникли и развились разнообразные социальные, духовные и по-

литические формы, составляющие *основное содержание* человеческой истории.

У Евразийского материка есть два главных полюса — *Европа и Азия, Запад и Восток*.

История человечества есть процесс постоянного *диалога*, диалектического обмена энергиями, ценностями, технологиями, идеями и вещами между этими полюсами.

Запад и Восток взаимодополняют друг друга, ведут между собой тысячелетний разговор, исполненный высшего смысла.

По землям Евразии постоянно шли потоки народов и культур — с Запада на Восток, с Востока на Запад. Далекие предки современных европейцев дикими ордами скакали по азиатским степям, в то время как современные им китайцы, индусы и персы не жили в лучах изысканных, утонченных цивилизаций — с развитой философией, прогрессивной техникой в условиях высокого комфорта. У каждой цивилизации есть свое *время*, и течет оно везде *по-разному*. То, что кажется *«дикостью»* здесь и сегодня, в другом месте или завтра становится эталоном *«прогресса»*. То, что представляется *универсальной* истиной здесь и сегодня, в другом месте или завтра оказывается *локальным и весьма относительным* культом. Никогда не следует абсолютизировать то, что есть здесь и сейчас. Состояния и ценности мира меняются. Следует всегда поверять свои суждения *великим масштабом времен и пространств*.

Евразия — достойный масштаб подлинной мысли. Мы должны научиться *«мыслить Евразией»*, мыслить по-евразийски, тогда нам будут одинаково вняты и Запад, и Восток, и прогресс, и Традиция, и постоянство, и изменчивость, и верность истокам, и движение вперед.

Глобализация как вызов народам и культурам Евразии

Сегодня — в эпоху глобализации — евразийский диалог между Западом и Востоком приобретает *новую актуальность*.

Глобализация исходит с Запада, но все больше *затрагивает* и Восток. Это сложный и противоречивый процесс, который ставит все новые и новые (подчас драматические, напряженные) вопросы. Евразийский континент переживает это особенно остро, так как он является *основной сценой глобализации* — ведь по нему проходят главные силовые линии, границы и разломы великих культур и цивилизаций человечества.

Сегодня мы, как никогда ранее, нуждаемся в осмыслении курса истории, ее логики, ее хода. Каждый день нами принимаются решения, от которых будет зависеть судьба грядущих поколений. И все более очевидным становится, что ни один народ, ни одна страна, ни одна конфессия, ни один социальный класс, даже ни одна цивилизация не способны в одиночку эти проблемы решить. Мы все более *вынуждены считаться друг с другом*: Европа с Азией, христиане с мусульманами, белые с черными, граждане современных демократических стран с жителями государств, где сохранились устои традиционного общества. А для этого необходимо научиться *хорошо понимать друг друга*, избегать поспешных суждений, обрести дух подлинной толерантности и глубокого уважения к тому, что *отличается* (подчас существенно) от собственных ценностных систем, привычек, «очевидностей».

Евразийское движение как сцена многостороннего диалога суверенных субъектов

Для реализации интенсивного диалога культур, цивилизаций, конфессий, стран, социальных групп, этносов и наций Евразийского континента в новых исто-

рических условиях мы провозглашаем создание «*Международного Евразийского движения*».

Наше движение не стремится никому навязать заведомо однозначные решения и догмы. Перед нами значительно *больше вопросов, чем ответов*. И к истине мы сможем прийти только в ходе открытого, последовательного диалога со всеми основными силами нашего континента — от Токио до Азорских островов.

Мы призываем всех ответственных людей Евразии, задумывающихся о смысле существования, о путях исторического развития, о ценностях и идеях, вместе строить «*образ будущего*», очерчивать совместными усилиями *реальную карту Евразии нового тысячелетия*.

Мы глубоко убеждены в том, что наша общая задача состоит в *сохранении любой ценой самобытности народов, культур, конфессий, языков, цивилизаций, ценностных и философских систем*, составляющих «цветущую сложность» (К. Леонтьев) нашего континента. Сближение и диалог стран и людей между собой *не должны состояться ценой утраты их идентичности*. Мы настаиваем на том, что *сохранение этой идентичности является высшей ценностью* и никто не вправе на нее посягать. В диалоге культур и цивилизаций должны участвовать *самобытные суверенные и свободные субъекты* — тогда он будет справедливым и содержательным.

Мы категорически *против превращения процесса глобализации в разновидность идеологического, экономического, политического и ценностного «империализма*»: никто не вправе (силой или хитростью) навязывать великим народам нашего континента какую-то одну частную «истину», ценностную систему, социально-политическую модель. Знакомство с культурами Евразии приводит нас к твердому убеждению: мы многое понимаем по-разному; даже такие понятия, как «человек», «свобода», «жизнь», «власть», «право», «справедливость», «общество», «политика» и т. д., существенно различаются в разных культурных, языковых, этничес-

ких и религиозных контекстах. Все это мы должны учитывать в нашем многостороннем евразийском диалоге: добросовестная и ответственная мысль о «другом», «отличном от нашего» никогда не должна оставлять нас — в этом залог нашего грядущего успеха, мира и процветания.

Евразия и ее народы должны быть *свободными и независимыми*.

У Запада и у Востока есть *своя истина*. Есть она и у каждой конфессии, у каждого этноса, у каждой культуры. Мы имеем все основания для того, чтобы *поделиться* этой истиной с другими, но ни при каких условиях не должны насильно *навязывать* ее.

Против «вавилонского смещения» и «новой ксенофобии»

Сегодня из-за развития информационных технологий, сетевых систем, транспортных связей и т. д. жители Евразии оказались *ближе* друг к другу. Но тем острее обнажились культурные, языковые, религиозные *границы и барьеры*. Это грозит *новыми угрозами* — «столкновением цивилизаций», новой волной террора, вспышками межэтнических конфликтов и войн.

Как сочетать глобализацию с сохранением самобытности и идентичности? Как не допустить, чтобы объективное сближение людей континента не превратилось во всеобщее «вавилонское» смещение, но в то же время не вызвало *новую волну ксенофобии и розни* народов и культур?

Решить эту сложнейшую проблему призвано наше движение.

Евразия — наша мать

Евразия и ее пространство — это не много и не мало, это *достаточно*. Это *меньше*, чем вся планета, но *больше*, чем любое — даже самое большое — государств-

во, чем любая монокультурная или моноконфессиональная зона.

Наша задача — обратить народы к работе на процветание и мир на всем континенте, на строительство и уход за нашим общим евразийским домом.

Мы беремся за великое дело, которое по плечу только сильным. Но наши предки оставили нам в наследство нечто великое — сокровища мысли, высоты духа, великие державы, светлые нравственные ориентиры, огромное экономическое достояние, разнообразные социальные системы, общественные уклады, уникальные языки.

Евразия — это *надежная платформа* для будущего, фундамент, отстроенный тысячелетиями великого делания человечества.

Евразия — наша мать, *наша земля*; она вверена нам, верна нам; она дает нам силы, но просит нашей помощи и защиты.

Евразийское движение — это вечное движение от корней к кроне древа бытия — Древа Мира — и оттуда снова к корням. Это пульс нашей жизни, нашей истории, которая не закончена и не будет закончена, пока мы есть, пока существуем, пока дышим, пока мыслим, пока имеем глаза и уши, чтобы видеть и слышать, руки — чтобы делать.

ЕВРАЗИЙСТВО И ПОСТМОДЕРН (доклад на Учредительном съезде Международного Евразийского движения 20 ноября 2003 г.)

Символичность даты. Михаэлическое действие

Мы проводим Учредительный съезд Международного Евразийского движения в канун Михайлова дня. Это символично. Дата этого праздника — Собора Михаила Архангела и всех сил бесплотных — согласно

православному преданию была определена таким образом: это восьмой день девятого месяца (в древности год начинался в марте).

Девятый месяц символизирует число ангельских чинов. Восьмой день в православной традиции указывает на вечность, на сакральный момент Воскресения, на тот миг, когда «время перейдет в пространство» и наступит триумфальный «конец времен» — «парусия», Второе Пришествие.

Немецкий консервативный революционер (евразийство — это одна из разновидностей консервативно-революционного направления) Артур Мюллер ван ден Брук написал в свое время слова, полные глубокого смысла: «Вечность на стороне консерватора». Вечность, дорогие евразийцы, на нашей стороне.

В истории монотеистических традиций архангел Михаил играет важнейшую роль. Он архистратиг, предводитель ангельских войск.

Это — небесная рать добра, ведущая бой с демонами зла. Это вертикальная вечная, надвременная ось великой драмы.

Бой ангелов — вне времени, он ведется всегда. Он впечатан в вечность, как структурирующая парадигма.

Тень великой битвы падает на историю, давая времени смысл, содержание, ориентацию. Так история становится священной — иероисторией.

Полюса великих мировых столкновений народов, культур, цивилизаций, религий, идеологий являются проекцией этого архетипического состояния. Битвы ангелов.

Многие знаки и образы указывают на то, что сегодня мы подходим к решающей черте напряженной драмы всемирной истории. Ведь и предание говорит, что в «последние времена» битва ангелов, в которую вовлечены люди, народы и царства земные, вспыхнет с особой силой, достигнет гигантских масштабов, приблизится вплотную к развязке.

Люди — со-ратники (в этимологическом смысле — т. е. «те, кто сражается вместе») ангелов. В литургических православных ирмосах говорится: «немногим умалил Бог человека от ангелов».

Большинство традиций и религий мира ставят сегодня нашей цивилизации однозначный диагноз: глобализация, «новый мировой порядок», «однополярный мир», готовящееся «мировое правительство» — все более очевидный оскал «князя мира сего». Это стратегическая конструкция «врагов Бога», а значит, и прямых противников архангела Михаила.

Разные религии дают глобализму разные имена: христиане отождествляют «новый мировой порядок» с «антихристом», мусульмане — с «даджаллом», ортодоксальные иудеи — с «великим смещением» («эрев рав»). Для индуистов — это полчища кали-юги. Для буддистов — демон Мара, иллюзия.

По ту сторону различия в догматах, доктринах и ритуалах существует особая традиция — *традиция архангела Михаила*, «михаэлический» тайный свет. Это тонкая принадлежность человека к иероистории, право (и обязанность) занять конкретное место в войске одной из противоборствующих сторон. Это «военный призыв» под начало небесного архистратига. Те, кто слышит его, спешат исполнить.

Евразийство в своем высшем духовном измерении — это проекция михаэлического начала, вертикального сверхвременного светового столпа на историю в ее финальной, редемпционной стадии.

Часто в иконописи архистратиг Михаил изображается с мечом в одной руке (это понятно) и весами в другой. Весы — символ суда.

У немецкого философа М. Хайдеггера в книге «Holzwege» содержится очень важный для нашего дела разбор стихотворения Райнера Марии Рильке. Там речь идет о «передаче весов из рук торговца в руки Ангела».

Эту формулу следовало бы взять как ключевой девиз евразийства: «Передача весов из рук торговца в руки Ангела». «Новый мировой порядок», глобализм, «однополярный мир» — это *торговый* строй, в нем преобладают рыночные ценности, мировой рынок. Это *порядок торговцев*, которые задают в нем тон, устанавливают критерии и парадигмы.

Евразийцы — это иное, это совсем обратное. Это михаэлические световые токи, радикально иной взгляд на судьбу мира, на его смысл и значение. Евразийство — это *переоценка всех ценностей*, «передача весов из рук торговца в руки Архангела», Пурпурного Архангела (Сохранарди).

Евразийство — это смена современной парадигмы на михаэлическую парадигму духа и вечности.

Евразийская глоссология народов, культур и традиций — это шелест крыл.

От партии к Международному движению

Организационные этапы развития евразийства представляют собой динамический процесс. Как все живое, евразийство развивается, переходя от одной фиксированной формы к другой.

Неоевразийство возродилось в середине 80-х в России. Вначале это был небольшой идейный кружок. Потом издательство, журналы, книги, радио- и телепрограммы, «Новый Университет». В 2000 году было создано российское движение «Евразия», затем оно преобразовалось в партию. Сегодня мы делаем следующий шаг и учреждаем «Международное Евразийское движение». Каждый этап — последовательная поступь. Содержательный вектор остается неизменным, его применение к конкретным социальным условиям требует всякий раз новых решений.

Каждый этап имеет свое значение и свой смысл. Когда один цикл заканчивается, начинается новый цикл.

Два года партийного строительства «Евразии» показали и плюсы, и минусы. Плюс — несомненная растущая популярность *евразийских идей*, готовность множества моих сторонников и последователей проявить организационные усилия. Причем на чистом энтузиазме, не думая о том, что получить взамен. Я благодарен за поддержку всем, кто участвовал в недолгом этапе партийного строительства. Этот эксперимент показал, что евразийская идея начинает постепенно расширять свое влияние и уже сегодня есть достаточно людей, которые готовы составить основу всероссийской организации.

За эти 3 года евразийство активно распространилось в российском обществе, мы издали множество новых книг, сборников и текстов, провели десятки конференций и симпозиумов, научных и публицистических «круглых столов» и дискуссий.

Я опубликовал более 100 теоретических статей, дал бесчисленное количество интервью на евразийскую тему во всех возможных СМИ. Наверное, нет таких минимально значимых политических деятелей России, с которыми я лично не обсуждал евразийский подход, стремясь показать им все его положительное содержание. Партийный формат на первом этапе способствовал продвижению неоевразийства, привлек к нему дополнительное и неослабевающее внимание.

Но с самого начала мы предупреждали, что *евразийство шире, чем партия*. Это прежде всего и в первую очередь *идейное движение, политическая философия, мировоззрение, духовное течение*. Евразийство может быть *еще и партией*, но никогда не может быть *только партией*. Об этом говорили и первые евразийцы.

Опыт данной выборной кампании, подготовка к ней показали, что партийное воплощение евразийства *несвоевременно*. Если мы — партия, то остальные российские партии — что-то иное. Если они партия, то мы не партия. Отсюда отрицательный опыт партийного

периода. Налицо неприятное несоответствие между величиной и актуальностью идеи и ее относительно скромным воплощением в российской политике. Электоральный провал другой евразийской партии — П. П. Бородин — подтверждает это. При этом лидеры крупных парламентских партий — «Единой России», КПРФ и даже СПС — высказывали неоднократно в разговорах со мной и публичных дебатах согласие с евразийскими принципами, выражали готовность поддержать евразийство. Партийный формат «Евразии» как партии их отпугивал.

Все эти годы мы активно развивали международную деятельность. Состоялся ряд моих личных встреч с президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым, высокопоставленными чиновниками администрации президента РФ, президентами Л. Кучмой, А. Лукашенко, А. Акаевым, Э. Рахмоновым, Г. Алиевым, Р. Кочаряном, со спикером армянского парламента, с вице-спикером парламента Грузии, многими другими. Все проявляли заинтересованность евразийством, были готовы поддержать его. Но формат российской политической партии был существенной преградой на этом пути. В том числе и юридической.

Подводя баланс этим соображениям, мы приняли коллективное решение о создании Международного Евразийского движения. Это движение — неполитическое и непартийное. Это общественное движение, в центре которого стоят идеи, проекты, философия, дух.

Наше мировоззрение остается прежним и неизменным, но организационно мы делаем следующий шаг, переходим границы одного-единственного государства. Это позволит сразу же невероятно умножить наш организационный потенциал. Братские евразийские движения, которые созданы сегодня не только во всех странах СНГ (кроме Туркменистана и Узбекистана), но во всех странах Балтии, а также в Англии, Италии, Швейцарии, Турции, Ливане, Испании, Португалии,

Пакистане, Израиле, Австралии и т. д., смогут стать не просто «сателлитами» одной из многих российских партий, но полноправными участниками мощной «континентальной» международной организации.

Кроме того, партийный формат ставил преграды полномасштабному сотрудничеству с традиционными конфессиями, которые, по своему определению, воздерживаются от прямого участия в политике. Теперь нам ничто не мешает включить в состав Международного Евразийского движения целые религиозные организации и стать, в свою очередь, коллективным членом различных общественных и культурных объединений. Например, таких, как Всемирный Русский Народный Собор под предводительством Святейшего Патриарха Алексия Второго, членом президиума которого я являюсь на персональной основе. Теперь же мы, если примем решение, сможем вступить туда всей организацией.

Все проблемы снимаются в вопросе нашего формализованного сотрудничества с МП РПЦ, с ЦДУМ, с иудейскими, буддистскими, протестантскими и старообрядческими религиозными организациями, с которыми у евразийцев традиционно сложились самые тесные контакты.

Кроме того, мы сможем принимать в качестве коллективных членов общественные организации. Организации, уже выразившие желание влиться в наше Международное Евразийское движение, довольно многочисленны. «Общество грузин России», чье руководство присутствует на нашем съезде, например, насчитывает 300 000 членов. Если мы будем расти такими темпами, скоро нас, евразийцев, будут миллионы.

В российской юридической практике нет четко прописанной процедуры по преобразованию партии в движение. Поэтому мы решили пойти иным путем и учредить Международное Евразийское движение как новое самостоятельное явление. По сути, это продол-

жение развития все той же *евразийской организации*, которую я выстраиваю в разных форматах уже около двадцати лет. Сегодня я призываю всех сторонников евразийства независимо от партийной, этнической, религиозной принадлежности, от их гражданства прикнудить к нашему движению.

У нас нет догм. У нас есть Идея. И мы открыты для всех, кто ее разделяет.

Евразийство как альтернативная сеть в системе постмодерна

Мы живем в эпоху постмодерна. Это значит, что Новое Время, *modernity*, закончилось. Все, что было заложено в эпоху Просвещения — социальные, культурные, идеологические, политические, научные и экономические модели, — исчерпало себя. Мы вступили в иной мир, в эпоху постмодерна, и это необратимо.

Постмодерн — это глобализм, ультралиберализм, доминация однополярного мира, главенство сетей, отмена всех традиционных форм идентичности — государств, религий, наций, этносов, даже семей и полов. Вместо государства приходит «открытое общество», вместо традиционных конфессий — сектантство и индифферентность, вместо народов — индивидуумы, вместо полов — клоны, киборги и продукты трансгендерных операций.

Постмодерн сминает модерн — суверенность, государственность, нации, научную рациональность, политические идеологии — так же уверенно, как некогда сам модерн расправился с традиционным обществом.

Можно провести такую параллель. Когда модерн наступал, ему противостояли *традиционное общество* и его идеологии (феодалные, клерикальные, общинно-этнические, родоплеменные и т. д.). Это была формальная оппозиция, и модерн с ней успешно справился.

Но часть сил Традиции приняла вызов модерна и инвестировала свою энергию в особую разновидность идеологий — *модернистских по форме, но традиционных по содержанию*. Они-то и создали напряжение идеологической истории в рамках модерна. К таким идеологиям — модернистским по форме, но консервативным по содержанию — следует отнести все *нелиберальные учения* — национализм, социализм, социал-демократию, консервативную революцию и т. д. Либерализм же был и остается *ортодоксией модерна*, его идейным стержнем. В тот момент, когда либерализм преодолел своих идеологических противников — фашизм, коммунизм и даже социал-демократию, наступил постмодерн. По сути, *он совпадает с тотальным триумфом либерализма*. Но только разница в том, что либерализм теперь стал *абсолютным и безальтернативным*. Поэтому-то многие и заговорили о «конце истории». *Смысл идеологической истории современности состоял в борьбе либерализма с нелиберализмом*.

Сегодня постмодерн достиг исторической победы. На сей раз не только над традиционным обществом, но и *над самим модерном*. И снова, как и в эпоху Просвещения, можно формально реактивно противостоять постмодерну. На сей раз, правда, и архаические консервативные идеологии, и *преодоленные идеологии модерна* оказываются по одну сторону баррикад. На практике это противостояние выражается в том, чтобы отстаивать:

- национальное государство против глобализации;
- геополитический дуализм Суши и Моря против «мирового потопа» в виде тотальной победы атлантизма;
- традиционную семью и органическое воспроизводство детей против свободы трансгенных операций, однополых браков и клонирования;

- общественную идентичность против тотальной атомизации индивидуумов;
- мир вещей и действий против мира «изображений» и «экранных фальсификаций»;
- реальную экономику («старую экономику») против финансизма, виртуальности и неэкономии.
- и т. д.

Те стороны модерна, которые не попали в постмодерн, оказались, по сути, продолжением Традиции, и сегодня все это по одну сторону баррикад. Это, кстати, делает возможным альянсы консерваторов и социалистов и т. д.

Вспомним теперь о тех тенденциях, которые на самой заре модерна предпочли инвестировать свою внутреннюю энергию в идеологии *модернистические по форме, но немодернистические по содержанию*. И именно эти инвестиции и составили основной нерв современной политической и социальной истории, содержание всего Нового времени.

Нечто подобное наблюдается и сегодня. Перед лицом постмодерна и останки традиционного общества (например, традиционные конфессии), и элементы модерна (например, социализм, реальная промышленность, национальное государство) оказались *по одну сторону* в положении формальной антитезы постмодерну. Это новое состояние дел требует тщательного осмысления. На поверхности очевидным остается только одно — *простой импульс сопротивления постмодерну*. Чистая реакция, отторжение. Это уже не плохо, но это *го далеко не достаточно*.

Уникальность евразийства как политической философии (из разряда консервативно-революционных) состоит в том, что оно понимает уникальность новой ситуации *быстрее* других мировоззрений и (это самое важное!) *не ограничивается сопротивлением*, но предлагает инвестировать внутреннюю энергию вперед, в но-

вый проект, *принимая вызов постмодерна*, стремясь освоить его формальную структуру, с готовностью поместить в чудовищный язык глобализации *радикально иное содержание*, уходящее корнями в глубины премодерна, в Традицию. Это значит не просто отстаивать старое, но *отстаивать Вечное*.

Артур Мюллер ван ден Брук, выдающийся теоретик консервативной революции, друг Мережковского и переводчик на немецкий язык трудов Достоевского, в своей книге «Третье Царство» писал: «Раньше консерваторы противились Революции, мы же должны Революцию возглавить и увести ее в иное направлении».

Точно так же мы, евразийцы, должны поступить с *постмодерном*. За нашей спиной и преодоленная модерном Традиция, и проигравшие стороны самого модерна. Они нуждаются в защите не сами по себе. Мы должны сохранить верность тайному смыслу, вечности, михаэлическому свету. И для этого можно пожертвовать формой. Чтобы спасти содержание.

Итак, *евразийство есть постмодерн, но с радикально иным содержанием*.

Мы принимаем вызов глобализации, «нового мирового порядка», согласны с тем, что назрели и неизбежны *иные правила игры*. Мы не цепляемся за старое — ни в политике, ни в экономике, ни в культуре. Но мы имеем совершенно оригинальный и самобытный сценарий будущего: именно будущего, а не прошлого.

Принципы евразийского постмодерна таковы:

- пусть отмирает национальное государство, пусть на его место придет не единая «глобальная Империя», а несколько континентальных империй (тезис: созвездие «империй» против «Империи»);
- пусть сухопутное начало оторвется от конкретных границ и станет столь же глобальным, что и «атлантистские ценности», с претензией на универсальность (это значит, что *мы должны противостоять*

глобализму не локально, но глобально) — вместо водного потопа гераклитовский «экпюрос», который высушит мировые воды;

- пусть изменится этика полов, но через возврат к архаическим формам и в творческом неосакральном эксперименте;
- пусть индивидуум прорвется к высшим аспектам внутреннего «я» через радикализацию опыта одиночества или волевым образом утвердит новые формы коллективной идентичности — экстатические и имперские (здесь действует принцип «экстатической империи»);
- пусть «знаки» и плоские тени экранов заменили собой вещи — мы должны стать господами зрелища, захватить власть над диспозитивом знаков, подчинив себе режиссуру спектакля постмодерна;
- пусть виртуальная экономика вытеснила реальную — мы должны пробиться в святая святых электронных мозгов мировой биржи и замкнуть как раз те проводки, которые ни в коем случае не рекомендуется замыкать (операция «Сорос по-евразийски», обвал мировых валют, но не для наживы, а ради Великой Идеи).

Партия — это преодоленный рудимент модерна. Евразийство должно стать сетью, паутиной, невидимой тканью, брошенной на социальное тело планеты. Евразийцы должны быть повсюду и нигде, видимые и одновременно невидимые. Готовые в любой момент собраться для общего действия и снова раствориться в переулках глобального мира.

Мы должны прорасти сквозь постмодерн, как *живая трава сквозь мертвый асфальт*. Это проект евразийской ризомы, клубневой (и клубной) системы.

Мы — в ином тысячелетии. Странно оказались мы за непроходимой чертой миллениума и теперь с тяжелой аскетической радостью осваиваем его язык. Этот

язык ужасен, но мы хотим произнести на нем такое слово, чтобы операционная система пришла в логическое противоречие и мировой компьютер необратимо заглохло.

Значение евразийства для актуальной политической ситуации

Нельзя обойти молчанием ту ситуацию, которая складывается сегодня в России. С одной стороны, мы видим очень позитивные перемены. Путин наконец становится Путиным. Мы видим, что крыло, которое в российской политической жизни проводило атлантистскую, глобалистскую, ультралиберальную линию, все более отходит на задний план. Ключевые фигуры либерально-западной агентуры влияния покидают высокие посты, а то и вовсе перемещаются в «места не столь отдаленные». Это в целом не может не радовать. В наших терминах это значит, что *постмодерн и глобализм столкнулся с решительным отпором со стороны президента и его консервативного окружения*. Нас как консерваторов это не может не радовать. Кроме того, очень показательно, что власть все чаще апеллирует к традиционным ценностям — к религии, к народности, к культуре. Все это мы, евразийцы, приветствуем и всячески поддерживаем. Давно бы, собственно, так.

Но тогда на повестке дня тем более остро *ставится вопрос о евразийстве*: мы солидарны с обычными консерваторами в их неприятии глобализма, ультралиберализма и атлантизма, но мы прекрасно отдаем себе отчет, что имеем дело не с «заговором злодеев», с которым можно справиться силовым и волевым образом, а с *системой вызовов, за которыми стоят мощнейшие исторические и идеологические силы*. Те, кто на поверхности, — это, как правило, простые исполнители, истинные механизмы постмодерна гораздо глубже. Чтобы с ними совладать, недостаточно настаивать на

сохранении статус кво, цепляться за устарелые модели — за национальное государство, привычную этику, старые экономические индустриальные схемы, будь то протекционизм или мобилизационная экономика.

Тем более опасно обращение к национализму и ксенофобии, к своего рода «ура-патриотизму», что в наших условиях может добить Россию едва ли не быстрее прямого глобализма. Поэтому сегодня евразийская теория столь важна и на прагматическом уровне.

Во-первых, *евразийский патриотизм может выступать как серьезная антитеза национализму и шовинизму*; принцип Империи здесь противопоставляется «национальному государству», а это открывает, в свою очередь, самым разным народам возможность спокойно и уверенно сочетать свою судьбу с возрождением и укреплением мощи новой геополитической евразийской конструкции — с планетарным размахом и мировой мощью.

Во-вторых, *евразийство как международное движение призвано подготовить предпосылки скорейшей интеграции постсоветского пространства*. Причем если ЕЭП и ЕвразЭС делают это на уровне экономики и «таможенного союза», ДКБ — на уровне единой системы управления Вооруженными Силами, то евразийство и основанное на нем Международное Евразийское движение будет *следующим шагом интеграции* — интеграции социальной, интеграции на уровне гражданских обществ и их институтов, на уровне единого информационного поля с учетом всех культурных, этнических и конфессиональных особенностей.

В-третьих, скорейшее создание Евразийского Союза решит множество внутрироссийских политических проблем, в том числе *вопрос о преемственности власти ее курса*, который встанет довольно остро в 2008 году. Новая государственная система снимет эту проблему. Вместе с тем будет создан мощный инструмент для профилактики любых форм национал-сепаратизма как в

самой России, так и в Казахстане, а также в других странах, которые считают нужным примкнуть к Евразийскому Союзу.

В-четвертых, евразийство во внешней политике создаст *оптимальную операционную среду для ускоренного сближения с Евросоюзом*, так как Евразийский Союз будет осознаваться как геополитический аналог Евросоюза, как вступление в глобализацию, а не слепое ей противодействие, но в ограниченном масштабе и с иным ценностным содержанием, отражающим специфику культур евразийских народов и традиций.

В-пятых, евразийство откроет возможность *интенсификации отношений со странами Азии*, с арабским миром, и в этом отношении Евразийский Союз может стать важнейшим геополитическим элементом вовлечения азиатских стран в процесс постмодернистической реальности, но в той ее разновидности, которая не только не будет отторгаться традиционными обществами Азии, но будет им комплиментарна по своей содержательной стороне.

Структура Международного Евразийского движения и основные направления его деятельности

Международное Евразийское Движение, создаваемое сегодня нами, будет иметь *сетевую структуру*.

Высший Совет руководит основными теоретическими вопросами общей деятельности.

Евразийский Комитет занимается основными вопросами налаживания структур движения, координирует деятельность отделений.

Сами отделения соотносят свою активность с основными целями и задачами, в главных стратегических вопросах согласуют свою деятельность с Евразийским Комитетом и Высшим Советом, в остальном — ищут творческих подходов.

При Евразийском Комитете и Высшем Совете мы

создаем «Евразийский Экономический клуб», который будет заниматься обеспечением прозрачного легального финансирования деятельности движения, специальных проектов, научных симпозиумов, конференций, спонсированием изданий и иных медийных проектов. В этот клуб уже изъявили желание войти некоторые видные промышленники, банкиры, предприниматели.

В движение по нашему Уставу могут вступать как отдельные граждане, так и общественные движения, организации, юридические лица. Все, кто солидарен с нашими идеями.

Наша главная сила в уме, активности и связи. Мы должны использовать сетевые коммуникации самым интенсивным образом. То, что есть в сети, есть в реальности. Интернет — это наше главное оружие.

Следует обратить особое внимание на медийные ресурсы. Что толку проклинать СМИ, ТВ, прессу? Да, это чудовищные инструменты, как правило, служащие лжи, одурачиванию и идиотизации людей, их редукции к биомеханизмам. Но, понимая это, мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы *оказаться по ту сторону экрана*. Для этого можно принимать форму, диктуемую медийной стихией, но оборачивать в нее иное, *наше* содержание. Евразийство просто обязано проникать в СМИ, не поступаясь принципами, но в то же время с предельной гибкостью и хваткостью. Помните, что сотрудники СМИ все же тоже люди, хотя и служат не очень достойным принципам. У них есть душа. И наша задача — уловить ее в евразийские сети. А по возможности следует развивать и создавать свою систему СМИ — старайтесь только, чтобы она была интересной.

Очень важно, чтобы мы не отрывались в нашей деятельности от нашего фундамента — от Традиции, религии, корней, обрядов. Традиционные конфессии — это не просто союзники евразийства, это наш центр, наше ядро. И чем глубже корни Традиции, чем более она чиста и верна Истокам, тем ценнее она для

нас. Вера — это самое главное, это наше ядро. Повсюду, где находятся евразийцы, они должны оживлять и поддерживать религиозные общины, которые на данной территории являются традиционными. Для России же на первом месте, безусловно, стоит Православие и особенно старообрядчество как его наиболее ценная, важная и чистая часть.

Наша задача — развить евразийский Интернет, евразийское ТВ, евразийскую систему СМИ. Следует смелее говорить о «евразийской науке», «евразийской культуре» и т. д.

Евразийцы должны узнавать друг друга не по паролю или партийному значку, а по блеску глаз, по внутреннему свету, исходящему из сердец, по ясному уму и твердой воле.

Если постмодерн будет развиваться в том направлении, в каком это происходит сейчас, недалек тот час, когда нам будут противостоять уже не люди, а киборги, клоны-мутанты, атлантистские големы, орды «гогов и магогов».

И не исключено, что «быть евразийцем» тогда будет то же самое, что «быть просто человеком».

Оглавление

Глава 1. Русь-Евразия 5

ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ РУСИ 5

Модели осмысления русской истории: отступление о методе — Московское Царство как квинтэссенция (средостение) национальной истории — Образ Руси в киевский период — Русь Монгольская — Московское Царство — Романо-германское иго — Советский период — Демократическая Россия?

Глава 2. Евразийская теория 45

ЕВРАЗИЙСКИЙ ПУТЬ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ 45

Что такое Россия?

Истоки национальной идентичности 54

Преамбула — Понятие «народ»: народ как субъект истории — Геополитическая идентификация: Евразия как судьба — Государственная идентичность России: интеграция плюс консолидация — Политологическая идентификация российских партий: перед выбором — евразийство или атлантизм — Кратополитическая идентификация русских: армия, стратегия, суверенитет — Промышленная идентификация России: модернизация без вестернизации — Экономическая идентичность России: евразийский социализм — Социальная идентичность русского общества: общество разных скоростей — Этническая и расовая идентификация русских: синтетический этнос — Религиозная идентичность России: союз традиционных конфессий — Культурная идентификация России: путь правдоискательства — Цивилизационная идентичность России: великий Евразийский Проект — Предназначение России: русская Истина

«Новый мировой порядок».

Атлантистский образ мира в XXI веке 90

Преамбула — Главные геополитические тренды XXI века: однополярность, глобализм, the West against the Rest — Политические тренды XXI века: либерализм, отход от демократии, «мировое правительство» — Основные кратополитические тренды XXI века: либеральная диктатура, американизм, медиакратия как оружие — Основные промышленные и технологические тренды XXI века: информатизация, планетарное разделение труда — Основные тренды в сфере ресурсов XXI века: ограниченность, зональное распределение — Основные юридические тренды XXI века: планетарное право — Основные геоэкономические тренды XXI века: три геоэкономические зоны — Основные экономические тренды XXI века: реальная доминация капитала, виртуализация финансов — Основные научные тренды XXI века: синтез наук — Основные экологические тренды XXI века: угроза глобальной катастрофы —

Основные демографические тренды XXI века: демографический рост — Основные культурные тренды XXI века: глобализация постмодерна — Основные медиакратические тренды XXI века: глобальная сеть — Основные социальные тренды XXI века: фрагментация — Основные религиозные тренды XXI века: религиозный индифферентизм, редукция религий — Основные этнические тренды XXI века: смешение, космополитизм, неозтнизм — Будущему необходимо альтернатива: «новый мировой порядок», конец истории, Евразийский Проект

Евразийский путь — альтернатива «новому мировому порядку» 125
Спектр национальных интересов России в новом мире 125

Отправная точка проекта — Геополитический уровень: евразийская стратегия — Кратополитический уровень: примат геополитических интересов Евразии над всеми остальными параметрами, евразийский геополитический ценз — Политический уровень: органическая демократия, евразийский федерализм — Экономический уровень: автаркия «больших пространств» — Геоэкономический уровень: четвертая зона, прагматическое участие в мировой виртуальной экономике — Промышленный уровень: евразийская модернизация в рамках континентального «таможенного союза» — Юридический уровень: «права народов» — Медиакратический уровень: евразийские СМИ — Социальный уровень: социально ориентированное общество, глубинная экология — Культурный уровень: сохранение наследия, евразийский синтез — Этнический уровень: сохранение этносов — Религиозный уровень: консервация авторитетных религий

**ЕВРАЗИЙСКИЙ ВЗГЛЯД.
 ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ДОКТРИНАЛЬНОЙ
 ЕВРАЗИЙСКОЙ ПЛАТФОРМЫ 169**

Дыхание эпохи — Евразийское видение будущего мира — Евразийское видение эволюции государства — Евразийский принцип разделения властей — Евразийское видение экономики — Евразийский взгляд на финансы — Евразийское отношение к религии — Евразийский взгляд на национальный вопрос — Евразия как планета — Структура евразийского движения — Роль Евразийского движения в реализации проекта «Евразийский континентальный пояс» — Американский пояс — Евроафриканский пояс — Тихоокеанский пояс — К Евразийскому Союзу через евразийский процесс

**АВТОНОМИЯ КАК БАЗОВЫЙ ПРИНЦИП ЕВРАЗИЙСКОЙ
 ГОСУДАРСТВЕННОСТИ 208**

Суверенитет или автономия? — Параметры автономий — Автономии и федеральный центр — Землепользование в автономиях — Автономии и мегаполисы — Автономии и «горячие точки»

ПРАВА НАРОДОВ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА 216

ЕВРАЗИЙСКАЯ ПРОГРАММА 228

Евразийство как мировоззрение и политическая философия

Евразийство и внутренняя политика 233

Укрепление вертукалы власти в стратегической и правовой сферах — Эволюция Государства в евразийском ключе — Постепенное упразднение политических партий — Правовые реформы в евразийском духе — 5 основных направлений Евразийского движения (укрепление геополитического (стратегического) централизма, социальная ориентация, солидарность традиционных конфессий, политическая симфония народов, реальная страна) — Евразийский проект для семи федеральных округов

Внешняя политика.	271
<i>Евразия и геополитика (Суша и Море) — География — судьба России — Многополярность и категорический императив антиглобализма — Система стратегических альянсов. Основные (субъектные) партнеры по евразийству — Относительные (субъектные) партнеры — Государства, не обладающие геополитической субъектностью — Геополитика российско-американских отношений — Евразийское движение в международной жизни — Евразийский Союз, ЕвразЭС и СНГ — Роль Евразийского движения в интеграции стран СНГ в Евразийский Союз</i>	
Экономика: евразийский патернализм.	285
<i>Экономический плюрализм и многоукладность — Принцип конкретной собственности (владение) — Государство и рынок — Евразийский «таможенный союз» — Принцип таможенных барьеров (евразийский «экономический национализм») — Ответ на вызов «новой экономики» — Приоритет «экономического развития» над «экономическим ростом» — «Полюса развития» — «Коридоры развития» (евразийские транспортные сети) — Евразийские энергосистемы и ренационализация природной ренты — Евразийская модернизация промышленности (промышленная политика) — Сельское хозяйство</i>	
Евразийская безопасность.	302
<i>Военная политика: приоритет стратегических видов вооружений — Использование ВС в региональных конфликтах — ВС во внутренних конфликтах — Научный и экономический потенциал ВПК — Социальный статус военных (державостроительная функция военного сословия) — Безопасность и геополитика — Демографические проблемы</i>	
Наука и культура	314
<i>Кризис науки и его преодоление: евразийский взгляд — Культурная политика — Евразийские реформы СМИ — Битва за молодежь — евразийский стиль</i>	
Цели евразийского движения.	323
Глава 3. Евразийская геополитика	326
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ.	326
<i>Необходимость радикальной альтернативы</i>	
Что такое русские национальные интересы?	329
<i>У русских сегодня нет государства — Концепция «постимперской легитимности» — Русский народ как центр геополитической концепции</i>	
Россия немислима без империи.	342
<i>Отсутствие у русских «государства-нации» — Русские как народ Империи — Ловушка «региональной державы» — Критика советской государственности — Критика царистской государственности — К новой Евразийской Империи</i>	
Передел мира.	368
<i>Суша и Море. Общий враг — Западная ось: Москва-Берлин. Европейская Империя и Евразия — Ось Москва-Токио. Паназиатский проект. К евразийской «Трехсторонней комиссии» — Ось Москва-Тегеран. Среднеазиатская Империя. Панарабский проект — Империя многих Империй</i>	

Судьба России в имперской Евразии 407

Геополитическая магия в национальных целях — Русский национализм. Этническая демография и Империя — Русский вопрос после грядущей победы

**ГЕОПОЛИТИКА И СТРУКТУРА МИРА
В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ 422**

Геополитический дуализм — США и СССР — Конец двухполярного мира — Многополярный мир — Евразия — Восток и Запад — две ценностные системы — Парадигма миллениума: потенциальное vs актуальное

Глава 4. Евразийская декларация 433

**ЕВРАЗИЯ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО (МАНИФЕСТ ЕВРАЗИЙСКОГО
ДВИЖЕНИЯ) 433**

Кризис идей в современной России — Глобализм как угроза — Отцы-основатели евразийства — Неоевразийство — Новый социально-политический субъект — Кто станет участниками Евразийского движения? — Приоритеты Евразийского движения

ЕВРАЗИЙСТВО: ОТ ФИЛОСОФИИ К ПОЛИТИКЕ 446

Евразийство как мировоззрение — Неоевразийство — Политическая эволюция евразийства в последнее десятилетие — Цель создания Евразийского движения

АКТУАЛЬНОСТЬ ЕВРАЗИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ 458

Преамбула — Основные этапы евразийской мысли — Неоевразийство как наследие политической и духовной философии евразийства — Оценка экономической ситуации в России — Оценка внешнеполитической ситуации России — Анализ внутривнутриполитической ситуации в России — Национальная Идея — О демографической катастрофе в России — Евразийство и «четвертая власть» — Пять принципов Евразийского движения (научный патриотизм, социальная ориентация, традиционализм, евразийский этнизм, евразийский регионализм)

**ЕВРАЗИЙСКИЙ ОБЩИЙ ДОМ (ПРОГРАММА
МЕЖДУНАРОДНОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ) 486**

Евразийский диалог культур как содержание человеческой истории — Глобализация как вызов народам и культурам Евразии — Евразийское движение как сцена многостороннего диалога суверенных субъектов — Против «Вавилонского смещения» и «новой ксенофобии» — Евразия — наша мать

**ЕВРАЗИЙСТВО И ПОСТМОДЕРН (ДОКЛАД НА
УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СЪЕЗДЕ МЕЖДУНАРОДНОГО
ЕВРАЗИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ 20 НОЯБРЯ 2003 г.)**

Символичность даты. Михаэлическое действие — От партии к Международному движению — Евразийство как альтернативная сеть в системе постмодерна — Значение евразийства для актуальной политической ситуации — Структура Международного Евразийского движения и основные направления его деятельности

АЛЕКСАНДР ДУГИН



ПРОЕКТ «ЕВРАЗИЯ»

Александр Гельевич Дугин — философ, публицист, основатель современной российской школы геополитики, лидер международного «Евразийского движения», основоположник неоевразийства и теоретик «консервативной революции», президент «Центра геополитических экспертиз». Автор 15 книг по традиционализму, метафизике, политологии, истории религий, философии науки.

Книга А. Дугина «Проект «Евразия» — это описание дерзкого проекта будущего, которое наступит в том случае, если будет сорван американский план строительства «нового мирового порядка». Будущее по Дугину — это многополярное созвездие гигантских империй: панамериканской, евроафриканской, евразийской и тихоокеанской.

Дугин, главный идеолог современного евразийства, рисует картины нового мира, в котором традиции и религия соседствуют с технологической модернизацией и развитием новых информационных систем, где древние религии и культы вплетены в прогрессивный социальный контекст.

Книга «Проект «Евразия» — это наш ответ Америке, с ее притязаниями на мировое господство, на универсальность «рыночной системы» и безальтернативность либеральной демократии.

ISBN 5-699-05613-0



9 785699 056132 >